

А. ОЛПЕНХЕЙМ

ДРЕВНЯЯ МЕСОПОТАМИЯ

ПО СЛЕДАМ
ИСЧЕЗНУВШИХ

КУЛЬТУР ВОСТОКА

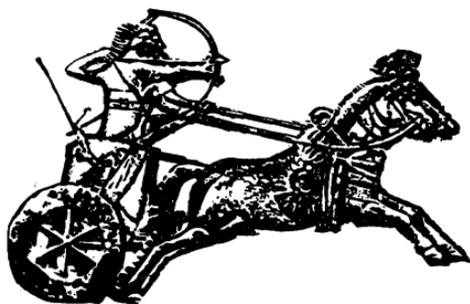
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Серия «По следам исчезнувших культур Востока»
основана в 1961 г.

А. СПЛЕНХЕЙМ

ДРЕВНЯЯ МЕСОПОТАМИЯ

Портрет погибшей цивилизации

2-е издание
исправленное и дополненное

Москва
«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы
1990

ББК 63.3(0)3
062

A. LEO OPPENHEIM
ANCIENT MESOPOTAMIA.
Portrait of a Dead Civilization
Chicago—London, 1968

Редакционная коллегия

К. З. Ашрафян, Г. М. Бауэр,
чл.-кор. АН СССР *Г. М. Бонгард-Левин* (председатель),
Р. В. Вяткин, Э. А. Грантовский, И. М. Дьяконов,
С. С. Цельникер, И. С. Клочков (ответственный секретарь)

Ответственные редакторы

М. А. Дандамаев, И. С. Клочков

Перевод с английского

М. Н. Ботвинника

Утверждено к печати

редколлекцией серии

«По следам исчезнувших культур Востока»

Оппенгейм А. Лео

062 Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. Изд. 2-е, испр. и доп. Пер. с англ. М. Н. Ботвинника. Послесл. М. А. Дандамаева. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. — 319 с.

ISBN 5-02-016582-4

Книга профессора Чикагского университета А. Лео Оппенгейма содержит краткий очерк политической истории Вавилонии и Ассирии, а также материальной и духовной культуры древней Месопотамии (шумеров, вавилонян и ассирийцев). Автор сообщает о появлении первых городов на этой территории, рассказывает о религии, искусстве, литературе, медицине, математике, астрономии в древней Месопотамии.

О $\frac{0503010000-022}{013(02)-90}$ КБ-19-7-89

ББК. 63.3(0)3

ISBN 5-02-016582-4

© М. Н. Ботвинник, перевод с английского 1980, 1990 (с изменениями)

© М. А. Дандамаев, послесловие, 1980, 1990 (с изменениями)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Подзаголовком к данной книге — «Портрет погибшей цивилизации» — я хотел как можно более определенно сказать о методе, которого намерен придерживаться.

Моя работа над рукописью продолжалась около двадцати лет. Это был период непрерывного обдумывания и переписывания. Во мне росло убеждение, что надо искать новые пути, чтобы лучше познакомить читателя с культурой Месопотамии. Я понимал, что ни бесконечное дробление материала на мельчайшие проблемы, ни пространные инвентари, составленные с претензией на объективность, ни использование какой-либо из принятых всеобъемлющих схем не могут показать цивилизацию Месопотамии так, чтобы целое и отдельные части вырисовывались одинаково ясно. Это может быть достигнуто лишь путем широкого охвата, сведения воедино и последующего четкого изложения наиболее характерных фактов, выбранных из огромной массы разнообразного и часто бессвязного материала, который филологи и археологи извлекают из табличек, черепков, развалин и памятников искусства Месопотамии и который они классифицируют и располагают самыми разнообразными способами.

Портретирование, т. е. выборочное изображение самого главного, — вот, как мне кажется, единственный путь к цели. Портрет, опуская подробности, передает индивидуальное, стремится уловить в человеке главное. Он позволяет не просто уловить мгновение, но и запечатлеть облик человека в какой-то важный, узловый момент его жизни, когда черты отражают пережитое и позволяют предвидеть будущее. Конечно, чтобы нарисовать портрет многогранной цивилизации, требуется такое всеобъемлющее и глубокое знакомство с ней, на которое я едва ли могу претендовать, если дело касается давно прошедших эпох. И все-таки, сознавая всю серьезность стоящих передо мной препятствий, я избрал этот путь воссоздания портрета месопотамской цивилизации — не столько как самоцель, сколько ради использования тех возможностей, которые он предоставляет. С его помощью я надеюсь показать основные особенности и внутреннюю сущность месопотамской цивилизации, ее неповторимость, а также обрисовать роковые

черты напряженности и усталости, которые постоянно угрожали ее целостности.

Любой ассириолог, читавший, подобно мне, множество клинописных текстов и стремившийся не только к исследованию лингвистических форм, но и к постижению общих закономерностей развития, неизбежно придет к совершенно иной оценке месопотамской цивилизации, и его концепция будет отличаться от моей как в большом, так и в малом. Ведь и в живописи сколько-нибудь стоящий портрет говорит о самом художнике не меньше, чем о характере изображаемого им человека. Я должен предупредить читателя, что почти каждая фраза этой книги лишь слегка затрагивает важные и в конечном счете неразрешимые проблемы; поэтому даже то, что в моем изложении может показаться сложным, на самом деле является неизбежным упрощением. Я предвижу, что мой подход к делу сочтут пессимистическим, нигилистическим или слишком дерзким, но сколь бы справедливой ни оказалась критика по отдельным вопросам, она не заставит меня отклониться от курса, который я прокладываю между Сциллой дешевого оптимизма и Харибдой пессимистического отступления перед трудностями, приводящего к отказу от всяких попыток что-либо понять. Другими словами, ни доступные радости узкой специализации, ни сходный с ними гедонистический уход в изучение какого-нибудь мелкого факта не должны препятствовать стремлению к синтезу в избранной области. Где только возможно, я разъясняю, что мы знаем точно, а что утверждаем предположительно, исходя из немногих достоверных фактов. Я удержался от принятия схемы однолинейного развития, которая с легкостью проводит через «белые пятна» доисторических периодов, но, по существу, опирается на немногие доступные сведения.

Книги, в которых встречаются такого рода построения, легко читать, но они мало что дают: обобщения необходимы лишь там, где мы располагаем сложным материалом, изобилующим фактами, а это характерно только для хорошо документированных исторических периодов.

Структура данной книги в известном смысле подчинена задаче, сформулированной в подзаголовке. Первая глава представляет собой фон, задний план портрета. Цель второй главы — с помощью широких мазков создать впечатление воздушной перспективы. Третья дает линейную перспективу; последние три, если позволено будет продолжить метафору, — это фактура, объемность и световые блики моего портрета.

Чтобы как-то компенсировать неизбежную при такой подаче материала субъективность, я снабдил каждую главу более или менее обширными ссылками на литературу, цель которых — рекомендовать широкому читателю книги и статьи, посвященные рассматриваемым темам. При этом я отдавал предпочтение тем авторам, взгляды которых отличаются от моих. Кроме того, для ассириологов делаются ссылки на клинописные тексты, чтобы подкрепить некоторые мои утверждения.

Я весьма умеренно цитирую переводы древних текстов, как для подтверждения своих слов, так и в тех случаях, когда возникает соблазн дать источникам «говорить самим за себя». Пожалуй, нельзя не признать, что переводы текстов больше могут рассказать о самом переводчике, чем о том, что стремился передать автор. Не так уж трудно почти буквально перевести текст, написанный на мертвом языке, и с помощью старомодных и высокопарных выражений создать у непосвященного читателя впечатление безыскусственности и архаизма давно прошедшей эпохи. Тот, кто знает язык, пытается при чтении такого перевода сознательно или бессознательно восстановить оригинал. За исключением самых простых документов, невозможно перевести на современный язык аккадский текст достаточно близко к оригиналу, передав содержание, стиль и возникающие при чтении ассоциации. Несколько ближе к осуществлению законного желания заставить источники «заговорить» привело бы нас, пожалуй, составление антологии аккадских текстов, снабженных критическим аппаратом, в котором анализировалось бы литературное, стилистическое и эмоциональное окружение каждого отрывка.

Если же — возвращаясь к первому соображению — цитировать переводы источников для доказательства основных тезисов, то это во много раз увеличит объем книги и потребует обширного филологического комментария, что сделало бы невозможным достижение одной из моих задач — дать возможность неспециалистам познакомиться с культурой Месопотамии.

В книге примерно такого же объема, ставящей перед собой те же цели, но посвященной истории и культуре Европы, термины типа «Возрождение», «схоластика», «война Роз» или географические названия — такие, как Клуни, Оксфорд, Авиньон или Вена, — не потребовали бы дополнительных разъяснений, так же как имена Лютера, Августина, Наполеона или Альфреда Великого, ибо можно с уверенностью ожидать, что они сразу же вызовут у читателя определенные ассоциации. Когда же читатель этой книги встретится с такими терминами, как «III династия Ура», «Саргониды», «халдейские цари», или увидит названия городов — Ларса, Угарит, Каниш, прочтет имена Хаттусилис, Мардук-аплаиддин, Идрими, он неминуемо растеряется. Объяснять каждый раз термин сильно усложнило бы подачу материала, а систематический обзор по ходу изложения географии страны, исторических периодов и перечень ее правителей очень затруднили бы чтение. Я пошел по другому пути: приложил в конце книги словарь имен и терминов. Читатель может, кроме того, воспользоваться картой Месопотамии.

Здесь не может быть ни решен, ни даже затронут самый сложный вопрос о значении, величине и ценности шумерского наследия для месопотамской цивилизации, отпечаток которого, хотя и в различной степени, можно обнаружить буквально везде. Особенно он бросается в глаза, когда сталкиваешься с шумерскими текстами, читавшимися при совершении некоторых религиозных обрядов,

или с использованием шумерского языка в специальной литературе; вообще в аккадских текстах встречается множество заимствованных у шумеров слов, относящихся ко всем сторонам жизни Месопотамии. Шумерское влияние было реальным и в сфере социальных отношений: к нему восходила концепция царской власти и характерное для Месопотамии явление урбанизации. Оно проявлялось и в искусстве, например в мифологических сюжетах, в монументальной архитектуре и в глиптике.

Мы, наверное, никогда не сможем сказать, насколько трансформированные и адаптировавшиеся к новым условиям шумерские и более ранние формы проникли в религиозную жизнь аккадской Месопотамии. Вот почему может показаться, что картина месопотамской цивилизации должна, хотя бы на заднем плане, включать изображение цивилизации Шумера. Хотя это могло бы быть идеальным решением, сравнение с подобными исследованиями по средневековой современной Европе покажет читателю, что эту задачу возможно решить лишь путем грубых обобщений и упрощений, чего я стараюсь избегать. Всякий знает о классических и ветхозаветных истоках западной цивилизации. Должен ли историк, рисуя «портрет европейской цивилизации», включать оба эти ее источника? Нужно ли (а такой подход можно оправдать) отделять вклад греков от вклада римлян и следует ли в Ветхом завете разделять исконно палестинское от присущего всему Ближнему Востоку? Следуя такому принципу, не обязаны ли мы, говоря о Греции, различать ионийские, дорийские и минойские источники цивилизации, а для Рима следует ли говорить отдельно о вкладе этрусков и достижениях осков, сабинян и других племен? Если принять подобный метод исследования, неминуемо попадешь в тупик, хотя европейские народы и их языки известны гораздо лучше, чем шумеры.

Эти соображения заставили меня не касаться Шумера и обратиться лишь к истории Аккада, насчитывающей более двух тысячелетий.

АССИРИОЛОГИЯ
КАК РАБОТАЮТ АССИРИОЛОГИ.*Sapere aude**

Уже более ста лет назад ученые Западной Европы нашли ключ к разгадке письма, которое оставили нам две давно исчезнувшие цивилизации Ближнего Востока. Это иероглифические надписи, обнаруженные на многочисленных предметах и зданиях древнего Египта, и клинописные тексты на глиняных табличках и каменных предметах, найденные на территории современного Ирака и поблизости от него.

Древний Египет — страна удивительная и загадочная. Она всегда вызывала большой интерес у своих соседей. Испещренные надписями стены развалин Нильской долины продолжали сохранять память о египетской цивилизации в течение почти двух тысячелетий. Каждому знакомы связанные с Египтом драматические события, о которых говорится в Библии, а также красочные и интересные рассказы о нем греческих авторов. Существовали и арабские сказки о пирамидах, погребенных в них сокровищах и мстительных призраках. Когда фантастический поход Наполеона в Египет и последовавшая за этим удивительно быстрая расшифровка Шампольоном Розеттского камня открыли пытливому взору европейских ученых древние центры египетской цивилизации, перед ними предстал новый мир — неслыханно сложный и привлекательный, а ретроспектива истории человечества увеличилась на много столетий по сравнению с временами, описанными в Библии и у классических авторов.

Месопотамии, стране, лежащей между Евфратом и Тигром, повезло меньше. Там не было стен, испещренных таинственными и художественно выполненными знаками, почти не попадалось ценностей, достойных коллекционирования, довольно редко встречались одинокие полуразрушенные кирпичные сооружения, каждое из которых слыло у окрестных жителей за знаменитую Вавилонскую башню. Развалины некогда знаменитых городов — Вавилона и Ниневии — не могли произвести на путешественника глубокого впечатления. В течение тысячелетий они были погребены под песком, грязью и щебнем. Когда-то плодородная страна превратилась в пустыни и болота, усеянные холмами (по-арабски «телль»), в бедуинских названиях которых, как это ни удиви-

* Осмелюсь быть мудрым (*Гораций*. Послания, 1, 2, 40) (*лат.*). — *Здесь и далее примеч. пер.*

тельно, сохранились отголоски названий исчезнувших месопотамских городов. Только каменные колонны Персеполя на возвышенностях Южного Ирана еще могли привлечь внимание немногих европейских путешественников, оказавшихся на территории умирающей Оттоманской империи. Тут, в Персеполе, они могли увидеть величественные сооружения, статуи и, самое главное, загадочные надписи на непонятном языке, возбуждавшие их любопытство.

Оба события — повторное открытие древнеегипетской культуры и находка таинственной месопотамской клинописи на кирпичах, глиняных цилиндрах, каменных плитах и недоступных горных скалах — произошли в тот благоприятный момент, когда у человека Запада возникла потребность выйти за пределы магического круга, который защищает, сохраняет и вместе с тем ограничивает любую цивилизацию. К концу XVIII в. Европа, последняя из великих цивилизаций, созданных на протяжении более чем пяти тысячелетнего периода, достигла некоего устойчивого положения, после которого начался резкий технический, экономический и политический подъем, что, в свою очередь, привело к решающим переменам, изменившим пути истории человечества. В этот недолгий спокойный период человек Запада неожиданно получил возможность осознать себя, свою цивилизацию и другие, соседние цивилизации. Он впервые захотел и сумел понять и объективно оценить собственную цивилизацию, установить ее связь с иными культурами и попытался воссоздать некую общую схему. В какую бы романтическую форму ни был облечен этот опыт, его следует рассматривать как начало нового пути, по которому направилось пылкое человечество.

Европейские ученые расширили область своих интересов — не ограничиваясь современными экзотическими цивилизациями, они с не меньшей любознательностью и рвением обратились к цивилизациям прошлого, причем не только собственного прошлого. Руины и нерасшифрованные надписи, вызывавшие ранее лишь мимолетный интерес, теперь возвысились во всеобщем мнении и стали рассматриваться как послания погибших культур. Дилетанты оттачивали на них эрудицию, ученые считали их объектами, достойными исследования. Поиски древностей превратились в арену деятельности, где европейцы соревновались в борьбе за интеллектуальный престиж и добычу для своих растущих музеев.

Руины и надписи Месопотамии вскоре довольно обстоятельно рассказали о породившей их более четырех тысяч лет назад цивилизации. Дешифровщики назвали язык найденных надписей ассирийским. Через некоторое время стало ясно, что существовали ассирийский и вавилонский диалекты того языка, который мы теперь называем аккадским. Однако наука, которая изучает язык Месопотамии с его многочисленными диалектами, зафиксированными клинописью на глине, камне или металле, сохранила название «ассириология».

До последней четверти XIX в. длился героический период этой новой науки: расшифровывались различные системы клинописного письма, в научный оборот входила основная масса царских надписей и целые армии вооруженных лопатами археологов атаковали многие важнейшие поселения Месопотамии. Усилия археологов не пропали даром — на свет извлекались серебряные, золотые и медные предметы, под землей обнаружили статуи, рельефы, развалины монументальных зданий. Главное — повсюду от Персидского залива до Малой Азии и даже в столь отдаленных от Месопотамии местах, как Кипр и Египет, находили бесчисленные документы, написанные на глиняных табличках.

Я не могу на страницах этой книги рассказать историю дешифровки, увлекательной битвы проницательных ученых с невероятными трудностями в изучении чуждых систем письменности, усугубляемыми к тому же незнанием самих языков. Не место здесь писать и о грязных приемах, которые были в ходу у агентов европейских правительств, стремившихся перехватить друг у друга наиболее интересные объекты и важные участки, — хотя именно это обычно занимает значительное место при изложении истории археологии. Здесь следует рассказать о целях и о достижениях ассириологии, которые действительно велики.

Расшифровка клинописи привела к появлению ряда новых научных дисциплин, чьим предметом исследования стала история цивилизаций, пользовавшихся одной или несколькими из новооткрытых систем письменности. О некоторых из этих цивилизаций мы узнали лишь после расшифровки клинописи. Шумерология, хеттология, история Элама занимаются изучением народов, пользовавшихся клинописью. Изучение хурритского и урартского языков, а также плохо сохранившихся языков древнейшего населения Малой Азии познакомило нас с цивилизациями, о существовании которых мы узнали только благодаря клинописи. Эти дисциплины во многом способствовали пониманию происхождения и окружения микенской, палестинской и египетской цивилизаций. Новые горизонты были открыты на Ближнем и Среднем Востоке: расшифровка найденных там текстов дала существенный стимул.

Возвращаясь к ассириологии, надо отметить, что для нее тексты на глиняных табличках несравненно более важны и ценны, чем вещественные памятники, хотя последние, особенно знаменитые рельефы на стенах ассирийских дворцов и бесчисленные произведения глиптики, удачно дополняют ту обильную информацию, которая содержится на табличках, стелах и вотивных приношениях. Особенно важен вклад археологов в изучение далекого прошлого Месопотамии, прежде всего того решающего периода — тысячелетия или даже более, — который предшествовал появлению первых письменных документов (т. е. до 2800 г. до н. э.). Поэтому им могут заниматься только специалисты в области полевой и сравнительной археологии. В Месопотамии, однако, в отдельных случаях и на небольших участках к хорошим результатам может привести взаимодействие археологов и эпиграфистов.

Клинописные тексты дают странным образом искаженную картину более чем двухтысячелетней месопотамской культуры. Эта картина складывается на основе обильной, но весьма неравномерно распределенной информации и неточно и весьма неполно очерченных линий политического и культурного развития. Более того, от всех теоретических построений часто не остается камня на камне вследствие огромных «белых пятен» во времени и пространстве. Скрепить обрывки знаний с помощью перекрещивающейся паутины сведений, почерпнутых из весьма скудных письменных свидетельств, — это труд, требующий от ученого огромного терпения. Необходимо, добавляя деталь к детали, анализировать и связывать упорно сопротивляющийся материал, чтобы, несмотря на постоянные пробелы в информации, сначала определить направление развития, а затем проследить за ним на протяжении определенного периода.

Следуя по этому пути, мы узнали сотни имен царей и других выдающихся людей того времени, начиная с живших в III тысячелетии правителей Лагаша вплоть до царей и ученых эпохи Селевкидов. Мы можем проследивать судьбы целых династий и отдельных правителей, наблюдать за подъемом и упадком городов, а иногда оценивать и общую политическую ситуацию в определенных хронологических рамках, которые, даже для ранних периодов, становятся все более надежными.

Сейчас мы располагаем рядом судебников (кодифицированных законов) от шумерского до нововавилонского периода. Материал судебников можно сопоставить с огромным количеством частных и государственных правовых документов и иллюстрировать не меньшим числом писем и административных распоряжений. Это, в свою очередь, помогает ассириологам установить местные и хронологические различия в судебной практике и отметить изменения социальной и политической ситуации, что открывает новые и неожиданные возможности для исследований. Никакая другая ранняя цивилизация не может предоставить исследователю материал по экономической истории в таком изобилии и на протяжении столь долгого периода. Сохранилось также немало текстов, которые принято именовать литературными. Мы располагаем пространным мифом «О сотворении мира» и множеством других, более кратких; прославленный «Эпос о Гильгамеше» дошел, правда, в поздней, усложненной редакции, но сохранились и более ранние его фрагменты, а также несколько восходящих к древним шумерским прототипам рассказов о богах и героях божественного происхождения, их подвигах, победах и страданиях. Захватывающее содержание и несомненная связь повествования с тематикой и даже с некоторыми эпизодами, известными из мифов соседних народов, придали текстам особое значение в глазах ассириологов и ученых, занимающихся мифологией других народов. Эти тексты вызвали гораздо больший интерес, чем чисто религиозные произведения — многочисленные молитвы, заговоры, плачи. Наконец, в поле зрения ассириологов попала и обширная клинописная литература науч-

ного характера — руководства для предсказателей, различные учебники, от шумеро-аккадских словарей до ученых комментариев и теологических рассуждений. Лишь немногие ассириологи рискнули окунуться в море этих монотонных и труднодоступных документов.

Ассириология, безусловно, принадлежит к наукам, скрытым от взоров широкой публики, которая в лучшем случае видит только «фасад» — популярные книжки (как правило, их уровень плачевно низок), написанные для любознательных, но малосведущих читателей. Между тем за этим «фасадом» без малого сто лет упорно трудится небольшая группа ассириологов, и круг их исследований непрерывно расширяется. Правда, часто они выбирают определенный период истории или объект изучения — одни по собственному усмотрению, другие потому, что невозможно охватить весь объем доступного материала. В этих обстоятельствах естественно спросить, каково же положение на сегодняшний день, как далеко мы продвинулись по части понимания и толкования письменных источников, а также установления связей между текстами, археологическими находками и прочими памятниками. Есть ли какие-то основания утверждать, что работа, уже давно ведущаяся в университетах Европы, Америки и Азии, в полной мере использует тот замечательный духовный опыт, который подарили западной науке клинописные надписи?

Чтобы ответить на этот вопрос, я считаю необходимым сначала установить, чем были эти таблички для тех, кто их писал. Я не хочу придавать им чрезмерное значение или возвеличивать их литературные достоинства, исходя сознательно или бессознательно из наших обусловленных современной культурой вкусов. Однако в чем же значение этих надписей для нас, представителей поздней и чуждой цивилизации, для которых они вовсе не предназначались?

Для того чтобы понять, чем являлись эти таблички для их авторов, надо знать, что все письменные документы, найденные при раскопках в Месопотамии (а также и те, которые будут еще обнаружены), имеют двойное происхождение. Их следует тщательно разграничивать и каждую группу исследовать в ее собственном контексте; только тогда можно ожидать удовлетворительного ответа на поставленный вопрос.

К первой относится большая группа табличек, лежащая, если можно так выразиться, в русле традиции. Я имею в виду корпус литературных текстов, которые старательно сохранялись, проверялись и передавались из поколения в поколение целой армией образованных и высококвалифицированных писцов. Ко второй группе принадлежит множество самых разнообразных текстов, объединенных тем, что все они отражали повседневную деятельность ассирийцев и вавилонян. Обе эти группы развивались параллельно, и каждая из них лишь в ограниченной степени соприкасалась с другой. При этом нельзя забывать, что документы второй группы никогда не могли бы быть написаны, — не будь той

культурной среды, которую столь успешно сохраняла и поддерживала писцовая традиция.

Заметим, кстати, что в предложенное мной деление, основная цель которого — отметить ведущую черту каждой группы, не укладываются те тексты, которые, как мы увидим, представляют живую литературную активность жителей Месопотамии. Писательской средой этой литературы была также древняя традиция. Однако тексты не предназначались для чтения, а передавались устно. Поэтому в них отразился — пусть на ином стилистическом уровне — язык определенного времени и конкретной местности.

Среди табличек, лежащих в русле литературной традиции, мы встречаем значительное количество текстов, которые царские писцы (по-видимому, существовали целые семьи, а возможно, и местные школы писцов) считали своим долгом тщательно и многократно переписывать, наблюдая за тем, чтобы непрерывность передачи не была нарушена. Эта деятельность успешно продолжалась без малого два тысячелетия. Стремление сохранить письменную традицию — важная черта месопотамской культуры. Естественно было бы предположить, что в основе лежало желание сохранить некую совокупность священных текстов или желание укрепить одну традицию в противовес другим. Однако в Месопотамии непрерывность традиции объясняется чисто практическими, но весьма действенными причинами, не связанными с идеологическим давлением. Дело в том, что необходимой частью обучения каждого писца считалось точное копирование текстов, лежащих в русле традиции. Чем дольше и продуманней велась подготовка писцов (а такая тщательная подготовка была естественна для крупных городов, где требовалось больше писцов и было больше охотников обучаться), тем больший размах принимало копирование памятников.

В результате возникали многочисленные частные собрания, каждое из которых располагало известным количеством традиционных текстов. Личный вкус владельца и особые условия подготовки писцов определяли характер этих частных библиотек. Не исключено, что различные объединения писцов, прикрепленные к храмам и дворцам или просто получавшие от них какую-либо поддержку, использовали чужие собрания, чтобы восполнить нехватку нужных школе учебных материалов. Таким образом многие писцы, жившие в разных концах Вавилонии и Ассирии, оказались владельцами литературных текстов, переписанных ими или в годы ученичества, или позднее, когда они руководствовались уже собственным вкусом. Списки одних и тех же текстов хранились поэтому в разных районах страны. Широкое распространение литературных текстов и тот факт, что материалом для письма служили прочные глиняные таблички, определили сохранность основного материала в виде некоего литературного корпуса, находившегося в постоянном обращении со второй половины II тысячелетия до н. э. и до периода Селевкидов или даже до аршакидских правителей Месопотамии. Благодаря тем же обстоятельствам литературные тексты уцелели

среди обломков разрушенных городов и в последующие два тысячелетия.

Вероятно, вопрос о степени изменений, которые литературный корпус претерпел в результате бесконечных переписываний в течение столь продолжительного периода, навсегда останется спорным. Может быть, некоторые тексты были исключены, а другие пострадали от времени и произвола переписчиков. Мы знаем, что все города Месопотамии, большие и малые, неоднократно разрушались врагами, а уровень воды в Нижней Месопотамии постоянно поднимался. Кроме того, многие города древней Месопотамии сейчас заселены и поэтому недоступны лопате археолога. Правда, утраты — потенциальные и действительные — в известной мере восполняются благодаря счастливому стечению обстоятельств. Например, глиняные таблички использовались как строительный материал при сооружении стен. Так дошли до нашего времени целые архивы. Некоторые поселения сохранились потому, что и победители и побежденные покинули их, а развалины остались под защитным слоем песка или растительности. Наша осведомленность, таким образом, в большей степени — дело случая. При этом нельзя не учитывать, что в процессе передачи традиционных текстов с ними могли происходить определенные целенаправленные изменения: что-то опускалось, что-то добавлялось. Эта проблема сложна, и не следует ожидать ее окончательного разрешения. Существует, однако, реальная возможность приступить к плодотворному ее исследованию.

Последнему великому царю Ассирии Ашшурбанапалу (668—627 гг. до н. э.) удалось собрать в своей столице Ниневии коллекцию глиняных табличек, которая с полным правом может быть названа первой систематизированной библиотекой древнего Востока. Почти все таблички, составлявшие его коллекцию, сейчас находятся в Британском музее. Многие из них изданы или достаточно подробно описаны в каталогах. Это была не частная библиотека какого-то писца или семьи писцов, она не принадлежала школе, но была собрана по царскому приказу со всех концов Месопотамии, и в силу этого мы вправе утверждать, что библиотека Ашшурбанапала охватывала основную массу, если не всю совокупность традиционных текстов. Наше утверждение подкрепляется составом хотя и небольшого, но все же достаточного количества частных коллекций клинописных табличек. Эти собрания слишком рассредоточены во времени и удалены друг от друга — от Ашшура и Харрана на севере до Вавилона, Ниппура, Ура и Борсиппы на юге, — чтобы дать нам возможность проверить полноту библиотеки Ашшурбанапала. Подтверждением всеобъемлющей ее полноты служат также находки табличек из писцовых школ за пределами Месопотамии, где иноземные писцы обучались аккадской и шумерской письменности.

Если исключить поздние, сугубо специальные астрономические тексты вавилонского происхождения, содержание этих коллекций свидетельствует о том, что библиотека Ашшурбанапала в Ниневии

в основном правильно отражает картину писцово́й традиции. Конечно, частные коллекции и царская библиотека неизбежно отличаются друг от друга, да и в собрании Ашшурбанапала имеются кое-какие пробелы; вероятность сохранения небольших собраний текстов невелика, и даже в больших собраниях многое оказывается утраченным. И хотя сохранилось менее четверти всех традиционных текстов, причем многие из них дошли до нас в весьма плачевном состоянии, а также несмотря на случайность находок и (это тоже нельзя недооценивать) их публикации, общая картина, которая встает перед нами после рассмотрения рассредоточенных по всей стране коллекций, позволяет утверждать, что литературные тексты Месопотамии принадлежат к единому, последовательному и непрерывному потоку. Когда ассириологи научатся проследить судьбы отдельных групп литературных памятников на протяжении всей истории их передачи от поколения к поколению, они глубже проникнут в законы, управляющие этим потоком, и, возможно, когда-нибудь прольется свет на тенденциозность и идеологическую подоплеку и иные особенности текстов, не отразившиеся прямо ни в их содержании, ни в словесном выражении.

Нам предстоит обсудить еще один вопрос, связанный с письменной традицией: каков примерно общий объем всех текстов?

Прежде всего бросается в глаза, что во всех собраниях научные тексты преобладают над литературными, а среди первых чаще встречаются такие, которые ассириологи обычно называют гадательными. Эти гадательные таблички разбиты на огромное количество однострочных рубрик, каждая из которых описывает некое конкретное событие. В них указано, к чему может привести в будущем какое-либо точно охарактеризованное происшествие, о чем свидетельствует поведение или внешний вид животного, что сулят отклонения от нормы в строении тела человека и животного или удивительные формы растений, перемещения звезд, Луны и Солнца, атмосферные явления и многое другое. В каждом случае описание сопровождается предсказанием, касающимся либо судьбы страны, либо участи того человека, к которому, по мнению прорицателя, имеет отношение это событие (если оно не было вызвано специально для того, чтобы получить информацию о будущем). В библиотеке Ашшурбанапала было более трехсот таких табличек, каждая из которых содержала от восьмидесяти до двухсот записей подобного рода.

Следующая по численности группа текстов содержит около двухсот табличек совершенно иного содержания. Она включает группы клинописных знаков и их комбинации с указанием правил чтения, а также списки шумерских слов с переводом на аккадский, подобранные каждый по определенному принципу, но все вместе составляющие своего рода словарь. Кроме того, сюда входят списки редких слов с объяснениями по-аккадски. Короче, эта группа текстов охватывает, подобно энциклопедии, все, что нужно для обучения писцов искусству письма как на аккадском языке, так и на принятом в литературной традиции шумерском. Двуязычие

писцов отразилось во многих шумерских магических формулах и молитвах, снабженных между строк аккадским переводом. Такие тексты занимают более ста табличек.

Примерно столько же табличек содержат циклы заклинаний, целью которых было очищение человека или отвращение от него злых сил, а также то, что принято именовать «этической литературой», — басни, поговорки и разные мелочи, которые попали каким-то путем в этот корпус канонических текстов. Надо отметить, что собственно эпические произведения (такие, как «Эпос о Гильгамеше», миф «О сотворении мира», сказания об Эрре, Этане, Зу и т. д.) занимают всего тридцать пять — сорок табличек из семисот, перечисленных до сих пор.

Существование еще двухсот или более табличек можно допустить с большей или меньшей степенью вероятности благодаря наличию отдельных фрагментов и упоминаний о них в каталогах табличек. Исходя скорее из общих пессимистических установок, чем из каких-либо рациональных соображений, к тем девятистам табличкам, которые у нас получились в итоге, надо добавить еще одну треть, и тогда в нашем распоряжении окажется общее число табличек, хранившихся во дворце Ашшурбанапала в Ниневии. На всякий случай можно присоединить к этому числу еще три сотни, и тогда максимальный объем корпуса традиционной клинописной литературы составит полторы тысячи табличек.

Стараться точно подсчитать общее число строк во всех табличках — дело довольно бессмысленное. Я, однако, не сомневаюсь, что в этом смысле собрание оставило бы далеко позади «Ригведу» (примерно равную «Илиаде») и эпические произведения Гомера, а также Ветхий и Новый завет, которые по количеству стихов ненамного превосходят эти произведения. Общее число строк нашего собрания, возможно, приблизится к «Махабхарате» (сто девяносто тысяч стихов), а может быть, и превзойдет ее.

Следует добавить, что все эти цифры относятся к исходным текстам: многочисленные копии в расчет не принимаются. В царской библиотеке Ниневии было до шести экземпляров некоторых памятников, что весьма помогает восполнению лакун и восстановлению их первоначальной структуры. Так как копирование определенных табличек было существенной частью обучения писцов, то те работы, переписывание которых входило в первую ступень обучения, сохранились в большем числе копий, чем отнесенные к более высокой ступени — ее достигала лишь небольшая группа обучавшихся.

Теперь уместно определить, что же следует считать характерными чертами этого корпуса. Я постараюсь при этом избежать свойственной ассириологам профессиональной близорукости.

Во-первых, следует отметить, что уже на весьма ранней ступени своей истории почти все эти памятники отличаются приверженностью к определенным формулам и установившемуся расположению материала. Для некоторых важнейших групп документов процесс стандартизации начался рано, в третьей четверти II тыся-

челетия до н. э. Особенно это относится к энциклопедическому жанру. Стандартизация продолжалась, охватывая все новые группы документов, пока наконец писцы Ашшурбанапала не собрали и не переписали отдельные таблички в небольшие группы, имевшие ограниченное распространение, подобрав их по тематическому принципу, снабдив заглавиями и обозначив цифрами порядок внутри каждого раздела.

Стандартизация способствовала сохранению первоначального содержания вопреки воздействию изменяющихся концепций и вкусов: устаревшие тексты, которые в иных условиях могли бы бесследно исчезнуть, сохранялись. Для ассириологов стандартизация величайшее благо. Обычно им приходится работать с обломками табличек из различных раскопок и со случайными находками, сплошь и рядом содержащими текст, обрывающийся где-то в середине, а иногда сохранившими только начало или окончание строк. Но именно благодаря тому, что в массе литературного материала почти все поддающиеся определению фрагменты восходят, где бы они ни были найдены, к одним и тем же стандартным версиям, ассириолог часто может по небольшим фрагментам восстановить весь текст.

Содержание табличек ясно показывает, что клинописная литература, которую сами жители Месопотамии считали достойной переписывания и передачи потомкам, касалась прямо или косвенно деятельности предсказателей и жрецов, специализировавшихся на изгнании злых духов. Лишь весьма небольшая часть табличек содержит то, что мы, воспитанные в западных традициях, назвали бы литературными произведениями. Можно с достаточными основаниями утверждать, что имеется всего пятьдесят-шестьдесят табличек, содержащих кроме собственно эпических текстов (они занимают, как говорилось выше, тридцать пять — сорок табличек) довольно плоские наборы житейских советов, а также несколько табличек с молитвами, выражения и образы которых отличаются нестандартностью, хотя вряд ли именно эта особенность сыграла какую-нибудь роль при включении их в русло традиции.

Эпические тексты вполне созвучны эстетическим вкусам и идейной атмосфере Запада, поскольку западная культура выросла на литературных и религиозных традициях Греции и Палестины, возродившихся в новом ключе в средневековой Европе. Вот почему, сознательно или бессознательно, мы совершаем две явные ошибки: преувеличиваем значение весьма немногочисленных в месопотамской литературе эпических текстов и недооцениваем традицию в целом именно из-за недостатка текстов, к восприятию которых мы подготовлены лучше всего.

В сохранившихся фрагментах удивляет отсутствие исторической литературы: нет текстов, которые бы подтверждали, что писцы считают себя и поддерживаемую ими традицию существенной частью некоего исторического континуума месопотамской цивилизации. Правда, нам известны несколько поздних хроник, списки царей, небольшое количество копий древних царских

надписей, легенды о первых царях и теологические объяснения различных исторических событий, записанные в период до стандартизации. Однако то, что могло бы связать литературные и интеллектуальные традиции, в которых воспитывались месопотамские писцы, с точными временными и пространственными координатами или с социально-экономическими реалиями, не считалось достойным упоминания.

Та же оторванность от внешних условий проявляется и в полном отсутствии полемики в литературе подобного типа. Все утверждения делаются вне зависимости от религиозного и идеологического влияния и даже политического нажима. И дело вовсе не в отсутствии возможности для выражения недовольства или критики существовавших порядков: ритуальные плачи и молитвы, написанные или переделанные специально для царей, бесчисленные предсказания в гадательных текстах давали для этого достаточный простор. Полемическая критика прослеживается в греческих текстах, где она усилена еще и дидактическим тоном изложения. Очевидно, в Месопотамии не было соперничества между школами, не существовало противоречия между культурными воззрениями писцов и их окружения как в самой стране, так и за ее пределами. Такое противоречие постоянно ощущается, скажем, в Ветхом и Новом завете, где оно придает особый характер и напряженную остроту не только прагматическим высказываниям, но и чисто описательным пассажам. Личность писца, его верования и стремления в клинописной литературе начисто отсутствуют; в текстах не отражаются ни религиозные, ни философские воззрения, мы не найдем там конструктивных политических идей; не раскрываются и представления о роли и правах человека в этом мире.

Объясняется это весьма просто. Те тысяча двести или несколько более табличек, которыми мы располагаем, — не более чем справочная библиотека, приспособленная к нуждам предсказателей или практиков-магов, отвечавших за духовное спокойствие царей и других знатных лиц. В корпус входят также различные руководства для прорицателей, целью которых было обучить магическим наукам людей, подвигающихся в этой важной области, и дать им необходимую техническую подготовку. Литературные тексты попали в корпус случайно и вряд ли в силу их художественных достоинств, а скорее потому, что переписывание подобных текстов входило в традиционный курс обучения писцов. Таким образом, корпус текстов следует рассматривать и использовать только с учетом той цели, для которой он был составлен и сохранялся теми, кто обращался к его помощи. Что касается литературных текстов, то их надо рассматривать прежде всего исходя из того, какое место они занимали в русле традиции.

Однако ассириологи как в прошлом, так и в настоящем подходят к этим текстам с совершенно иной точки зрения. Они ищут в них первобытную мудрость, наполненную скрытым смыслом космологию, величие мифологических подвигов, обаяние или же-

стокость примитивной социальной организации и экономики, в которых отражалось бы развитие идей, лежащих за пределами исторического исследования. Ассириологи стремятся найти в них увлекательные легенды, анекдоты, свидетельства иных нравов — короче, все то, что западные ученые, начиная с Геродота, стремились отыскать на периферии своего собственного «нормального», как они считали, мира. И эти поиски, если судить по научно-популярным книгам, принесли плоды.

На исследовательскую работу ассириологов эта установка повлияла в различной степени. Одни ученые безнадежно запутываются в попытках прибавить сколько-нибудь убедительные ассириологические данные к Ветхому завету, другие в беспорядочно набранных примерах, вырванных из контекста, находят подтверждение новейшим модным теориям в области антропологии, истории религии или экономики. Даже лингвистические исследования клинописных текстов не свободны от предвзятости и тенденциозности. Аккадский язык, совершенно справедливо на ранней стадии определили как семитский, но при этом его стремились — и до сих пор стремятся — уложить в прокрустово ложе какого-либо иного семитского языка, который произвольно рассматривается как нормативный. Часто это происходило не из личных пристрастий ученого, а вследствие соображений, возникающих в поисках «права на существование» ассириологии как таковой не только в глазах представителей других дисциплин, но и самих ассириологов. Такая психологическая ситуация породила и продолжает порождать много тенденциозных статей и книг. Та же самая причина влияет, хотя и менее заметно, на масштаб ассириологических исследований. Она оказывает немалое влияние, обычно подсознательно, на выбор тем. Предпочтение отдается определенным типам литературы, мифологическим мотивам, социальным и экономическим ситуациям, которые так или иначе соответствуют или, наоборот, противостоят тому, к чему привык воспитанный культурой Запада исследователь.

Вернемся, однако, к литературным текстам. Рассматривая их с точки зрения тем и стиля, необходимо учитывать тот факт, что имеются хотя и скудные, но все-таки бесспорные свидетельства существования в Месопотамии богатой и разнообразной устной литературной традиции. Она существовала, по-видимому, не только до того времени, когда письменная традиция подверглась стандартизации, или «канонизации», но также сопутствовала этому периоду и продолжалась после него. Мы знаем, например, о существовании циклов песен, главным образом любовных, отличавшихся, как это было принято на древнем Ближнем Востоке, патетической, квазирелигиозной фразеологией, военных песен, исполнявшихся во время битвы, а также песен, восхвалявших царя. Мы знаем о придворных повестях и легендах, сочинявшихся в честь царей, как грозных, так и любимых, о простонародных рассказах, порой игривых, а порой и «соленых». Хождение имели разные страшные предсказания, облеченные в поэтическую форму поли-

тические диатрибы, загадки и басни о животных. Мы знаем об этом благодаря отдельным табличкам, переписанным по чистой случайности и сохранившимся в единственном экземпляре, поскольку тексты такого рода не входили в русло традиции. Тем не менее тот факт, что они сохранились, позволяет допустить наличие нескольких литературных жанров, принадлежавших к традиции, отличавшейся как по содержанию, так, вероятно, и по целям от той письменной традиции, которая составляет предмет нашего исследования. Назвать эту традицию просто устной было бы упрощением, ибо не следует игнорировать возможность того, что различия между первой и второй традициями возникли в результате или языковых условий, или использования какого-то иного нестойкого материала для письма.

Прежде всего следует остановиться на вопросе о социальной среде, в которой бытовал этот тип литературы, о ее распространителях и потребителях. Казалось бы, такой средой, находящейся за пределами слоя, охваченного письменной традицией, могли быть дворы вавилонских царей. Причина, по которой мы так мало знаем о самом главном, естественном центре политической, экономической и социальной жизни, чрезвычайно проста. При раскопках Вавилона, из-за того что уровень воды в этом районе поднялся, не было обнаружено ни одного сколько-нибудь значительного литературного текста, и никому из археологов не удалось отыскать хотя бы следы развалин какого-нибудь вавилонского дворца. Однако нам известно, что во II тысячелетии до н. э. царские дворы Ура, Исина, Ларсы и Вавилона давали приют поэтам и ученым, и нет никаких оснований предполагать, чтобы положение было иным в I тысячелетии, хотя прямых свидетельств, подтверждающих такую роль царского двора Вавилона, у нас нет. Недостаточность документации можно объяснить несколькими причинами: немногочисленностью находок в Вавилоне, использованием покрытых воском недолговечных дощечек, которые, видимо, вошли в употребление раньше, чем мы сейчас предполагаем, и, наконец, тем, что арамейский язык мог гораздо раньше, чем думают, стать языком литературной традиции, отличавшейся от той, памятники которой писались на аккадском на глиняных табличках.

Эти предположения я привожу только для того, чтобы показать, что традиционная клинопись, которой мы занимаемся, не должна рассматриваться как главный или единственный результат творческой активности в Месопотамии. Чтобы правильно оценить и понять истинное значение клинописи, следует четко представить себе ограниченность ее целей, стиля и содержания. При этом необходимо допустить существование в месопотамской цивилизации и других литературных жанров, хотя свидетельств их существования не так уж много и они часто носят косвенный характер.

Традиционные тексты — далеко не самые важные документальные материалы для работы ассириологов. Существует (и подчас заслуживает самого пристального внимания) весьма внушительное число клинописных табличек, отражающих повседневную

деятельность жителей Месопотамии — от царей до простых пастухов. По времени, широте распространения, количеству и разнообразию тем они нередко превосходят традиционные тексты и делятся на две резко отличающиеся друг от друга категории — отчеты и письма. Отчеты, как правило, касаются всякого рода административных дел и относятся к сфере деятельности высшей бюрократии, руководившей с большим умением и последовательной методичностью храмовой администрацией Южной Вавилонии от Ура до Сиппара с конца III тысячелетия до н. э. до последней трети I тысячелетия до н. э. Такие же отчеты дошли до нас и от дворцовых хозяйств древнего Ближнего Востока, где имели хождение клинопись и аккадский язык, — начиная с Суз и области севернее Персидского залива и далее на запад, вплоть до Угарита и Алалаха, расположенных недалеко от Средиземного моря. Гораздо слабее, чем административные отчеты, представлены таблички, отражающие частные сделки: продажу, аренду, займы, брачные контракты, усыновления, завещания и т. п. Сохранились также и международные соглашения, охватывающие тысячелетний период. Письма, в свою очередь, могут быть распределены на две группы: связанные с административными и политическими делами и касающиеся интересов частных лиц. Последних гораздо меньше, и они относятся к определенным периодам и условиям.

Мы снова рискуем прикинуть приблизительное число подобных писем и отчетов. Можно утверждать, что уже опубликованный материал вместе с тем, который находится в нескольких крупных музеях, насчитывает от сорока до пятидесяти тысяч табличек, написанных в основном на аккадском языке. Число же шумерских административных и правовых документов примерно втрое больше.

Какая же информация содержится в этих текстах? Каким образом и в какой степени мы сможем ее использовать, чтобы лучше понять жизнь обитателей Месопотамии и их обычаи? Не тот ли это материал, о котором мечтают историки права и экономики? Может быть, эти тексты наконец расскажут нам, о чем думали жители Месопотамии, как они представляли себе мир и своих богов?

К сожалению, четких и простых ответов на все эти вопросы ожидать не приходится. Потенциальные возможности данного источника информации серьезно ограничиваются целым рядом факторов. Эти тексты имеют широкие географические рамки распространения и охватывают весьма длительный период времени, и поэтому, если исследователь захочет сосредоточиться на каком-то более конкретном периоде или на определенной проблеме, в его распоряжении окажется совсем немного документов. Кроме того, они неравномерно распределены во времени и пространстве. Большие периоды и территории по многим причинам выпадают целиком; крайне редко появляется возможность охватить процесс развития в течение большого промежутка времени или уяснить себе местные отличия в один и тот же период. Картина, которая возникает перед исследователем, пользующимся таким материалом, со-

стоит из отдельных «высвеченных мест». Впечатление такое, будто узкий луч света бродит по стране на протяжении двух тысячелетий и изредка, без всякой системы, выхватывает из темноты и освещает то один, то другой город, лежащий между Персидским заливом и Средиземным морем, оставляя все вокруг в сплошном мраке. Правда, в тех местах, куда падает луч света, перед нами предстает разнообразнейший фон, на котором создавалась история. Мы можем увидеть всю сложность общественных институтов и политических связей: чиновников, устанавливающих повинности для населения и собирающих налоги; купцов, занятых бурной коммерческой деятельностью; земледельцев и ростовщиков, ведущих бесконечные споры из-за долгов. Возникают отдельные образы, можно даже проследить за возвышением и падением некоторых семей, но в большинстве случаев лишь на протяжении двух-трех поколений. И тут все снова окутывает мрак. Только там, где раскопки были продолжительными и плодотворными или нам особенно повезло, мы имеем сплошную освещенную полосу истории — это относится к таким городам, как Ниппур, Ашшур, Ур и в какой-то степени Сиппар.

Не менее существенное препятствие на пути к освоению этого богатейшего материала лежит уже в области филологии. И в письмах, и в отчетах ассириологи сталкиваются с трудностями лингвистического характера. Административные документы составлялись только для внутреннего пользования: их терминология сжата, изобилует сокращениями и полна загадочных специальных выражений. Установить правильное значение терминов — нелегкая и тонкая задача: на протяжении времени они неоднократно изменялись, и поэтому для их точного понимания необходимо сначала реконструировать экономический и правовой фон соответствующего периода. Лишь таким способом можно вдохнуть жизнь в эти скучные, написанные канцелярским языком перечни, расписки и бухгалтерские отчеты. Без предварительного установления значения терминов и понимания того, кто передавал и кто получал, каким словом обозначались и на основании какого права истребовались товары или повинности, — без знания всего этого из административных текстов можно извлечь лишь известное количество личных имен, набор специальных терминов, педантично описывающих отдельные товары и виды сырья, и мутный осадок в виде малопонятных слов из бюрократического жаргона того периода.

Совсем иные, но столь же труднопреодолимые филологические препятствия встают при изучении писем. Как правило, и адресаты, и авторы писем — различные официальные лица до царя включительно; письма составлялись или собственноручно или от их имени. Содержание писем сводится к докладам, просьбам и правительственным распоряжениям по всякого рода правовым и административным вопросам; их стилистический характер разнообразен — от многоречивых возражений и неискренних извинений до язвительных замечаний и инвектив. Среди всех клинописных доку-

ментов лишь в частных письмах встречается живой разговорный язык вместо формул, характерных для религиозных текстов, специального жаргона научной литературы или тщательно архаизованного и стилизованного многословия исторических текстов. Почти все фразы в письмах содержательны и насыщены эмоциями; вводятся и тут же оставляются различные темы; пишущий ссылается на какие-то обстоятельства, известные лишь адресату. Тайный смысл некоторых слов, эмфаза, ирония, риторические вопросы, скрытые угрозы, незаконченные предложения при одновременном разнообразии синтаксических средств делают язык писем столь выразительным, что он выходит за пределы знаний филолога, привыкшего к малосодержательной фразеологии обычных литературных текстов.

То, что говорилось выше, относится ко всем видам клинописных документов, кроме одной довольно большой группы — исторических текстов. Этим термином обычно обозначают царские надписи, на которых основывается почти все, что мы знаем об истории Месопотамии. Данные надписи действительно важный и ценный источник — возражать против этого не приходится. Однако если исследователь хочет знать не только имена царей и названия территорий, стремится получить более полное представление об истории страны, чем то, которое содержится в многократно повторяющихся сообщениях о победах и в помпезных описаниях триумфов царя, то эти надписи, несомненно, его разочаруют. Причина кроется в двух важных стилистических особенностях текстов, на которые обычно не обращают внимания.

Во-первых, лишь небольшая часть документов предназначалась для передачи определенной информации; напротив, надписи замуровывались в фундаментах храмов и дворцов или высекались на скалах в недоступных местах. Во-вторых, обычно они составлялись в виде отчета царя покровительствующим ему богам и рассказывали о военных походах и строительной деятельности царственной особы. Такая форма характерна прежде всего для поздних вавилонских и ассирийских царских надписей, представлявших собой искусное подражание древнему прототипу, который был, по существу, votивной надписью. В этом качестве исторические тексты чрезвычайно интересны, но информация, в них содержащаяся, весьма небогата. В сочетании с царскими списками и договорами надписи позволяют в общих чертах представить ход исторических событий, но возможности приблизиться к пониманию истории Месопотамии они все же не дают. Что было социальным, экономическим или каким-либо иным источником агрессивного пыла Ассирии или, скажем, на чем основывалась непреходящая мощь Вавилонии? Что постоянно стимулировало стремление обеих цивилизаций обеспечить себе приемлемую форму существования, при которой они могли бы воплотить свои духовные и политические притязания и добиться стабильности — извечного, но недостижимого идеала?

Документальные свидетельства, о которых шла речь до сих пор,

могут быть использованы двояко: их можно либо последовательно рассматривать на определенном, ограниченном уровне, выявляя те или иные данные и затем детально их анализируя и интерпретируя; либо идти путем более общего синтеза, добываясь осмысления и переосмысления картины всей месопотамской цивилизации, исследуя ее или синхронически, или диахронически. Последний способ должен указать направление и дать толчок для дальнейших исследований и в конечном счете способствовать созданию целостной картины деятельности ассириологов, где были бы четко очерчены ее границы и ясен объем работы — уже проделанной, ведущейся сейчас и той, которая еще предстоит. В этом нуждаются как ассириологи, так и другие ученые, интересующиеся ассириологией.

И на том, и на другом пути мы пока приложили мало усилий и достигли немногого. Что касается первого способа, то нельзя забывать, что в распоряжении ассириолога не так уж много материала. Любые новые раскопки или какая-нибудь неожиданная находка могут поставить под сомнение, а то и опровергнуть результаты, которых ему удалось достигнуть. Это обстоятельство сдерживает творческую активность и научный пыл исследователей, которые мучительно переживают крушение выводов, добытых с таким трудом. Конечно, ученый, занимающийся классическими эпохами Греции и Рима, тоже может столкнуться с новыми и неожиданными фактами, но лишь в редчайших случаях эти данные по объему и значению можно сравнить с теми, которых по праву может ожидать ассириолог. Другая опасность, о которой мы говорили выше, связана с трудностями обобщения фактов, восходящих к чуждой цивилизации — цивилизации, отразившейся лишь в тусклом и кривом зеркале документов, написанных на уже мертвом языке. Исследователю необходимо, хотя это и трудно, освободиться от собственных привычных взглядов, чтобы иметь возможность привести в систему данные, относящиеся к чуждой цивилизации. Каким еще образом сможет западный ученый оценить сущность, дух и искренность политеистической религии или представить тонкости в деятельности чуждых институтов, которые лишь по чистой случайности могут пролить свет на многочисленные вопросы, встающие перед ним? А если сами вопросы формулируются неправильно, то и ответы будут неверны или по меньшей мере ненадежны.

Если же говорить о втором способе, способе синтеза, цель которого — охватить предмет исследования в целом, то здесь происходит примерно следующее. Все доступные данные собираются воедино — как правило, некритически — и независимо от хронологических, региональных и прочих различий проецируются на один и тот же временной уровень и на одну какую-либо территорию. В результате получается картина, отражающая в основном кругозор и уровень знаний самого ученого. Когда исследователь подобным образом «синхронизирует» и «консолидирует» множество данных, он сравнительно легко получает то, что нетребовательный

читатель и непрофессионал могут счесть «достаточным освещением». Когда все сведения собраны, систематизированы и снабжены заголовками: «царь», «храм», «религиозная жизнь», «мифология», «магия», «семья» и т. д., то кажется, что цель систематического изложения достигнута. Конечно, можно презрительно пожать плечами по поводу этих бойких популяризаций и отдать их на откуп заштатным ученым и некоторым чересчур словоохотливым археологам, но нельзя не признать, что для ассириолога такая позиция граничит с трусостью. Битва за осмысление и синтезирование материала — борьба, в которую ученый не может не вступить, даже если она и не сулит ему победы. Эту битву следует рассматривать как сражение за право ассириологии на существование, и участие в ней должно стать первой задачей ассириолога.

Характерно, однако, что главный бой часто подменяется мелкими стычками, так сказать, на периферии поля военных действий. За прошедшие годы область ассириологии настолько усложнилась и расширилась, что, пожалуй, только небольшая горсточка ученых может претендовать на доскональное знание всех ее многочисленных ответвлений. Большинство ассириологов отдает предпочтение тем разделам науки, которые, как им кажется, особенно богаты источниками, и многие, часто необдуманно, специализируются в одной узкой области. Этот путь скорее может принести чувство удовлетворения и видимость успеха, чем постоянное стремление идти в ногу с достижениями науки, связанными с притоком новых текстов, новых интерпретаций и новых понятий. В результате ассириологические журналы заполнены научными изданиями новых текстов (или даже фрагментов) и небольших групп документов или специальными дискуссиями, посвященными мелким проблемам, оказавшимся почему-либо в центре внимания. Даже существенные добавления к собранию текстов очень редко даются в систематической связи с общей схемой наших представлений.

Если то, что я сказал, покажется многоречивой преамбулой, обещающей панацею или какой-то новый путь, я должен поспешить заверить читателя, что диагноз нашей болезни вряд ли позволяет надеяться на излечение простыми средствами. И все-таки развитие науки подсказывает направление, по которому следует идти, чтобы изменить это печальное положение. Бесспорные успехи в истолковании математических и астрономических клинописных текстов — результат тесного сотрудничества ассириологов с математиками и астрономами, занимающимися историей своих наук. Не случайно, что инициатива и тут и там исходила не от ассириологов. Сходные, хотя и не столь наглядные результаты были достигнуты и в изучении правовых документов Месопотамии; и здесь тоже инициаторами выступили историки права.

Может быть, тут и кроется ключ к решению целого ряда проблем ассириологии. Deskриптивная лингвистика может помочь освободиться от пут, которые препятствуют прогрессу в понимании как шумерского, так и аккадского языка. Историки медицины могут способствовать правильному толкованию многочисленных ме-

дицинских клинописных текстов, которые пока должным образом не объяснены. Историки техники могли бы помочь нам понять документы, описывающие производство цветного стекла, или разобраться в специальной технической терминологии, относящейся к металлургии. При этом нельзя ограничиваться лишь точными и техническими науками. Ассириологи нуждаются в постоянном сотрудничестве с учеными-экономистами, представителями общественных наук и прежде всего культурной антропологии. Это необходимо, чтобы глубже проникнуть в структуру всех институтов Месопотамии, и особенно ее религии, или, вернее, религий всего этого региона, отразившихся в бесчисленных документах.

Ассириологи могут не бояться, что при таком сотрудничестве их собственная наука будет играть только вспомогательную роль, — положение станет как раз обратным. Историей науки и техники невозможно заниматься всерьез, базируясь лишь на неадекватных переводах соответствующих клинописных текстов. Ассириолог обязан помнить, что в его руках находятся ключи к потенциальным богатствам информации, собранной одной из первых великих цивилизаций, существовавшей более двух тысячелетий. Если ассириология нуждается в оправдании своего существования, то оно именно в этом.

Такие соображения, конечно, не следует считать «программой», однако это не просто досужие домыслы, а путь, о котором стоит подумать. Он может вывести ассириологию из нынешнего застоя, типичные признаки которого — сужение тематики, уход в узкую специализацию, наконец, сокращение числа исследователей, в свое время бросавших теологию ради новой, неизведанной, но многообещающей дисциплины.

Если указанное мной новое направление означает, что ассириология отойдет от гуманитарных наук и приблизится к культурной антропологии, я не стану жалеть об этом. Гуманитарные науки до сих пор не в состоянии были проникнуться любовью и уважением к чуждым цивилизациям; между тем это необходимое условие их успешного изучения. Современные европейские ученые в своей работе ориентируются на сближение древности с привычными им понятиями, ассимилируя и подгоняя изучаемый материал под западные стандарты*.

* Критическую оценку взглядов, высказанных во «Введении», читатель может найти в работе: *Wiseman D. A. The Expansion of Assyrian Studies. An Inaugural Lecture* (School of Oriental and African Studies. University of London). L., 1962.

СТАНОВЛЕНИЕ МЕСОПОТАМИИ

В начале IV тысячелетия до н. э. в Юго-Западной Азии произошли события, оказавшие большое влияние на историю человечества: один за другим там образовались культурные центры. Некоторым из них суждено было стать источником возникновения самодовлеющих цивилизаций, которые принято называть по долинам рек, определившим их ареал: цивилизации долин Инда, Евфрата и Нила. Кроме них в тот же период или несколько позднее там же возник ряд менее крупных культурных очагов. Они тоже обладали характерными чертами и неповторимым своеобразием, но их внутреннее развитие было, по-видимому, задержано различными географическими или политическими факторами или случайностями. Элам, Южная Аравия и Сирия — примеры тому, но, возможно, существовали и другие центры, до сих пор еще погребенные под бесчисленными холмами. Местные жители называют их сейчас *теллями*. Одной из существенных черт рассматриваемого феномена было возникновение сателлитных цивилизаций на периферии цивилизаций, расположенных в долинах рек. Они возникали в результате контактов между главной, или центральной, цивилизацией и новыми этническими группами с собственными культурными традициями. Хеттское и урартское государства служат ярким примером подобных цивилизаций; есть все основания полагать, что в дальнейшем станут известны еще и другие такие сателлиты.

Фон

Исключительная концентрация культурных центров наблюдается от верхних притоков Инда до первого порога Нила. По-видимому, она развилась от значительно более рассредоточенных и локально ограниченных центров, названия которых не сохранились. Там в предшествующие тысячелетия человек научился согласовывать свои потребности и надежды с экологическими и технологическими реалиями окружающей среды и создал тот особый образ жизни, который довольно неудачно назван «культурой деревень»¹ В силу обширности территории, на которой эти деревни были разбросаны, они, видимо, отличались друг от друга, но от так называемых «речных цивилизаций» их отделяла настоящая пропасть. Пока ее не удастся заполнить ни новой информацией, ни теориями ученых.

Новизна великих цивилизаций заключалась в их постоянном динамизме и в том, что в них с самого начала был заложен стимул

развития в определенном направлении. Близость как во времени возникновения, так и в местонахождении дает веские основания предполагать, что между ними существовала какая-то взаимосвязь, изучение которой представляет богатую пищу для исследовательской мысли.

Юго-Западная Азия сама по себе неоднородна: она характеризуется большим разнообразием географических и экологических условий. Здесь встречаются аллювиальные долины рек, возвышенности, болота, травянистые склоны холмов, предгорья и плодородные горные долины. Имеются и засушливые районы, каменистые и песчаные пустыни. Прибрежные острова скрадывают необозримость морского горизонта, а в труднопреодолимых горных цепях есть перевалы, через которые идет связь с внешним миром. В этой области имеется лишь несколько естественных и надежных границ: западные отроги Памира, Кавказские горы и просторы Индийского океана. Более доступны водные массивы Черного, Эгейского и Средиземного морей, хотя и они обеспечивают достаточно эффективную изоляцию с севера и запада. Как же были связаны между собой районы, в которых возникли такие разные цивилизации?

Вполне возможно, что настанет день, когда случай и лопата удачливого археолога, если не подведут к решению этого вопроса, то хотя бы дадут такой новый материал, который направит исследования по более плодотворному руслу. Пока же приходится следовать другим путем. Приручение животных и окультуривание растений — важная стадия в истории Юго-Западной Азии, и наиболее серьезные успехи были, по-видимому, достигнуты за тысячелетие или даже более до интересующего нас периода. Эти растения и животные, а также технические приспособления, необходимые для их эффективного использования, были распространены по всей изучаемой нами территории и служили связующим звеном между различными районами — звеном, которое следовало бы подвергнуть тщательному изучению².

Ботаникам и зоологам нужно объединить усилия для точной локализации центров одомашнивания, что позволит проследить пути его распространения и изучить переходные стадии, которые привели, например, к возделыванию злаковых, разведению стад — основного источника накопления богатств, выращиванию плодовых деревьев, например финиковых пальм. Если климатологи установят и датируют климатические изменения, которые происходили в этом регионе в древности, можно будет определить, в какие именно периоды были закрыты или открыты линии коммуникаций между культурными центрами. В своих работах ученые будут обращаться к месопотамским письменным источникам, в которых упоминаются эти растения и животные, а также орудия труда. Но дело осложняется тем, что источники фактически отражают достижения дописьменного периода. Значительная часть шумерского словаря, относящаяся к материальной культуре Месопотамии, содержит термины и обозначения, по-видимому не принадле-

жащие ни к шумерскому, ни к какому-либо из раннесемитских (протоаккадских) языков. Эти слова, возможно, представляют собой следы одного или нескольких более древних языковых субстратов и принадлежат ранним носителям цивилизации, которую мы условимся называть цивилизацией долины Евфрата. К тому же древнему языку (или к нескольким таким языкам) относятся географические названия местностей вдоль обеих рек и многие имена богов, обычно причисляемых к шумерскому пантеону.

Следы древнейших языков могут дать реальную возможность проникнуть в тайну взаимоотношений Месопотамии с Востоком, Севером и Западом в периоды, предшествовавшие тем, к которым относятся самые ранние шумерские тексты. Разумеется, подобные исследования чрезвычайно сложны и могут оказаться безрезультатными. Особенно мало шансов получить сведения лингвистического характера при изучении цивилизации долины Инда. Все же стоит рискнуть и пойти по этому пути, используя в качестве источников информации дошумерские термины, относящиеся к социальной и экономической сфере, или названия камней, растений и животных. Говоря об этом направлении в исследованиях, мы стремимся обратить внимание читателя на то, что цивилизация, возникшая в Месопотамии, не была изолированным явлением; ее нельзя отделять от мира, в который она, так сказать, вросла.

В связи с предысторией месопотамской цивилизации важно также отметить ее сложную структуру. Имеющиеся на сегодняшний день лингвистические данные не отражают должным образом этой сложности. Шумерский язык дает сведения об эпохе более древней, чем аккадский, который не заходил далеко за пределы последних столетий III тысячелетия до н. э. И в аккадском, и в шумерском есть заимствованные слова, которые относятся к одному или нескольким предшествующим культурным слоям. Кроме того, примесь слов явно семитского происхождения указывает на наличие вдоль русла Евфрата или на незначительном расстоянии от него носителей нескольких ранних семитских языков. Аккадский — первый из зафиксированных семитских языков — дает лишь ограниченную информацию о древнейшем языковом материале (так называемом староаккадском). Отчасти это объясняется содержанием текстов и их стилем. Но языковая однородность не обязательно свидетельствует о единстве этноса. Аккадский язык, как известно из его истории, по крайней мере на протяжении двух тысячелетий демонстрировал исключительную способность противостоять иностранному влиянию даже в тех случаях, когда оно было сильным и длительным. Следовательно, не исключена возможность, что семитский элемент месопотамской цивилизации в самый ранний период был не менее сложен и разнообразен, чем, например, в середине II и в I тысячелетии до н. э., когда семиты, не говорившие по-аккадски («западные семиты» и «арамеи»), играли значительную политическую и культурную роль, хотя это и не получило почти никакого отражения в аккадских текстах соответствующих периодов.

В процессе неоднократных взаимопроникновений культур цивилизация Месопотамии сложилась как многослойная. В каждом из этих слоев новые ситуации, заимствованные понятия, переосмысленные традиционные выражения подгонялись под привычные формы и приспособлялись для адекватной передачи того или иного содержания. Это относилось в равной мере к экономике, социальной и политической жизни и даже к «изящной словесности». И если каждая фаза месопотамской цивилизации в определенный исторический момент являет собой сплав различных наследственных линий, то мы должны *a priori* рассматривать любой аспект древнейшего выражения этой цивилизации — будь то предметы, сооружения или слова — как сложную структуру, как результат слияния нескольких линий развития, а не просто как ранние и потому примитивные попытки. Как бы ни углублялись мы в историю Месопотамии, вряд ли доберемся до такой стадии месопотамской культуры, которую по праву можно было бы назвать «примитивной».

Декорации

Вавилония и Ассирия занимали сравнительно плодородные земли в стороне от огромного пустынного Аравийского полуострова. Земли эти простирались на северо-запад от болотистых берегов Персидского залива вдоль рек и горных отрогов Загра и далее переходили в холмы и плато, за которыми высились горные массивы Тавра и Ливана и шли пути к Средиземному морю и на юг, к Египту. Евфрат, особенно в нижней трети своего течения, резко ограничивает плодородные земли от пустыни, которая тянется от его западного берега; Тигр не создает такого рубежа. Это обстоятельство имело, конечно, свои политические последствия. Границы между Месопотамией и горными районами, расположенными вверх по Тигру на северо-восток и по верховьям Евфрата на север, никогда не были стабильными. Через них осуществлялись контакты с теми районами, которые обеспечивали более или менее надежную связь с равнинами Внутренней Азии. По горным перевалам доставлялись такие важные материалы как металлы (в особенности олово), драгоценные камни, ароматические вещества, строительный лес — все то, в чем жители долин, состоятельные земледельцы, испытывали потребность. Далеко не всегда контакты с горными племенами носили миролюбивый характер. Горцы оказывали постоянное давление на жителей равнин, степень сопротивления которых зависела от политической и экономической обстановки. Они проникали на равнины то в качестве работников или наемников, то как завоеватели. Иногда горцы устраивали массовые набеги, чтобы покорять города и целые государства и управлять ими. На эту угрозу Вавилония и Ассирия реагировали неодинаково.

Вавилоняне, продолжая шумерскую традицию (она нашла свое отражение в истории Энмеркара), стремились оказывать культур-

ное воздействие; это стимулировало рост гибридных буферных государств в зонах контактов и позволяло ассимилировать существовавшие там цивилизации. Элам, со столицей в Сузах, на равнине, и Луллубу, в горной долине стратегического значения, могут служить иллюстрацией именно такой вавилонской политики. Ассирия же, чтобы оградить себя от нашествий, сознательно и последовательно стремилась колонизовать и в конце концов подчинить себе районы, в которых обитали племена, угрожавшие ей вторжением. О постоянных битвах ассирийских царей на этом «горном фронте» мы еще расскажем.

Через юго-восточную границу — побережье Персидского залива и прибрежные острова — Месопотамия осуществляла связь с Востоком (Оманом или еще более отдаленными Маганом и Мелуххой), откуда ввозились некоторые виды растений и животных, а также строительный лес и драгоценные камни. По причинам, не выясненным до сих пор, эта связь была прервана почти на тысячелетие со времен Хаммурапи вплоть до падения Ассирии³.

Южной и юго-западной границей Месопотамии служил Евфрат с обширными пустынями на западном берегу. На юге (возможно, вдоль побережья) имели место спорадические контакты с местным населением; более регулярные контакты осуществлялись в районе среднего течения Евфрата. Пользуясь испытанными путями, сюда постоянно вторгались и непрерывно просачивались даже за Тигр малые и большие племена кочевников, говоривших на семитских языках. Их основным занятием было разведение овец и ослов. Они надолго разбивали лагеря или кочевали со стадами от зимних к летним пастбищам⁴. Хотя вклад этих кочевников в культуру Месопотамии (помимо языка, который привнесла одна из первых групп) еще не определен, его не следует недооценивать. Влияние кочевого элемента — какой бы смысл мы ни вкладывали в это понятие в каждый данный отрезок времени — проявилось на многих сторонах месопотамской цивилизации. Только этим можно объяснить некоторые фазы политической и экономической истории региона, отношение к войне и торговле и, самое главное, к городу и городской жизни.

Последняя, западная граница предлагает ряд до сих пор не решенных вопросов. Каково было ее значение в развитии, а возможно, и происхождении месопотамской цивилизации? Каковы компоненты совместного влияния Малой Азии, побережья Средиземного моря и даже его островов, которое оказывалось при посредничестве Сирии? Процесс взаимного воздействия и обмена товарами шел по нескольким проторенным торговым путям, усиливаясь в периоды завоеваний и не прекращаясь даже во время войн и междоусобиц. Пути эти пролегли от излучины Евфрата к городам, расположенным на побережье Средиземного моря.

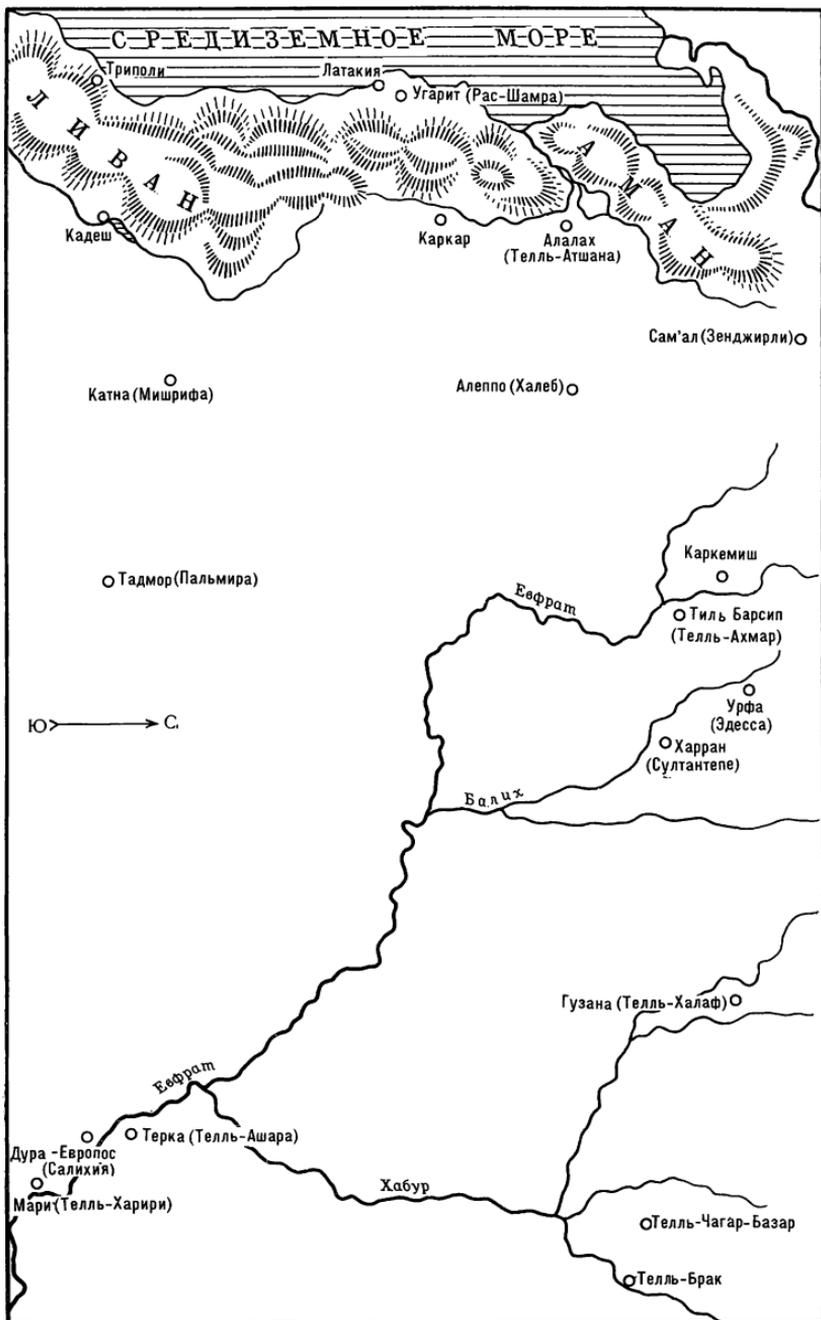
Терминами «Вавилония» и «Ассирия» принято обозначать два главных государства, по которым мы в основном и судим

о месопотамской цивилизации. Противопоставление Севера и Юга неизменно присутствует во всех доступных нам источниках, причем об этом говорится либо открыто, либо — в Ассирии — под покровом вавилонизации. Вавилонский вариант цивилизации несколько древнее ассирийского, и в нем явственнее проступают шумерские элементы. Ассирия, развивавшаяся под влиянием совершенно иных политических, экономических и этнических факторов, на протяжении всей своей истории сохраняла способность вбирать в себя элементы культуры Вавилонии. Склонность к восприятию элементов родственной цивилизации привела ко все углубляющейся двойственности в политической, религиозной и интеллектуальной жизни Ассирии. Связи с Вавилонией обрекали Ассирию на роковое соревнование, которое угрожало самим основам ее существования. Нам еще не раз придется говорить о том, как повлияли эти сложные взаимоотношения на Ассирию как государство и общество, стремящееся к самовыражению, и как носителя общей месопотамской цивилизации.

Центральная часть Вавилонии располагалась вниз по течению Евфрата от современного Багдада, или, точнее, от того места, где Евфрат и Тигр настолько сближаются, что между ними остается полоса шириной не более двадцати миль. Ее территория не занимала всей аллювиальной долины между Евфратом и Тигром, а простиралась вдоль нескольких русел Евфрата, которые в историческую эпоху разветвлялись на ряд каналов. Порой Вавилония достигала предгорий Загра (чаще всего вдоль восточных притоков Тигра). Политическое и культурное влияние Вавилонии распространялось вверх по течению обеих рек: по Евфрату — до Мари и дальше, по Тигру — до Ашшура. Только если смотреть на нее с запада, от берегов Средиземного моря, можно считать Месопотамию страной, лежащей между двумя реками⁵

Территорию Ассирии определить труднее. Лишенная естественных границ, она постоянно то расширялась, то суживалась. От районов вдоль среднего течения Тигра Ассирия распространялась на восток, к предгорьям, вверх и вниз по течению Тигра, где были расположены плодородные долины, а на юго-западе простиралась вплоть до большой излучины Евфрата — главных ворот на пути к богатствам и чудесам Запада. Ассирия то неожиданно расширяла свои границы по этим трем направлениям, то столь же внезапно отступала, «ужимаясь» до центральной части. В результате в течение примерно тысячелетия Ассирия держала в напряжении весь Ближний Восток. Причины этих регулярных подъемов и спадов до сих пор неясны.

Главная характерная топографическая черта Месопотамии — наличие двух рек, Тигра и Евфрата. В дополнение к египетской цивилизации месопотамская представляет особый тип существовавшей на древнем Ближнем Востоке сельскохозяйственной цивилизации, основанной на ирригации; при этом открывается возможность плодотворных сопоставлений⁶ И Тигр и Евфрат берут начало в горах Армении, где их питает множество горных

Сирия и Верхний Евфрат

рек. Руслу некоторых этих притоков иногда разделяет всего пятнадцать миль, так что попасть в Месопотамию, не пересекая либо Тигр, либо Евфрат, практически невозможно. Выйдя наконец за пределы гор, обе реки устремляются в различных направлениях и становятся совершенно непохожи друг на друга. Так, стремительный Тигр несет свои воды на восток и далее на юго-восток параллельно горной цепи Загра. В те времена он протекал неподалеку от Ниневии, Калаха и Ашшура — столиц трех сменявших друг друга ассирийских империй, затем спускался в долину (выше города Самарры) и приближался к Опису и Селевкии, последней столице Вавилонии. В нижнем течении Тигр (уже в историческое время) не раз менял русло, вот почему постоянных поселений на его берегах не возникало.

Было время, когда Тигр впадал прямо в Персидский залив, сейчас же он сливается с Евфратом, образуя Шатт-эль-Араб. Все притоки Тигра берут начало в восточных горах: Хазир, протекающий к востоку от Ниневии, Верхний, или Большой Заб, впадающий в Тигр близ города Калах, Нижний, или Малый Заб, Адхем и еще два притока, в свое время они проходили через густонаселенные районы — Дияла (по-аккадски *Mê-Turna(t)* или *Turna(t)*) и Дувейриг (по-аккадски *Tupliaš*). Путь Евфрата был совершенно иным. Покинув горы, он нес свои воды к юго-западу и в одном месте оказывался на расстоянии всего девяноста миль от Средиземного моря. Затем он круто сворачивал на юг и образовывал широкую излучину. Ниже Каркемиша Евфрат поворачивал к юго-востоку, где в него впадали два левых притока — Балих и Хабур, и достигал аллювиальной равнины ниже города Хита, поблизости от Тигра. Широкая петля, образуемая обеими реками, превращала Месопотамию в остров (арабы и по сей день называют ее *Джезира*). В нижнем течении, от Хита до заболоченных районов юго-востока, где Евфрат впадал в Персидский залив, вдоль его русла (неоднократно менявшегося) располагались многочисленные древние города⁷ Евфрат не так многоводен, как Тигр; скорость его течения намного меньше, и он пригоден для судоходства на значительно большей протяженности. Ежегодный разлив, характерный для обеих рек, имел жизненно важное значение прежде всего для Вавилонии. Осенние дожди, проходящие на возвышенностях, вблизи истоков, вызывают общий подъем воды в обеих реках, который сохраняется зимой и весной. В апреле и мае под влиянием таяния снегов в горах Армении уровень воды поднимается до максимума, и реки затопляют равнины — первым выходит из берегов Тигр, за ним Евфрат. Вода спадает в июне и достигает минимального уровня в сентябре и октябре. Таким образом, в Месопотамии время разлива значительно менее благоприятно для возделывания зерновых культур, чем в Египте, где разлив наступает раньше и поля можно засеивать сразу же после того, как спадет вода и плодородный ил покроет почву.

Поскольку разлив рек в Месопотамии наступал поздно, появилась необходимость строить плотины и дамбы для защиты всходов

от затопления. Приходилось производить специальные земляные работы, чтобы накапливать воду и своевременно подавать ее туда, где появлялась в этом потребность. Важно было также и то, что поздний разлив усиливал засоление почв из-за быстрого испарения при увеличивающейся жаре⁸. Засоленность полей снижала урожаи, и по прошествии какого-то периода (длина его могла варьироваться) приходилось начинать освоение новых пашен, что, в свою очередь, вело к значительным колебаниям в плотности населения. Существовала еще одна важная отличительная черта, связанная со стремительностью поздних разливов Евфрата. Ил, который несла эта река, значительно менее плодороден, чем нильский, поэтому его нельзя было тут же отправлять на поля. Он засорял каналы, снабжавшие водой внутренние части страны, и мешал нормальному течению. Каналы приходилось очищать или заменять новыми. Вот почему рытье каналов и расселение жителей на новых землях, равно как и забота об исправности плотин, составляли часть экономической и политической программы каждого дальновидного правителя.

Месопотамию можно разделить на две области, отличающиеся по своим экологическим особенностям. Первая — аллювиальная равнина, образованная наносами двух рек, которые несли излишки ила в Персидский залив. Непрерывный подъем почвы компенсировался тектоническим понижением, что вместе с другими обстоятельствами вызывало поднятие уровня грунтовых вод⁹. Это не только лишает археологов возможности добраться до ранних культурных слоев (особенно раннего старовавилонского), но также ускоряет процесс засоления поверхностного слоя почвы в тех местах, где она орошается. Возвышенная часть земель подобного типа пригодна для пастбищ (в особенности весной), а при условии проведения ирригационных работ — и для посевов зерновых культур и садоводства (на юге, например, для выращивания финиковой пальмы, которая хорошо переносит соленую воду).

Что касается низин, то они превращаются в болота и порастают тростником. Так называемые болотные арабы искусно используют этот тростник, иногда в сочетании с глиной, для изготовления лодок и постройки домов. Они ведут полусухопутный образ жизни, селясь вдоль рек и на искусственных земляных насыпях на болотах и вокруг них¹⁰. Вторая область — плодородные долины, расположенные на холмах и вдоль притоков Тигра, где выпадает достаточно осадков для выращивания хороших урожаев ячменя. Там даже в настоящее время урожаи не уступают тем, которые собирают на орошаемых полях равнины, а порой и превосходят их. Есть здесь также достаточное количество пастбищ для разведения овец и коз (они служат дополнительным источником питания, их разводят также для продажи). В этих местах есть камень для строительных работ, а когда-то тут был и строительный лес. Район, расположенный у истоков Хабура, притока Евфрата, в центре Верхней Месопотамии, в свое время был особенно плодородным благодаря почвам вулканического происхождения.

Как и в остальных странах от Памира до Нила, возделывание злаковых составляло основу оседлого образа жизни, начиная с самых ранних поселений и вплоть до метрополий, относящихся к позднему периоду древнего Ближнего Востока. Сеяли ячмень, эммер, пшеницу и просо. Наименьшее значение (в отличие от Индии и Африки) имело просо, ячмень же использовался гораздо шире, чем пшеница. Интересно, что наблюдается определенная связь между излюбленными злаками и другими культурными растениями: Месопотамия была страной ячменя, пива и сезамового масла, тогда как к западу находился «культурный круг» пшеницы, вина и оливкового масла — об этом свидетельствуют ассирийские документы, а также тексты из Алалаха и Угарита и данные Ветхого завета. Ячмень шел на приготовление пресного хлеба и разных блюд, пшеница — на дрожжевое тесто и сладкие кушанья. Возделывание сезама¹¹, известное также речным цивилизациям Инда, обеспечивало население маслом с довольно острым привкусом, которое вместе с животными жирами (сало и что-то вроде сбитого масла) составляло существенную часть рациона жителей Месопотамии. Бобовые, по-видимому, были распространены мало; в текстах I тысячелетия до н. э. о них говорится редко в отличие от весьма частых упоминаний в эпоху III династии Ура. Из овощей чаще всего называются разные сорта лука и чеснок; иногда встречается репа. Существенную часть рациона, по-видимому, составляли острые, пряные растения и семена: кресс-салат, горчица, тмин и кориандр, которые употреблялись наравне с солью, чтобы придать пикантность монотонному меню — кашеобразным кушаньям из злаковых. Лен выращивали главным образом ради волокон, так как масло из льняных семян применяли только как лекарство. Что же касается фруктовых деревьев, то первоочередное экономическое значение имела финиковая пальма — она давала жителям Месопотамии наиболее распространенный вид сладостей. Мед был редкостью, по-видимому, его собирали только от диких пчел. Финиковая пальма — одно из первых культурных растений в Южной Вавилонии; ни одного дикого вида ее обнаружить не удалось. Для получения высоких урожаев фиников требуется искусственное опыление; вероятнее всего, этим занимались профессиональные садоводы. Финики легко сохранялись и являлись высококалорийной пищей, необходимой в рационе трудовой части населения. В I тысячелетии до н. э. из фиников готовился алкогольный напиток, заменявший ячменное солодовое пиво, которое было популярно до середины II тысячелетия до н. э. Виноградная лоза культивировалась, как правило, только в Верхней Месопотамии, хотя есть некоторые указания на то, что изюм и вино имели распространение и на юге — в самый ранний и самый поздний периоды. Другие плодовые деревья сажали редко: упоминаются яблоки, фиги, груши, гранаты, какой-то сорт слив, но выращивание этих плодов, видимо, не имело экономического значения. Надо иметь в виду, что в текстах, которыми мы располагаем, упоминаются почти исключительно те наиболее важные сельскохо-

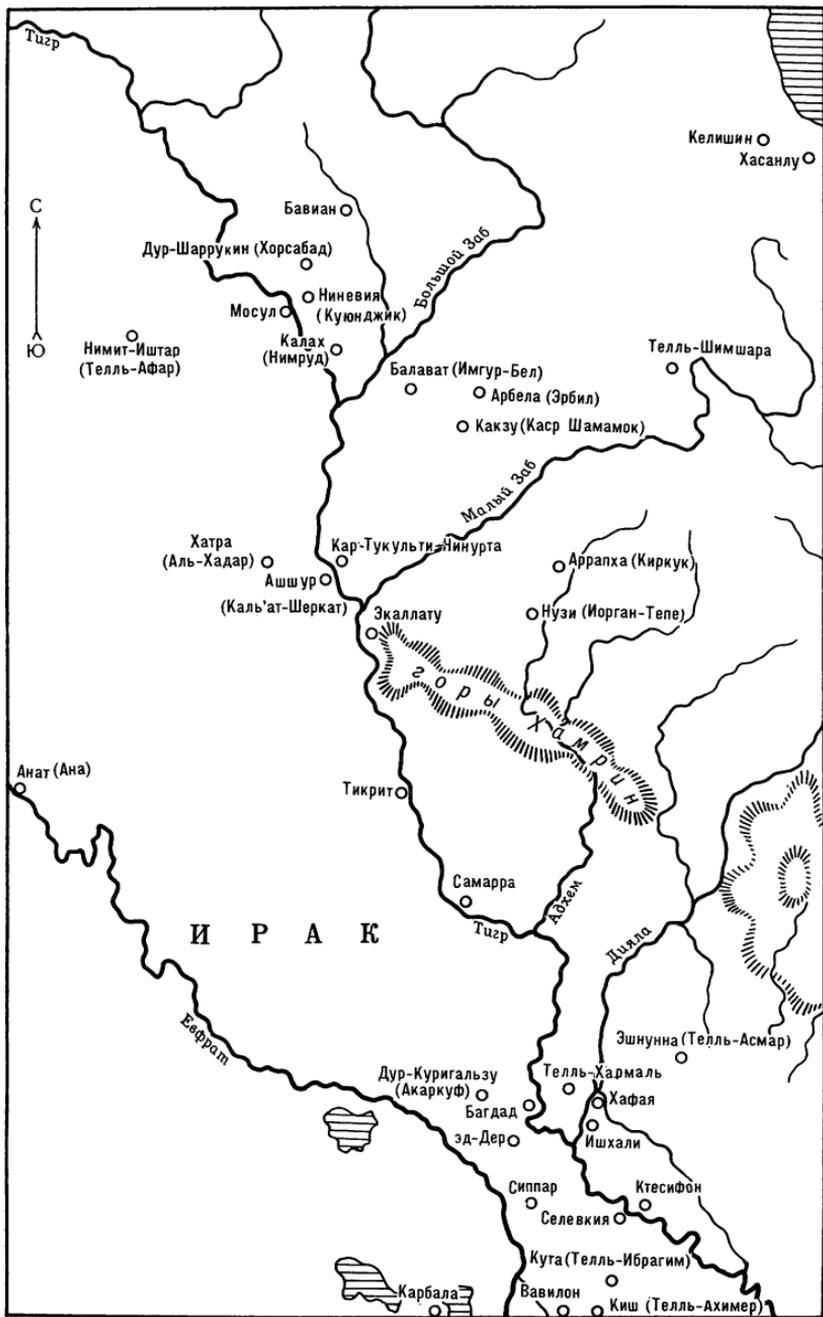
зайственные продукты, которые поставлялись храмам и дворцам или производились в больших поместьях, находившихся в частном или ленном владении. Вполне вероятно, что существовали и другие одомашненные растения, которые выращивались на малых полях или в садах и обеспечивали дополнительное питание определенным слоям населения. Следует также отметить, что перечень культурных растений остается постоянным на протяжении трех тысячелетий; правда, есть сведения, что персы внедрили в сельское хозяйство Вавилонии рис.

Домашних животных разводили прежде всего с целью иметь постоянный источник свежего мяса. Уже в ранний период упоминаются козы, овцы, свиньи и другие животные, такие, как олени и антилопы. Козы, овцы и свиньи легко приручались и давали не только мясо, но и шерсть (овцы) и пух (козы). Но одомашнить оленей и антилоп не удалось. Попытки приручить их, засвидетельствованные также в Древнем царстве Египта, прекратились в Месопотамии еще при III династии Ура и в начале старовавилонского периода¹². Коз и овец содержали под присмотром пастухов большими стадами, принадлежавшими храмам или дворцу. Если скот являлся собственностью частных владельцев, то последним полагалась определенная часть дохода, получаемого от стада. Такая практика существовала главным образом в I тысячелетии до н. э.

Найдены изображения нескольких пород крупного рогатого скота, сделанные месопотамскими художниками; однако в экономических документах эти породы еще не разграничены. До сих пор не решен вопрос, находятся ли они в родстве с восточными породами или с теми, которые были распространены в западных районах. Крупный рогатый скот первоначально использовали как тягловую силу при обработке земли и при молотье; в повозки его запрягали редко. Стадами скот содержался только в дворцовых и храмовых хозяйствах, очевидно, из-за необходимости перегонять его на зимние пастбища. Часто упоминается молоко, из которого делали разные виды сыров и масла. Их заготавливали впрок.

Среди непарнокопытных наиболее популярными вьючными животными были ослы; для верховой езды их использовали редко¹³. Начиная с раннего старовавилонского периода встречаются упоминания о лошади, последнем из непарнокопытных, которое появилось в Месопотамии. Лошадей чаще всего впрягали в боевые колесницы (в течение II тысячелетия до н. э. они превратились в эффективный род войск). Еще большее военное значение лошади приобрели, когда Ассирия после IX в. до н. э. ввела в состав своих войск кавалерию. Были известны и высоко ценились также мулы, которых выводили путем различных скрещиваний.

Что касается домашней птицы, то тут остается много неясного; от шумерского до персидского периода часто упоминаются гуси и утки, а также какой-то вид куропатки (возможно, франколин), птица *kurkû* и др. Однако мы не знаем, насколько твердо здесь можно говорить о настоящем приручении этих птиц¹⁴, хотя в до-

Верхний Тигр и Средний Евфрат

кументах часто упоминаются птичники и известно, что практиковался откорм птиц тестом¹⁵ Следует также упомянуть собак, содержащихся при доме и помогавших пастухам; засвидетельствовано и использование охотничьих собак.

Начиная с III династии Ура царственные особы держали в клетках и ямах львов, но лишь ассирийские цари упоминают, что они на них охотились. Ассирийские правители любили, чтобы их изображали за этим опасным занятием; одним из таких царей был Нимрод, «могучий охотник»¹⁶. Охотились ассирийские цари и на слонов (по среднему течению Евфрата и Хабура), а также на диких быков и страусов. Иногда они держали диких животных в своих парках и не прочь были этим похвастаться¹⁷ Кроме царской надо упомянуть еще и охоту, имевшую ритуальное значение; но другие виды охоты — для добывания пищи или истребления хищников, угрожавших стадам, — в Месопотамии не практиковались.

Рыба, речная и морская, широко употреблялась в пищу в сушеном и соленом виде лишь до середины II тысячелетия до н. э., причем использование ее все сокращалось. В экономических отчетах раннего старовавилонского и предшествующих периодов большое количество различной рыбы называется в таких контекстах, которые указывают на важное значение рыбного промысла для общины. Лексические списки подтверждают популярность рыбы — они включают бесконечное множество разных названий рыб. Однако в более поздних, а также в ассирийских текстах рыба и рыболовство упоминаются редко. Слово «рыбак» в нововавилонском Уруке даже стало означать «грубиян, необузданный человек»¹⁸.

Двугорбые и одnogорбые бактрийские верблюды считались в Месопотамии иноземными животными¹⁹ и попадали туда обычно в качестве военной добычи; известны были также обезьяны, которых привозили из Индии и Африки. В документах из Амарны мы находим письмо вавилонского царя египетскому фараону (Аменхотепу IV), в котором он просит прислать ему похожие на живые (вероятно, чучела) образцы египетских «животных, которые живут и на земле, и в реке»; речь, вероятно, шла о крокодилах и гиппопотамах²⁰ Видимо, царь, прослышав об этих странных животных, захотел посмотреть на них и выставить в своем дворце.

Действующие лица

Прежде чем говорить о тех, кто выступал на сцене, где разыгрывалось действие, именуемое месопотамской цивилизацией, следует подчеркнуть, что наши сведения почти целиком основаны на письменных источниках: выделить и охарактеризовать те или иные группы «действующих лиц» возможно лишь благодаря тому, что памятники донесли до нас их язык. Определить и описать расовые и этнические группы мы не можем. В Месопотамии отношения

между этими тремя категориями — лингвистической, расовой и этнической — исключительно сложны и до сих пор недостаточно исследованы. Общеизвестно, что в столь сложных цивилизациях расовые, этнические и лингвистические категории совпадают крайне редко. Следует помнить и о том, что письменные тексты не дают надежной картины языка, который фактически бытовал в обществе, где эти документы создавались. В особенности это верно для Месопотамии, где чаще, чем нам хотелось бы, крайний и последовательный традиционализм отделял язык писцов от того, на котором они сами и их современники говорили в повседневной жизни.

Много народов прошло через Месопотамию, и большинство из них оставили после себя письменные памятники. С момента, когда проясняется лингвистическая принадлежность обитателей Месопотамии, и до конца политической независимости страны главными ее обитателями на юге считаются шумеры, вавилоняне и халдеи, а на севере — ассирийцы, хурриты и арамеи. Завоеватели, которым время от времени удавалось обосноваться в отдельных районах Месопотамии, тоже оставили нам разнообразные письменные свидетельства — от отдельных слов, списков слов и собственных имен до внушительного собрания литературных памятников. Среди этих племен можно упомянуть кутиев, западных семитов (амореев), касситов, эламитов и хеттов. Эламиты и хетты совершали на Месопотамию лишь краткие набеги; существовали, по всей вероятности, и другие завоеватели, след которых сохранился в многочисленных древних (до конца II тысячелетия до н. э.) именах собственных, этимологически не связанных ни с шумерским, ни даже с каким-либо семитским диалектом. Другие следы этих языковых групп обнаруживаются в той части шумерского и аккадского словарного запаса, которая не может быть признана исконно шумерской или аккадской. Когда после завоевания Ниневии мидийцами (612 г. до н. э.) и Вавилона персами (539 г. до н. э.) политической независимости Месопотамии настал конец, последующая история этого региона развивалась по той же схеме. Александр Македонский покорил Вавилонию, в то время сатрапию Персидской империи Ахеменидов; парфяне, спустившиеся с Иранского плоскогорья, положили конец правлению преемников Александра — Селевкидов, сделавших своей столицей Селевкию на Тигре. Через пятьсот лет парфяне, в свою очередь, были побеждены персами, которыми правила тогда династия Сасанидов.

Первые доступные для прочтения месопотамские документы (из Урука, Ура и Джемдет-Насра) написаны по-шумерски²¹. Вполне вероятно, что шумеры приспособили для своих нужд уже существовавшую систему и технику письма. Эта система принадлежала, видимо, более ранней, исчезнувшей цивилизации, местной или иноземной, которая, может быть, имела отношение к иностранным элементам в шумерском словаре, к топонимике региона и, возможно, к именам почитавшихся там божеств. Шумеры представ-

ляли собой лишь одну из нескольких этнических групп; к ним принадлежали и протоаккадцы, говорившие на каком-то раннем семитском диалекте. Из соединения этих элементов и выросла месопотамская цивилизация. Она возникла за удивительно короткий период и существовала на протяжении более трех тысячелетий, претерпевая различные более или менее крупные изменения, активно воздействуя на соседние цивилизации и вызывая ответные реакции с их стороны.

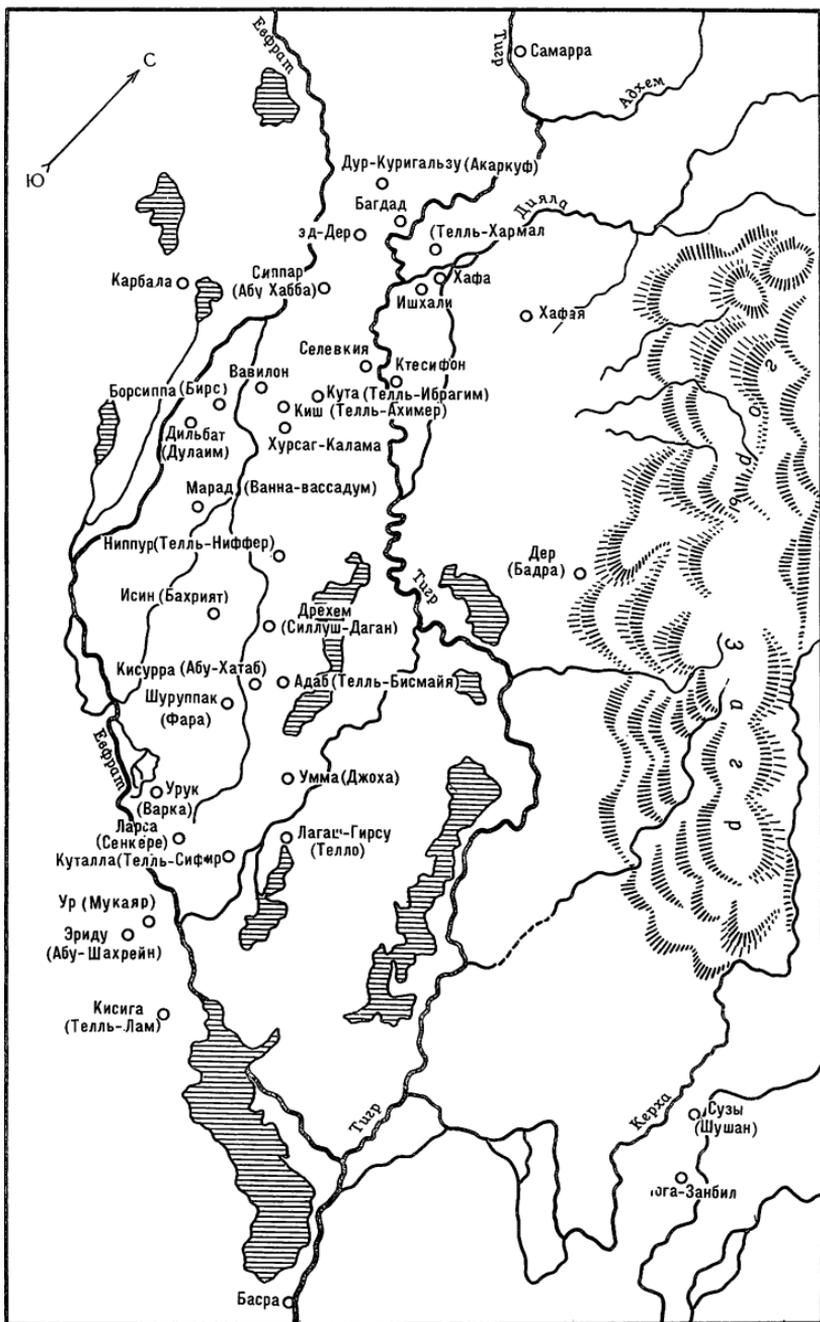
Место шумерского языка в лингвистической системе до сих пор не установлено. Возможно, он представлял собой один из языков, на котором говорили горные племена, проходившие через Нижнюю Месопотамию в доисторический период. В Уруке, на юге Месопотамии, шумерская культура достигла своего апогея. На это указывают неоднократные упоминания Урука в религиозных и литературных текстах, включая и тексты мифологического содержания; тот же вывод подсказывает историческая традиция, сохраненная в шумерских «царских списках». Из Урука политический центр переместился, по-видимому, в Ур, а затем непрерывно передвигался по направлению к верховьям рек, начиная с Эреду и кончая Ашшуром на Тигре и Мари на Евфрате. Политические интересы и экономический потенциал перемещались в том же направлении, захватывая новые города и районы, которые начинали доминировать в политике, тогда как старые области утрачивали значение, застывали и даже отмирали. Политические центры передвигались из Ура в Киш, в Аккад, в Вавилон и, наконец, в Ашшур. В Ассирии происходил аналогичный процесс: столица переместилась из Ашшура в Калах, а затем в Ниневию. На юге наблюдалась другая удивительная особенность: там временами развитие шло как бы в обратном направлении, и возникали периоды безвластия. В таком «вакууме» в течение некоторого времени находился город Ниппур, а также Сиппар, лежавший севернее. В конце концов весь юг впал в состояние застоя, уступив всю политическую инициативу правителям северных городов. Ход исторических событий показывает периодические отклонения от основного пути, свидетельствующие о неоднократных попытках юга (III династия Ура и династия Ларсы) снова захватить политическое и культурное главенство и об интенсивности скрытой борьбы. Главенствующее положение, которое постепенно завоевывал аккадский язык, вытесняя шумерский, далеко не полностью отражает масштабы конфликта, который не был расовым или политическим, а, скорее, отражал столкновение двух разных принципов социальной и духовной жизни. Это привело к существенным изменениям в структуре месопотамской цивилизации — таким, как усиление царской власти и одновременное уменьшение роли храмов, переход от концепции города-государства и непосредственных взаимоотношений между городами к политике главенства и геополитическим устремлениям, наконец, перемены в структуре семьи, подлинный масштаб которых до сих пор неизвестен. Ни языковые связи, ни политические цели не повлияли на ход

этих изменений, в результате которых шумерский вариант месопотамской цивилизации оказался подорванным изнутри и потерпел крах. Богатая литература того времени вполне могла бы дать некоторую информацию, если бы мы могли избавиться от предвзятого представления о том, что все, написанное на шумерском языке, обязательно отражает «шумерскую» цивилизацию в противоположность «семитской».

Содержание шумерских текстов отличается необычайным многообразием: от административных актов (Урук, Ур, Фара, огромный архив периода III династии Ура, Ниппур, Лагаш, Дрехем и Джох), царских надписей (главным образом правителей Лагаша) и литературных произведений — гимны, плачи, заклинания и молитвы — до кодексов законов, судебных приговоров, пословиц и мифов (главным образом из Ниппура). Переход к аккадскому языку происходил поэтапно: первыми стали писаться на аккадском некоторые группы текстов, например документы дворцового происхождения (законы и царские надписи); другие виды шумерских текстов исчезли совсем (судебные решения, царские гимны — за немногими исключениями) или стали снабжаться аккадскими подстрочниками (заклинания и т. п.); третьи после перерыва стали появляться вновь уже в аккадском варианте (мифологические и эпические тексты). Понятно, что весь переход с шумерского на аккадский в действительности был гораздо сложнее нарисованной нами прямолинейной схемы. Он оказал глубокое влияние на всю последующую историю месопотамской цивилизации.

В этом отношении особенно существенно то обстоятельство, что переход этот был неполным. В последней трети старовавилонского периода перевод шумерских текстов прекращается, и те тексты, которые к этому времени сохранились на шумерском, так и были оставлены в русле литературной традиции в их изначальном виде, тогда как новые пишутся уже на аккадском. Процесс перехода на другой язык как бы застыл на полпути. Писцы обязательно должны были владеть двумя языками и вплоть до эпохи Ашшурбанапала могли составлять, когда этого требовали политические соображения, царские надписи в стиле III династии Ура. В течение более полутора тысячелетий писцы заучивали бесконечные списки шумеро-аккадских соответствий и грамматических форм, снабжали шумерские тексты пояснительными и фонетическими примечаниями и, по-видимому, время от времени продолжали создавать шумерские тексты. Месопотамская литературная традиция приобрела замечательную гибкость благодаря тому, что ей удалось успешно сохранить шумерский язык как язык науки и религии, после того как в первой трети II тысячелетия до н. э. он перестал быть средством общения²². Некоторое время литературная традиция сохранялась неизменной даже после замены аккадского другим семитским языком — арамейским; она выдержала удачную трансплантацию в научные центры Ассирии, даже в те, которые находились вне столиц.

С появлением клинописных текстов на древнеаккадском — диалекте семитов, которые к этому времени, по-видимому, заселили (или, во всяком случае, начали осваивать) районы, расположенные вверх по течению от шумерских центров, — в Месопотамии выявились первые претенденты на политическое единовластие. Сначала правитель Уммы (Лугальзагеси), а за ним правитель расположенного севернее, пока безымянного аккадского города (Саргон Аккадский) стали проводить политику экспансии и завоеваний. Вряд ли когда-нибудь удастся узнать, какие именно экономические, социальные или идеологические изменения вызвали этот перелом в политике. Первые успехи на пути завоеваний в дальнейшем определили политические концепции и притязания правителей Месопотамии. Пример Саргона использовали не только правители шумерской династии Ура (так называемой III династии Ура); ассирийские цари на протяжении целого тысячелетия рассматривали Саргона как предтечу и в своих политических устремлениях следовали его образцу. Династии Ура удалось создать хорошо управляемое государство с четким разделением власти и политической ответственности, с наместниками в провинциях, таких, как Элам, Мари и отдаленная Ассирия²³ Хотя по своей структуре это государство и представляется более прочным, чем быстро возвысившиеся, но неустойчивые царства Саргона и Нарам-Суэна, Ур оказался столь же недолговечным. Аккадский язык продолжал вытеснять шумерский или, во всяком случае, соперничать с ним и ограничивать его применение определенными сферами жизни (например, административной), специфическими жанрами литературы и т. д. С возникновением династий Исины, Ларсы и, наконец, Вавилона политическое влияние снова переместилось на север. Кроме того, в этот период (первая половина II тысячелетия до н. э.) становится очевидным новый лингвистический сдвиг. С одной стороны, мы наблюдаем проникновение в писцовую традицию аккадского (старовавилонского диалекта), происходившее в промежутке между началом династии Ларсы (2025 г. до н. э.) и концом династии Вавилона (1595 г. до н. э.); с другой стороны, в исторических, юридических и административных документах мы встречаем все больше и больше семитских, но не аккадских собственных имен. Значение этого периода в истории месопотамской цивилизации вряд ли можно переоценить. Царские надписи пишутся на аккадском наравне с шумерским, и писцы начинают осознавать художественные возможности старовавилонского диалекта для литературного творчества. При ближайшем рассмотрении в этом диалекте удастся различить поддиалекты и четко разграниченные литературные уровни. Старовавилонский диалект, сложившийся в этот период, лингвистически заметно отличается от древнеаккадского, на котором говорили и писали до падения III династии Ура. Однако разница между старовавилонским и древнеаккадским простирается за пределы лингвистических особенностей, захватывая также палеографию, систему письма (например, выбор знаков) и внешние особенности текстов (такие, как форма и размер табли-

Вавилония и Элам

чек). Все эти изменения говорят о существенных переменах в системе обучения писцов и в традициях их ремесла.

Таким образом, в период становления аккадской месопотамской традиции можно выделить три лингвистических уровня — древнеаккадский, старовавилонский и еще один посторонний — западносемитский диалект. Наиболее древний слой — это древнеаккадский, на сегодняшний день засвидетельствованный в собственно Месопотамии, в районах к востоку от Тигра, от Суз до Гасура (Нузи), а также на Среднем Евфрате (Мари). Поскольку множество лингвистических особенностей и письменных приемов объединяют староассирийский (на нем говорили в Ашшуре на Тигре) с древнеаккадским, можно рассматривать эти два диалекта как принадлежащие к той ветви аккадского, которую, за неимением лучшего обозначения, я предлагаю называть «тигрской». По-видимому, на этих диалектах говорили жители, населявшие берега Тигра; позднее носители этих диалектов проникли в собственно Вавилонию, которой в тот период (последняя треть III тысячелетия до н. э.) владели шумеры. В своей северной, позднейшей (староассирийской) форме эта ветвь аккадского распространилась на горы Загра и даже на Анатолию. Мы противопоставляем древнеаккадский, староассирийский и все другие родственные им диалекты, которые еще могут быть открыты в будущем, другой ветви — «евфратской» (если можно так выразиться), носители которой продвигались вниз по течению Евфрата в Вавилонию и говорили на старовавилонском языке.

Это распределение во времени и пространстве подразумевает, что носители более ранней, «тигрской» ветви диалектов двигались — как и все поздние семиты — из Северной Аравии через среднее течение Евфрата на восток, за Тигр, в район между этой рекой и горными хребтами. Следующая же волна иммиграции обосновалась вдоль берегов Евфрата; название этой реки мы и предлагаем использовать для обозначения второго лингвистического слоя. Этот второй слой — старовавилонский диалект, пришедший в Месопотамию на смену древнеаккадскому, — представляет собой наиболее важный из упомянутых лингвистических слоев. Его значение объясняется в первую очередь тем, что он в конце концов стал литературным языком месопотамской традиции и распространился далеко за те пределы, которых достиг древнеаккадский. Почти одновременно с возникновением второго, «евфратского», языкового слоя появляются свидетельства того, что довольно большая и политически господствующая часть населения Месопотамии говорила на особом семитском языке, обычно называемом аморейским. Он составляет третий языковой слой, представленный почти исключительно именами собственными нового типа. Разумеется, отсюда не следует, что вклад аморейского в месопотамскую цивилизацию ограничивается одними именами: можно лишь констатировать, что по той или иной причине только они нашли отражение в документах.

На одном из периферийных диалектов, родственном древне-

аккадскому, говорили, как упоминалось выше, в Ашшуре и его окрестностях; этот язык прошел несколько этапов внутреннего развития и существовал более тысячелетия, успешно сопротивляясь воздействию языка месопотамской литературной традиции. Ассириологи обычно выделяют его из вавилонского диалекта юга и называют ассирийским. Они настаивают на равноправности обоих диалектов и применяют к ним одинаковое трехчленное деление, различая старо-, средне- и новоассирийский и старо-, средне- и нововавилонский. Но такая четкая симметричность искажает истинную картину.

Правильнее было бы рассматривать по отдельности различия первого и второго плана. Первостепенное различие существовало между литературным диалектом, т. е. старовавилонским, и несколькими диалектами, на которых велись делопроизводство, судопроизводство, а также частная и официальная переписка как в Ассирии, так и в Вавилонии со старовавилонского периода и вплоть до исчезновения клинописной системы письма. В течение всего этого периода старовавилонский оставался (с незначительными изменениями) единственным языком литературного творчества и в Вавилонии, и в Ассирии.

Различие второго плана касается только нелитературных текстов, которые по географическому признаку распадаются на четкие группы. К тому же по чистой случайности их распределение во времени совпадает с традиционным разделением на три стадии. Так, староассирийским мы называем диалект документов, происходящих почти исключительно из Анатолии (Кюль-тепе), — в действительности он является северной разновидностью тигрско-аккадской ветви. Среднеавилонским мы называем язык, на котором в середине II тысячелетия до н. э. на юге, в Ниппуре, Уре и Дур-Куригальзу, составлялись административные документы и письма. Язык аналогичных текстов, происходящих из Ашшура примерно того же периода и несколько более поздних, — среднеассирийский, хотя между ним и староассирийским лежит период большей протяженности, чем между среднеавилонским и старовавилонским. Язык многих административных писем, текстов и юридических документов, которые происходят из Урука, Ниппура и Сиппара и в меньшей степени из Вавилона, Борсиппы и Ура, называют нововавилонским. Это диалект, которым пользовались в собственно Вавилонии начиная с VII в.; самые ранние свидетельства обнаружены, как ни странно, в царских архивах Ниневии, в Ассирии²⁴. Другие тексты из тех же самых архивов дают большую часть материалов на диалекте, который мы называем новоассирийским, хотя в Калахе и в других местах также попадаются тексты на этом диалекте²⁵.

Каждой из упомянутых групп текстов присущи определенный фон, характерное содержание, стиль и палеографические особенности; ее своеобразие не исчерпывается чисто языковыми признаками. Каждая группа нуждается в специальном изучении, и эти различия следует все время иметь в виду. Крайне редко пере-

численные выше диалекты используются в литературных целях. Иногда пишущий сознательно пытается создать нечто новое, выходя за рамки традиционного корпуса литературных текстов, или использует тот или иной диалект из политических соображений. Неизбежны, конечно, следы эпизодического влияния диалектов на правописание, грамматику и лексику традиционных текстов. Мы намерены показать, как на стиле и содержании царских надписей отразилась живая традиция каждого диалекта, его непосредственное окружение. Чтобы проследить историю аккадского языка, предстоит еще много работы по анализу отдельных групп текстов. В конце концов этот способ может оказаться более плодотворным, чем попытки снять проблему совсем, ориентируясь на однолинейное развитие или применяя схоластические схемы.

Мы надеемся, что это отступление будет способствовать пониманию решающего периода в истории Вавилонии — пятисот лет от самых ранних текстов на аккадском до конца династии Хаммурапи. События того времени оказали влияние на всю политическую и интеллектуальную историю региона.

Случаи подобного возникновения и становления литературной традиции на диалекте, отличном от того, которым, по-видимому, пользовалась правящая политическая группа, дважды зафиксированы несколькими столетиями позже и при более известных обстоятельствах. В обоих случаях новые языки, враждебные для данного региона, не оставили почти никаких следов. Пришельцы, говорившие на одном или нескольких западносемитских диалектах (в первой половине II тысячелетия до н. э.), и те, кто пользовался одним или несколькими арамейскими диалектами (почти на тысячелетие позднее), восприняли язык страны, которую они завоевали или в которой захватили политическую власть. То же самое относится к касситам в середине II тысячелетия до н. э. В отношении касситов и арамейцев мы знаем, что разрыв между культурами завоевателей и более развитых оседлых народов, на территорию которых они вторглись, был весьма существенным. Поэтому неудивительно, что завоеватели, даже обладая политической властью, отказывались от своего языка и воспринимали язык покоренного, но более культурного народа. Что же касается первого случая, то дело обстоит сложнее, поскольку мы слишком мало знаем о западносемитских, «аморейских» завоевателях, их военном потенциале, относительном уровне культуры и той специфической социальной обстановке, в которой они оказались²⁶.

С начала вторжения кочевников с плоскогорий и пустынь и вплоть до окончательного арабского завоевания, приведшего к *tabula rasa**, на которой нужно было создавать новый уклад жизни в Месопотамии, семиты составляли подавляющее большинство населения. Племенные группы в поисках новых пастбищ, орды воинов, стремившиеся к богатствам «Гардарики» («Земли городов», как называли норманны Русь), — все они двигались

* *Tabula rasa* — чистая табличка (лат.).

непрерывным потоком, главным образом из Верхней Сирии, используя, по-видимому, постоянные пути, ведущие на юг или, через Тигр, на восток. Кроме лингвистических различий группы вторгавшихся семитов различались и по их отношению к городской культуре — основной социальной и политической особенности Месопотамии. Одни завоеватели были склонны обживать городские поселения и даже иногда вносить свой вклад в дело урбанизации; другие предпочитали свободно передвигаться по необжитым пространствам и обосновываться в небольших временных лагерях — обычай, существовавший с самых ранних времен и до конца истории независимой Месопотамии. Эти последние группы являлись элементом, непрерывно провоцировавшим недовольство и беспорядки, так как они всячески уклонялись от уплаты налогов, от воинской и трудовой повинности, не желая покупать этой ценой безопасность, которую им гарантировала более или менее прочная центральная власть.

Неизвестно, как происходило расселение семитов в доисторический период. Из доступных нам источников следует, что семиты уже давно обосновались в городах от Ашшура до области к северу от Ниппура. В заселении «дальнего юга» они, видимо, участия не принимали. Следующая волна завоевателей, говоривших на старовавилонском, оказала влияние, по-видимому, на гораздо меньшую и четко очерченную территорию. Совершенно неясно отношение этой группы к третьей волне завоевателей, к тем, присутствие которых сказалось исключительно в появлении новых имен собственных. Упомянувшиеся уже амореи, возможно, представляли собой более воинственное общество: мы знаем, что они оказали воздействие, вероятнее всего через воинскую правящую верхушку, практически на все страны, расположенные между Средиземным морем и Персидским заливом. Амореи, видимо, отличались по своей социальной структуре от более ранних семитских групп, селившихся в Месопотамии. Подобные группы, как известно по историческим аналогиям, не оказывали почти никакого влияния на язык побежденных и готовы были относиться с уважением к любому культурному уровню, который они считали выше своего. Все же возможно, что правящие семьи аморейских воинов заслуживают большего внимания, чем то, которое им уделяют современные ассириологи, интересующиеся только отражением их языка в именах собственных. Поскольку об амореях известно так мало, можно *a priori* предположить, что именно их влияние вызвало многие (если не все) изменения политических концепций Месопотамии после драматического краха империи Ура. Наиболее существенные из них — переход от концепции городов-государств (включая владычество одних городов над другими или даже союзами городов) к концепции территориальных государств, рост торговых отношений за счет частной инициативы, расширение горизонтов международной политики, а внутри государства — умение быстро использовать смену политической принадлежности для контроля над создавшейся ситуацией. Тут проявляется

результат непосредственных личных решений царя, не скованного жесткими традициями, которым вынуждены были следовать правители городов, привыкшие к мелким конфликтам, связанным со спорами за орошаемые земли или пастбища. Политическими правителями нового типа стали в Месопотамии такие организаторы, как Хаммурапи в Вавилоне, который с помощью новых идей изменил социальную структуру страны, чтобы поддержать свою армию, и Шамши-Адад I, отчаянно и безуспешно боровшийся за объединение огромных земель Верхней Месопотамии в единое территориальное государство. Можно спорить о том, в какой мере кочевой образ жизни способствовал развитию таких концепций и помогала ли прочность семейно-родовых тенденций поддержанию международных контактов между правителями. Тот факт, что при царе Амми-цадуке, предпоследнем правителе старовавилонской династии, различие между «аккадцами» и «амореями» было закреплено официальным эдиктом, служит свидетельством того, что различия между ними — социальные и экономические — существовали, по-видимому, на протяжении всего царствования этой династии.

Новая и гораздо более интенсивная волна вторжений семитских племен прокатилась по всему древнему Ближнему Востоку спустя почти полтысячелетия. В XII в. до н. э. на территории от Евфрата до побережья Средиземного моря появляются племена, говорившие по-арамейски; они проникли вниз по течению Евфрата в собственно Вавилонию, а затем, как и их предшественники, продвинулись через Евфрат до берегов Тигра и далее. Но вели они себя иначе²⁷ На северо-западе они не приняли месопотамскую цивилизацию — ни ее язык, ни письменность; однако на юго-востоке они испытали вавилонское влияние, заимствуя, как правило, аккадские имена собственных и (во всяком случае, поначалу) аккадскую письменность и язык. Но в конечном счете победу одержали их собственный язык и техника письма.

Обосновываясь в Сирии и прилегающих областях, арамеи сохраняли свой язык и использовали алфавит западного происхождения — впервые засвидетельствованный в Угарите — для письма на камне, коже и черепках. Далеко не ясен вопрос о том, насколько культурные традиции приморских государств и «восточнолувийских» княжеств в Северной Сирии близки традициям арамейских завоевателей. Месопотамия, особенно Вавилония, по-видимому, потеряла способность подчинять своей культуре завоевателей, которые не находились с ней в непосредственном контакте. Соседние цивилизации стали делать надписи и составлять административные акты на собственных языках и применять свою систему письменности; глина как материал для письма исчезла за пределами Месопотамии, за исключением Элама и (на короткое время) Урарту. Аккадский язык и письмо в это время явно пошли на убыль по сравнению с их повсеместным распространением в амарнский период.

Ассирия, самый опасный враг арамеев, вряд ли могла оказы-

вать на них влияние. Значительная часть арамеев просочилась в Верхнюю Сирию и районы, расположенные вдоль Евфрата, где города-государства и мелкие царства, находившиеся под постоянной угрозой агрессии со стороны Ассирии, стали легкой добычей пришельцев. Здесь, естественно, шла ассимиляция, принимавшая довольно разнообразные формы. Хотя ассирийские цари после многовековых кровопролитных войн снова сумели проложить путь к Средиземноморью через «арамейский барьер», господство арамейского языка, начавшееся вскоре после вторжения арамеев в Месопотамию, осталось непоколебленным на всем древнем Ближнем Востоке. Арамейское алфавитное письмо чернилами на пергаменте, коже и каком-то материале, сходном с папирусом, медленно, но неотвратно вытесняло старую (клинописную) традицию письма в центральной части Месопотамии. Роль арамеев в Месопотамии трудно оценить однозначно. С одной стороны, с их приходом была связана растущая дезурбанизация периферийных районов за пределами старых больших городов, что привело к образованию цепи племенных государств у самых ворот таких городов, как Вавилон, Урук, Ниппур, Ур и Борсиппа; с другой стороны, арамеи выступили за Вавилонию в ее борьбе против притязаний Ассирии на гегемонию и вели вполне успешную освободительную борьбу, которая завершилась воцарением династии халдеев при Набопаласаре и его сыне Навуходоносоре II, обеспечив Вавилонии последний, кратковременный триумф — власть над всем древним Ближним Востоком.

Наконец, говоря о семитах в Месопотамии, следует отметить, что контакты с арабами пустынь до их вторжения в Месопотамию и соседние районы в VII в. н. э. были в основном незначительны и меркнут на фоне непрекращавшейся экспансии Новоассирийской империи. Вполне вероятно (хотя это и не может быть документально подтверждено), что арабы, а не только набатеи принимали участие в международных торговых связях, простиравшихся от Медины и Петры через Тадмор (Пальмиру) и Дамаск до Вологезии в Южной Вавилонии, в основном совпадая со старыми торговыми путями, соединявшими Средиземное море с Персидским заливом.

Среди чужеземных народов, которые двигались через Месопотамию или проникали в нее как завоеватели, наиболее важны группы, говорившие на хурритских языка, так как их традиции были достаточно сильны, чтобы противостоять влиянию аккадского языка, а также — в точно неизвестной, но значительной степени — влиянию месопотамской цивилизации. Присутствие этих групп засвидетельствовано на всей территории Месопотамии; характерные для них собственные имена встречаются в текстах по крайней мере с конца III тысячелетия до н. э.

По неизвестным причинам хурриты стали играть значительную политическую и культурную роль в восточной части Месопотамии, наиболее важная фаза развития которой скрыта от нас из-за отсутствия документов, относящихся ко времени, которое называют

«Темный период». Но следы хурритской политической власти, хурритских учреждений, их языка и искусства, относящиеся ко времени до и главным образом после «Темного периода», в изобилии имеются повсюду — от Мари, долин Загра и Армении вплоть до Анатолии и побережья Средиземного моря. Хурритское влияние на ассирийский вариант месопотамской цивилизации было, по-видимому, особенно сильным. Установить степень хурритского и других, нехурритских влияний на Ассирию весьма трудно потому, что после «Темного периода» определенные круги в Ассирии стремились в религии, общественной жизни и даже в языке подражать вавилонским образцам.

Совершенно иными были отношения, развивавшиеся между горцами-касситами и вавилонянами. Касситские правители занимали вавилонский трон около пятисот лет, хотя свои имена они сохраняли примерно с 1700 по 1230 г. до н. э. Оценить широту и глубину их влияния на месопотамскую цивилизацию в целом несколько затруднительно, главным образом из-за отсутствия документальных данных. Касситы весьма последовательно принимали существующие способы выражения и формы поведения в частной, официальной и религиозной жизни. Они пошли даже дальше (как делают обычно неопиты или пришельцы, приобщившиеся к более высокой цивилизации), заняв подчеркнуто консервативные позиции, по крайней мере в придворных кругах. Прекрасной иллюстрацией могут служить царские надписи касситского периода, которые своей намеренной сжатостью напоминают традиционный стиль эпохи, предшествовавшей династии Хаммурапи. Слегка драматизированный, выпрешенный стиль надписей времен I Вавилонской династии был упразднен вкупе с большинством (если не со всеми) осуществленных в тот период социальных преобразований, не говоря уже о политических идеях. В то же время гораздо больше внимания обращалось на поддержание письменной традиции, и прежде всего на сохранение существующего корпуса литературных и ученых текстов. Все, что осталось от касситского языка, — это личные имена, имена богов, фрагмент словаря и некоторое количество технических терминов.

Эламнты, чье политическое влияние ощущалось на юге Месопотамии (особенно в периоды кризисов и отсутствия государственного контроля), в целом не оказали существенного воздействия на Месопотамию. Месопотамская цивилизация решительным образом затмила эламскую, выросшую из местных корней. Об их взаимосвязи, так же как и об отношениях месопотамской и хеттской цивилизаций, мы будем говорить в следующем разделе этой главы. Хетты, по имеющимся сведениям, лишь один раз вторглись в Месопотамию; во время короткого набега они дошли до Вавилона (ок. 1600 г. до н. э.).

Наконец, следует упомянуть кутиев, о вторжении которых в Южную Месопотамию и о кратковременном правлении там известно из шумерских источников. Между прочим, это единственный случай, когда в клинописных текстах с нескрываемой

враждебностью сообщается о победе над интервентами; похожую ненависть, пожалуй, испытывали египтяне к гиксосам. Короткий перечень царских имен, отдельные слова, рассеянные по текстам, — вот и все, что дошло до нас от языка кутиев.

Для полноты картины остается сказать о немногочисленных греческих транслитерациях аккадских и шумерских слов и фраз, обнаруженных на глиняных табличках; греческие буквы на них были процарапаны²⁸. Возможно, внимание Греции к клинописным текстам и увядающей цивилизации Месопотамии нашло выражение в греческих сочинениях, составленных при дворе Селевкидов. Если это так, то их интерес, вероятно, был гораздо меньшим, чем к египетской культуре при дворе Птолемеев. Сохранившиеся греческие источники свидетельствуют о весьма умеренном интересе к Месопотамии. Не следует, однако, забывать, что неблагоприятная почва Нижней Месопотамии привела к гибели всех пергаментов и папирусов; этим, возможно, объясняется немногочисленность источников по древней истории Месопотамии, сохранившихся от эпохи Селевкидов.

Окружающий мир

В течение почти трех тысячелетий своей отразившейся в письменных документах истории Месопотамия находилась в постоянных конфликтах с соседями, а порой и с отдаленными цивилизациями. Регион, с которым осуществлялись связи — прямые или через известных нам посредников, — простирался от долины Инда через Ирак (а порой даже заходя за его пределы), Армению и Анатолию до Средиземноморского побережья и далее, вплоть до Египта. Побережье Аравийского полуострова с неизвестными нам цивилизациями представлялось чем-то отдаленным и загадочным. Направление и интенсивность контактов бывали, конечно, различны, и причины их изменения не всегда удается установить. Можно утверждать, что в этом регионе с самых ранних времен наблюдалось своего рода «осмотическое давление» с востока на запад. Хорошо известно, что одомашненные растения, прирученные животные и связанные с этим технологические процессы распространялись через Месопотамию из какого-то отдаленного центра Евразии, возможно из района Бенгальского залива.

В исторический период у нас есть бесспорные свидетельства о наличии торговых связей, осуществлявшихся морским путем, между Южной Месопотамией (главным образом Уром) и областями на востоке, называемыми в шумерских и раннеаккадских надписях Маганом и Мелуххой. Через такие перевалочные пункты, как остров Бахрейн (шумерский и аккадский Дильмун) в Персидском заливе, ввозились медная руда, слоновая кость и драгоценные камни. Они доставлялись с каких-то неизвестных нам пунктов на побережье, которые могли находиться вблизи Омана или за ним. Во всяком случае, эти связи были прочными: во времена Аккадской империи имелись даже официальные переводчики

с мелуххского языка ²⁹ Когда по неизвестным причинам связи с Востоком были прерваны, Маган и Мелухха стали восприниматься как названия мифических стран. Начиная со второй половины II тысячелетия до н. э. так обозначали крайний юг ойкумены, в частности Египет, где в то время правила одна из эфиопских династий; Мелухху стали считать родиной темнокожих. По-видимому, контакты с Востоком были наиболее оживленными в ранние периоды — до конца III тысячелетия; только много позднее — в персидское время и в эпоху Селевкидов — они снова достигли относительной интенсивности. Прекращение торговли через залив могло быть вызвано политическими переменами в одном из государств-посредников или в самой восточной стране, поставлявшей товары в Ур. Возможно, изменилось и отношение Месопотамии к международным связям.

Беспорядки и войны, предшествовавшие падению династии Хаммурапи, сужение политического кругозора и прогрессирующее окостенение месопотамской цивилизации вызвали сопротивление иностранному влиянию. Контакты с внешним миром в области торговли осуществлялись только на уровне дворцов. На смену торговле, основанной на частной инициативе и лишь временами пользовавшейся поддержкой храмов и дворца (в той форме, в которой она засвидетельствована ранее в Уре через Персидский залив) и Ашшуре (вплоть до Анатолии), с середины II тысячелетия до н. э. пришел обмен подарками между царями через царских эмиссаров. Это резко ограничило всякого рода ввоз — как сырья и товаров, так и идей. Наступил застой и в области технологии. В Вавилонии в отличие от Ассирии положение не спасал приток ремесленников и художников в виде военнопленных. Равновесие, которое было достигнуто в касситский период, после того как эксперименты Хаммурапи были либо доведены до конца, либо прекращены, создало довольно инертную социальную структуру. Застой способствовала также статичность вавилонской религии и сокращение экономического влияния крупных святилищ. Такое положение вещей до известной степени подтверждается сохранившимися месопотамскими, особенно вавилонскими, произведениями искусства, которые, несмотря на присущий им традиционализм, служат чутким индикатором состояния общества. Застой был нарушен, по-видимому, в результате изменений в геополитической ситуации: Вавилония, освободившись (с помощью арамейских племен) от господства Ассирии, оказалась в состоянии одолеть Ассирийскую империю. Эта победа совпала с усилением давления иранских народов на Месопотамию, обстоятельством, в известной мере связанным с исчезновением каких-то препятствий, мешавших контактам между Индией и Левантом. Еще до того как Кир завоевал Вавилон в 539 г. до н. э., в хозяйственных документах крупных святилищ в Сиппаре, Вавилоне и Уруке уже появляются свидетельства о наличии торговых связей, которые достигали Средиземноморья (киликийское железо) и даже Греции. Персидское господство возвестило первый период в истории Ближнего Востока,

когда его географические горизонты вышли за пределы, существовавшие в древности.

Ассирия до ее драматической и героической гибели строила связи с окружающим миром совершенно иначе. Решающее значение для развития Ассирии имел хурритский период, и вряд ли мы когда-нибудь сможем полностью оценить степень и глубину иноземного влияния в Ассирии. Наличие определенных мотивов в ассирийском искусстве — недостаточно надежный показатель: хурритское влияние явно прослеживается в каких-то сферах религиозной и социальной жизни Ассирии, но в целом хурритское и другие немесопотамские влияния не были так глубоки и чреваты конфликтами, как вавилонское. Серьезный эмоциональный конфликт между цивилизациями Ассирии и Вавилонии глубоко повлиял на внутреннюю и внешнюю политику обоих государств. Для Ассирии он имел, кроме того, жизненно важные последствия. В Ассирии определенные круги смотрели на Вавилонию как на образец для подражания. Главные боги вавилонского пантеона вошли в состав ассирийского. Письменная традиция Вавилонии была воспринята в Ассирии, разрабатывалась с профессиональной тщательностью и сохранялась на удивление успешно. Различные формы политических связей с Вавилонией практиковались свыше пятисот лет; были попытки создать коалицию, превратить Вавилонию в зависимый доминион, протекторат и даже сделать из этой страны, бывшей для Ассирии колыбелью цивилизации и образцом культурного совершенства, подчиненную провинцию. Эти попытки не имели прочного успеха по двум причинам. Во-первых, в самой Ассирии проавилонские настроения разделялись лишь некоторыми кругами при дворе; правда, круги эти были достаточно сильны и оказывали влияние не только на идеологию, но и на экономику, прежде всего на торговлю. Документальные свидетельства наличия оппозиционных, антивавилонских сил найти труднее, однако ясно, что они вполне успешно противостояли силам, ориентировавшимся на Вавилонию. Можно предположить, что «националистические» тенденции существовали среди военной верхушки и, возможно, в государственной администрации. Позицию храмов определить невозможно: большинство дошедших до нас материалов происходит из полностью «вавилонизированного» Ашшура, в то время как такое святилище (предположительно ассирийской ориентации), как храм Иштар в Арбеле, не раскопано до сих пор просто потому, что оно погребено под современным городом.

В Ассирии, бесспорно, был силен дух «национального самосознания», который не раз помогал ей выстоять и при поражениях, и в периоды иноземного господства. Трудно сказать, кто сохранял политические и культурные традиции и ассирийский язык в периоды упадка политической власти. Если бы был найден ответ на этот вопрос, мы могли бы понять причины столь продолжительного могущества Ассирии. Во всяком случае, патриотические силы часто были достаточно действенны: им удавалось смещать

царей проававилонской ориентации и круто менять внешнюю политику по отношению к Вавилонии. Роковое сочетание притяжения и отталкивания, характерное для ассиро-вавилонских связей, сохранялось вплоть до падения империи.

За пределами политических интересов Ассирия была гораздо восприимчивее к иноземным идеям и стимулам. Об этом говорит ассирийская технология, а также изображения на памятниках и других произведениях искусства. Ассирийские тексты откровенно признают практику заимствования более совершенной иноземной техники (например, в металлургии, архитектуре, использовании глазури в керамике). Ассирийцы с гордостью упоминают, что среди захваченных ими на Западе пленников оказались певцы и музыканты, а среди ремесленников, привезенных из Египта, — пекари, пивовары, кораблестроители, каретники, а также ветеринары и даже толкователи снов. Невавилонские влияния с трудом поддаются анализу. Можно проследить несколько культурных элементов; я условно объединил их под названием «хурритские». В некоторых случаях мы имеем дело с полным усвоением чужой культуры, в других — с заимствованием определенных культурных черт. Эта сложная картина отразилась в тематическом разнообразии заимствованных хурритских слов в ассирийских диалектах — от названий блюд и частей одежды до названий должностей и учреждений. Судя по всему, эти иноземные элементы вошли в ассирийский обиход легко и без конфликтов, несмотря на стратегическую обстановку, превращавшую Ассирию в вечного противника горных племен, среди которых и сохранилась — в изначальном или видоизмененном варианте — хурритская культура.

Наиболее наглядный пример признания месопотамской цивилизации в окружающем мире — это рост и процветание группы цивилизаций-сателлитов. Они возникали на периферийных территориях и носили гибридный характер; при этом месопотамские элементы в них решительно преобладали, так что «туземные» черты часто бывает трудно различить и выделить для самостоятельного изучения. Три главных таких цивилизации (с востока на запад) — эламская со столицей в Сузах, урартская, в районе озера Ван, со столицей в Мусасире и хеттская с ее анатолийской столицей в Хаттусасе. Первая была самой долговечной — она просуществовала почти столько же, сколько сама месопотамская цивилизация; вторая засвидетельствована лишь на протяжении около двух столетий; третья насчитывает семь веков или несколько больше. До сих пор не проведено сколько-нибудь систематическое исследование проблемы общей структуры этих гибридных формаций. Проблема действительно сложна, поскольку предполагает изучение лингвистических и археологических данных; к тому же месопотамская «половина» такой гибридной цивилизации часто складывается из трудноопределяемых элементов. При неизбежных существенных отличиях у всех цивилизаций имеется ряд общих черт: они восприняли месопотамскую систему письма (клинопись

на глине) и — в различной степени — язык и литературную традицию Месопотамии. Это повлекло за собой усвоение многих религиозных, культурных и социальных терминов, что, в свою очередь, вызвало частичное заимствование или адаптацию понятий, не свойственных самим этим цивилизациям. То же самое относится к литературным формам, стилю и эстетическим нормам: они либо заимствовались, либо приспособлялись к местной литературе, если она не находилась на дописьменном этапе.

Еще одна общая черта — односторонность воздействия: Месопотамия всегда выступает в роли дающей стороны. Даже Элам, с которым в течение длительного времени существовали тесные и непосредственные политические контакты, не оказал сколько-нибудь существенного влияния на Вавилонию. Элам безусловно, а Урарту весьма вероятно имели собственные, местные системы письменности, от которых они отказались в пользу месопотамской. Что касается хеттской цивилизации, то здесь дело обстоит несколько сложнее. Там местная (иероглифическая) письменность сохранилась и даже пережила клинописную, существование которой зависело, по-видимому, от специфического политического и этнического комплекса обстоятельств. После их изменения исчезла и клинопись, тогда как местная система письменности сохранилась до VII в. до н. э.

Стимулируемая привнесенной литературной традицией, местная литература могла развиваться в любой из этих цивилизаций, но только в хеттской она достигла значительной сложности и разнообразия — там даже возникли новые литературные жанры. В Урарту и Эламе местные тексты рабски следовали своим аккадским прототипам — во всяком случае, в тех памятниках, которыми мы располагаем. Однако именно это отсутствие оригинальности намного упрощает для нас изучение местных языков. Наибольших успехов наука достигла в понимании хеттского языка; благодаря этому прояснились многие понятия из области местной религии и политики и появилась возможность оценить и сравнить силы воздействия и сопротивления, рост числа псевдоморфических адаптаций и рождение новых идей. Если хеттский, как индоевропейский язык, сравнительно легко доступен, то в случае с эламским языком положение осложняется лингвистическими трудностями и малочисленностью текстов, относящихся к важнейшим периодам истории. Даже аккадские тексты из Суз мало помогают, так как все они специальные: создается впечатление, что вавилонский язык применялся лишь для особых целей. Эти тексты не затрагивают обширных и существенных областей социальной, экономической и интеллектуальной жизни. Лингвистические трудности возникают и при изучении Урарту; кроме того, документы на урартском и аккадском (ассирийском) незначительны и по числу, и по содержанию. Что касается археологических данных, то здесь следы иноземного влияния — во всех трех цивилизациях — весьма немногочисленны. Только в области письменности (как техники, так и содержания) влияние Месопотамии

оказалось непреодолимым; поскольку египетская письменность начала развиваться, несомненно, под воздействием месопотамской, можно считать, что месопотамское влияние проявилось уже в ранний период.

Важное информативное значение для этих трех цивилизаций — эламской, хеттской и урартской — имеет временной элемент. Элам, безусловно, стоит особняком из-за своей близости с Вавилонией³⁰ Его «месопотамизация» относится по крайней мере к аккадскому периоду, и контакты с Двуречьем почти не прерывались вплоть до эпохи Ахеменидов, которые находили нужным делать надписи на трех языках: персидском, эламском и вавилонском. В Урарту ситуация была совсем иной, поскольку эта страна принадлежала к тем гибридным цивилизациям, которые под влиянием Ассирии возникли на короткий срок в начале I тысячелетия до н. э. в горных районах от Малой Азии до Каспийского моря. В то время как от большинства этих гибридных цивилизаций, включая манеев и мидян, до нас дошли весьма скудные археологические свидетельства, жители Урарту оставили надписи (сначала на ассирийском, а потом и на своем родном языке) и создали большое количество зданий, скульптур и произведений искусства.

Тот факт, что хетты восприняли многие элементы месопотамской цивилизации, следует считать лишь одним из местных проявлений (засвидетельствованным во многих отношениях лучше других) определенной фазы распространения вширь, через которую прошла эта цивилизация в первой половине II тысячелетия до н. э. В предшествующие столетия аккадские надписи появлялись на скалах долины Луллубу, в горах Загра, на статуях раннего периода в М'ари на Евфрате, а позднее глиняные таблички были завезены купцами из Ашшура в Анатолию (Каниш). В течение старовавилонского периода по-аккадски на глине писали в М'ари и в некоторых горных долинах, в Чагар-Базаре — на торговом пути, шедшем через Верхнюю Месопотамию, в Алалахе и, вероятно, в других местах этого региона, служивших промежуточными центрами распространения этого нового средства общения. Участвовали ли хурриты в этом процессе (и если да, то в какой степени), до сих пор установить не удалось, однако их роль могла быть решающей. До сих пор большинства этих районов еще не коснулась лопата археологов и энергичных местных охотников за золотом, статуями и глиняными табличками, на которые существует большой спрос. Из одного такого центра хетты, вероятно, получили свою клинописную систему, которая резко отличалась от клинописи, бывшей несколько раньше в ходу у ассирийских купцов в этом регионе, и от системы, которой пользовались писцы в Вавилонии того времени. Позднее крах политической власти Вавилона, падение М'ари и закат Ашшура не помешали дальнейшему распространению аккадского языка и клинописи и признанию его международным дипломатическим языком Востока — от Хатгусаса, столицы Хеттской империи, через Сирию,

Палестину, Кипр до египетской столицы в Амарне, почти двести миль вверх по течению Нила. Аккадский язык везде преподавался особым способом, который включал частичное знакомство с шумерским, а также со специфическими приемами письма и даже литературными формами, считавшимися необходимыми для правильной подготовки месопотамских писцов. С разной степенью основательности так учили и в хеттской столице, и в Алалахе, и в Угарите; возможно, такая же практика существовала и в других, еще не открытых городах. Столичные писцы могли писать по приказу хозяев письма, адресованные их союзникам, повелителям или наместникам в провинциях, как на родном языке корреспондентов, так и на аккадском, который понимали повсеместно. Кроме того, они создали (в основном по вавилонским образцам) бюрократическую систему учета хозяйских доходов и расходов и составления юридических документов. Эти документы касаются международных соглашений, договоров царей, а также сделок между частными лицами определенного класса. Мы располагаем такими текстами из Алалаха, Угарита и Нузи; они дают необычайно богатый материал. Лишь в редких случаях, и всегда неудачно (по месопотамским стандартам), писцы брались за то, что мы называем царскими надписями; сохранились лишь немногочисленные образцы литературных текстов — из Амарны, Катны, Хацора и Нузи. Даже в столь близком от центра распространения месте, как М^ари, найдено всего несколько царских надписей, содержание которых хотя бы незначительно выходит за пределы традиционных формул, а литературных текстов почти не обнаружено.

Вполне можно предположить, что когда-нибудь будут открыты новые поселения того периода и появятся тексты, которые еще более осложнят и без того сложную проблему. Едва ли можно ожидать, что будут открыты новые цивилизации-сателлиты — скорее дело ограничится небольшими центрами вроде Нузи и Алалаха, откуда хурритские правители управляли своими владениями, простиравшимися временами от предгорий Загра (Нузи) до подступов к побережью Средиземного моря. Быть может, какой-нибудь один или даже несколько из вновь найденных центров окажутся столицами Хурритского или Митаннийского царств — такая находка устранила бы еще один пробел в наших знаниях. Хурриты приняли аккадскую систему письменности в такой форме, которая заставляет предположить существование у них серьезной школы. Имеющиеся у нас хурритские тексты из Богазкёйя, Амарны, М^ари и других мест, а также большое число хурритских технических терминов, дошедших в текстах из Ниппура и Угарита, не говоря уже о широком распространении хурритских имен собственных, составляют внушительный корпус свидетельств.

Кроме того, мы располагаем богатым археологическим материалом и обширной иконографией. Правильная оценка всех этих материалов помогла бы заполнить брешь между Месопотамией и цивилизациями Севера, Северо-Запада и Запада. Подобная оценка на-

много упростилась бы, если бы был обнаружен центр хурритской цивилизации³¹

Такая значительная и долговечная цивилизация, как месопотамская, должна была распространять свое влияние на окружающие территории; заслоном могли быть только непреодолимые географические препятствия. Поэтому следует предположить существование вокруг цивилизаций-сателлитов некоей, подобной нимбу, периферийной зоны, куда медленно просачивались месопотамские идеи и обычаи и ввозились месопотамские изделия — в виде добычи после набегов горцев на земли Месопотамии или путем торговли. К возникновению периферийных зон приводили и недолговременные попытки Вавилонии и Ассирии создавать буферные государства путем колонизации воинственных племен. Влияние Месопотамии с различной степенью интенсивности распространялось, вероятнее всего, по торговым путям на Иранское плоскогорье и даже за его пределы, в Афганистан и на побережья Каспийского и Эгейского морей, т. е. значительно дальше, чем свидетельствуют документы³².

Одновременное существование цивилизаций, статус которых не уступал бы Месопотамии, было редким явлением; такой цивилизацией, по-видимому, был Угарит. Технология месопотамской письменности (клинопись на глине) была там приспособлена к системе, которая представляет собой решительный шаг вперед: это алфавитное письмо с последовательностью знаков, в основном совпадающей с нашим алфавитом³³. Эта система письменности донесла до нас памятники местной литературы, ею пользовалась сложная бюрократическая машина, с ее помощью составлялись юридические документы. Но в то же время в Угарите имелись писцы, обученные месопотамскому способу письма на аккадском языке; кроме того, в Угарите писали по-хурритски — как угаритским алфавитом, так и месопотамской клинописью. В Угарите встречаются также хеттские клинописные документы и художественные изделия с посвящениями, написанными египетскими иероглифами. Угарит, видимо, был подлинно интернациональным центром обмена идей и товаров. Как бы ни соотносились в этой средиземноморской цивилизации местные и привнесенные элементы, они оказывали значительное влияние на юг — на Палестину, регион, который был, по-видимому, мало затронут месопотамской цивилизацией.

Если исключить цивилизации, от которых сохранилось множество письменных памятников, — Месопотамию, Малую Азию и Египет, — то о Палестине мы знаем больше, чем обо всех других областях древнего Ближнего Востока. Можно твердо сказать, что Ветхий завет подробно освещает период после VIII в. до н. э. и дает информацию (с разной степенью достоверности) о многих событиях предшествовавших трех-четырёх столетий. При этом, однако, о самом важном периоде, когда могло бы проявиться влияние Месопотамии (середина II тысячелетия до н. э.), в Ветхом завете прямых сведений нет. Только позднее, когда начинает

чувствоваться политическое влияние растущей Ассирийской империи и ассирийские цари, а затем и Навуходоносор II появляются как завоеватели, в тексты Ветхого завета проникают немногочисленные, но важные сведения о Месопотамии. Благодаря различиям в культуре между двумя цивилизациями и в не меньшей степени в силу полемического характера Библии Ветхий завет дает нам единственную в своем роде возможность взглянуть на Месопотамию со стороны. В этом отношении Библия содержит гораздо более интересные и точные сведения, чем, например, отчет о путешествии Геродота в Вавилонию. В то время как месопотамское влияние на Ветхий завет было либо опосредованным (через Угарит или через других, еще неизвестных посредников), либо чисто случайным, сам Ветхий завет способствовал проникновению на Запад ряда литературных традиций и черт месопотамской культуры.

Наконец, следует обратить внимание на недооценивавшуюся до сих пор роль эллинистического Египта как одного из центров распространения месопотамских идей: вавилонская астрология и астрономия двигались из Египта на Запад; параллельно с этим ассирийское искусство (на этой стадии уже весьма синкретическое) распространялось через Малую Азию в Грецию, а ассирийский дворцовый церемониал через посредство персидских и сасанидских обычаев дошел до Византии, а впоследствии и до Европы. Все еще не исследованными остаются контакты эллинистической Вавилонии с Индией и Дальним Востоком.

В целом можно сказать, что лишь немногие, и притом главным образом второстепенные, культурные достижения месопотамской цивилизации сохранились и включились в общий ход развития в западном направлении. То же самое относится и к Египту — другой великой цивилизации древнего Ближнего Востока. Только помня об этом, можно должным образом оценить поразительную яркость и силу света, который вспыхнул на безвестных холмах вдоль восточного побережья Средиземного моря.

«ПОСТРОИМ СЕБЕ ГОРОД И БАШНЮ»

Книга Бытия. XI, 4

При рассмотрении общественного строя Месопотамии бросается в глаза тот факт, что стратификация общества была четко обусловлена экономическим статусом — это не относилось, разумеется, к царю, занимавшему особое положение, и к рабам, которые во все периоды были немногочисленны и находились в собственности у частных лиц. Однако в ряде случаев — применительно к отдельным регионам и периодам иноземных влияний — это утверждение потребует некоторых уточнений. Следует особо отметить отсутствие класса воинов, нередко возникающего в результате иностранных завоеваний. В Вавилонии на исходе II тысячелетия до н. э. отношения, напоминающие «феодализм», существовали только между лицами, находившимися на царской службе. Более того, для ученых людей и жрецов тоже не было специального статуса (если не считать таковым саму принадлежность к святилищу), и мы не знаем ни о каких конфликтах между священнослужителями и мирянами. Ниже мы расскажем подробнее о положении царя и остановимся в этой связи на различиях между Вавилонией и Ассирией.

Социальная структура

Существовала определенная разница между рабами, принадлежавшими частным лицам, и *сервами*, которыми владели «великие организации» — дворец и храм. Рабы частных лиц либо рождались в доме господина, либо покупались им, либо — что случалось не часто — в рабов обращали военнопленных, которых распределяли между воинами в качестве добычи. Иногда рабами становились несостоятельные должники, их жены и дети. Ввозились и чужеземные рабы — главным образом рабыни, ценившиеся за искусность в ремеслах и другие качества. Рожденные в доме рабы, как и рабы — уроженцы Вавилонии, по-видимому, были на особом положении, по крайней мере в старовавилонский период. Мы не знаем, существовали ли законы, защищающие рабов от дурного обращения со стороны хозяев. Сравнительно редко упоминаются и беглые рабы¹. Обычай усыновления рабов (такой раб должен был позаботиться о своем хозяине в старости и похоронить его надлежащим образом, за что и получал свободу) заставляет предположить, что отношения между рабом и владельцем основывались на доверии и взаимных обязательствах. Это явственно

подтверждается и использованием терминов «хозяин» и «раб» в религиозной литературе, где они выражают аналогичный характер взаимоотношений между человеком и божеством. Клеймение рабов в ранние периоды было редким явлением: им только брили головы особым образом. Исключение составляли рабы, постоянно убегавшие от хозяев. Символом зависимого положения в некоторых областях были оковы, которые рабы должны были носить, находясь за пределами дома владельца. Из старовавилонского Кодекса Хаммурапи и среднеассирийских текстов нам известно, что на юридическое положение раба существенно влияло его происхождение — местное или иноземное². В нововавилонский период часто упоминаются рабы, на тыльной стороне ладони которых было выжжено имя владельца, а случаи усыновления рабов становятся чрезвычайно редкими. Все это, вместе взятое, указывает на изменившийся характер взаимоотношений хозяев и рабов. Из текстов нововавилонского периода мы знаем, что рабам часто разрешалось работать на стороне, при условии что они будут платить ежемесячный оброк серебром (*mandattu*) своему владельцу. Хозяева часто отдавали рабов в обучение доходным ремеслам, чтобы таким образом поднять их ценность и, следовательно, собственное богатство³.

Частные хозяйства располагали только небольшим числом рабов. Это объясняется, с одной стороны, особенностями взаимоотношений господина и раба, с другой — отсутствием заинтересованности в расширении домашнего производства, характерной для жителей греческих городов. Промышленного типа производство на древнем Ближнем Востоке наблюдается лишь в крупных хозяйствах — дворцовых или храмовых. Горожане Месопотамии не располагали рынками для сбыта товаров, производившихся рабами в доме господина, — таких, как предметы одежды, плетеные корзины, гончарные изделия, — и, по-видимому, не нуждались в подобных рынках. Причины такого положения до сих пор неясны. Что касается лиц, называемых в документах царскими или дворцовыми рабами, их статус, очевидно, был совершенно иным. О них речь пойдет ниже, когда мы будем рассматривать положение граждан, пользовавшихся ограниченной свободой.

Отношения между свободными гражданами Месопотамии и их ближайшими родственниками известны достаточно хорошо, но за пределами семейных взаимоотношений мы располагаем лишь скудными сведениями. Благодаря многочисленным юридическим документам от шумерского до селевкидского периода мы знаем о правах и обязанностях индивида как отца или сына (родного или приемного), брата (из упоминаний в завещаниях) или мужа (из брачных договоров и документов о разводах). Оттуда же мы получаем информацию о местных особенностях, исторических изменениях, а также о приспособлении юридических норм к специфике местных социальных отношений. Хотя большинство юридических аспектов семейных отношений изучено досконально, многие проблемы, касающиеся месопотамской семьи, все еще не исследованы. Аккадская терминология родства в этом смысле

почти не помогает. Шумерская свидетельствует о большей сложности родственных отношений, но мы знаем еще слишком мало, чтобы проводить убедительные сопоставления или исследовать влияние на семью более древних обычаев. В целом можно утверждать, что семейная ячейка в аккадской Месопотамии была невелика и строго ограничена, хотя в самый ранний период (а в некоторых пограничных областях Южной Вавилонии и в середине I тысячелетия до н. э.) существовало нечто вроде родовой и даже племенной организации. В нововавилонскую эпоху человек вместе с собственным именем называл имена своих предков, что свидетельствует в какой-то степени о присущем ему чувстве фамильной гордости⁴. Не случайно примерно в это время возрос интерес людей к своему происхождению, который уже раньше отмечался у представителей некоторых профессий.

Глава семьи имел одну жену; только в старовавилонский период у него могла быть и вторая, которая занимала более скромное положение⁵. Большая часть нашей информации происходит из текстов старовавилонского периода и из новоассирийских документов и царских надписей. Девственности невесты стали придавать особое значение только в нововавилонский период, насколько можно судить по немногим дошедшим до нас брачным контрактам. Это свидетельствует о том, что между старо- и нововавилонской эпохами отношения между полами несколько изменились в пользу мужчин: в ранний период женщины занимали более высокое социальное положение, могли быть писцами и выступать в качестве свидетелей. На юге при дележе родительского наследства первородный сын имел преимущество перед младшими; при этом в старовавилонский период сестрам давали приданое, а младшим братьям выделяли средства, необходимые для вступления в брак. Обычно братья сообща владели полями и садами, полученными по наследству, чтобы избежать дробления участков. В ранний период сыновья вместе с семьями часто жили в доме отца. Иноземное влияние на эту простую семейную структуру можно наблюдать на периферии страны, в таких районах, как Нузи или Сузы. Существовали также пережитки более древних обычаев, сохранившиеся и в ранней старовавилонской традиции, в частности особое положение брата матери. В то время как месопотамскую семью можно было увеличить извне только путем усыновления, периферийные тексты (от Суз до Угарита) упоминают о включении в состав семьи посторонних в качестве братьев (*adoptio in fratrem*), что свидетельствует о каких-то иных социальных и экономических условиях⁶.

Люди бессемейные при такой социальной структуре принадлежали обычно к категории переселенцев или беженцев, для обозначения которых в аккадском языке существует целый ряд терминов. По-видимому, они каким-то образом устраивались в городах, на что указывает довольно часто встречающееся мужское имя *Муннабту* (Беженец)⁷. Как правило, они искали приюта не у самих горожан, а в крупных хозяйствах — при дворцах или

храмах, особенно если владели ремеслами, на которые в то время был спрос. Иногда они вливались в ту часть населения, которая жила за пределами города. О роли и значении сельских поселений и отношении их жителей к горожанам речь пойдет ниже.

Остается неясным, до какой степени допускались в город чужеземцы — неграждане и не местные жители⁸. Обычно они имели, по-видимому, дипломатический статус, зависевший от их отношения ко дворцу. Иностранные послы, торговцы, политические беженцы и прочие лица могли въезжать в город с царского соизволения и даже входить в состав дворцовой челяди. Возможно, некоторым негражданам позволялось селиться в *кару* — городской гавани, отделенной от остальной части города; такие люди пользовались особым политическим, административным и социальным статусом. Институт «временных жителей», или чужеземцев, которым разрешалось жить в пределах города, известен нам из Ветхого завета; в Месопотамии он встречается только на западе. Так, в тексте из Угарита упоминаются «граждане города Каркемиша вместе с людьми (которым позволено жить) в пределах их ворот»⁹.

В те периоды месопотамской экономической истории, когда значительная доля международной торговли находилась в частных или наполовину частных руках, для иностранных гостей и торговцев предназначался, по-видимому, особый участок внутри городских стен (*bīt ub(a)rī*), например «Улица людей из Эшнунны» в Сиппаре. Свидетельство из Ниппура персидского периода, возможно, указывает на обычай поселять чужеземцев и людей из определенных социальных групп (в частности, ремесленников) в особых городских кварталах или на особых улицах, поскольку за ними должен был осуществляться официальный надзор. По поводу отношения к чужеземцам интересно отметить, что в Месопотамии начисто отсутствует понятие гостеприимства и соответствующая терминология. Картина, таким образом, отличается от того, что мы видим в Ветхом завете (там обычай гостеприимства может объясняться недавним кочевым образом жизни), но представляет весьма поучительное сходство с Грецией — не с гомеровской Грецией, отразившейся в литературе, а с Грецией полисов, где существовало отрицательное отношение к негражданам и практиковалась экономическая и социальная дискриминация чужеземцев.

Поскольку семейные узы были в Месопотамии обычно мало надежными, а родовая организация в городах не засвидетельствована, там возникли другие формы объединения, взявшие на себя функцию семьи по части защиты статуса и безопасности граждан. Эти объединения могли быть профессиональными, религиозными или политическими. Последние были в Месопотамии наиболее важными, если можно назвать политической организацией группу людей, живущих в городе вместе и образующих некое единство. Этот тип организации будет детально рассмотрен в настоящей главе в разделе «Город».

О религиозных организациях в Месопотамии мы знаем очень мало. Обычно в месопотамских городах отсутствовали условия, способствующие возникновению таких организаций, — забота о душах усопших, выражающаяся в определенных обрядах и приношении даров мертвым, или существование особых культов, находящихся в конфликте с общепринятыми. Не исключено, что когда-то существовал род связи между лицами, именовавшими себя на собственных печатях слугами или прислужницами определенного божества. Если такие связи и существовали, они не облекались в четкую форму и не имели, насколько известно, большого социального и экономического значения¹⁰

Профессиональные ассоциации были и многочисленны и влиятельны. Специализация в каком-либо ремесле могла становиться традицией как внутри отдельных семей и родов, так и среди храмовых служащих — в зависимости от конкретных экономических и социальных условий. В рамках симбиоза, который возник в процессе урбанизации Южной Месопотамии, группы ремесленников различного социального происхождения должны были как-то консолидироваться в силу обычных экономических причин. Следует различать объединения торговцев и ремесленников, строившиеся по типу гильдий, и профессиональные группы предсказателей и высококвалифицированных специалистов по изгнанию злых духов. Письменные свидетельства о первых весьма сложны, и при их изучении ни в коем случае не следует применять модели и терминологию западного средневековья. В старовавилонский период «гильдии» пивоваров, кузнецов и других ремесленников возглавлял дворцовый надсмотрщик, называвшийся по-шумерски *ugula*, а по-аккадски — (*w*)*aklu*. Однако эти объединения не были независимыми, а скорее составляли часть дворцовых и храмовых хозяйств или, во всяком случае, как-то включались в эти хозяйства. Независимость — в таком понимании, как это было свойственно средневековой гильдии, — в это время вряд ли могла существовать, и прежде всего в силу чисто экономических причин: трудностей по части добывания сырья и отсутствия рынков сбыта. Весьма показательны, что и старовавилонские купцы — *tamkāru* (заморские торговцы) — имели свою организацию под началом *aklu*¹¹. Торговцы — типичный пример административной ячейки, которая должна была неминуемо возникнуть в такой социальной структуре, как месопотамское общество. При наличии двух противоположных видов объединения, из которых одному (дворцу или храму) были присущи бюрократизм и жесткая централизация, а другому (городу) — более или менее равноправное положение людей внутри социальных групп, действовавших по отдельности или сообща, было вполне естественным образование некоей промежуточной зоны, тяготевшей то к одному, то к другому центру власти и обеспечивавшей различные формы пограничного сосуществования.

В каком бы направлении ни развивались эти формы в городах Месопотамии, не приходится сомневаться, что представители

важнейших профессий (кузнецы, плотники, пивовары) добились определенной независимости как внутри собственных объединений, так и в отношениях с другими организациями. Они снабжали общество продуктами своего труда; при этом мера их полезности зависела от их взаимоотношений с храмом и дворцом. Надсмотрщики над «гильдиями», в свою очередь, приобретали высокий социальный статус и власть, что помогало им достигнуть (вполне законным образом) и личного обогащения. Так было, например, с купцами в старовавилонской Ларсе. Противоположную крайность представляло положение бедного надсмотрщика над музыкантами, которому нечего было продавать или отдавать внаем. Вполне возможно, что некоторые лица, именуемые в старовавилонских текстах «надсмотрщиками», почти не имели отношения к самой работе ремесленников, а были просто людьми с определенным положением, получавшими доход благодаря занимаемой должности. С самого начала нововавилонского периода мы встречаем в текстах названия профессий в качестве имен предков («фамилий») — ценное свидетельство о том, что многие ремесленники в предшествующий период занимали определенное положение в обществе. Следует подчеркнуть, что к каждой профессии складывалось свое особое отношение. Примером могут быть ссылки в поздних нововавилонских текстах на «город» кожевников и «город» металлостроителей — специальные городские кварталы, в которых эти ремесленники селились либо по приказу свыше, либо по собственной воле, для общего удобства. Более того, известно, что в Ниппуре персидского периода во главе объединений мясников, торговцев, столяров, лодочников и ткачей стояли особые чиновники. Очень важно, что так же, как эти чиновники, назывались в Ниппуре и лица, отвечавшие за чужеземцев (киммерийцев, урартов, уроженцев Тира и Малатии) и за некоторые другие социальные группы. Возможно, однако, что это объяснялось особым положением Ниппура или административными порядками, навязанными традиционной местной структуре по воле персидских завоевателей.

Единственными подлинно независимыми ассоциациями были в Месопотамии, по-видимому, объединения представителей некоторых ученых профессий, таких, как *mašmāšu* — специалисты по изгнанию злых духов и по родственным апотропеическим ритуалам, о которых мы знаем лучше всего, а также предсказатели будущего (*bārû*), врачи и писцы. Исследователь должен, однако, помнить о том, что выводы и заключения, сделанные на материале одного контекста, не следует переносить на другой при всем их кажущемся сходстве и параллелизме. *Mašmāšu* и *bārû* должны были удовлетворять определенным требованиям, иначе их не допускали к профессиональной деятельности и не принимали в ассоциации. Сюда включалось происхождение, физическая полноценность и соответствующее (причем довольно широкое) образование. Возможно, существовали своего рода вступительные экзамены (*masā'altu*) и даже конкурс (*tašminti ummāni*).

О других ученых профессиях, кроме писцов (см. гл. VI), в этом отношении известно мало.

Поскольку проблему города мы будем рассматривать детально в соответствующем разделе этой главы, перейдем к взаимоотношениям между той частью населения, которая проживала в городах, больших и малых, и той, которая или вела относительно оседлый образ жизни за пределами города, или кочевала вместе со своими стадами, или по каким-либо иным причинам непрерывно передвигалась между городами. Этот контраст между горожанами и жителями открытых пространств, характерный для общественного строя Месопотамии, был вечным источником конфликтов и сыграл фатальную роль в политическом развитии страны. Напряженность в отношениях между городом и окружающей территорией влияла на историю этого региона, но рассматривать это явление как типичное лишь для Месопотамии не следует — всему древнему Ближнему Востоку приходилось сталкиваться с этой проблемой на разных исторических этапах и постоянно искать хотя бы временное ее разрешение.

Едва ли можно утверждать, что эти две группы населения в какое-то время были прочно отделены друг от друга; происходил постоянный обмен людьми, товарами и идеями, несмотря на разобщенность в пространстве. Разумеется, дворец, храм и основная часть городских жителей больших и старых городов имели лишь случайные контакты с обитателями открытых пространств. Последних никак нельзя было принудить к оседлости, и они кормились за счет того, что им давали эти пространства. Между этими группами населения происходил постоянный обмен. Одни переселялись из городов, другие — из открытых пространств. Трудные экономические и политические ситуации приводили к вытеснению из городов несостоятельных должников, представителей политических групп, потерпевших поражение во внутригородской борьбе за власть, выброшенных из больших хозяйств и т. д. Они присоединялись к обитателям покинутых деревень и поселений, вынужденных вести полукочевой образ жизни из-за оскудения земель, порчи ирригационных систем или в результате восстаний против налогов и поборов. Число этих кочевников пополнилось также за счет лиц, переселявшихся с гор или пустынь вокруг Месопотамии. Таким образом, объем этой неустойчивой части населения мог опасно разрастаться во времена кризисов; она даже могла превысить население городов и (если во главе стояли энергичные и деловые политические или военные руководители) передать управление городом или даже всей страной в руки аутсайдеров или новопришельцев. Каждый раз, когда лингвистические различия встречаются у жителей городов и у захвативших власть обитателей восставших провинций или, более точно, когда мы сталкиваемся с различиями между диалектом, на котором обычно писали в городе официальные документы, и диалектом, на котором говорила группа, захватившая власть, у нас создается впечатление об иноземном вторжении, возведшем на трон царей, носивших иноземные

имена. Но эти драматические события вовсе не обязательно были результатом иноземного вторжения, а могли происходить в процессе довольно медленного нарастания экономических и политических беспорядков, не нашедших отражения в сохранившихся документах.

Самым эффективным средством против потенциально опасных элементов была внутренняя и пограничная колонизация, которую мог осуществлять только очень могущественный царь. Надписи таких царей с триумфом сообщают об *объединении рассеянных* жителей, о переселении обездоленных на новые места. Там царь заставлял их рыть или восстанавливать каналы, строить и вновь заселять города, обрабатывать землю, платить налоги, выполнять работы по поддержанию ирригационной системы и, наконец, служить в армии, что тоже отнюдь не маловажное дело. Мы увидим, как эта ситуация, характеризующаяся напряженностью отношений между городом и открытым пространством, приводила к удивительному отсутствию политической стабильности в Месопотамии. Особенно это касается Ассирии, где городов всегда было мало, да и отстояли они очень далеко друг от друга, и где могущество центральной власти в значительной степени зависело от ее способности преодолевать внутреннее сопротивление большей части населения стремлению превратить страну в территориальное государство с сильным централизованным управлением.

Экономические факторы

Экономической основой месопотамского общества в течение всего периода его развития было сельское хозяйство. Добавочные доходы приносила торговля шерстью и кожей. То, что можно назвать промышленным производством, вплоть до мусульманского средневековья ограничивается на древнем Ближнем Востоке лишь изготовлением тканей и связанными с ним ремеслами. В Месопотамии ткачество в промышленном масштабе развивалось только в мастерских крупных хозяйств. В частных хозяйствах производство ткани едва удовлетворяло собственные потребности.

Существовало два вида хозяйств: с одной стороны, зерновые поля и крупные плантации финиковых пальм, находившиеся на обширных дворцовых и храмовых землях и обрабатывавшиеся непосредственно (т. е. дворцовыми или храмовыми работниками под надзором надсмотрщиков) или сдававшиеся внаем. С другой — частные земли (размеры которых нам трудно установить) и маленькие участки, где городская беднота, кочевники и пастухи собирали небольшие урожаи. Как распределялись земли среди этих двух типов производителей, установить невозможно. Пропорции менялись в зависимости от исторической эпохи, района и качества почвы. Колебания в распределении земли, должно быть, оказывали сильное влияние на экономику страны. Если бы мы знали, в каких пропорциях распределялись земли, то был бы положен конец постоянной дискуссии о том, что играло ведущую роль: «государ-

ственный ли капитализм», особая ли система управления крупными имениями или какая-нибудь иная форма частного предпринимательства¹². Так как вся информация основывается на скудных письменных данных и подкрепляется только теоретическими предположениями — решающее значение имеет анализ характера источников. В силу необходимости администрация оставляет больше письменных документов, чем семейные или родовые организации и частные лица, так что едва ли можно думать, что картина, которая встает перед нами на основании документов, соответствует действительности. Все данные обязательно будут видоизменены, сознательно или в силу эмоций, пробуждаемых политической и интеллектуальной злободневностью, которой пронизана вся эта проблема.

Интенсивно орошаемые земли Вавилонии засолялись, каналы (основные и распределительные) заносило илом, дамбы осыпались. За всем этим необходимо было постоянное наблюдение. Храм и дворец, которые могли позволить себе капиталовложения, необходимые для поддержания в порядке ирригационных сооружений, увеличивали свои территории и приобретали все большее значение. С середины II тысячелетия до н. э. намечается постоянный спад во влиянии храмов на жизнь общества и соответствующее увеличение земельных владений на основе своего рода ленных обязанностей по отношению к царю. Все это должно было привести к существенным экономическим сдвигам, подобно тому как это случилось во второй половине I тысячелетия до н. э., когда усилилась роль «частного капитала». «Банковский дом» Мурашу может служить примером тому, как подобный капитал, вкладываемый в освоение новых земель, приобретает значение, которое в процессе развития месопотамской истории принадлежал последовательно деревенским общинам, храмам и дворцу¹³.

Многочисленные тексты с начала старовавилонского и до конца позднеперсидского периодов являются ценным источником информации о землевладении и об использовании рабочей силы в Месопотамии. В них зафиксирована аренда пахотных земель; хотя никакого систематического исследования по этим документам проведено не было, но факт остается фактом: размер арендуемых частными лицами или сообществами полей (как правило, арендаторами были жители городов) увеличивается непрерывно и достигает максимума в нововавилонский и последующие периоды. Соответственно уменьшается использование труда рабов, сервов и других неполноправных, которые обрабатывали землю под наблюдением надсмотрщиков, приставленных к ним центральной организацией, распорядившейся этими работниками. Конечно, следует сделать некоторые уточнения: все зависело от времени и района, в котором происходил этот процесс. Материал, в котором говорится о царских владениях, отрывочен. Самые обширные данные мы имеем из Ниппура касситского периода, однако они еще не полностью опубликованы¹⁴. Так как до сих пор сходный материал от предшествующего (Фара) и последующего периодов либо незначи-

телен, либо еще не исследован, то мы остаемся в неведении относительно размеров царских земельных владений. Древние аккадские тексты говорят, что царской собственностью тогда управляли так же бюрократически, как об этом можно судить по документам касситского периода. Некоторые важные перемены в этом отношении засвидетельствованы небольшой группой нововавилонских документов, относящихся к сдаче в аренду царем и членами его семьи (царем Набонидом и его сыном Валтасаром) обширных земель частным лицам, что было совершенно необычно для Месопотамии. Одной из причин (какую роль она сыграла, мы не знаем) этих перемен было то, что царская администрация использовала услуги «капиталистов», чтобы заранее получить доходы, поступавшие с полей и садов, — практика, наблюдавшаяся в больших городах (Ниппуре и Уруке) с персидского периода.

Говоря о выращивании зерновых и сезама в Месопотамии, следует отметить разницу между Южной Вавилонией и Северной Ассирией. На юге земля, видимо, была во владении либо крупных хозяйств, либо частных лиц, проживавших далеко в городах; последние обычно сдавали землю в аренду бедным арендаторам. Земледельцы, которые жили на своих собственных полях, были исключением. Необходимость освоения новых земель для получения дополнительных источников снабжения продуктами едва ли способствовала формированию прочных общин земледельцев. На вновь освоенных землях колонисты работали на царя или на какого-либо другого отсутствующего хозяина под присмотром надсмотрщиков. На севере же, в Ассирии, в долинах Загра и на горных плато вплоть до самой Сирии земледельцы в основном жили деревенскими общинами и находились либо в феодальной зависимости, либо в частной собственности хозяина имения — царя, высших чиновников или членов царской семьи. Последние представляли собой небольшую слой правящего класса, «феодальных» владельцев (местных или иноземных), которые всегда могли быть заменены новопришельцами, что нисколько не меняло экономической структуры страны. Правда, городских жителей, занимавшихся обработкой пригородных земель, международной торговлей и предпринимательством, охраняли специальные царские указы. Мы еще расскажем об этом своеобразном порядке в Ассирии и Верхней Месопотамии.

Для характеристики месопотамской экономики проблема использования серебра как средства обмена и платежа, т. е. эталона стоимости, является столь же важной. Здесь также отсутствуют общие исследования, основанные на источниках. В течение всей истории Месопотамии серебро было мерилom стоимости. Исключения составляют два интересных почти одновременных, но краткосрочных периода — средневавилонский, когда наравне ходили и золото и серебро, и среднеассирийский, когда средством обмена, по крайней мере в Ашшуре, стало олово.

Как средство обмена серебро использовалось в слитках произвольной формы; последние при каждой сделке приходилось взве-

шивать. Только после прихода Селевкидов стали употреблять греческие монеты, которые (что тоже характерно) взвешивали чаще, чем считали, хотя их стоимость была обозначена на монете¹⁵. Из надписей Синаххериба (704—681 гг. до н. э.) мы узнаем о том, что были отлиты своего рода медные монеты, но нам ничего не известно из юридических и административных текстов этого периода о том, как ими пользовались¹⁶. Это, возможно, еще один пример западного (здесь — лидийского) влияния на Ассирию. В течение старовавилонского периода платежи за землю, рабов, товары и услуги редко производились серебром, хотя цены, как правило, исчислялись в нем. Ряд указаний в текстах подкрепляет это утверждение, а так как старовавилонские юридические документы совершенно не оговаривают качество и чистоту серебра, использовавшегося для платежей, то оно, видимо, не передавалось из рук в руки. В нововавилонский период, наоборот, в юридических текстах встречается сложная терминология для установления качества серебра, используемого для платежей. Так как его приходилось ввозить из других стран, а некоторые налоги (уже с периода III династии Ура) платились этим драгоценным металлом, можно предположить, что в старовавилонский период дворец легко контролировал обращение серебра. Лишь частный ввоз этого металла по суше мог нарушить баланс серебряного обращения. Накопление серебра как сокровища тогда ограничивалось дворцом и храмами, откуда оно, возможно, проникало и в руки разных слоев населения. Однако, по описям приданого и ценных предметов, упоминаемых в завещаниях, можно судить о том, что серебряные и золотые запасы того времени были весьма скудными.

Что касается индивидуальных богатств, то сведения о них мы получаем из такого до сих пор слабоизученного источника информации по старовавилонской Месопотамии, как тексты предсказаний. Все содержащиеся в них разнообразные предположения и описания свидетельствуют об удивительном отсутствии экономической устойчивости в стране: бедные стремились быть богатыми, богачи боялись разориться; и те и другие страшились вмешательства дворцовой администрации. Трудно установить, в какой степени эти своеобразные тексты отражают реальные отношения того времени.

Перейдем к рассмотрению еще одной важной для понимания месопотамской экономики проблемы. Это накопление капитала (товаров или серебра) — предметов, за пользование которыми взимались проценты, — особенность, свойственная Месопотамии, но совершенно не принятая в районах к западу, точно так же, как, например, обычай пить пиво вместо вина или пользоваться сезамовым маслом вместо оливкового.

В письме из Угарита на плохом аккадском языке, характерном для подобных текстов, находим одну из тех ярких фраз, которые проливают больше света на экономическую жизнь того периода, чем сотни монотонных и длинных табличек: «дайте [между тем] те 140 сиклей, которые все еще остаются от ваших денег, но не тре-

буйте процентов, мы ведь оба благородные люди»¹⁷ Эта любопытная и уникальная ссылка на сословное положение с целью повлиять на экономические взаимоотношения приобретает смысл и значение, когда мы сравниваем ее с отрывком из Второзакония XXIII, 20 (ср.: Левит XXV, 36—37): «Иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост». Мы видим, что и угаритское письмо, и отрывок из Ветхого завета показывают одинаковое отношение к капиталу как источнику обогащения. В то же самое время староассирийские торговцы брали и простые и сложные проценты. Конечно, платить их они предпочитали в том размере, в «каком один брат спросил бы с другого».

Хорошо известно, что библейское представление о том, что мы переводим словом «ростовщичество», оказало далеко идущее и сильное влияние на экономическую историю Запада. Запрет на процентные сделки поддержала церковь, и он оставался в силе на протяжении всего средневековья, несмотря на разные виды давления, упорно оказываемого глубоко меняющимися экономическими условиями. Только Реформация, приведшая к изменению идеологических основ средневековой европейской цивилизации, могла сломить традиционное отношение церкви к экономической жизни Европы. В долгих теологических спорах, шедших в схоластической и народной литературе вплоть до XVII в., «капиталистические» концепции часто связывались с названием «Вавилон», олицетворявшим богатый город с весьма эффективной социальной и экономической организацией. Значение текста из Угарита состоит в том, что он заставляет переоценить контраст между библейской и вавилонской этикой, исходя скорее из экономических, чем из моральных соображений. Ссылки на западные тексты (т. е. из Сирии и Палестины) указывают, что экономическая ситуация в этих странах была диаметрально противоположной вавилонской. Чем же были вызваны эти различия?

Видимо, экономическое объединение осуществлялось в Вавилонии (т. е. в Южной Месопотамии, в отличие от Ассирии и Запада) в основном путем накопления в условиях замкнутого, самодостаточного развития экономики с центром управления во дворце или в храме. Хотелось бы подчеркнуть, что это, вероятно, никогда не было единственным способом экономической интеграции в данном районе. Фактически, по-видимому, существовал симбиоз между указанными центрами накопления и слоем населения, занимавшимся независимой экономической деятельностью как индивидуально, так и группами лиц равного социального положения. Наличие различных систем интеграции, противопоставление центров накопления частной экономике могло привести к появлению денег, т. е. избыточных товаров, или, во всяком случае, благоприятствовало этому. Деньги или эквивалентный им товар использовались в подобных обстоятельствах как способ оказания экономического давления и являлись средством обогащения. Их можно было давать в долг и получать за это вознаграждение. По причинам, которые мы не можем объяснить, в условиях

накопления первоначально отсутствовали средства связи с окружающим миром, необходимые для получения нужного сырья, которого в данной местности не было, например камня, металла, строевого леса. Благодаря особым условиям или природным склонностям стоявшие вне магического круга системы накопления энергичные и коммерчески одаренные люди стали для центра необходимым связующим звеном. За свои услуги они получали плату. Такой симбиоз вполне устраивал обе стороны и создавал экономический «климат», способствующий урбанизации, которая так рано и успешно началась в этом районе. На северо-западе в Ассирии и Сирии, где существовали деревенские общины, капитал циркулировал только среди элиты, группы равного социального статуса, независимо от того, была ли она этнически одинакова с жителями деревни или представляла собой завоевателей. Деньги там не являлись средством экономического соперничества (между частной инициативой и инертными центрами накопления), поэтому сделки под проценты были и социально и морально неприемлемыми. То же самое, между прочим, происходило в Греции и даже в Риме, что вновь доказывает уникальность Месопотамии, пользовавшейся совершенно иными формами экономической интеграции, на основе которой выросли совсем другие моральные кодексы поведения.

В Ветхом завете о вавилонских и ниневийских торговцах часто говорится с огромной ненавистью и презрением, что вновь свидетельствует о важной особенности экономической жизни Вавилонии, которую Запад отвергал. Мы очень мало знаем о том, как велась торговля внутри месопотамских городов. Недвижимое имущество (дома, поля, сады), конечно, покупалось и продавалось, то же относилось и к доходам или их долям, которые получали от храмовых владений (*пребенда*), к прибылям от эксплуатации рабов и даже детей, редко — животных (рогатого скота и ослов) и т. д. Однако сделки с потребительскими товарами не регистрировались как продажа, и ни в одном тексте никогда не упоминаются продукты питания как предмет торговли. Что касается проблемы рынка, то разговор о ней пойдет ниже.

Месопотамия, очевидно, славилась тем, что Библия осуждала и считала недопустимым, — международной торговлей¹⁸ Такое же отрицательное отношение к этому виду торговли выражено в IV эклоге Вергилия (строка 39 — *omnis feret omnia tellus*)*, который автаркию считал идеальной экономикой. Сведения о ней и о важном влиянии, которое она оказывала на политику, имеются почти для каждого периода и района, сохранивших для нас документальные клинописные данные.

Следует различать два вида внешней торговли, а также торговлю внутри страны. Первый вид — экспорт промышленных това-

* Строки 38—39 в русском переводе С. Шервинского звучат так:

С моря уйдет мореход, и плавучие сосны не будут
Больше товаров менять, но всё все земли доставят.

ров, т. е. тканей, производимых в Месопотамии зависимыми ткачами в замкнутых хозяйствах храмов или дворцов. Взамен в страну импортировались необходимые металл, камень, древесина, специи и благовония. Второй — торговля с чужеземными городами, торговыми форпостами и варварскими племенами, у которых не было ни престижа, ни политической власти, ни инициативы, необходимых для того, чтобы завязывать торговые отношения на основе договоров. Оба вида торговли имели место в районе Персидского залива и в Малой Азии вплоть до «Темного периода», а также вдоль течения Евфрата и по берегу Средиземного моря до и после этого периода. Несомненно, и другие районы вели эти же или какие-то иные виды торговли, но об этом у нас нет документальных данных. В обоих случаях торговля прямо или косвенно способствовала повышению жизненного уровня Месопотамии и прежде всего помогала распространению влияния месопотамской цивилизации.

В инвентарных записях торговцев (*тамкару*) времени, предшествующего «Темному периоду», часто говорится о том, что в страну ввозили разнообразные предметы роскоши и основные виды сырья, очевидно, для царского двора и храмов, но нигде не встречается прямого упоминания об экспортных операциях. Торговля велась, по-видимому, на чисто административном уровне, а частная инициатива и связанные с нею доходы открыто не допускались. В последовавший затем старовавилонский период деятельность *тамкару* стала на юге более сложной, диапазон ее увеличился. Есть основания полагать, что находившиеся на царской службе торговцы (особенно в Ларсе) имели возможность разбогатеть. Пока нельзя точно установить степень свободы, которой пользовался торговец при распределении товаров, и степень его индивидуальной финансовой ответственности и инициативы. Только из Ура раннего старовавилонского периода мы имеем информацию о том, что торговцы — импортеры меди из стран, лежащих за Персидским заливом, совершали сделки, объединяя капитал и разделяя ответственность и доходы. В этих текстах неоднократно упоминается *кару* — торговая организация со своим собственным центром и особым юридическим статусом, находившаяся за пределами города.

Самое большое количество сведений имеется о староассирийских торговцах до начала «Темного периода». Эти купцы селились в анатолийском городе Канише. Известно, что торговцы создавали поселения и в других местах этого района, а также вдоль путей, которые вели в Ашшур, хотя никаких письменных источников, свидетельствующих об этом, там не найдено. Многочисленные письма, счета и юридические документы (теперь их более шестнадцати тысяч и только две тысячи из них опубликованы) были обнаружены в Канише, в Богазкёе и лишь очень небольшое количество — вне Анатолии¹⁹ Ни одного подобного текста еще не нашли в самом Ашшуре — центре этой торговой организации. Все документы говорят о том, что у торговцев было по крайней

мере две обязанности: экспорт тканей, производимых в Ашшуре или продаваемых через Ашшур, и обязанность посредничать между центрами добычи и переработки меди и агентами, занимавшимися торговлей медью и железом в самой Малой Азии. Большая часть сведений о Малой Азии начала II тысячелетия до н. э. взята из записей торговцев о сделках с местными правителями и об их деловых связях с другими торговцами и с местным населением. Нельзя не сказать о свободном передвижении этих торговцев, безопасности коммуникаций, отсутствии какой-либо военной охраны, больших поступлений золота и серебра и, главное, о гордости торговцев своим социальным положением и высокими этическими принципами. Картина, которая вырисовывается при чтении канишских табличек, нетипична для экономической истории древнего Ближнего Востока и находит себе аналогии только в истории финикийских городов железного века и караванной торговли Nabatei первых веков нашей эры. Мы до сих пор не знаем, какие исторические обстоятельства породили кратковременный расцвет Каниша. Он продолжался немногим более трех поколений. Торговцев поддерживали местные царьки, чьи интересы сводились к эгоистическому удовлетворению потребностей, что служило местным торговцам большей поддержкой, чем политическая власть.

О международных торговых отношениях упоминается также в текстах из Мари. Торговля связывала Персидский залив с его островным торговым центром Дильмуном через Евфрат, Алеппо и долину Оронта со Средиземным морем. Город Мари, по-видимому, был перевалочным пунктом на пути торговли оловом (между Внутренней Азией и Средиземноморьем), ранее находившимся в руках ассирийских торговцев. Олово необходимо для производства бронзы, а найти его можно было в достаточном количестве только в местах, далеких от Месопотамии, в которую оно попадало, пройдя через руки многих посредников. Торговля Мари отличалась от торговли Ура и Каниша; караваны находились под царской защитой, и чужеземные купцы путешествовали от двора к двору, причем пользовались статусом, подобным дипломатическому.

В последующее за «Темным периодом» время ситуация, сходная с той, которая сложилась в Мари, создавалась на всем древнем Ближнем Востоке. Торговцы типа тех, которые встречались в Канише, Ашшуре и, возможно, в Уре, исчезли²⁰ Доставляя драгоценные дары от правителя к правителю, они превратились в царских гонимых. Их подчеркнуто величали находящимися на «жалованье» у дворца. Существуют договоры, гарантирующие им защиту и ограничивающие их деятельность, которую, очевидно, легко можно было сочетать с частным предпринимательством. Служба их, видимо, была связана с большим риском, который все возрастал. Так, в корреспонденциях из Амарны и в документах из Угарита и Богазкёйя сообщается о случаях нападения на караваны и убийстве купцов. Несмотря на то что политическая ситуация была неустойчивой, а сухопутные путешествия чреватые

опасностями, торговые связи между столицей хеттов Хаттусасом в Анатолии, Угаритом, Алалахом и самой Месопотамией развивались весьма интенсивно²¹. На наш взгляд, кажется странным, что клинописные тексты вскоре после амарнского периода перестают сообщать что-либо о торговле и торговцах (молчание это продолжается до самой гибели Вавилонской империи)²². Трудно себе представить, что в это тысячелетие торговые отношения прекратились. Ведь известно, что в последующий период, когда арамеи и арабские племена водили много караванов в треугольнике между Средиземноморьем, Красным морем и Персидским заливом (не говоря уж об оживлении на дорогах, ведущих в глубь Центральной Азии), торговля развивалась бурно. В течение всего тысячелетия в различных текстах мы находим немало намеков на торговлю; тем более непонятно, почему в них отсутствуют прямые упоминания об этом.

Мы имеем косвенное доказательство существования, развития и непрерывного роста международной торговли в самой Месопотамии и за ее пределами. Так, из недавно открытой надписи мы узнаем, что Саргон II (721—705 гг. до н. э.) был первым ассирийским правителем, которому удалось склонить Египет к торговле со своей страной. Царь считал этот факт столь важным, что даже упомянул о нем в надписи²³. Египту пришлось отказаться от своей традиционной политики «запечатанных границ» (как ее красочно называет Саргон) после успешной ассирийской кампании, которая велась на палестинских границах с Египтом²⁴. Это первое указание на то, что Ассирия была заинтересована в международных торговых отношениях и принимала в них участие. Позже, по данным, полученным из известной надписи внука Саргона Асархаддона (680—669 гг. до н. э.), мы узнаем, что жители вновь построенного Асархаддоном Вавилона (после того как его отец Синаххериб разрушил город) снова получили привилегию неограниченной торговли со всем миром²⁵. Это свидетельствует о том, что вавилоняне жили и, возможно, даже процветали в царствование Синаххериба, т. е. в период своего политического бессилия, именно благодаря международной торговле. Создается впечатление, что и вавилонская и ассирийская торговля перешла в начале I тысячелетия до н. э. от старой экспортно-импортной системы к более доходной — транзитной. Она вполне могла связывать Восток — страны, расположенные вдоль Персидского залива, и страны, чьи товары поступали через Иранское плато, — со Средиземным морем. Не случайно в это время снова налаживаются давно прерванные контакты с Востоком; после почти тысячелетнего перерыва мы снова встречаем в клинописных текстах упоминание об островном центре торговли Дильмуне и узнаем, что Синаххериб разводил индийский хлопок в своем царском саду. На западном краю торгового пути, на финикийском побережье, были расположены города Сидон и Тир. О том, как они боролись с Ассирией, часто упоминается в царских надписях. Нововавилонские цари Навуходоносор II, Нериглисар и Набонид, которые продолжали импер-

скую политику ассирийцев после падения Ниневии, воевали в Киликии, устанавливали связи с финикийскими городами и впервые проникли глубоко в Аравию. Конечно, не случайно «главный торговец» считался высокопоставленным чиновником при дворе вавилонских царей; при Навуходоносоре II эту должность занимал человек с типично финикийским именем — Хануну (Ганон)²⁶.

Отсутствие какой-либо письменной информации о наличии торговли в I тысячелетии до н. э. объяснить нелегко. Можно предположить, что вся торговля находилась в руках арамеев и купцы писали на папирусе и коже. В конце концов лишь небольшое число частных юридических документов написано клинописью на глине даже в нововавилонский период, когда этим материалом продолжала пользоваться главным образом храмовая администрация Сиппара, Ура, Вавилона и других городов. Еще труднее решить вопрос о том, какими товарами и с какими странами они торговали. Ответов на эти вопросы у нас нет.

«Великие организации»

Социальные отношения каждой цивилизации развиваются в определенном русле, характерном и уникальном, зависящем от местных условий. Для Месопотамии одним из путей социальной интеграции был город, который сохранял свое ведущее положение на протяжении всей тысячелетней истории страны. Для того чтобы получить адекватную картину месопотамского города, сначала необходимо рассмотреть и понять его сложную природу и особенности. Отдельные компоненты этой картины следует изучать сначала порознь, а затем в связи друг с другом. Нужно различать два основных компонента: первый — общность лиц одинакового статуса, объединяемых сознанием принадлежности к этой общности, которая реализуется в том, что их общие дела решались народным собранием. В этом собрании под руководством должностного лица достигалась некоторая степень единомыслия, как это было, например, в богатых и квазинезависимых старых городах Вавилонии, второй компонент — организация, коренным образом отличавшаяся по своей структуре от только что упомянутого общества, центром и основой которой был либо храм или дворец, либо храмовое или дворцовое хозяйство. Обе организации были замкнутыми. Товары в них циркулировали по кругу, и весь персонал был распределен иерархически. По-видимому, лучше сначала и проанализировать эти две «великие организации», а затем уже рассматривать сам город и его взаимоотношения с храмом и дворцом.

Прежде чем обратиться к различиям между дворцом и храмом, следует рассмотреть некоторые общие их черты. Основным источником дохода и дворца и храма была земля. Доходы получали либо непосредственно, либо путем выплат в форме ренты и налогов. Кроме того, и ремесленные мастерские также приносили доходы. Немало их поступало в виде даров от верующих. Из уважения или страха перед царем союзники и данники вручали ему подарки.

В руках центральной администрации оказывались все доходы, и она распоряжалась ими. То, что не откладывалось на хранение, администрация распределяла в соответствии с порядком, который диктовался дворцу политическими соображениями, а храму — обычаями. Как храмовая, так и дворцовая администрация выделяли известную часть продуктов питания, а также одежду и другие вещи мелкому административному персоналу, который направлял, управлял и контролировал работы, поставки и платежи. Причиной того, что эти системы отличались только в определенных конкретных аспектах, было то, что и храм и дворец оставались хозяйствами: храм — бога, а дворец — царя. Считалось, что божество живет в своем храме: его нужно кормить, одевать и о нем нужно заботиться точно так же, как и о царе, который находится во дворце. Царь так же, как и божество, был окружен своим штатом. Это соответственно были придворные или жрецы (последний термин не совсем удачен). Все они считали себя рабами своего повелителя. Всю черную работу выполняли рабы или, в значительно большей степени, зависимое население (сервы). Они вынуждены были тратить либо все, либо часть своего времени на работу в пользу центральной власти²⁷. Число прислужников, официальных лиц, зависимых людей и рабов значительно менялось от значения и статуса хозяйства, к которому они принадлежали. Их ряды пополнялись военнопленными, а в периоды голода и свободными гражданами, которые добровольно вместе с детьми становились зависимыми. На сооружение величественных и роскошных храмов и дворцов необходимы были не только материалы, которые привозились издалека, но и требовались художники, ремесленники и все, чьи таланты были так нужны при строительстве и украшении этих сооружений.

Содержание такого большого числа зависимых людей, особенно в храмах раннего (до Саргона) периода, таких, как храмы в Лагаше, — факт, который должен заинтересовать историка. Из того, что мы знаем по истории этого региона, нет оснований думать, что это было покоренное население. Возможно, здесь мы имеем дело с явлением, носящим более локальный характер, чем мы до сих пор считали, и, видимо, возникшим в результате присущей лишь этому региону социальной идеологической ситуации, когда некоторые группы населения работали в хозяйствах того или иного божества. Какая юридическая или религиозная фикция или какое экономическое или социальное давление обусловило эту ситуацию, мы, вероятно, никогда не узнаем.

Эти общие черты не позволяют забывать о глубоких различиях, существовавших между храмом и дворцом и между различными дворцами и храмами на протяжении тысячелетней истории как на широких просторах самой Месопотамии (от Ура и даже Эреду до Дур-Шаррукина), так и в районах, находившихся под месопотамским влиянием (от Суз до Алалаха). Специфические условия отправления культа в различных святилищах, размер владений, значение божеств, взаимоотношения с царем определяли деятель-

ность храма. Царские дары и благоговейная щедрость верующих, особенно в более поздние периоды, значительно лучше обеспечивали поступление средств в храмы (жрецы использовали их для демонстрации богатства и могущества божества), чем доходы от сельского хозяйства. Величина владений, политическая и военная мощь царя непосредственно определялись размером его хозяйства. Стремление каждого могущественного правителя построить новый дворец стало во все эпохи зеркалом творческих устремлений дворцовой архитектуры. Число придворных было показателем силы и мощи правителя, и если бы мы знали об этом больше, то могли бы воссоздать яркую картину политики внутри страны того времени. Однако нам кажется, что личные способности и успехи давали человеку больше возможностей маневрировать в обязательной иерархической организации двора, чем в храме, где положение и связанное с ним богатство зависело главным образом от происхождения, хотя личная инициатива, несомненно, тоже помогала успешно манипулировать унаследованным и приобретенным богатством.

Обсуждению функций дворца в Месопотамии как социально-экономического учреждения должно предшествовать выяснение роли и обязанностей царя. Если при изучении этой проблемы подтверждать каждое положение документальными данными, то такой труд по объему будет гораздо больше, чем эта книга. К тому же если мы займемся ее рассмотрением, то это помешает нам проследить все аспекты месопотамской цивилизации без особого упора на какой-либо один из них.

Жители Месопотамии признавали только одно учреждение в современном смысле этого слова — царскую власть. Именно она прежде всего являлась признаком цивилизованной жизни и считалась поэтому божественного происхождения, что, однако, в Вавилонии и Ассирии выражалось по-разному. В Вавилонии со времен Саргона Аккадского и вплоть до периода Хаммурапи имя царя часто писалось с детерминативом DINGIR («бог»), которым обычно обозначались боги и различные предметы поклонения. Мы знаем также из текстов, относящихся к III династии Ура, и спорадически из более поздних документов, что скульптурным изображениям умерших царей клали подношения в храмах²⁸. Святость царя подчеркивается (особенно в ассирийских текстах) сверхъестественным и внушающим страх сиянием (*аурой*), которое, судя по данным религиозной литературы, характерно для всех божеств и всех вещей божественного происхождения. Существует ряд терминов, относящихся к такому «сиянию»; среди них, по-видимому, еще дошумерский — *melammu*. Его следует переводить примерно так: «ужас вызывающее свечение». Термин этот употребляется чаще всего²⁹, в то время как другие подчеркивают свойство этого явления повергать людей в трепет (*tremendum*). Царский ореол в среднеперсидских (сасанидских) текстах называется *xuarena*, в позднеклассических — *aura*; и соответствующий ореолу нимб всегда виден над изображением живого императора

вплоть до раннехристианского времени. Это *melammu* отпугивает и подавляет врагов царя, но, как утверждают тексты, царь лишается его, если теряет поддержку бога. Царские одежды подчеркивают божественность царской власти: рогатая митра на голове Нарам-Суэна и одежда *kusitu* новоассирийских царей похожи на одеяния, в которые облакали статуи богов³⁰

Близкая связь, которая, как утверждала царская пропаганда, существовала между царем и его богом, материализовалась в успехах этого правителя в войне и в процветании его страны в мирное время. Часто, особенно в шумерский период, эта связь представлялась в виде родственных отношений. Придворные писцы и художники любили льстиво развивать эту тему в гимнах в честь царей (почти исключительно шумерских) и панегирических царских надписях. Я не собираюсь подробно останавливаться на такой литературе, посвященной царю и его могуществу, а лучше обратимся к глубоким различиям между вавилонской и ассирийской концепциями царской власти. Из этого сравнения следует исключить Шумер, так как там отношения между царем (*lugal*) и высшим жрецом (*en*) слишком запутанны и значение обоих терминов до сих пор еще недостаточно определено, поэтому в кратком очерке эти вопросы осветить невозможно³¹

Главное в ассирийской концепции царской власти заключается в том, что он был высшим жрецом бога Ашшура. Как таковой, он совершал жертвоприношения и мог влиять как на храм, так и на культ. Вавилонский царь допускался в целлу Мардука лишь раз в год и то только после того, как снимал знаки своей царской власти. Ассирийский царь, насколько нам известно, короновался заново каждый год, причем эта церемония сопровождалась криками «Ашшур — царь!» Ассирийские цари весьма неохотно и, очевидно, только ради престижа принимали название *šarru* — «царь», которое было, возможно, чуждым словом для аккадского, подобно термину *basileus* — в греческом³².

В Ассирии царь был эпонимом (*limmu*) не один, а вместе с высшими административными лицами царства. Годы в Ассирии не обозначались по времени царствования данного царя, подобно тому как это делалось в Вавилонии, а определялись по имени высшего официального лица, которое было эпонимом. Сам царь давал свое имя только первому году царствования, а официальные лица — в традиционной последовательности — давали название последующим годам, после чего царь мог снова быть эпонимом в течение одного года. Возможное объяснение этой традиции состоит в том, что царь первоначально был только первым среди равных (*primus inter pares*) в связанном узлами амфикистии союзе шейхов; мы знаем, что таково было положение царей в Хане и, возможно, в Наири. Вполне вероятно, что ассирийские племенные вожди жили в ранний период около святилища бога Ашшура и выполняли свои царские и жреческие обязанности каждый в течение года. Теоретически, да, вероятно, и на практике, эпоним, или правитель данного года, первоначально определялся жре-

бием³³ Такой жребий, с помощью которого был выбран эпоним 833 г. до н. э., дошел до нас. На нем имеется следующая надпись: «О великий властитель Ашшур! О великий властитель Адад! Это — жребий Яхали, главного управляющего Салманасара, царя Ассирии, [правителя] города Кипсуни, стран. начальника гавани; сделай обильным урожай Ассирии, и пусть он будет богатым при эпониме, [выбранном] по его жребию. Пусть его жребий выпадет!» Можно предположить, что первоначально то официальное лицо, чей жребий выпадал, считалось выбранным богом для того, чтобы быть его жрецом, или для того, чтобы выполнять какие-либо жреческие обязанности, связанные с празднованием Нового года. Позднее чередование официальных лиц, вероятно, определялось рангом и традицией, а не с помощью жребия. Цари новоассирийского периода, видимо, отказались от этой традиции и не всегда занимали должность эпонима в указанной выше последовательности.

Ассирийский царь в качестве жреца был или действующим лицом, или объектом поклонения в многочисленных и сложных ритуалах, детально описанных в некоторых текстах. Его тщательно охраняли от болезней и особенно от вредных магических влияний, так как от его благополучия зависело процветание страны. Поэтому ассирийские цари, насколько нам известно из писем, сохранившихся в их архивах, окружались толпой предсказателей и врачей. Все знамения рассматривались и истолковывались прежде всего в связи с тем, какое влияние они окажут на особу царя. Существовали сложные ритуалы — они помогали отвести от царя предсказанное зло. Известен по крайней мере один случай в Ассирии, когда для того, чтобы помешать исполнению предсказания о грозящей смерти царя, пошли на хитрость — другое лицо на сто дней объявили царем (его назвали «подменный царь»), затем убили и похоронили с почестями. Таким образом, предсказание вроде бы сбылось, а судьба же была обманута и настоящему царю сохранили жизнь³⁴. Доступ к царю строго ограничивался даже для законного наследника. Его всячески оберегали от нежелательных встреч. В каждом ассирийском дворце была комната для ритуальных омовений. Она примыкала к тронному залу. После коронации ритуал предписывал, чтобы дворцовые чиновники складывали символы занимаемых ими должностей к ногам нового царя, и, покинув свое место, они присоединялись к свите царя, показывая таким образом, что слагают с себя свои должности, чтобы вновь быть назначенными новым царем³⁵.

В Вавилонии все было совершенно иначе. Мы располагаем списком всего состава придворных Навуходоносора II. Его окружали администраторы дворца и всего царства, чиновники и утратившие власть цари, жившие при его дворце, в то время как официальные лица ассирийского царя, по-видимому, были просто исполнителями повелений последнего. После средневавилонского периода у вавилонских и ассирийских царей часто были визири (соответствующий аккадский термин означает «глава канцеля-

рии»), чьи имена перечисляются в царских списках; в Ассирии так было только в поздний период. Там обязанности главного администратора обычно выполнял царевич-наследник, а государство управлялось из «дворца администрации»³⁶

В обеих странах проблема наследования считалась важной. Вавилонские исторические источники лишь изредка упоминают об узурпации власти; но многие предсказания, содержащиеся в сборниках, доказывают, что восстания высших чиновников и царевичей были явлением нередким. События, происходившие после смерти Навуходоносора II, и узурпация трона Набонидом ярко иллюстрируют это, и есть письмо Самсу-илуны, которое показывает, что он захватил трон до смерти своего больного отца Хаммурапи³⁷

В Ассирии большое значение придавалось законности правителя, и длинные генеалогические списки часто появлялись в царских надписях, свидетельствуя о том, что цари гордились своими царственными предками. При наличии подобных надписей более чем странно, что некоторые ассирийские цари намеренно избегали упоминания о своих отцах и предках, как будто они не были царского происхождения, хотя из других источников известно, что это было именно так. Возникает впечатление, что в конце II и начале I тысячелетия до н. э. в Ассирии существовало два идеала правителя: один, который получал свою власть от охраняемых божеством предков, уходящих глубоко в прошлое Ассирии, и другой, считавший, что, став царем, он получит одобрение богов Ассирии, возвысивших его как человека, избранного для этой цели. Более интересным типом повелителя является второй (*self-made man*) («человек, который сам сделал свою карьеру»). Саргон Старший, который «был найден в тростниковой корзинке», стал самым знаменитым правителем Месопотамии, и ему приписывалось божественное происхождение. Захвативший царскую власть Идрими, правитель Алалаха, и Руса, который сам объявил себя царем Урарту, оба гордо говорят о себе как о героях³⁸. Такое сосуществование противоположных идеалов еще раз подчеркивает сложность обстановки в Ассирии.

Во время войны месопотамский царь был главой армии. Очень немногие ассирийские цари доверяли армию высшему военачальнику — *туртану*, который командовал половиной всех военных сил. Даже победы *туртану* часто приписывались только царю. В мирное время царь в основном занимался внутренними делами страны. В исторический период только ассирийские цари несли многочисленные конкретные культовые обязанности, о чем мы знаем из разнообразного набора ритуальных текстов. Они детально описывают роль царя в культовых церемониях, либо периодически повторяющихся, либо вызываемых какими-нибудь обстоятельствами. В древней титулатуре вавилонских царей тоже отразилась более ранняя стадия, на которой царь, как представитель общины, по-видимому, был обязан принимать участие в некоторых ритуальных действиях³⁹ (очевидно, гораздо более поздний обычай, требо-

вавший участия вавилонского царя в празднике Нового года, отводит царю при этом довольно своеобразную роль).

Что касается социальных обязанностей царя, то считалось, что месопотамский правитель обязан охранять законом тех, кто не имеет привилегий. Предполагалось, что он должен творить суд и выслушивать жалобы. По традиции царь издавал законы и регулировал цены, дабы не допустить нарушений существующих обычаев. Он должен был заботиться о нуждах тех, против кого эти изменения направлены. Иногда царь вводил новые законы в защиту определенного слоя населения и указывал судьям на решение, которое необходимо принять. Роль царя как законодателя, однако, свелась на нет к концу старовавилонского периода. Тогда цари уже не пытались поднять общее благосостояние с помощью отмены некоторых долгов и регулирования размеров взимаемых процентов, заработной платы, платы за услуги, а также цен на основные товары⁴⁰. Издание некоторых законов в тот период все еще, по-видимому, входило в компетенцию храмов. После «Темного периода» появление таких законов становится редкостью.

Конечно, налаживание контактов с другими странами в мирные времена также было привилегией царей. Дипломатические и торговые связи всегда осуществлялись правителем и должностными лицами, назначенными для этой цели.

Что касается взаимоотношений между царем и его подданными, то можно сказать, что подчинение властям, так же как и поклонение богам, рассматривалось жителями Месопотамии как основная и характерная черта цивилизации. При описании необычного образа жизни кочевников эти черты упоминаются вместе с некоторыми привычками, связанными с их питанием и погребальными обрядами. О них говорится как об особенностях, по которым можно отличить цивилизованные народы от нецивилизованных⁴¹. Трудно проследить юридические и практические последствия таких взаимоотношений. То, что цари освобождали от повинностей часть должностных лиц, поместья и даже города, позволяет нам составить некоторое представление о том бремени, которое царская служба могла накладывать на отдельных граждан и на общины. Существовали не только прямые налоги, характер и объем которых, к сожалению, совершенно неизвестен. Имели место также и натуральные повинности, о которых мы почти ничего не знаем, для дворца и должностных лиц. Нужно было ремонтировать дороги и каналы, нести службу в армии. Размер этих повинностей, должно быть, значительно менялся в зависимости от местных условий и способности властей добиться выполнения работ и поставок. В сборниках предсказаний можно найти довольно много материала об отношениях между царем и подданными; в них рисуется явно мрачная картина, причем действия дворца жестоки и несправедливы — он конфискует имущество и заключает в тюрьму.

И все-таки месопотамские цари не были восточными деспотами. Ассирийские цари, о которых мы знаем больше, чем о вавилонских, всегда стремились не наносить обид своим высшим чиновникам,

чьей преданности им иногда приходилось добиваться клятвенными обязательствами и соглашениями, ибо не существовало иного пути, обеспечивающего передачу власти наследнику. Эти чиновники, если они не одобряли политику царя, всегда были готовы восстать против него.

Среди всех интриг и махинаций двора, о которых говорится в царской переписке Саргонидов, мы не встретим упоминаний о терроре или смертных приговорах. Значительные группы населения охранялись статусом граждан старых привилегированных городов от любых посягательств царя, и можно предположить, что подобные же соглашения существовали между правителями и подчиненными во всем царстве. Нет сведений о каких-либо народных возмущениях против царской администрации, намеки на которые прослеживаются в Ветхом завете (как на имевшие место в действительности, так и на политические стремления, проявившиеся в мессианских идеалах).

Что касается царя и его семьи, то прежде всего следует заметить, что словом «царица» пользовались, если речь шла о богинях и тех женщинах (это были только арабские царицы), которые действительно управляли страной. Главную супругу царя называли описательно: «Та, что во дворце». Она и наложницы царя жили, по крайней мере при ассирийском дворе, в гареме, охраняемом евнухами. Распорядок дня их тщательно регулировался эдиктами царя. Из большого числа писем, написанных при дворе в последний период Ассирийского царства, мы узнаем, что влияние супруги царя и его матери на политику временами было значительным⁴². Но всех ассирийских женщин затмила Семирамида, вдова Шамши-Адада V, возможно вавилонская принцесса, которая правила государством, пока ее сын Адад-нерари III не достиг совершеннолетия, и даже позже она сохраняла титул царицы и ставила свое имя на памятниках рядом с именем сына, правящего царя⁴³. У греческих авторов сохранилось множество рассказов о ней.

Царский дворец в составе месопотамского государства был «великой организацией», имевшей огромное экономическое значение. Туда стекались подати с подвластных народов (часто весьма отдаленных), урожай из царских поместий и продукция царских мастёрских. Из складов дворца должны были сообразно занимаемому положению кормиться и одеваться члены царской семьи, административный персонал страны и самого дворца, придворные, постоянная армия, а также множество зависимых людей, рабов и других лиц, чья жизнь была связана с дворцом.

Что касается происхождения дворцового хозяйства, то трудно определить, развилось ли оно исключительно из царских поместий, являлось ли ответвлением раннешумерской или даже дошумерской храмовой организации или было чуждым, немесопотамским явлением. Об управлении дворцом мы знаем немного. Все, чем мы располагаем, — это незначительное количество древнеаккадских административных документов, некоторые материалы среднева-

вилонского периода из Ниппура и небольшое число новоассирийских текстов из Калаха и Ниневии.

Дополнением к этим трем основным источникам служат разрозненные старовавилонские документы и большая группа материалов, найденных в Чагар-Базаре, Алалахе, Угарите и Нузи. Их еще предстоит исследовать, чтобы получить информацию о дворцовом управлении.

В Вавилонии рост дворцового хозяйства, разумеется, неизбежно в какой-то степени приводил к конфликту этого хозяйства с храмовой организацией; однако ничего не известно о каких-либо столкновениях между ними. Храмовая организация, очевидно, после шумерского периода переживала медленный упадок, а дворцовая организация, богатая и усложняясь, все больше ее затмевала. Увеличение числа документов храмовой администрации нововавилонского Урука и Сиппара вовсе не обязательно свидетельствует о том, что эти храмовые организации приобрели значение, выходящее за местные рамки. Возможно, государственные административные документы дворца в то время писались чернилами на пергаменте и поэтому до нас не дошли.

Месопотамский дворец с точки зрения архитектуры и планировки обладал некоторыми своеобразными элементами: тронным залом, где царь принимал послов и других посетителей, большим внутренним двором и просторным залом, который, возможно, использовался для официальных приемов (на эту мысль наводит ассирийский текст, содержащий инструкции относительно проведения приемов, на которых присутствовали царь и знать). Жилые покои царя и его окружения, так же как и кладовые для хранения запасов, располагались вокруг главных помещений. К сожалению, сравнительного изучения раскопанных дворцов не велось, хотя это могло бы дать представление о местных различиях и вариантах планировки в разные эпохи. Строительство и перестройки дворца часто детально описываются в ассирийских источниках. Создается впечатление, что в каждом значительном городе был свой дворец, хотя он чаще служил резиденцией представителей центральной администрации, чем жилищем царя. В некоторых городах были дворцы, возведенные сменявшими друг друга правителями.

История храма как общественного учреждения, характерного для Месопотамии, освещена недостаточно, хотя у нас и нет недостатка в текстах, особенно для шумерского (в основном из Лагаша) и нововавилонского (из Урука и Сиппара) периодов⁴⁴. К сожалению, эти документы связаны исключительно с низшим персоналом святилищ, работниками и ремесленниками, получавшими жалованье и продовольствие, и со счетами на материалы для изготовления определенных предметов. Храм — некая распределительная система с характерными для нее двумя аспектами: поступлением доходов и даров и выдачей жалованья и продовольствия. Доходы получали главным образом с земель, дарованных храму царями, и в меньшей степени от посвящения военной добычи, драгоценностей и прежде всего военнопленных.

Только нововавилонский период дает нам свидетельство, что почитатели божества опускали в ящик у входа в святилище небольшие дары серебром — обычай, о котором упоминается в Библии⁴⁵ Мы имеем сведения об этом, потому что цари взимали налог с храмового дохода и даже держали при храме специального чиновника, защищающего их интересы. О более высоких лицах в храмовой администрации мы знаем мало. Создается впечатление, что возглавлял храмовую администрацию жрец-*шангу* (букв. «главный жрец»), тогда как жрец-*эну* должен был обращаться от имени храма и общины к божеству способами, которые в различных святилищах были разными. Иерархия среди жрецов в обычном смысле этого слова нигде не засвидетельствована, и мы не знаем, что оказывалось решающим при их назначении — родство или знания — и какова была сама процедура этих назначений. Кроме лиц, необходимых для ведения храмового хозяйства, писцов и разного рода надсмотрщиков культовая сторона дела требовала наличия главного жреца и, возможно, его помощников, а также заклинателей и предсказателей, которые были нужны для нормального функционирования храма и дворца. В более крупных святилищах, возможно, имело место разделение труда; ритуалы и процессии, мы должны это допустить, значительно варьировались в зависимости от природы того божества, которое, как считали, обитало в каждом данном святилище. Писцы, обслуживающие храмовую администрацию, сохраняли традицию: они обучали своему ремеслу освященным веками способом, заставляя учеников переписывать древние тексты. Таким образом, храмы играли довольно значительную роль в поддержании литературной традиции, хотя они и не имели собственных библиотек.

Отношение храмов к общине, насколько это можно установить, было двойственным; определенная социальная ответственность лежала на святилище, и некоторые культовые обряды совершались для общины в целом, но вряд ли они выполнялись для отдельных лиц. Храм всячески пытался умиротворить неимущих. В старовавилонский период это достигалось установлением твердых весов и мер для того, чтобы богатые не могли обманывать бедных, определением максимальных процентов, колебания которых всегда пытались использовать кредиторы. В общем, храм стремился быть образцом, устанавливая точные и справедливые нормы. Довольно часто в старовавилонский период, а иногда и в более поздние времена мы сталкиваемся с тем, что храмы дают небольшие беспроцентные займы, когда жители попадают в затруднительные обстоятельства⁴⁶ Из административных документов Урука нововавилонского периода мы узнаем, что родители иногда посвящали детей в качестве «послушников» храму с целью спасти их во время голода, и есть указания, что это имело место и в более ранние периоды⁴⁷ Храмы использовали «послушников» и их потомков, заставляя работать на себя и получая от них, как от рабов, доходы.

Какие именно культовые обряды совершались храмом для общины, на территории которой он находился, мы твердо не знаем.

В первую очередь следует сказать о принятии клятв и проведении «божьего суда», поскольку эта практика хорошо подтверждена, особенно в старовавилонский период. Мало вероятно, чтобы храм оказывал какую-либо культовую помощь частным лицам в определенный момент их жизни от рождения до похорон. Возможно, этим занимались предсказатели, заклинатели и другие профессионалы подобного рода, которых мы также привыкли называть жрецами. Однако считалось, что божественная сила не была в них вложена храмом, с которым они находились или не находились в прямой связи, или какими-то вдохновляющими их храмовыми людьми. Только хорошее образование и личные способности обеспечивали им положение и авторитет. Мне кажется, что общине был нужен храм, потому что он связывал город с божеством. Храм предоставлял божеству постоянную обитель. Дом, в котором обитало божество, надлежащим образом содержался, дабы обеспечить городу благополучие и процветание, которое, как полагали, гарантировалось присутствием там божества. Рядовому жителю предоставлялась возможность поклоняться издалека изображению, помещавшемуся в глубине святилища, в которое он не смел войти, во всяком случае в Вавилонии⁴⁸ Иногда он оказывался зрителем, если изображения божеств участвовали в процессиях, демонстрировавших роскошь и блеск святилища, порой он участвовал в коллективных увеселениях на праздниках благодарения и в траурных церемониях. Единственным лицом в общине, которое имело право требовать при определенных обстоятельствах культовых отправок от храма, был царь. Глубокая пропасть, подобная той, которая лежала между храмом и отдельным почитателем божества, отделяла царя от его подданных.

Строительство и содержание святилищ были прерогативой и обязанностью царя. От царей, одержавших победы, храм вправе был ждать часть трофеев, в особенности ценных вотивных приношений, которые выставлялись в честь божества в целле, а также военнопленных, чтобы увеличить рабочую силу храма. Под влиянием жрецов начиная со старовавилонского периода царям внушалось, что строительство все более крупных и роскошно украшенных святилищ и высоких храмовых башен — существенная часть их обязательств по отношению к богу, выражение благодарности и гарантия будущих успехов. Ассирийские цари выполняли свои обязанности в этом отношении гораздо активнее, чем цари Вавилонии. Многократно засвидетельствовано влияние, которое оказывали ассирийские цари на культ, например на создание новых идолов. Попытки Набонида ввести кое-какие изменения в культе — будь то украшение бога Солнца тиарой или попытка предпочтения культа Сина в Харране — привели к бурной реакции на нововведения⁴⁹ Открытые конфликты подобного рода были чрезвычайно редким явлением, однако не следует думать, что введение царских представителей в административные советы наиболее прославленных храмов в нововавилонский период обошлось без столкновений интересов. В этих же советах (хотя явно

только в тех случаях, когда они осуществляли судебные функции) появляются также представители народного собрания того города, на территории которого находилось святилище. Коротче говоря, отношения между храмом, царем и городом были чрезвычайно сложны на протяжении тысячелетий, освещенных документальными свидетельствами, хотя в большинстве случаев наши документы не проливают света на этот существенный аспект месопотамской цивилизации. Эти отношения, естественно, должны были развиваться на нескольких уровнях — политическом, экономическом и культовом (мы говорим только о наиболее очевидных аспектах). В то время как храм стремился к экономической независимости, обеспечиваемой земельной собственностью и достаточным количеством рабочей силы, царь также должен был увеличивать фиск для поддержания дворца, т. е. государства. Роль города в этой борьбе, т. е. собрания свободных граждан, ясна нам меньше. Народное собрание играло, вероятно, важную роль в поддержании противоречивых интересов в равновесии. Возможно, оно и выигрывало за счет существовавшей напряженности.

Город

В последние десятилетия все больший и больший интерес вызывают те социальные институты, которые возникают в обществе в результате урбанизации. Очевидно, такая цивилизация, как месопотамская, памятники которой уходят дальше, нежели какие-либо иные, в глубь веков, может стать прекрасным объектом исследования подобных институтов. Действительно, большое число клинописных текстов, прямо или косвенно касающихся вопроса урбанизации, находятся в нашем распоряжении. Информация, которую содержит этот материал, если ее надлежащим образом интерпретировать, может быть дополнена тем, что дают Ветхий завет и греческие источники, особенно в той части, в которой говорится о начале урбанизации. Хотя Библия и греческие источники возникли гораздо позже, если руководствоваться абсолютной хронологией, они, как это ни странно, старше самых ранних шумерских документов, касающихся городов, если исходить из относительной хронологии, т. е. разбирать явление урбанизации по отношению к другим событиям истории.

Надо также затронуть важный, хотя и не вполне изученный факт, касающийся проблемы урбанизации, прежде чем займемся детальным изучением этого вопроса. Урбанизация далеко не единственный путь изменения политической и социальной структуры цивилизации, ведущей к появлению политических образований крупного масштаба и тех событий, которые мы называем политической историей. Как бы ни были важны рост и последствия урбанизации, значительную роль в развитии исторических событий этой части Азии играли и тенденции, направленные против урбанизации. Антиурбанистические тенденции в самой стране и главным образом вокруг Месопотамии нельзя не считать важными

социальными и политическими факторами той эпохи, так же как и желание многих жить в городах. Только так мы сумеем приблизиться к подлинному пониманию истории эпохи между первым появлением городов-государств и покорением Месопотамии арабами⁵⁰ В непрерывной борьбе, характеризующейся резкими поворотами и постоянной нестабильностью политической власти, развитие событий в этом регионе определялось противоборством анти- и проурбанистических тенденций. В результате процесса урбанизации появились города, которые, становясь центрами политического притяжения, в то же время в определенных слоях населения порождали ответное стремление к децентрализации. Эти слои в силу традиции или основываясь на предшествующем опыте вполне определенно и часто успешно выступали не только против жизни в более крупных, чем деревни, поселениях, но и против власти (будь она политической, военной или налоговой), которую городской центр должен был осуществлять над ними.

Проследить процесс урбанизации, как таковой, в Месопотамии мы никак не можем. Города возникли очень рано, и их названия восходят к одному из языков, на которых там говорили до появления и шумеров и аккадцев. По причинам, нам неизвестным, центр урбанизации находился в Южной Месопотамии. Можно и даже следует сказать, хотя подкрепить это никакими удовлетворительными доказательствами нельзя, что только в этом районе Ближнего Востока урбанизация происходила спонтанно. Правда, тут и там города вырастали вокруг царских резиденций, торговых поселений (торговых портов), источников воды и некоторых святилищ, но нигде мы не находим в столь раннюю историческую эпоху такого скопления поселений городского типа, как в Южной Вавилонии. В тот темный и отдаленный период выработалось отношение месопотамской цивилизации к городу как к социальному феномену. Оно определялось безусловным признанием города исключительной и единственной формой общественной организации. Здесь совсем нет того неприятия города, которое кое-где в Ветхом завете отдает кочевым прошлым и тоской по нему и идет рука об руку с неприятием того типа накопительного сельского хозяйства, которое лежит в основе системы дальнейшего перераспределения продуктов⁵¹

Нет в месопотамских городах следа и даже воспоминания о племенной организации, оставившей на мусульманских городах свой несомненный отпечаток. Более того, в клинописных источниках нельзя даже обнаружить антагонизма между жителями городов и сельской местности, столь характерного для многих городских цивилизаций. Только вторгавшихся кочевников и неотесанных жителей гор Загра иногда осуждали как людей, лишенных элементарных качеств, присущих цивилизованным народам, что проявлялось в их поведении, отсутствии заботы о мертвых и нежелании подчиняться организованным формам правления.

Ассирийцы тех врагов, которые жили в городах и которыми правили цари, всегда считали равными себе и никогда не называли

«варварами» или «азиатами». О таком отношении ассирийцев свидетельствуют подробные и увлекательные описания стран и их достижений, встречающиеся в новоассирийских царских надписях (касающихся Урарту и Египта)⁵². В шумерском поэтическом тексте, посвященном восхвалению Ура, утверждается, что даже уроженец Мархаши (горной области Элама), живя в Уре, становится цивилизованным. Так уверены были жители Ура в том, что сумеют приобщить к культуре любого «варвара»⁵³.

В социальном плане единство месопотамского города нашло отражение в отсутствии каких бы то ни было сословий, а также этнических и племенных объединений. Составляющая народное собрание община граждан управляла городом под председательством какого-либо должностного лица⁵⁴, но это, как правило, касалось лишь общин древних богатых и привилегированных городов. Хотя прямых свидетельств об этом нет, можно допустить, что по крайней мере сначала собрание включало в свой состав всех глав семейств, причем старейшины играли особо важную роль. Довольно редко (например, в одном старовавилонском тексте) мы сталкиваемся с таким положением, когда город представляли только самые важные лица или когда в особо серьезном случае важные горожане Ашшура направляют письмо царю вместе с менее значительными горожанами⁵⁵. Разумеется, в собрании подобного типа, которое вовсе не было «демократическим» в западном смысле этого часто неправильно употребляемого термина, не могли не проявиться олигархические тенденции. Это собрание скорее напоминало племенное собрание, в котором согласие достигалось выражением всеобщего одобрения при фактическом руководстве наиболее влиятельных, богатых и старых сограждан. Это собрание (здесь уместно проследить его сложное и длительное развитие) направляет царю письма и получает ответные послания, борется за свои льготы и привилегии города и добивается их утверждения царем. Оно принимает судебные решения, ведает в пределах города продажей недвижимости, не принадлежащей частным лицам, и несет коллективную ответственность в случаях убийства и грабежа, совершенного даже вне города, в пределах установленного расстояния от него. Об этом мы знаем из инструкции (документ найден в Нузи), данной градоправителю, а также из хеттских законов и Второзакония (XXI, 1 и сл.). Район за пределами городской стены, а возможно, и за пределами городской окраины обозначался различными терминами и, видимо, включал земли и владения, принадлежавшие жителям данного города.

Как известно, в стенах города находилась не только община граждан, но также храм и дворец. Ответ на вопрос о том, как два таких, казалось бы, несовместимых социально-экономических образования (город — храм-дворец) могли развиваться в одной и той же экологической среде и даже создавать симбиоз, оказавшийся чрезвычайно прочным и удачным, подведет нас гораздо ближе к пониманию первоначальных сил, которые влияли на возникновение и развитие процесса урбанизации.

Напрашивается ряд предположений, и о них стоит здесь кратко сказать, чтобы что-то не осталось неупомянутым. Определенный стимул могли создать напряженные отношения между селениями оседлых рыбаков и жителей, занимавшихся мотыжным земледелием и разводивших скот на мясо — коз, овец и свиней, с одной стороны, и полукочевниками, которые перемещались вдоль рек, разводили крупный рогатый скот и лишь изредка выращивали злаковые, — с другой. Приходит также мысль о «священных территориях», которые служили местом встреч жителей района, населенного полукочевниками. Такими были в начале старовавилонского периода Сиппар или (что менее определено) древнейший Ниппур в Средней Вавилонии. Росту городов способствовали увеличение сельскохозяйственной продукции благодаря систематической обработке почвы, развитие укрепленных центров власти и рост контактов между поселениями и племенными районами. Это только некоторые из возможных факторов. Особенно поражает этот расцвет тем, что появляется не один город и не несколько расположенных на большом друг от друга расстоянии центров, а целый агломерат городов. Такие важные города, как Эреду, Ур, Ларса и Урук, находились очень близко друг от друга, и между ними не было естественных границ, их разделявших.

Имея в виду смешанный характер месопотамского города, природу самой общины и особые взаимоотношения между внутри- и внегородскими экономическими объединениями, я рискну предложить другую гипотезу. Община горожан первоначально сложилась из владельцев земельной собственности, полей, садов и участков, расположенных вдоль естественных каналов и низин, которые легко можно было орошать при помощи простейшей ирригационной системы и где труд членов семьи, рабов и других зависимых людей приносил достаточное количество продуктов питания и предметов первой необходимости для обеспечения хозяина, его семьи и слуг. С увеличением благосостояния, а также ради престижа землевладельцы стали содержать «городские дома» на находящихся вблизи святилищ участках и в конце концов переносили свою основную резиденцию к тому скоплению жилищ, которое выросло вокруг храмового комплекса. Такой довольно естественный процесс мог ускориться давлением, которое оказывалось врагом, или истощением почвы. Это приводило к возникновению общины, состоящей из людей одинакового статуса, живущих в симбиозе с религиозным центром, а позже также и со все усиливающимся центром политической власти — с дворцом царя. Новые жители города были тесно связаны со своими сельскими владениями, откуда они получали продукты питания и сырье. Таким образом, рынок как средство экономической интеграции развивался чрезвычайно медленно и не получил в Месопотамии большого значения, так как каждая семья обеспечивала свои собственные нужды сама. Заниматься производством товаров для продажи другим таким же хозяйствам было невыгодно, поэтому число рабов оставалось незначительным. Имея одинаковое социальное

положение и различаясь лишь по своему благосостоянию, жители города довольно легко выработали определенный *modus vivendi* в ведении дел, которые затрагивали общинные интересы.

Коммерческая деятельность горожан сосредоточивалась вокруг их земельных владений, а если в распоряжении оказывался капитал (либо образовавшийся в результате объединения партнеров, либо взятый в долг у храмов), то они обращались к внешней (межгородской) торговле, центром которой становилась, что тоже достаточно любопытно, гавань, находившаяся за пределами самого города.

Создается впечатление, что либо по соображениям престижа, либо чтобы сохранить определенный экономический и социальный «климат» в обществе между внутригородской и межгородской экономикой сохранялось четкое различие. Последнее следует отметить особо, так как такое положение резко отличается от обстановки жестокой конкуренции, царившей в греческом городе, где необходимо было вводить все расширяющийся набор сложных и хитроумных правил, для того чтобы дать возможность правительству функционировать вопреки честолюбию некоторых лиц, стремившихся захватить контроль и оказывать давление на своих сограждан.

Именно наличие «великих организаций» в месопотамском городе, по-видимому, создало то равновесие сил и общую гармонию, наделившую город долголетием, которого греческий полис не мог достигнуть.

Теперь надо пояснить, что предложенная мною гипотеза в значительной мере основывается на параллелях, известных из истории греческих городов V—IV вв. до н. э., и на некоторых аспектах развития городов раннего Ренессанса. Подобные параллели не только возможны, но, как мне кажется, даже невольнo приходят на ум при рассмотрении приведенных выше свидетельств.

Среди многих проблем и вопросов, на которые, вероятно, никогда не будет дан ответ, одна проблема, безусловно, привлекает особое внимание: точно так же, как нам приходится рассматривать греческий полис как уникальное явление среди городов, созданных процессом урбанизации, так и месопотамский *ugi* полностью заслуживает того, чтобы историки цивилизации рассматривали его как город *sui generis*.

В шумерской и аккадской терминологии не делается никакого различия в словах, определяющих поселения различного размера; селение и город называются одинаково (*uru* — по-шумерски и *alu* — по-аккадски). Эти термины применяются к любому постоянному поселению, состоящему из домов, построенных из необожженного кирпича, а иногда даже и к скоплению хижин и других видов жилищ, образующих административную единицу. Только поместья⁵⁶ и некоторые трудно определяемые сельские поселения обозначаются отлично от этих «городов». Окружающая город стена, как правило, существовала, но не была обязательной. В этом *ugi* имел сходство с полисом, который тоже не обязательно окружался

стенной. Нам еще придется объяснять, что означают эти оборонительные сооружения. Поселения могли существовать только у воды. Вот почему любое изменение русла реки имело фатальные последствия для города, если жителям не удавалось вернуть реку в прежнее русло. За пределами стен некоторых городов, но явно принадлежа к ним, по неясным причинам часто располагались особого типа святилища, называемые «новогодними храмами». Раз в год изображение главного божества этого поселения, сопровождаемое толпами верующих, проносили в процессии к этому святилищу. В некоторых случаях «священная дорога» через специальные ворота соединяла это расположенное вне города святилище с городским храмом. Несомненно, мы получили бы важное представление о предьстории города типа иги, если бы могли понять, почему этот храм помещали за пределами городских стен.

Типично шумерский город и, вероятно, большинство городов, созданных в позднейший период, состоял из трех частей. Прежде всего — из самого города, часто называемого по-аккадски *libbi ali* или *qabalti ali* — термины, которые в некоторых случаях относятся только к самой старой части города. Это была окруженная стеной территория, на которой находились храм или храмы, дворец с резиденциями придворных и жилища горожан. Центр управления городом находился у «ворот» (в больших городах их было несколько), где происходили собрания горожан или собрания жителей данного квартала и отправлял свои обязанности градоправитель. К каждому «воротам» был приписан определенный квартал города. Далее шел «пригород», по-шумерски «внешний город», где находились дома, пастбища, поля и сады, обеспечивавшие город продуктами питания и сырьем. Мы не знаем, насколько далеко распространялись эти окраины, защищались ли они какими-нибудь вторыми стенами или только укрепленными аванпостами, упоминания о которых мы встречаем в нововавилонский период. Когда в Ветхом завете говорится о трех днях, которые потребовались, чтобы пересечь город Ниневию (Кн. Ионы III, 3), то это расстояние могло захватывать и зеленые просторы «внешнего города». Третьей частью города был район пристани (*kar* — в шумерском и *karu* — в аккадском). Он являлся центром коммерческой деятельности, в особенности той, которая была связана с внешней торговлей. Таким образом, *karu* соответствовал не только по функции, но и по названию порту (*portus*) раннего средневековья. *Karu* был административно независим и имел собственный юридический статус, что было важно для горожан, которые вели там дела. В *karu* жили чужеземные торговцы; у них были свои лавки, а питались они в портовой таверне. Это снова показывает различие между городом типа иги и, например, сирийскими и палестинскими городами, где (в Дамаске или Самарии) у чужеземных торговцев были свои «фактории» в пределах города. Мы судим о жизни *karu* по табличкам, найденным в Уре, в *karu* города Каниша и в ряде других городов Анатолии. Таблички из Ура дают представление о *karu* месопотамского города, а те, что

найденны в Анатолии, рассказывают об ассирийских торговцах в чужеземных городах.

Конечно, деление города на три части нельзя проследить везде; мы должны учитывать индивидуальные различия, создаваемые особыми обстоятельствами и поворотами истории. Заслуживает внимания город Сиппар, находящийся на окраине зоны урбанизации и почитавшийся старейшим из вавилонских городов; он, вероятно, служил торговыми «воротами», через которые кочевники-овцеводы из пустынь общались с жителями урбанизированного района, расположенного вдоль Евфрата. Кажется, наиболее важные кочевые племена имели постоянные стоянки возле Сиппара, а возможно, и сам город состоял первоначально из нескольких именно таких стоянок — «факторий». Сиппар, по-видимому, следовал скорее западному типу городской агломерации, на что указывает тот факт, что там «фактория» торговцев из Исина находилась в пределах самого города⁵⁷. Нетипичным был и Ниппур в центре Вавилонии, который, подобно Сиппару, никогда не считался резиденцией какой-либо династии и не имел сколько-нибудь значительного правителя. Оба города, по-видимому, играли заметную роль в торговле: Сиппар в старовавилонской, а Ниппур — в поздневавилонский период; оба они очень древние, а Ниппур, особенно в ранний период, считался священным городом.

Хотя уровень благосостояния в обычном городе и был несколько выше прожиточного минимума, настоящее благополучие приходило в месопотамский город лишь тогда, когда там находился дворец победоносного царя. Тогда военные трофеи, подати от побежденных городов и дары покоренных соседей добавлялись к запасам правителя и распределялись среди военачальников и бюрократии, поднимая вместе с тем жизненный уровень всего населения. Святилища богатели, обильно украшались и получали в дар земли и работников. Работы по украшению дворца и храма привлекали торговцев, которые везли в город не только традиционный импорт (металл, лес, драгоценные камни), но также предметы роскоши (некоторые виды специй, благовония, вина, дорогие одежды, редких животных).

Лишь несколько вавилонских городов пережили больше, чем один-два недолгих периода такого интенсивного расцвета; у многих же их вообще не было. После краткого периода изобилия наступали унылые времена. Люди жили среди руин, святилища разрушались, стены городов разваливались. Обремененные долгами, в когтях алчных чиновников, жители городов становились легкой добычей в случае вторжения врага или набегов кочевников. Тексты, найденные в Уре, прекрасно иллюстрируют переход от периода богатства в эпоху III династии Ура к провинциальной бедности средне- и поздневавилонского периодов. Однако даже после того, как город приходил в полный упадок, оставшиеся в нем жители старались не покидать руины и пронести имя своего города через тысячелетия, как это было с Ниппуром (совр. Ниффер). Да и жители Вавилона не покидали город в течение целого тысячелетия после

его последнего разрушения. Другие столицы — Ур, Ларса и Ашшур — исчезли. Аккад, будучи столицей первой месопотамской империи, пережил в древности короткий период расцвета. Однако вскоре он потерял свое значение. В нововавилонский период город уже лежал в руинах. Об этом мы узнаем из замечания писца, интересовавшегося древностями, который скопировал надпись, найденную им на кирпиче среди руин Аккада. Местонахождение Аккада не определено по сей день.

В Месопотамии новые города, созданные по царскому повелению и по различным политическим или военным соображениям, появляются в Ассирии или там, где распространяется власть ассирийских царей. В самой Вавилонии мы встречаем только маленькие крепости, построенные царями, чтобы сдержать возможные нападения врагов, или укрепленные резиденции правителей (Хармал). Для того чтобы в Вавилонии появились новые города, такие, как Селевкия и Вологезия, стране пришлось ждать падения своего национального суверенитета.

Вплоть до римского периода одной из основных целей царской политики на всем Ближнем Востоке была полная урбанизация. Эта политика ускорила переход от городов-государств к территориальным государствам и способствовала возвышению столиц за счет других городов. Насильственная урбанизация окружающих территорий приводила к умиротворению страны, создавала безопасные условия для передвижения торговых караванов, помогала нейтрализовать кочевников, установив контроль над ними и защитив уже урбанизированные зоны от их вторжений или инфильтрации. Более того, то, что мы назвали бы «внутренней» и «пограничной» колонизацией, увеличило сельскохозяйственную продукцию и обеспечило администрацию доходами от налогов, бесплатными работниками и воинами. Эллинистические, а позднее римские города вдоль торговых маршрутов из Аравии к Каспийскому морю и дальше на восток к Пенджабу свидетельствуют о размерах и результатах подобной политики планируемой урбанизации.

Прежде чем вернуть жителей к оседлой жизни в ранее покинутые деревни или поселить их во вновь создаваемых крепостях, в Вавилонии сначала перекапывали и очищали старые и строили новые каналы. В Ассирии цари часто основывали новые столицы на необжитых землях (Кар-Тукульти-Нинурта, Кар-Шульманашариду, Дур-Шаррукин) и заселяли их своими слугами, чиновниками и ремесленниками, взятыми в плен во время войн. Цари перестраивали захваченные города, меняли их старые названия и заселяли пленниками или переселенными народами, с тем чтобы укрепить власть Ассирии на новой территории.

Тонкие ниточки путей тянулись через пустыни от одного торгового центра к другому. Если торговые пути зарастали травой, то это был бесспорный признак экономического упадка (с этим образом мы неоднократно встречались в Библии)⁵⁸

Строительство дорог в военных целях (например, для замире-

ния восставших районов) практиковалось только новоассирийскими царями. Для поддержания дорог в порядке, что находилось в ведении царя, сгоняли на работы жителей близлежащих деревень. В шумерском царском гимне рассказывается о постах, воздвигаемых вдоль таких дорог; о них же упоминают новоассирийские итинерарии⁵⁹

Для мелких поселков существовали в различных районах и в разные периоды особые наименования, связанные с тем или иным типом поселения. Что касается поместий, принадлежащих одному лицу или целому роду, то их, особенно в старовавилонский период, легко узнать по характерным названиям типа «дом (поместье) такого-то». Страна буквально была усеяна холмами («теллями»), под которыми покоились развалины покинутых городов, относящихся к различным периодам, начиная с самых древних. Они — свидетельства набегов, экономических сдвигов, упадка ирригационной системы или ее естественного конца, вызванного обычно засолением почвы или заиливанием водных протоков. Названия крепостей, построенных в отдаленных или непокорных районах, часто образуются по типу «крепость царя такого-то» или «стена царя такого-то». Иногда на опасном участке границы строили стену довольно большой протяженности. Такой стеной, например, отгородился шумерский царь III династии Ура Шу-Суэн от вторгавшихся аморейских племен. Много позднее из тех же соображений была построена стена от мидийцев, перегородившая перешеек между Тигром и Евфратом. По дорогам Месопотамии двигались военные отряды, караваны, чужеземные послы, сопровождаемые военной охраной, или царские гонцы. Другого движения почти не наблюдалось. Путешествовать по дорогам было опасно из-за мародерствующих дезертиров, бродяг, беглых рабов и диких животных. Редко, видимо, наступали времена, когда частные письма пересылались из города в город (как это было в старовавилонский период), а люди могли свободно путешествовать.

В месопотамских городах возникало понятие гражданства, которое было либо результатом, либо движущей силой процесса урбанизации. Юридическое оформление образа жизни в городах такого типа имеет все основания для того, чтобы привлечь наше внимание к нему как к специфической особенности месопотамской цивилизации. Клинописные документы конца II тысячелетия и первой половины I тысячелетия до н. э. содержат ряд отдельных сведений, которые, если рассматривать их в совокупности, показывают, что некоторые самые древние и важные города пользовались определенными привилегиями и были освобождены от ряда царских повинностей. Эти города, очевидно, имели юридический статус, который существенно отличался от статуса любой другой общины. В Вавилонии это были Нишпур, Вавилон и Сиппар; в Ассирии — древняя столица Ашшур, а позже Харран в Верхней Месопотамии. В принципе обитатели этих «свободных городов» претендовали с большим или меньшим успехом, в зависимости от политической ситуации, на освобождение от трудовой повин-

ности, военной службы (или, возможно, только от некоторых видов последней), так же как и на освобождение от налогов. Эти привилегии не были ни новыми, ни исключительными. Даже некоторые лица с ограниченной свободой⁶⁰, упоминавшиеся в административных текстах шумерской империи III династии Ура, освобождались от земляных работ, а название года в правление царя Ишме-Дагана из Исина отмечает как особое достижение освобождение обитателей Ниппура от военной службы и от выплаты дани (*gu*) серебром и золотом⁶¹. Значит, сопротивление подданных некоторым требованиям центральной власти характерно не только для неурбанизированной части населения (ср. предупреждения Самуила в Первой книге Самуила VIII, 11 и сл.), но также и для жителей городов⁶². Мы еще вернемся к этому вопросу, когда пойдет речь об освобождении от налогов.

Привилегии жителей этих городов находились под защитой божества. Их юридический статус обозначался названием *kidinnutu* («находящийся под защитой *kidinnu*» — вероятно, какой-то род штандарта, символа божества), а сами жители назывались «людьми *kidinnu*». В обоих случаях слово *kidinnu* имеет религиозное и юридическое значение и обозначает объект, помещенный у ворот такого города как символ божественного одобрения и покровительства, который охраняет статус граждан⁶³. Наша информация об этом получена из текста, известного под названием «Зерцало государя», и из упоминаний в новоассирийских царских надписях, которые описывают военную и политическую ситуацию во время конфликта между Ассирией и националистически настроенной Южной Вавилонией. Мы располагаем весьма фрагментарной «Хартией Ашшура», единственным дошедшим документом подобного рода, в котором ассирийский царь, в данном случае Саргон II, подтверждает привилегии этого города после окончания восстания и гражданской войны. «Зерцало государя» перечисляет привилегии обитателей Ниппура, Вавилона и Сиппара в случае судебного преследования. Царь не может отправлять в тюрьму, налагать штрафы или отказывать им в праве возбуждать иски. Более того, они защищены от привлечения к трудовой повинности, их не могут заставить подносить кирпич и использовать на других работах даже в тех случаях, когда на них созывается все население страны. Царь не смеет отбирать их тягловый скот, облагать налогами стада. В их обязанности также не входит поставлять корм для царских лошадей. В исторических надписях часто поднимается вопрос о статусе *kidinnu* вавилонских городов, вопрос, который от Саргона II до Ашшурбанапала имел первостепенное значение для Ассирии в ее борьбе за эффективный контроль над Вавилонией.

Большая часть нашей информации относится к фискальным и личным привилегиям жителей городов, но не показывает фактического положения горожан и особенно тех исторических изменений, которые происходили. Нам известно, что только уроженцы города могли претендовать на *kidinnutu*. Однако есть письмо, написанное обитателями Вавилона Ашшурбанапалу, в котором

утверждается, что даже собака свободна, когда она входит в Вавилон⁶⁴. Этот аргумент, по-видимому, был выдвинут в пылу дискуссии, и не следует считать, что он означает, будто сам воздух города делает тех, кто им дышит, свободными (как говорили в средневековых европейских городах). Статус жителей привилегированных городов раскрывается в одном отрывке ритуальных текстов, описывающих церемонии, совершавшиеся во время празднования Нового года в Вавилоне. В этот день царю разрешалось войти в святая святых святилища, но сделать это он мог только после того, как верховный жрец отбирал у него все знаки царской власти и унижал, надавав пощечин и подергав за уши. Затем царю следовало припасть к земле и в установленной молитве заверить Бела, бога города, что он в течение года не совершил никакого греха, не был невнимательным к священному городу и его святилищу и, более того, не оскорбил ударом по лицу никого, кто пользовался статусом *kidinnu*⁶⁵. В перечне основных политических грехов царя это ошеломляющее заявление показывает, какое необычное не только для древнего Ближнего Востока, но и для древних цивилизаций Запада значение придавалось человеческому достоинству. Граждане Вавилона и других месопотамских городов, по-видимому, таким образом превратились в особый класс, поставленный выше остального населения не по этническим или экономическим причинам, а только потому, что были уроженцами привилегированных городов.

Помимо привилегий у граждан этих городов были также обязательства, но о последних мы узнаем только случайно. Когда Асархаддон, царь Ассирии, рассказывает о событиях, приведших его на ассирийский престол, он жалуется, что его братья-соперники сражались между собой за трон и «даже вынули меч в пределах города Ниневии, что было святотатством»⁶⁶. Исходя из этой фразы можно полагать, что в великих городах Месопотамии существовало запрещение применять оружие в пределах привилегированного поселения. Такой запрет охранялся божеством (на европейском Западе аналогичное явление носило название «*Burgfriede*»).

Чрезвычайно трудно ответить на естественный вопрос, касающийся особых условий и причин, которые породили и способствовали развитию такой социальной ситуации. Основные ее особенности, а именно фискальные и личные привилегии жителей месопотамских городов, не уникальны. Мы уже приводили исторические параллели из отдельных периодов шумерской истории и указывали, что освобождение от налогов и особые привилегии в отношении мобилизации людей для трудовой повинности и на военную службу давались также вавилонскими царями второй половины II тысячелетия до н. э. некоторым землевладельцам, вождям племен и святилищам. Мы знаем об этом из ряда надписей на каменных монументах, так называемых *kudurru* («пограничный камень»); в них перечисляются привилегии, сходные с привилегиями городов, которые вавилонский царь давал своим верным слугам и храмам либо по религиозным соображениям, либо вслед-

стве политической необходимости. На камнях имеются также высеченные изображения священных предметов; таким способом территория, на которой они были воздвигнуты, и ее привилегии как бы отдавались под божественную волю и защиту.

Тем, чем был для города воздвигнутый у ворот *kidinnu*, для сельских владений был *kudurru*. Оба термина появляются только после «Темного периода». Ослабленная центральная власть средне-вавилонского периода, очевидно, была готова уступить лицам определенного положения и святилищам свое право собирать налоги, набирать солдат и работников или как-то иначе использовать своих подданных. Когда это случалось, то те, кто нес это бремя, лишь меняли хозяина, но если такие привилегии давались городам, то жители города выигрывали. Поэтому всякая попытка уравнять статус *kidinnu* и *kudurru* оказывается неубедительной. Особый статус упомянутых городов надо связывать с самым началом их возникновения, но эту мысль невозможно доказать, так как мы не располагаем по этому периоду письменными памятниками.

Разумеется, горожане не всегда одинаково успешно могли реализовать свои права. Большая часть того, что мы знаем о *kidinnutu*, относится к периодам, когда либо внутренняя политическая ситуация была неблагоприятной для царя, либо же эти города занимали ключевую позицию в международном конфликте. Содержание «Зеркала государя» иллюстрирует первую, а борьба Ассирии против националистической Вавилонии — вторую ситуацию. Города Вавилонии готовы были признать ассирийское политическое господство в стране; при этом они могли безопасно вести широкую коммерческую деятельность и сохранить привилегии горожан в виде платы за свое сотрудничество. Степная Вавилония, населенная главным образом арамейскими племенами, обладавшими более воинственным характером, халдеи и жрецы основных святилищ были настроены крайне националистически и антиассирийски. Все же гордая независимость месопотамских городов, полная достоинства и уверенности, как это показывают документы того периода, не могла быть результатом только временной политической ситуации. Истоки ее коренились в глубокой уверенности горожан в своем положении, которая разделялась всеми жителями. Мы видим это и в Ашшуре, и даже в Харране — городах, история которых была совершенно отличной от истории вавилонских городов.

У нас есть свидетельства, что города финикийского побережья развили тот тип внутренней социальной организации, который в греческой политической терминологии был бы назван аристократией. Так же как и в некоторых текстах, относящихся к жителям Ашшура, мы сталкиваемся там с концепцией правящего городского патрициата, концепцией, далекой от общепринятых представлений, согласно которым город находился под властью царя. Мы не беремся устанавливать зависимость между статусом *kidinnutu* вавилонских городов и концепцией этого «западного» города.

Не можем мы и сказать, каково было отношение к царской власти древних укрепленных городов дельты Нила до того, как произошло объединение Египта; укажем лишь на один знаменательный факт того периода. Рисунок на шиферной палетке изображает царя в виде сокола, птицы бога Гора, разрушающего несколько укрепленных городов. Здесь показан извечный конфликт между городом и царем, который, по-видимому, был весьма бурным по берегам Средиземного моря, хотя почему-то отсутствовал в Южной Месопотамии. Сирийские противники перестройки Иерусалима характеризовали свое отрицательное отношение к городам хорошо сформулированной фразой (Кн. Ездры IV, 13), когда они писали Артаксерксу, царю Персии, что окруженный стеной город «ни подати, ни налога, ни пошлины не будет давать, и царской казне сделан будет ущерб».

Компенсируя потери в поступлениях от городов, которые могли отстаивать свои привилегии, ассирийские цари стали строить новые города, либо делая их столицами, либо размещая их в стратегически важных районах. Согласно легенде, Саргон Аккадский в Вавилонии пришел к этой политике более чем на тысячу лет раньше, чем Ассирия, когда построил новый город, фактически своего рода «новый Вавилон», как свою столицу. Этим он вызвал гнев Мардука, бога настоящего Вавилона, и тот наложил на Саргона страшное проклятие. Ясно, что эта история недостоверна; цель ее — показать, что Саргон первым из месопотамских царей стал осуществлять ту политику, которая впоследствии сделала Ассирию великой. Он не только основал новую столицу, но и создал огромный дворцовый аппарат (насчитывавший до пяти тысяч человек), поручил уроженцам своего города управлять провинциями, воздвигнул стелы в завоеванных районах, короче говоря, создал тот образец царской политики, которому позже следовали все среднеассирийские цари (но в Вавилонии в то время такая политика была неприемлемой). Не один ассирийский царь принял имя «Саргон», и это едва ли случайно. Возможно, что та ситуация, которая существовала в Вавилонии во времена Саргона Аккадского, была идентична отношениям, возникшим позже в Месопотамии между Вавилонией и Ассирией; шумероязычный сельскохозяйственный юг с его городами-государствами противостоял Северной Вавилонии (Кишу, Аккаду и, возможно, Сишару), которую занимали говорившие по-аккадски воинственные пришельцы из пустынь.

Урбанизация

В каждой цивилизации урбанизация, как социальное явление, воплощаясь, порождает характерный для этой цивилизации тип городского поселения. Расположение частных и общественных зданий, направление внутригородских линий сообщения и укрепления отражают потребности и стремления общины, осуществление которых происходит в пределах существующих экологических и

технологических условий данного периода и района. Было бы интересно проследить зависимость общих для всех городов данной цивилизации характерных черт от социальных, экономических и религиозных особенностей их создателей. При этом не следует брать в расчет типы чужеземных городов, которым порой подражали по каким-либо причинам. Так, например, получил повсеместное распространение тип города с пересекающимися под прямым углом улицами.

Хотя установить эту связь нам никогда не удастся, все же не следует забывать о существовании такой зависимости. Нам очень мешает недостаток найденных в Месопотамии письменных документов, относящихся к разбираемому вопросу. Сколько-нибудь удовлетворительно изучить процесс урбанизации можно лишь там, где археологические данные подкрепляются письменными источниками, причем и те и другие имеются в достаточном количестве. Для древнего периода человечества к этим идеальным условиям ближе всего подходит история греческого города, или, точнее, история того уникального феномена, который мы называем «полисом». Только там мы можем проследить характерные стадии процесса урбанизации: возникновение города, воспринимаемое как синойкизм и обозначаемый этим термином, краткий, но блестящий расцвет полиса, его политическое банкротство и длительный период окаменения, при котором, однако, для более поздних эпох сохраняется семя городской цивилизации. Мы располагаем этими сведениями потому, что люди, которые жили в городах Греции, были достаточно образованны, чтобы осмыслить, описать и истолковать происходящие события. Более того, они сумели установить ту же закономерность, о которой мы говорим здесь: зависимость между внешним обликом города и образом жизни и идеологией его обитателей. Именно Аристотель сформулировал эту закономерность с удивительной точностью: «Наличность акрополя подходит для олигархических и монархических государств, одинаковая укрепленность всех пунктов — для демократических, для аристократических ни то ни другое, но скорее, когда имеется несколько укрепленных пунктов»*. Нигде в литературных памятниках Месопотамии мы не найдем такого понимания и стремления понять пути собственного развития.

Даже если отвлечься от этого недостатка, в Месопотамии не хватает и необходимых археологических данных. Многие древние города в этом районе все еще населены, например Алеппо—Халеп или Эрбиль. Руины покинутых городов (Вавилона, Сиппара и Ниппура) отпугивают своими размерами и количеством нанесенного песка даже прекрасно оснащенные экспедиции. Археологи предпочитают откапывать интересные памятники, а не тратить время на расчистку бесконечных стен городов или на распуtyвание сети кривых улиц жилых кварталов. Все же в Месопотамии мы

* *Аристотель*. Политика 1330 в. 19 сл. (Перев. С. А. Жебелева). М., 1911, с. 325.

находимся в гораздо лучшем положении, чем египтологи, которым удалось раскопать только один явно нетипичный город, Ахетатон (современную Амарну); все другие города полностью исчезли.

Остается сделать последнее, но важное предупреждение: на древнем Ближнем Востоке мы сталкиваемся, как уже неоднократно отмечалось, с удивительным разнообразием цивилизаций, каждая из которых создала свои, характерные для нее черты города. Они стирались или искажались из-за многократных набегов и более важных, хотя и менее ощутимых влияний внутренних социальных и экономических потрясений, воздействия моды и вкусов царей. Количество и значение этих изменений часто даже невозможно уточнить, поэтому делать какие-либо выводы чрезвычайно рискованно.

Далее я буду говорить об особенностях месопотамского города и попытаюсь связать их с идеологическими взглядами, которые эти особенности, возможно, отражали. Этот подход позволяет полностью использовать существующие данные, несмотря на имеющиеся препятствия, о которых я только что писал.

С III тысячелетия до н. э. отличительной особенностью ближневосточного города (за исключением, пожалуй, Египта) становится наличие укреплений. В обязанности царя входило поддержание городских стен в хорошем состоянии и соответственно их разрушение в завоевываемых городах. Возникает вопрос: являлся ли укрепленный город, отличающийся от крепости, возведенной по военным соображениям, характерной особенностью этого района и цивилизации или это было результатом заимствования? Обширные укрепления отнюдь не обязательная принадлежность городов. Греческий полис подозрительно мало полагался на укрепления в противоположность впечатляющим циклопическим стенам и замкам микенского периода. Минойские города на Крите, по-видимому, были лишены стен и башен в период расцвета этой цивилизации. В тех случаях, когда незнакомые с городской жизнью племена завоевывали городскую цивилизацию, существовало явное предубеждение против укрепленных городов; мы видим, например, что царь, изображаемый на египетских шиферных плитках периода объединения страны в виде быка или сокола, рушит укрепленные города в дельте Нила. Подобным же примером может служить уничтожение городов долины Инда ведийскими индийцами под предводительством бога Индры, которому они дали эпитет *puramdara* — «разрушитель крепостей», термин, соответствующий греческому *poliorketes*. Ничего подобного мы не встречаем в древних месопотамских источниках. Так как членение шумерского города на собственно город, пригород и лежащую вне его гавань или торговый порт отражает существование четкой пограничной линии между самим городом и тем, что находится за его пределами, можно предположить, что окружение шумерских городов стенами было типичным явлением. Однако были и нетипичные города, такие, как Сиппар или на юге — Лагаш, которые представляли собой скопление поселений, где ядро города включало понемногу

окружающие поселения. Какую роль в этом сложном развитии, приводившем поселения на юге к урбанизации, играло строительство укреплений, я не знаю.

Стены городов на древнем Ближнем Востоке были не только демаркационной линией между городом и открытым пространством или заранее подготовленной линией обороны — ими определялся весь характер городской архитектуры. Высота, длина и расположение стен свидетельствовали о значении и могуществе города, а монументальность ворот демонстрировала его богатство. Размеры сооружений должны были производить большое впечатление на посетителя и внушать страх врагам. Тщательно ремонтируемые стены отдавались под защиту божества, и им давались длинные, призывающие божественную помощь названия ⁶⁷

Монументальная конструкция ворот была связана также с тем, что возле них находился как бы «гражданский центр». Здесь, вероятно на примыкавшей к воротам изнутри города площади, собиралось и принимало решения собрание, а градоправитель управлял городом, или по крайней мере той его частью, к которой примыкали ворота. На этом месте победоносный завоеватель обычно ставил свою статую, для того чтобы все помнили о необходимости хранить ему лояльность. Здесь же он размещал и свой гарнизон. Из бытовавших в живой речи названий этих ворот, а не из длинных официальных наименований, мы узнаем кое-что о части города, к которой они примыкали. Примерами могут служить «Ворота металлостов» в Ашшуре, «Овечьи и козьи ворота» в Ашшуре и Иерусалиме (Кн. Неемии III, 1), а также «Навозные ворота» и «Ворота Источника» в Иерусалиме (Кн. Неемии III, 14—15). Следует обратить внимание на «Рыбные ворота» в Иерусалиме, куда обитатели Тира обычно привозили продавать свою рыбу и «всякий товар» (Кн. Неемии, XIII, 16). В некоторых случаях площадь у ворот играет ту же роль, что и греческая агора.

Нелегко решить важный вопрос о том, как обитатели таких городов снабжались продуктами питания и другими предметами потребления. Упоминания о рынках встречаются редко, но можно установить определенную закономерность, показывающую, в какие периоды и в каких местах они были. Так, мы узнаем, что существовали «Рыночные ворота» в анатолийском Канише в начале II тысячелетия до н. э.; упоминаются «Рыночные ворота» и гораздо позже, в нововавилонских табличках, но скорее как простое обозначение места. Столь же редко встречаются упоминания о рынке вроде того, что содержится в древней надписи из Суз, где указывается, что там был выставлен тариф цен ⁶⁸ Конкретное свидетельство о том, что возле «Рыночных ворот» производилась купля и продажа, находим лишь один раз, в поздней надписи Ашшурбанапала ⁶⁹ Из Сиппара старовавилонского периода до нас дошел термин *bit mahirim*, обозначающий, по-видимому, маленькую лавку для продажи предметом роскоши ⁷⁰. Возникает впечатление, что рынок, как таковой, был распространен скорее за пределами Месопотамии, в Эламе и в Анатолии. Характерно, что хеттское слово *happira*

(«город») этимологически связано со словом, означающим «рынок». В Месопотамии рынок, по-видимому, представляет собой позднее явление, вызванное большими размерами городов, сделавшими необходимым как-то наладить торговлю продуктами питания. Таким образом, рынки, которые должны были связать сельских жителей с горожанами для обмена продуктами питания, сырьем и ремесленными товарами, имели лишь ограниченное значение. Вот еще одна особенность Месопотамии с ее большим числом городов, корни которой следует искать в генезисе самого города. Это в некоторой степени подтверждает то, о чем уже говорилось выше, — городские жители были тесно связаны с пахотной землей вокруг города.

В определенные периоды и в некоторых районах Месопотамии административный центр государства, дворец царя и храмы являлись частью оборонительной линии. Я предлагаю рассматривать такое расположение как существенный вариант структуры города, который, возможно, раскрывает лежащие в его основе идеологические установки и проливает некоторый свет на процесс урбанизации. Можно сказать, что в Месопотамии мы не сталкиваемся с тем, чтобы центру города придавалось особое значение. Какую бы геометрическую форму ни получали окружающие укрепления, никакого городского центра, образованного дворцом, храмом или рыночной площадью, обычно не наблюдается.

В древних городах, выросших на аллювиальной равнине, за исключением Вавилона халдейского периода, прослеживается тщательное разграничение территории между храмом, дворцом и воротами (одними или несколькими). Главное святилище с его храмовой башней, дворами, пропилеями, молельнями, зернохранилищами, складами, а также с жилыми помещениями для служителей окружено стеной или оградой и находилось на некотором расстоянии как от дворца, так и от главной стены. Лучшим примером может служить известный город Ур старовавилонского периода, в котором храм и дворец были окружены жилыми кварталами, перерезанными множеством кривых улочек. Если оставить аллювиальную равнину и, поднимаясь вверх по реке, оказаться в Верхней Месопотамии, Сирии, Малой Азии и Палестине, то можно заметить, что разделенность храма и дворца исчезла. Храм и дворец окажутся рядом и будут часто представлять некое единство, то занимая центральное положение в городе, то являясь частью оборонительной линии. Там, где храм и дворец находятся близко друг от друга, единое укрепление, которое окружает их самих и связанные с ними сооружения — казначейство или казармы царской охраны, бесспорно, свидетельствуют об их отношении друг к другу и к внешнему миру. Жителей, поселившихся за пределами ограды, как правило, охраняла вторая линия стен. Этот образец города можно назвать городом-цитаделью. Нужно подчеркнуть, что такое расположение могло быть результатом особого развития, которое следует рассмотреть, если этот тип города считать выражением определенных идеологических воззре-

ний. Город-цитадель, например, мог возникнуть в результате разрастания маленького поселения. Внутренний город с дворцом и храмом когда-то, возможно, вмещал всех жителей, в то время как внешний город мог быть построен тогда, когда выросло население и возникла необходимость увеличить размеры самого города и даже включить в него пригороды. В соответствии с нарастанием культурных слоев внутренний город становился верхним, а внешний, более новый, — нижним, как это случилось, например, с Ашшуром и Хаттусасом. Большие отложения строительного мусора в старой (внутренней) части города создавали холм, и поздний (внешний) город оказывался, таким образом, на более низком уровне, как это произошло с Каркемишем.

Кроме того, в некоторых областях жители предпочитали селиться на вершинах холмов, даже если поблизости были равнинные участки земли. Такое предпочтение следует рассматривать как характерную черту культуры, причем оно могло быть, а могло и не быть связано с требованиями культа. В одних районах такие города иногда были единственным типом городских поселений; в других встречались в сочетании с городами, построенными на равнинных участках (например, в Палестине), где «города, лежащие на возвышенности» упоминаются рядом с «городами равнин» (Кн. Иисуса Навина XI, 13). Зенджирли, «новый город» Северной Сирии, располагался на равнинном участке, причем его строители, очевидно, пренебрегли прилегающими к этому месту холмистыми районами, хотя с точки зрения обороны они для этого подходили больше. В Месопотамии Ашшур, возвышающийся на скале, нависающей над Тигром, был, по-видимому, самым южным городом, выросшим из святилища, первоначально расположенного на вершине холма, и прилегающего к нему селения. Вверх по реке, севернее Ашшура, у подножия гор Загра и на северо-запад города, по-видимому, были расположены так же. Это подтверждает хеттская иероглифическая пиктограмма, обозначающая «город», на которой изображен крутой холм.

Город на холме мог расти, включая в свою территорию расположенные внизу поселения, и не обязательно превращаться при этом в так называемый город-цитадель; не следует также уподоблять этот процесс тому, который происходил с греческими городами. Типичный акрополь греческого города содержит древнейшие святилища, которые в нижнем городе были позже заменены новыми храмами, часто превосходившими своим величием древние и имевшие даже большее культовое значение. Сам акрополь, как центр общины, терял тогда свое значение и становился лишь частью, хотя и важной, городской системы укреплений. Подобное явление было невозможно на древнем Ближнем Востоке, где присутствие божества в храме ощущалось столь конкретно, что святилища навсегда оставались на одном и том же месте. Значительное различие между городом на холме и городом-цитаделью заключалось в существовании стены, которая окружала храм и дворец, образуя город внутри города и отгораживая их

от жилищ простых горожан. Этот внутренний, или священный, город сохранился как особый образец городского поселения в Евразии вплоть до наших дней. Таковым является московский Кремль и «запретный город» Пекина. Термин *kirhu*, которым обозначают этот своеобразный тип города в Месопотамии, не является по происхождению ни аккадским, ни семитским, и, таким образом, он явно указывает, что город-цитадель возник в результате чужеземного влияния. Им называют часть города в текстах из Мари, Чагар-Базара и Нузи, этот же термин применяется и к городам Армении; еще раньше мы встречаем его на победном обелиске, воздвигнутом вавилонским царем. Он описывает завоевание Аррапхи словами: «Я вошел в его *kirhu* и поцеловал ступни бога Адада. Я преобразовал эту страну». Это доказывает, что в *kirhu* Аррапхи был храм и, вероятно, также и дворец. О священном характере внутренней части Каркемиша свидетельствуют сообщения хеттского царя, повествующие об осаде и завоевании этого города. Он прямо заявляет, что он ограбил и разрушил нижний город, но пощадил «верхний город» (так он называет по-хеттски эту часть города) и совершил в нем богослужение в честь богов⁷¹

Какое значение имело объединение храма и дворца в единое целое в городах-цитаделях в сравнении с их разделением в городах, возникших в аллювиальных долинах? Можно ли считать, что это слияние отразило роль царя как верховного жреца в культуре главного божества народа? Мы встречаемся с этим явлением во всех столицах Ассирии, а соответствующие ритуальные тексты убедительно показывают нам культовое значение царя и верховного жреца. Такое же положение мы видим в Хаттусасе, цитадель которого вмещает и дворец, и храм, где царь и царица активно участвовали во всех видах отправления общественного культа⁷².

В самой Вавилонии можно наблюдать следы подобного же явления, но они обнаруживаются лишь в ранний шумерский период, когда правитель воспринимался как жрец городского божества. По мере секуляризации царской власти резиденция царя отделилась от храмового комплекса. Позднее, как уже отмечалось, царю разрешалось входить во внутреннее святилище только раз в году, во время празднования Нового года.

Если мы обратим внимание на положение цитадели по отношению к укреплениям города, то обнаружим определенную двойственность: в более старых городах цитадель находится в центре, а в новых, особенно в городах Калах, Ниневия и Дур-Шаррукин (Хорсабад), построенных ассирийскими царями в качестве новых столиц, весь комплекс цитадели расположен таким образом, что он как бы «оседлывает» оборонительные стены. При таком расположении дворец и храм часто возвышались над равниной, поднявшись на террасе, высота которой достигала высоты окружающей город прямоугольной стены.

Для этой новой городской планировки характерны три черты: 1) наличие цитадели; 2) расположение цитадели у стены; 3) прямоугольная форма укреплений. Каждая из этих черт требует

комментария, равно как и их совокупность, так как она демонстрирует весьма ранний пример городского планирования и появление нового в развитии городов Месопотамии. Мы уже говорили о причинах возникновения цитадели, однако следует добавить, что ассирийские цари, вероятно, рассматривали цитадель как выражение концепции царской власти. Они возводили ее в каждом новом городе, который строили как свою резиденцию. Дворец и храм цари отделяли от подданных не только стеной, окружающей цитадель; они также поднимали уровень участка земли, на котором строилась крепость. Цитадель становится существенной частью стены, к которой она примыкает. Как это ни странно, но вход в цитадель делался всегда из нижнего города; царь не мог покинуть дворец, минуя город.

Прежде чем давать объяснение этой удивительной планировке ассирийских городов, следует сказать несколько слов о Вавилоне. Там царский дворец входил в систему укреплений, что являлось отклонением от вавилонского образца города. Произошло это, по-видимому, потому, что Навуходоносор II, построивший этот дворец, придерживался ассирийского прототипа. Вавилония в то время господствовала над древним Ближним Востоком и считала себя наследницей и преемницей Ассирии. В одном существенном вопросе, однако, Навуходоносор II не следовал примеру Ассирии: его дворец не соприкасался с храмом. Святилище Мардука было расположено вблизи центра города; только дворец царя входил в систему укреплений.

Обычно стены месопотамского города состояли из закругленных или прямых линий, образовывали четырехугольник, чаще всего симметричный. В южных городах — Уре, Уруке, а также в Арсланташе в Северной Сирии стены имели овальную форму; город Дер окружала треугольная стена; стена Вавилона в позднем периоде, возможно, была многогранной, но она еще не полностью раскопана. Встречаются и неправильные прямоугольники, например в Гузани (Телль-Халаф) и в Сиппаре, а в Ниневии стена имела форму трапеции. Из квадратных городов Месопотамии мы можем назвать Дур-Шаррукин и Калах. Неправильный контур Ниппура мы можем увидеть на единственной дошедшей до нашего времени карте месопотамского города, сохранившейся на глиняной табличке.

Квадратные, прямоугольные и круглые формы типичны для новых городов: такого рода геометрические абстракции свойственны только планируемым городам. У нас есть всего один пример круглого города, построенного, бесспорно, по заранее намеченному плану: это Зенджирли (Сам'ал) в Северной Сирии, датируемый концом II тысячелетия до н. э. Внешняя стена образует почти правильный круг, украшенный ровно сотней башен. Внутренний город также круглый, он включает дворец, храм, казармы и т. п. Все носит отпечаток явно амбициозного городского планирования, так как никаких следов населения не было найдено в районах внешнего города. После падения Вавилонской и Селевкидской

империй круглые города строились часто. Таким был парфянский город Хатра, последнее убежище ассирийских богов, с квадратным внутренним городом; Ктесифон и, наконец, круглый город халифа Мансура — Багдад⁷³. В Багдаде мы видим естественное для круглого города радиальное расположение улиц. Больше примеров можно найти в Иране, одном из последних районов древнего Ближнего Востока, где урбанизация происходила систематически. Не говоря уж об описанном Геродотом мифическом двенадцатистенном городе Экбатаны, можно назвать столицу Сасанидов Фирузабад и такие крупные города, как Дарабжирд (с радиальными улицами), Герат, Исфahan и др.

Неоднократно высказывалась мысль, что прототипом как прямоугольной, так и круглой планировки городов были военные лагеря, подобные тем, которые изображены на ассирийских рельефах. Укрепления этих лагерей образуют либо круг, либо вытянутый прямоугольник с закругленными краями. Действительно, передвигающиеся племена или армии, располагаясь лагерем, обычно предпочитали ставить ограждение симметрично, так, чтобы оно образовывало простые геометрические фигуры. Лагерь «Двенадцати племен» и *castris* римской армии — наиболее известные примеры. Изображения ассирийских военных лагерей, прямоугольных или круглых, показывают, что царская палатка вместе со священными штандартами помещалась не в центре, а совсем близко к ограждению, окружающему ряды палаток. Местонахождение царской цитадели с ее дворцом и храмом в построенном по плану ассирийском городе очень похоже на это расположение и отличается только соединением цитадели со стеной и поднятием уровня площадки, на которой она сооружалась. В отличие от римского лагеря, где палатка командующего находилась в самом центре, распределение места в ассирийском лагере, по-видимому, соответствовало тому, которое было типично для частных домов в Месопотамии. Характерным для него было то, что жилые апартаменты владельца занимали южную сторону квадратного двора; на прилегающих сторонах квадрата находились склады, а выход на улицу был расположен как можно дальше от жилых помещений.

В месопотамской храмовой архитектуре стоит отметить отсутствие какого бы то ни было пространства, которое отделяло бы святилище, «дом бога», от стен храмового участка; там также избегали располагать храм в центре. Подобным же образом и царю тоже отводили самое защищенное место внутри лагеря. В городе ограждение превратилось в стены с башнями, царская палатка и переносное святилище стали дворцом и храмом, а дома чиновников, ремесленников и работников заполняли квадрат, образованный стенами нового города.

Телль-Хармал (древний Шадуппум) под Багдадом — единственный пример нового, хотя и небольшого укрепленного города, существовавшего еще со старовавилонского периода. Тот факт, что в этом городе был только один вход, возле которого, по-

видимому, группировались основные здания, свидетельствует о том, что он представлял собой нечто вроде укрепленного лагеря правителя, может быть завоевателя ⁷⁴.

В новых городах Ассирии, планировка которых осуществлялась по образцу военных лагерей, впервые отмечается влияние, которое фортификационное искусство оказывало везде на развитие новых городов, строившихся в военных целях. Влияние военных комплексов на планировку городов остается доминирующим фактором в развитии градостроительства во всех тех районах Западного мира, которые некогда завоевывались или оккупировались римскими армиями. По образцу римского военного лагеря организовано внутреннее пространство в бесчисленных городах Западной и Южной Европы, Ближнего Востока и Северной Африки. Это влияние особенно ярко прослеживается в тех случаях, если город вырастал непосредственно на месте некогда существовавшего лагеря, или чувствуется косвенно, если города возводили в средние века европейские короли по заранее намеченному плану. Более того, можно сказать, что города проектировали по военным образцам даже тогда, когда они должны были стать местом осуществления хилиастических утопических чаяний западного человека. Несколькими параллельными путями западной традиции возникли из этого направления: от лагеря вокруг скинии израильтян в блеске и славе небесного Иерусалима, идеального города Платона, до утопических проектов городов последних двух или трех веков. Развитие ускорила концепция «воинствующей» церкви, которая в конце концов привела к созданию «Города Солнца» Кампанеллы, «Христианополису» Андреа и сочинениям их последователей.

Экспансия, связанная с колонизацией, способствовала материализации амбициозных урбанистических проектов. Можно сослаться на греческие колонии V—IV вв. до н. э., римские колонии III в. н. э. и более поздние, немецкие колонии у границ славянских земель, новые города *bastides* во Франции и Англии в XIII в. н. э. и на внезапный «взрыв» западной колонизации, приведший в течение тридцати лет к возникновению на основе сходных градостроительных планов Батавии в дальней Ост-Индии (1652 г.) и Филадельфии в Новом Свете (1682 г.).

Теперь обратим свое внимание на другую весьма существенную особенность города (при этом не имеет значения, строился ли он по плану или вырос стихийно), а именно на расположение улиц, внутренние коммуникации. Улицы соединяли различные центры города с воротами и обеспечивали доступ к жилищам обитателей. Минойские города Крита и построенные по образцу римского военного лагеря города резко отличались друг от друга по расположению улиц. Для минойского города были характерны (кроме отсутствия стен) беспорядочное расположение домов, лепящихся друг к другу, и причудливо извивающиеся улочки с постоянно меняющейся шириной. На наш взгляд, подобные города росли, как разрастаются клетки, стихийно, без учета буду-

щих потребностей и последствий такого роста. Хотя перед дворцами, представлявшими собой сложные лабиринты, имелось открытое пространство прямоугольной формы, они, по-видимому, не связывались с коммуникационными артериями города. Прямой противоположностью критским городам была строгая симметрия города, построенного по образцу римского лагеря, где две основные дороги пересекались под прямым углом в административном центре и главные улицы вели к четырем воротам, расположенным по двое на общей оси. Эта стройность влияла также и на второстепенные улицы города. В греческом градостроительстве к планированию обратились с IV в. до н. э. при восстановлении разрушенных, причиненных войнами, и при строительстве новых колоний. Греки, таким образом, получили уникальную возможность воплощать в жизнь свои градостроительные проекты. Это они являются авторами плана города с пересекающимися, словно сеть, улицами, плана, который традиция приписывает Гипподаму из Милета (в Малой Азии).

Сеть улиц разбивалась без учета направления движения, создаваемого естественным потоком транспорта; при этом не ставилось и цели распределить загрузку улиц. Созданная таким образом, сеть, которую к тому же отличало полное пренебрежение к рельефу местности в пределах города, оказывалась в известной мере бессмысленной. Вокруг шла мощная, но неровная линия каменных укреплений; однако ни стены, ни ворота также не были связаны с расположением улиц ⁷⁵.

У нас слишком мало археологических данных, чтобы судить о том, как располагались и как связывались с воротами улицы в месопотамских городах. Был раскопан небольшой участок города Адаба, но работы проводились весьма небрежно. Ограниченная часть Ура, где были обнаружены улицы и жилые здания, — вот весь материал, которым располагает исследователь.

Судя по этому материалу, при строительстве улиц стремились к тому, чтобы их ширина была всюду одинаковой, а перекрестки прямоугольными. То там, то здесь улицы неожиданно делают поворот, но, возможно, первоначально здесь шли дороги, которые когда-то петляли, проходя по неиспользованным землям, разрушенным участкам, иногда даже по полям и садам. Такие пустыри часто возникали в больших городах древнего Ближнего Востока, так как вследствие колебаний численности населения жилые кварталы на протяжении веков меняли свое положение, занимая то большую, то меньшую площадь.

Сходная тенденция как-то упорядочить сеть улиц заметна и в больших городах, раскопанных в долине Инда, в Мохенджо-Даро и Хараппе. Там, однако, ширина улиц была более дифференцирована. Нельзя не учитывать, что использование в Месопотамии и в долине Инда кирпича при строительстве, естественно, вело к появлению прямоугольных зданий, в то время как, применяя такие строительные материалы, как ил и обломки кирпича и камня, лишь с трудом можно получить прямые углы.

Интересно, была ли прямоугольной планировка новых городов ассирийских царей? К сожалению, кварталы частных домов в Дур-Шаррукине, Кар-Тукульти-Нинурте или Калахе раскопаны недостаточно полно, чтобы дать ответ на этот вопрос. Существует ряд соображений, которые свидетельствуют о том, что, вероятно, улицы там перекрещивались наподобие сети. При разумном проектировании лагерь должен быть устроен так, чтобы солдаты или работники размещались в одинаково расположенных казармах, на одинаковых участках; именно так и строились, например, кварталы для работников в Кахуне во времена Сенусерта III и в Амарне в эпоху Аменхотепа IV или казармы для работников в цитадели Хараппы. Такая планировка естественна там, где лагерный порядок (а это был важный этап социального опыта до появления городов) требовал, чтобы вождь распределял участки для палаток беспристрастно, но при этом учитывал ранг каждого. Военные и дворцовые правила предусматривали строгую последовательность как в боевых порядках, так и в порядке следования приближенных царя. То же самое наблюдалось и при сооружении некрополя, например, в Египте, где могильные памятники придворных устанавливались аккуратными прямоугольными рядами. Асимметричное расположение ворот в оборонительной стене Дур-Шаррукина, где по двое ворот находились на трех сторонах квадрата, а одни — на четвертой, со стороны цитадели, не опровергает возможности регулярной планировки улиц, потому что, как мы уже отмечали, даже в греческих городах, построенных по системе Гипподама, улицы не связывали с воротами.

Серьезным аргументом в пользу существования системы перекрещивающихся улиц служат данные раскопок в Урарту, в районе озера Ван. Там был обнаружен город, построенный по плану⁷⁶ Хотя раскопки еще не закончены, уже ясно, что город имел квадратную планировку; каждая улица была шириной в пять метров, за исключением главной (ее ширина — семь метров). Каменные стены слишком низки, чтобы можно было обнаружить следы ворот. Все дома строились одновременно и имели стандартные размеры; стены возвышаются сейчас только на один ряд кладки, и не было пока найдено никаких обломков посуды. Строительство города явно было приостановлено на начальной стадии. Этот город, по-видимому более древний, чем Дур-Шаррукин, показывает, как строились города подобного рода в Месопотамии, хотя, впрочем, нельзя быть полностью уверенным, что урартские цари в этом случае подражали ассирийцам.

Невозможно также решить вопрос, повлияли ли урартийцы или их преемники и подражатели на появление квадратной планировки городов, возникшей в IV в. до н. э. в ионийских городах Малой Азии. Как показывает пример итальянских городов культуры *террамар*, независимое происхождение такой системы вполне возможно⁷⁷

Вопрос о системе городских улиц заставляет нас вновь обратиться к «священной дороге», поскольку она тоже проходила в пре-

делах городских стен. Остатки такой дороги для торжественных процессий были раскопаны в Вавилоне, Ашшуре и Хаттусасе. Из литературных источников нам известно, что она существовала и в Уруке. В хеттской столице эта дорога соединяла храм, дворец и расположенное вне города святилище, но в самой Месопотамии ее строили для шествия, совершавшегося в Новый год от главного храма города к специальному святилищу, находившемуся за его пределами. «Священная дорога» была тщательно вымощена, а в Вавилоне украшена к тому же великолепными сооружениями по всему пути до знаменитых Ворот богини Иштар, через которые она проходила. Нельзя не заметить, что все оформление «священной дороги», несмотря на его роскошную монументальность, свидетельствует об удивительном отсутствии интереса к перспективе.

В Вавилоне, так же как в Хаттусасе, дорога делает поворот на девяносто градусов — разительный контраст египетской «аллеи сфинксов» с ее величественной перспективой или прямой «священной дороге» Пекина, ведущей от «запретного города» к «алтарю небес». Можно даже утверждать, что для монументальной архитектуры Месопотамии было характерно стремление избегать прямой перспективы, что проявляется, например, в расположении дверных проемов в шахматном порядке и в отсутствии желания сохранить единую ось в расположении помещений, когда это не вызывалось утилитарными соображениями. Эта характерная черта месопотамской архитектуры того периода отличает ее от архитектуры Египта. Интерес к перспективе, образуемой длинными проспектами с симметрично расположенными зданиями и промежутками между ними, стал наглядно проявляться в архитектуре Месопотамии, да и по всему древнему Ближнему Востоку лишь под влиянием греческих и в особенности римских принципов градостроительства.

Следует упомянуть, наконец, отрывок из надписи ассирийского царя Синаххериба, который показывает, насколько заинтересованы были некоторые правители в украшении своих городов. Синаххериб с гордостью рассказывает о том, как он сделал улицы Ниневии прямыми и расширил площадь возле ворот города. В нашем распоряжении есть две стелы из Ниневии с надписями, в которых говорится, что он расширил одну из узких улиц города, чтобы превратить ее в «царскую дорогу»; уменьшать ширину этой улицы при строительстве новых домов было под страхом смерти запрещено. Специальные стелы с надписями были установлены для того, чтобы отмечать ширину новой улицы, которая устанавливалась в шестьдесят два локтя⁷⁸. Можно предположить, что новая «царская дорога» вела из цитадели к одним из городских ворот, которые, как гласит надпись, были перестроены, вероятно для того, чтобы скоординировать направление и ширину дороги и ворот. По этой *via triumphalis* (триумфальной дороге) царь должен был въезжать в свой дворец, возвращаясь после ежегодных (и всегда победоносных) кампаний.

Несколько слов надо сказать о величине и внешнем виде месопотамских городов. Следует дать надежные сведения о занимаемой ими площади, а не тратить времени на предположения о возможном количестве их жителей. В халдейский период самым крупным городом был, несомненно, Вавилон. Его площадь — 2500 акров, затем идет Ниневия — 1850 акров и Урук, занимавший несколько меньшую площадь — около 1110 акров. Другие города были гораздо меньше: хеттская столица Хаттусас занимала 450 акров, в то время как Ашшур — только 150. Из царских городов Дур-Шаррукин располагался на площади в 600, а Калах в 800 акров. Во времена Фемистокла Афины занимали 550 акров; следует учитывать, что по сравнению с остальными греческими городами это был очень большой и густонаселенный город. Аристотель (Политика 1276-а, III, 3) приводит рассказ о поразительных размерах Вавилона: «...уже три дня прошло, как Вавилон был взят, а часть жителей города ничего еще об этом не знала». Это высказывание Аристотеля показывает скрытое критическое отношение к большим городам, которое мы встречаем и в Кн. Ионы (III, 3): «Ниневия же была город великий у Бога, на три дня ходьбы». Отрицательное отношение греков и Библии к большим городам имело различные корни: греческие политические деятели прекрасно понимали, что их тип демократического правления не пригоден для городов свыше определенного размера, а в Ветхом завете везде чувствуется скрытое порицание городской жизни, особенно в многонаселенных городах.

Огромные размеры таких столиц, как Вавилон и Ниневия, могли быть следствием вторичного развития, вызванного необычным и атипичным ростом населения этих городов. Это особая фаза истории месопотамского города, о которой мы мало знаем.

Немного можно сказать также о внешнем виде и архитектурном рельефе месопотамского города. Сохранилось мало изображений конкретных, поддающихся идентификации городов; большинство их на ассирийских рельефах безнадёжно схематизировано и дает слишком мало материала. Но даже там прослеживается разница между городом, окруженным стеной, и более низкими домами пригорода; можно разглядеть монументальные ворота, стены с башнями и зубцами, часто образующими двойную систему укреплений; можно заметить, как использовали в военных целях источники воды, особенности рельефа и т. д. В редчайших случаях мы видим, что особенности конкретного города воспроизводятся с ценными деталями, как, например, на рельефе, где изображен Мусасир, завоеванная столица Урарту, с его необыкновенным многоколонным храмом и многоэтажными зданиями⁷⁹. На поврежденной плите мы видим любопытную перспективу Вавилона, которая на многое пролила бы свет, если бы не отсутствие верхней ее части⁸⁰

Немногие города Месопотамии имеют яркие топографические отличия, такие, как, например, Ашшур, находившийся на скале, на которую приходилось подниматься по монументальной лестнице,

или Борсиппа, расположенная по обе стороны озера, и, наконец, Вавилон, выделявшийся своими размерами, мостом, перекинутым через Евфрат, и высотой своей знаменитой башни.

Города, расположенные на равнине, и новые города с их одно- или двухэтажными домами, без окон, под плоскими крышами, с храмовыми башнями, верх которых покрывался голубой глазурью, и бесконечными кирпичными стенами, усеянными зубцами и башнями, коренным образом отличались от городов-цитаделей предгорных и горных районов, размещавшихся на вершинах холмов и окруженных сложными оборонительными сооружениями, строившимися на высоких фундаментах и укрепленных высокими башнями.

Лабиринт улиц, переулков и тупиков внутри оборонительных стен был полон «делового жужжания людей». Здесь сновали уличные торговцы (нищих, однако, не было)⁸¹, можно было встретить домашних животных, калек, проституток⁸². Шум и оживление городского дня, непрерывное движение вечно спешащих людей давали поэтам возможность эффектно сравнивать дневную суету с тихими ночами, когда город погружался в сон за запертыми воротами под звездным небом⁸³. Только ночные сторожа обходили улицы. Но мы не знаем, звучали ли в пустых улицах слова их песни, как в Иерусалиме, когда они отвечали на вопрос тех, кто не спал: «Сторож! Сколько ночи?» (Кн. Исаии. XXI, 11).

«ВЛАДЫЧЕСТВО ПЕРЕХОДИТ ОТ НАРОДА
К НАРОДУ» *

Лишь немногие клинописные тексты прямо имели целью записать то, что в традиционном западном смысле слова можно назвать историей. Значительно большее число текстов, упоминающих о разных происшествиях, было написано отнюдь не просто для того, чтобы зафиксировать какие-либо исторические события. Наша задача состоит, во-первых, в том, чтобы отделить первые от вторых, выделить исторические тексты из большого числа документов, которые ассириологи называют царскими надписями. Историк, изучающему Месопотамию, придется рассматривать, кроме того, разнообразные литературные сочинения, которые так или иначе содержат то, что можно было бы назвать исторической информацией. При этом необходимо помнить, что даже собственно исторические документы являются вместе с тем и литературными произведениями. Стремясь к большей художественности или, может быть, из политических соображений, сознательно или нет, писцы подвергали материал определенной переработке¹. Даже эти исторические тексты, безусловно более надежные, чем другие, которые можно назвать литературными, тоже переработаны в соответствии с определенными идеологическими установками. Коротче говоря, почти все эти тексты столь же равнодушны к «истине», как и любые другие «исторические тексты» древнего Ближнего Востока.

Исторические источники или литература?

Месопотамская историография в строгом смысле этого слова охватывает отрезок времени примерно в пятьсот лет — со времени Тиглатпаласара III (744—727 гг. до н. э.) в Ассирии и Набонасара (747—734 гг. до н. э.) в Вавилонии и до 264 г. до н. э., т. е. до 38 г. эры Селевкидов (Антиох I Сотер). Погодные хроники рассказывают о событиях этих лет, хотя многое изложено весьма фрагментарно. Сам характер этого рода текстов ограничивает круг сообщаемых сведений. Хроники кратко перечисляют факты: войны и перемирия, смерть царей и членов царской семьи. Они, бесспорно,

* Книга премудростей Иисуса, сына Сирахова, X, 8. Приведенный стих полностью звучит так: «Владычество переходит от народа к народу по причине несправедливостей, обид и любостяжания».

имеют часто большое значение для историков, так как содержат сведения об истории Месопотамии, а иногда и о ветхозаветной и греческой истории. Некоторые хроники обнаруживают изрядную литературную амбицию, предлагая читателю *historia mundi* («историю мира»). В принятом стиле они отмечают ряд событий до «Темного периода» и предлагают перечень увлекательных происшествий, которые, по-видимому, считались историческими в том смысле, в каком этот термин употребляет Геродот. В этих хрониках можно найти весьма любопытные эпизоды, начиная с периода царствования Саргона Аккадского до Илушума Ассирийского и Сумуабума Вавилонского и от Эрра-имитти из Исина до древнего касситского царя Агума.

Единственным примером строго дневниковой записи событий, характеризующейся также ограниченным местным кругозором, можно считать «астрономические дневники» (до сих пор не опубликованные, за исключением нескольких фрагментов), в которых отмечались различные важные события: смерть выдающихся лиц, эпидемии чумы, пожары и другие бедствия, происходившие в Вавилоне; приводятся также цены на основные товары, наблюдения над уровнем воды в Евфрате и т. п. Все эти сведения даны как приложения к наблюдениям за движением планет².

Авторы так называемых «царских списков» подошли ближе к тому, что мы называем историей. «Списки» начинаются с мифического времени, когда «царская власть спустилась с небес на землю», содержат имена многих царей, названия их столиц и сроки правления. Вся известная нам история Вавилонии и Ассирии довольно полно и последовательно отражена в нескольких таких «царских списках». Они как бы заполняют лакуны в документальном материале, давая цепочку имен, которую доводят не только до периода диадохов, но и до начала династии Аршакидов, сохраняя даже для этого позднего времени традиционные шумерские формулировки³. Типология «царских списков» весьма сложна; различия проявляются в порядке расположения записей и сводок. Помимо указаний на сроки правления и деления на династии они содержат упоминания (иногда зашифрованные) о выдающихся событиях (особенно древнейшего периода), а также называют имена некоторых высших должностных лиц⁴. Один текст устанавливает соотношение между временем правления царей Ассирии и Вавилонии; однако то, что сохранилось от этого текста, проливает свет только на последние века существования обоих государств. В другом то же самое чувство историзма мы можем проследить во встречающихся изредка в царских надписях указаниях на более или менее точное количество лет, прошедших со времени какого-то важного события. Обычно считают, что писцы получали такую информацию из «царских списков» или из подобного рода текстов утилитарного назначения: списка дат старовавилонского периода (в нем их дано около тысячи)⁵ и нескольких списков эпонимов, которые охватывают значительную часть ассирийской истории⁶. В Вавилонии с аккадского времени (вплоть до «Темного периода»)

каждый год получал свое название по какому-либо важному событию, которое произошло в предшествующем году; такая система датировки требовала хранения списков названий лет, для того чтобы сохранять их правильную последовательность. Для нас польза от этих названий годов несколько ограничена жестким формализмом вавилонян, допускавшим упоминание только о победах и благочестивых деяниях правителей, таких, как обильные дары святилищам, инаугурация высших жрецов и жриц или перестройка храмов. В приводимых формулах больше благочестивой фразеологии, чем точных данных, больше места занимают описания драгоценностей, чем сообщения о конкретных событиях. Все же эти названия лет сохранили схему более чем полутысячелетней истории. Для ассирийцев списки тоже были необходимы, потому что они обозначали годы правления царя последовательным рядом имен высших чиновников государства, которые выступали как эпонимы. Некоторые из этих списков содержат короткие примечания, в которых упомянуты военные кампании или какие-либо бедствия. Историком эти списки эпонимов дают меньше, чем старовавилонские названия лет.

Историческая преамбула договора между Ассирией и Вавилонией, если ее можно так называть, хотя и написана явно с проассирийских позиций, все же обеспечивает нас интересным обзором политических отношений между этими двумя странами, отражая решения пограничных вопросов и династические браки с начала XV и до VIII в. до н. э. Этот раздел текста (прозванный «Синхронистической историей») говорит о серьезном интересе к истории, вызванном политической необходимостью.

Однако обратимся к документам иного характера, назначения и происхождения. Сохранились предметы, на которых имеются votивные надписи царей Шумера, Вавилонии и Ассирии, относящиеся к периодам правления таких древних царей, как Месанепада из Ура, и вплоть до греческого правителя Антиоха I Сотера⁷ Размер надписей колеблется от нескольких знаков на глиняном конусе до множества столбцов на Бехистунской скале. Кирпичи, исписанные сотнями строк, призмы, каменные плитки, бусы, статуи, золотые и серебряные изделия, рельефы и многие другие предметы, на которых вырезаны надписи, поют хвалу богам и царям, славят дела и достижения своих создателей и просят у богов для них здоровья, долгую жизнь, славу и богатства.

Можно различить два типа подобных текстов: надписи на предметах, посвящаемых царями богам, и надписи на предметах, которые замуровывались в здания храмов или дворцов. На доступных взору поверхностях храмов посвяtitельных надписей, как это было в Египте, не делалось. Глиняную призму, гвоздь или кирпич с надписью замуровывали в стену, скрывали под обмазкой или прятали под фундамент. Самые длинные и содержательные из открытых до сих пор ассирийских царских надписей были заложены в основание дворца или храма. Скрытые от глаз человека, они предназначались для прочтения только тем божествам, кото-

рым были адресованы. Лишь немногие царские надписи на барельефах, стенах или скалах помещались там, где по крайней мере теоретически их можно было прочесть.

Надписи на предметах прошли долгий и сложный путь стилистического развития: сперва они состояли из краткого посвящения, адресованного божеству, где указывалось имя дарителя, объект и причина дарения⁸. Но вскоре эти посвящения расцвели невероятным цветом. Царские титулы разрастались, включая целую цепь почетных полумифических титулов с эпитетами, которые стремились подытожить победы и достижения данного царя; обращение к божеству превратилось в полный преувеличений пылкий гимн, и только само посвящение предмета или здания не изменилось, сохраняя свою ключевую позицию в потоке слов. Проследить развитие этого типа текстов не входит сейчас в нашу задачу, так же как не входит в нее и анализ развития древнешумерских формул, от которых тянутся многочисленные нити к текстам на цилиндрах халдейских царей; не собираемся мы анализировать и сложности эволюции ассирийских посвящений с ее многочисленными нововведениями и украшениями, не говоря уж о текстах из периферийных районов, которые во многих случаях имитируют месопотамские образцы с любопытными вариациями. А такое исследование могло бы пролить свет на политические концепции и их развитие, ибо политические взгляды часто отражаются в том типе надписей, какие предпочитают в каждую данную эпоху. Мы хотим привести здесь лишь те наблюдения, которые имеют большее или меньшее отношение к основной теме данной главы: относятся ли эти тексты к историографии или они являются особым типом литературы?

Огромное большинство царских надписей не было написано с целью передать какую-либо информацию тому, кто их увидит. Даже те стены, цель которых была сообщить потомкам о победах царей, едва ли предназначались для публики. Следующее соображение должно уточнить и подтвердить наше мнение. Такие тексты, как надпись Ашшур-нацир-апала II, детально описывающая пир, устроенный по случаю его восшествия на престол⁹, или надпись Набонида, представлявшая апологию этого царя, необычным путем достигшего власти¹⁰, написаны на каменных стенах, которые, как предполагают, были установлены в местах, доступных каждому. Но из этого еще нельзя сделать вывод, что надписи на этих стенах предназначались для распространения. Цилиндр Навуходносора II, который к стандартной нововавилонской царской надписи добавляет систематически составленный список вельмож при его дворе¹¹, был замурован, как это полагалось, в фундамент дворца. Хотя он содержит информацию, не имеющую прямой связи с посвящением здания богу, она все же не предназначалась для чтения. Но так как информация в надписях Ашшур-нацир-апала II и Набонида, которые, как считают, были выставлены в доступных местах, относилась к тому же типу, что и на замурованном цилиндре Навуходносора II, то следует предположить,

что ни эти надписи, ни надпись на цилиндре не предназначались для того, чтобы их читали. Стелы отличаются от цилиндров только тем, что они должны были быть помещены снаружи, в то время как цилиндры закладывались внутрь здания не только для того, чтобы посвятить его какому-либо божееству, но и для того, чтобы (как на то нередко ясно указывается в текстах) передать информацию будущему царю, у которого может возникнуть намерение перестроить храм. Все эти цилиндры, призмы, конусы и надписи на кирпичках закладывались в стены или в фундамент. Эти тексты, а также помещенные в темных коридорах царских дворцов надписи на рельефах и наскальные надписи, тщательно вырубленные в самых недоступных местах, формально были адресованы божееству. Они сообщают о победах царя, о его благочестии и требуют в ответ благословения божеества. Поэтому они написаны высоким стилем, часто поэтическим и вычурным; в них упоминаются лишь тщательно отобранные события и используется ограниченный словарный запас. Можно полагать, что как ассирийские, так и нововавилонские надписи этого типа отражают литературные образцы, выработанные для данных обстоятельств. В ассирийских царских надписях можно обнаружить и новые линии развития. Так, у Арикденили (1319—1308 гг. до н. э.) и Салманасара I (1274—1245 гг. до н. э.) мы встречаем анналистическое направление; у Тиглатпаласара I (1115—1077 гг. до н. э.) мы видим длительные и торжественные интродукции, короткие и пылкие пэаны между описаниями отдельных кампаний и триумфальный гимн в конце. После Адад-нерари II (911—891 гг. до н. э.), который начинает свои анналы чрезвычайно длинным вступлением, полным помпезного самовосхваления, стиль меняется и изложение становится более формальным и сдержанным. Позже, в надписях Саргона II (721—705 гг. до н. э.), предпочтение снова отдается поэтическому и помпезному стилю; в надписях Ашшурбанапала (668—627 гг. до н. э.) мы наблюдаем включение случайных происшествий, у Асархаддона (680—669 гг. до н. э.) и Синаххериба (704—681 гг. до н. э.) другие особенности. Таким образом, создается впечатление, что эти надписи составлялись по вкусу самого царя. Дворцовые писцы и поэты создавали для царя его собственный образ, рисуя его героем и благочестивым правителем; они изображали его в этих текстах таким, каким он хотел бы себя видеть. В этом отношении царские надписи династии Хаммурапи или ассирийских (с конца II тысячелетия до н. э.), а также халдейских царей, очевидно, заменили царские гимны, которые сохранились от царей III династии Ура и их старовавилонских подражателей (от Ур-Намму до Абиешу)¹². Дворцовые поэты и барды, по-видимому, переключились от создания прославляющих царя гимнов на составление царских надписей, преследующих ту же цель. Вполне возможно, что гимны правителям тоже создавались, но они не вошли в литературную традицию, и если отрывки из них и сохранились, то количество их было столь незначительным, что не привлекло нашего внимания. По той же

самой причине нелегко проследить связь царских надписей с местной литературной традицией данного периода. Тем не менее именно эти надписи, дающие возможность заполнить историческими фактами приблизительную схему, составленную на основе «царских списков» наименований лет и списков эпонимов, помогают познакомиться и с литературными вкусами царских дворов, где они были созданы.

Только связав царские надписи с литературным фоном, можно объяснить их разнообразие и непрерывные стилистические изменения. Мы видим, как цари династии Хаммурапи перечисляют благодеяния, которые они желали получить от богов за свое благочестие; халдейские цари (за исключением упоминания Набопаласаром о его победе над Ассирией) избегали говорить о своих противниках и конкретных победах в отличие от ранних вавилонян и в особенности от ассирийцев. Если коснуться новшеств, то стоит вспомнить Набонида, который оживлял надписи диалогами; в них принимали участие боги, жрецы, умершие цари и ремесленники. Самсу-илуна оставил нам уникальную надпись, в которой рассказывается о том, как боги на небесах беседуют о нем¹³ Набонид цитирует в ученном стиле тексты документов, найденных его людьми в руинах храмов, которые он перестраивал. В одном случае он даже приводит текст надписи касситского царя, которая иначе была бы для нас потеряна¹⁴. Другим новшеством является и то, что ему нравится упоминать, а иногда и пересказывать свои сны. Для того чтобы закончить этот выборочный разбор стиля царских надписей, следует еще упомянуть повторявшееся в надписях Ашшурбанапала описание его обучения и успехов как ученого и воина, включающее заимствованный из шумерийских царских гимнов полуторатысячелетней давности топос. Это иллюстрирует непрерывность и цепкость живой литературной традиции, отличной от той традиции, которая застыла и сохранялась в царской библиотеке Ниневии. Тот, кто захочет написать историю месопотамской литературы, претендующую на нечто большее, чем перечисление имеющихся фрагментов, вынужден будет обратиться к материалу этих постоянно менявшихся царских надписей.

Месопотамские писцы сознавали важность надписей, которые можно было найти на статуях и вотивных предметах, но при этом руководствовались скорее всего тем, что эти надписи представляли антикварный и литературный интерес, нежели понимали их историческую ценность. У нас есть копии (среднеавилонского и нововавилонского периодов) более древних надписей, часто воспроизводящие и начертания знаков на подлиннике. Благодаря этому интересу мы знаем многое о древнеаккадском периоде и правлении царей III династии Ура. Использование подобного исторического материала в чисто идеологических целях начинается еще со старовавилонского периода. Писцы стали собирать надписи (например, из святилища Туммала в Ниппуре)¹⁵, чтобы подкрепить примерами веру в то, что благочестивые правители пользова-

лись расположением богов, а те, кто недостаточно уважал храмы, погибали в результате божественного вмешательства. Такого рода представления были распространены по всему древнему Ближнему Востоку. Писцы также переписывали подлинные или вымышленные послания выдающихся царей, попадавших в необычайные положения ¹⁶ Имена, подвиги, победы и преступления знаменитых правителей, по-видимому, сохранялись в какой-то устной традиции, поддерживаемой скорее храмами, чем дворцами. Историческое прошлое, естественно, волновало дворец весьма недолго, причем его интересовали вопросы, связанные с современностью; но ученые, администраторы и специалисты, жившие в храме, были заинтересованы в сохранении преданий, укреплявших престиж святилища. Из этих записанных и незаписанных повествований, должно быть, и вышли сборники поговорок, «царские списки», хроники и прежде всего упоминания знаменитых царей древних времен в собраниях знамений. Среди них, если только говорить о наиболее известных персонажах, Ку-Баба, корчмарка, основательница III династии Киша; Шульги, самый могущественный царь III династии Ура, и Эрра-имитти, представитель династии Исина, погибший странной смертью. Литературно переработанные, эти рассказы превратились в легенды, которые связывались с основателями династий или царями, потерявшими власть при необычайных обстоятельствах, такими, как, например, Саргон Аккадский или Ибби-Суэн из Ура ¹⁷ Саргон оставался полумифическим персонажем в течение почти всего II тысячелетия до н. э. Историю о его рождении и о том, как его бросили в реку, а затем спасли, когда он в корзине плыл по Евфрату, как достиг власти и, наконец, о самом главном, о военных кампаниях, в которых он принимал участие, приключениях, победах и неудачах и завоевании им запада — обо всем этом охотно читали и в египетской Амарне, и в Хаттусасе в Анатолии, и не только читали, но и переводили на хурритский и хеттский языки. Текст эпического произведения *Sar tamkarim* посвящен деяниям Саргона; о подвигах его сына Нарам-Суэна рассказывается в произведении, которое ассириологи когда-то назвали кутийской легендой.

Здесь мы снова встречаемся с топосом отчаянных ситуаций, превращаемых в победу, и находим повесть о подвигах царя-воина в таких отдаленных районах, как Малая Азия и остров Дильмун. Копии этого рассказа найдены в столице хеттов (на аккадском), а несколько фрагментов (более позднего времени) в Ниневии и Султантепе ¹⁸

Не только цари далекого прошлого, но при определенных обстоятельствах также и здравствующие правители, повелители недавнего прошлого могли стать героями литературных произведений, если какие-либо поразительные события случались с ними. Такими событиями были, например, военный триумф Тукульти-Нинурты I ¹⁹, первого ассирийского царя, завоевавшего Вавилон; или разрушение этого знаменитого города эламитами (при Кутир-Наххунте); или блестящие успехи Навуходоносора I, царя Вави-

лона, воевавшего против эламитов. Перед вавилонскими поэтами и писцами стояла трудная задача — объяснить трагедию Вавилона, покинутого своим богом Мардуком и завоеванного врагами. Так, знаменитый набег хеттского царя Мурсилиса был основанием для появления литературных текстов, в которых Мардук, подобно царю в царской надписи, говорит от своего имени о путешествии на запад²⁰ — в связи с тем, что его изображение увезли туда — и о возможности своего возвращения. Завоевание Вавилона, по-видимому, послужило толчком к созданию другого поэтического творения, известного как «Эпос об Эрре». Там в сжатом и мало-изящном рассказе ответственность за катастрофу возлагается на младших богов, плохо управлявших страной во время вынужденного отсутствия по важным причинам бога Мардука. Поэма входит в группу произведений сходного характера, что показывает новый подъем литературного творчества в критическое пятисотлетие от царствования Навуходоносора I (1126—1105 гг. до н. э.) до появления знаменитого царя, принявшего то же имя (Навуходоносор II, 605—562 гг. до н. э.), в Вавилонии, которая снова начала медленно подниматься к власти и славе.

У ассирийских поэтов и придворных бардов, когда им приходилось воспевать победы такого великого царя, как Тукульти-Нинурта I, над касситскими правителями Вавилонии, задача была гораздо более легкой. В этом подлинно историческом эпосе мы находим то же восхищение битвами и резней, то же поношение врагов, такое же восторженное описание побед, которое часто встречается (хотя и несколько ослабленным от беспрестанного повторения) в царских надписях современных и более поздних ассирийских царей.

Еще один вавилонский правитель, чье странное поведение и история драматической гибели интересовали многих далеко за пределами Вавилона, добился такой славы, что память о нем жива и сейчас. Это был Набонид, последний царь Вавилона. Отчасти из-за того, что он вступил в конфликт с храмом Мардука (он будто бы вмешивался в религиозные вопросы) и предпочел бога Сина и его храм в далеком Харране, а отчасти из-за своего длительного и загадочного пребывания в городах Аравии и удивительного и неподобающего царю поведения в момент нависшей угрозы нападения Кира Набонид стал в глазах своих современников «сумасшедшим царем Вавилона». У нас есть необычный текст, относящийся, очевидно, к концу периода политической независимости Вавилонии. В нем осуждается Набонид и воспевается Кир как освободитель угнетенных святилищ. Здесь персидский царь рассматривается не как иноземный захватчик, а как спаситель, освободивший Вавилон. Форма изложения поэтическая, и текст делится на строфы; со злобой перечисляются грехи Набонида против древних храмов и старой столицы, ведь он перенес свою резиденцию в арабский город Tema. Набонида обвиняют в невежестве и богохульстве и поименно перечисляют самых ненавистных из его приближенных. Тот же дух ненависти

пропитывает и текст, найденный на бочковидном глиняном цилиндре, похожем на закладной, но, несомненно, никогда не использованном для закладки. Текст этот помимо прочего описывает триумфальный въезд Кира в Вавилон почти как приход мессии²¹. Ни в одном другом клинописном документе политический антагонизм не чувствуется так ярко; можно только диву даваться, какие действия Набонида вызвали такую яростную реакцию. В Ветхом завете (но не в свитках Мертвого моря) выражение «сумасшедший царь Вавилона» было перенесено на более известного предшественника Набонида — Навуходоносора II²².

Во всех этих случаях литературные топосы, исторические факты и обстановка так тесно переплетены, что историк сталкивается не только с филологическими трудностями, но также и с гораздо более сложными проблемами значения стиля и литературных влияний, формирующих повествование и искажающих историческую действительность. Все это ни в коем случае не исключает возможности того, что иногда глубокий художественный интерес проявляется в изображении реалий обстановки, действий людей и их реакций и эмоций. Такие отрывки редко можно встретить где-либо, за исключением истории приключений Идрими и описаний различных народов и стран, которые содержатся в некоторых новоассирийских царских надписях. Но даже и там клинописные тексты не достигают той великолепной объективности, глубокого понимания и чувства истории, которое присутствует, например, в истории Давида в том виде, в каком она рассказана в книгах пророка Самуила.

Очерк истории Вавилона

В течение почти двух тысячелетий письменно засвидетельствованной вавилонской истории политическая власть в этой стране только дважды ненадолго достигла своего апогея. Это произошло, быть может не случайно, в начале и в самом конце огромного периода времени. Два знаменитых имени определяют эти моменты — аккадский царь Саргон (2316—2261 гг. до н. э.) и Навуходоносор II (605—562 гг. до н. э.).

Однако наибольшее число документов, которыми мы располагаем, относится не к периодам правления этих царей, а к царствованию Хаммурапи (1792—1750 гг. до н. э.) и его непосредственных предшественников и наследников. Только для двухсотлетнего периода правления этой династии можно составить некоторое представление о деятельности правительства, работе администрации и о других существенных аспектах социальной и экономической жизни. Исследование законодательства Хаммурапи дает уникальную возможность изучить разрыв между истинным положением и намерениями правительства. Деятельность же Саргона и Навуходоносора II можно увидеть лишь в искаженном зеркале — в их собственных чрезвычайно стилизованных самоописаниях. Административные документы Саргона и юридические тексты,

написанные в правление Навуходоносора II, которыми мы располагаем, в сочетании с сообщениями легенд и хроник об этих двух царях дают весьма поверхностное представление о социальной, экономической и интеллектуальной жизни того времени.

Когда Лугальзагеси захватил Урук, а несколько позже его противник Саргон из Аккада впервые в истории добился объединения Месопотамии, наступила неизбежная и решительная перемена в истории всего региона. Политическая власть перешла из Урука, центра классической шумерской цивилизации, в новый центр, где стала возникать политическая структура, отличная по своему характеру от традиционной структуры городов-государств. Легенды и традиция прославляют Саргона за это, хотя, возможно, он и не был первым, кто дал толчок этому развитию. Но именно Саргон стал представителем имперских устремлений в мире городов-государств, т. е. желания выйти за пределы естественных сфер влияния. Он создал или способствовал возникновению обширной дворцовой организации, которая, по-видимому, вышла за пределы «царского хозяйства». Дворец существовал за счет налогов, собираемых централизованной бюрократией, а служили в нем люди, которые обязаны были нести военную службу. Несмотря на длительный период царствования Саргона и его внука Нарам-Суэна (оба в совокупности правили девяносто три года) и несмотря на их знаменитые победы и сказочные достижения, все-таки владения этих царей были, видимо, лишены внутренней стабильности, и консолидация не была длительной. Конец ей положили воинственные горные племена кутиев, которые, в свою очередь, были побеждены царем Урука Утухегалем. Новошумерская империя Ура (по традиции называемая III династией Ура) управляла полученным от Саргона наследством совершенно иначе. В течение ста лет цари Ура правили Месопотамией либо непосредственно, либо через управителей областей, которые сидели в Сузах, Мари и Ашшуре и защищали свои владения от набегов горцев и жителей пустынь²³. Прославленный многочисленными храмами и дворцами Ур в эпоху III династии процветал; многочисленные торговые пути вели к Уру и с гор и от моря, и это доказывало благосостояние страны и безопасность торговцев, что в Месопотамии всегда было показателем эффективной царской власти. Богатая информацией обильная документация иллюстрирует деятельность сложной иерархии официальных лиц, но полностью она еще не использована. Расцвет шумерской литературы характеризует культуру этого времени. Империя распалась, и отзвуки этого эффективного падения надолго сохранились в памяти. Причиной распада послужили, очевидно, скорее увеличивавшееся внутреннее напряжение и нажим кочевников с запада, нежели нашествие из Элама. Медленно, но верно политический центр стал перемещаться вверх по реке через Исин и Ларсу и определился в конце концов в маленьком городе, упоминаемом только с периода III династии Ура. Его называли Вавилоном²⁴. Это передвижение на север происходило в период великого пере-

ворота ²⁵ Оно шло параллельно с окончательным переходом от шумерского к аккадскому языку, проникновением чужеземных влияний в несколько отчетливо различаемых социальных слоев и прогрессирующим распадом страны на части. Одновременно оно сопровождалось расширением кругозора политических интересов, который теперь простирался от Дильмуна и Суз до Анатолии и побережья Средиземного моря, таким образом способствуя обмену товарами и идеями на всем Ближнем Востоке. Короче говоря, это чрезвычайно интересный период, который мы, однако, не можем точно охарактеризовать. Так как задачей этого раздела не является подробное изложение всей истории Месопотамии, обратим наше внимание на Вавилон, Вавилон эпохи Хаммурапи.

За столетие до Хаммурапи в Вавилоне сменилось пять представителей его династии. Под их управлением Вавилон вел скромное существование, то завоеывая, то теряя тот или иной расположенный неподалеку город (в частности, Киш), то предпринимая малоэффективные кампании вдоль Тигра и за Тигром. Вполне вероятно, что Вавилон когда-то находился в зависимости от более важных южных центров — Исина и Ларсы. Усиление города произошло, очевидно, в царствование отца Хаммурапи, Син-мубалита, последнего из правителей этой династии, сохранившего аккадское имя. Его усилия были направлены на завоевание юга (победа над Уром и Ларсой, завоевание Исина и Эшнунны), так как на севере в то время правил Шамши-Адад I, при котором Ассирия превратилась в важную политическую и военную силу. Начиная с Хаммурапи изменяются имена царей этой династии; все они носят чужеземные (аморейские) имена — как бы для того, чтобы подчеркнуть свое неаккадское происхождение. Восшествие Хаммурапи на престол обозначено выражением «он вошел в дом отца своего». После смерти Шамши-Адада I Хаммурапи, по-видимому, воспользовался возможностью начать политику военной экспансии. Названия городов с седьмого и до одиннадцатого года его царствования отмечают поражение Урука и Исина, разрушение города Мальгиума и вторжение в Ямутбал на другом берегу Тигра. За этой вспышкой военной активности, видимо, наступило мирное время, так как названия годов вплоть до двадцати девятого года царствования Хаммурапи не упоминают завоеваний, но указывают на эру консолидации и организации. Это, конечно, может быть обманчивым, потому что едва ли можно ожидать, что поражение и ослабление политической власти правителя найдет отражение в названиях, даваемых годам. Поэтому неудивительно, что от тридцатого года своей власти и до года смерти Хаммурапи вел почти непрерывные военные действия. Теперь его войны приобрели явно оборонительный характер; в самом первом из этой последней группы названий мы встретим фразу, в которой звучит зловещая нотка: «Год, в который вождь, возлюбленный Мардуком, организовал [благодаря] помощи великих богов [державу] Шумера и Аккада, после того как он победил армию, которую собрал Элам, [придя] от границ Мархаши,

вместе с Субарту, кутиями, Эшнунной и мальгами». О подобных же коалициях упоминается и на тридцать второй год царствования Хаммурапи (Эшнунна, Субарту и кутии), и на тридцать седьмой год (сутии, Турукку, Какму и Субарту). Наступательные войны привели Хаммурапи к победе над его бывшим союзником Рим-Сином из Ларсы (год тридцать первый), срытию стен Мэри (год тридцать пятый) и поражению Эшнунны (год тридцать восьмой), но все же возникает впечатление, что и в эти, и в последующие годы в результате войн владения Хаммурапи скорее сокращались, чем расширялись. Теперь он предпочитает обозначать их старым названием «Шумер и Аккад». Названия последних двух лет явно показывают, что он был вынужден обороняться, сражаясь довольно близко от своей столицы; сорок второй год указывает на строительство стены вдоль Тигра и Евфрата, а следующий упоминает земляную стену, построенную для того, чтобы защитить (по-видимому, как крайнее средство) город Сиппар. Только одно сильно поврежденное письмо проливает некоторый свет на конец царствования Хаммурапи²⁶ В нем его сын Самсуилуна пишет (TCL, 17, 76) высокому официальному лицу об обстоятельствах, которые сопровождали его восшествие на престол: «Царь, мой отец, болен, и я сел на трон для того, чтобы [. . .] страну». Затем Самсу-илуна объявляет свой первый царский указ — традиционное освобождение от уплаты долгов некоторых групп населения, акт, к которому месопотамские цари периодически обращались, для того чтобы выправить постоянную экономическую дисгармонию в стране. Как бы ни развивалась история, последующие сто пятьдесят лет, в течение которых в Вавилоне правили еще пять царей этой династии, город оставался столицей, в то время как прежние политические центры стали провинциальными городами. Это перенесение власти в Вавилон было признано везде, кроме далекого юга, где непроходимые болота и плохие дороги создавали естественные убежища неподчинившимся этническим группам и сепаратистам. Юг оставался недоступным, несмотря на попытки династии Приморья распространить туда свою политическую власть. Произошло как бы инкапсулирование этого района, причем на протяжении более пятисот лет сохранялось многое из культурного наследия, пока там не поднялись новые, развивающиеся города.

В период после смерти Хаммурапи и до конца царствования этой династии образовалась старовавилонская литературная традиция, а шумерское наследие влилось в аккадско-месопотамскую цивилизацию, которая получила свое развитие в Исине и Ларсе. В этой форме литературная традиция смогла пережить катаклизмы «Темного периода». Она не изменилась в консервативный касситский период и перешла к нововавилонским и новоассирийским писцам. Ассирийцы понимали, чем они обязаны старовавилонскому периоду; об этом мы узнаем из письма, адресованного одним писцом ассирийскому царю (вероятно, Ашшурбанпалу), в котором он сообщает, что привез из Вавилона таблички времен «Аммурапи, царя»²⁷.

Если говорить о Хаммурапи, то невозможно не упомянуть о его своде законов²⁸, содержание и социальные цели которого дают уникальную картину Месопотамии того периода. Все же следует помнить, что этот кодекс, как и другие более ранние аккадские и шумерские законодательные акты, не был непосредственно связан с юридической практикой того времени. Его содержание во многих важных аспектах нужно рассматривать как традиционное литературное выражение социальных обязательств царя, который понимал разницу между существующими и желательными условиями. В конце концов такие кодексы представляли собой любопытные формы социальной критики и не должны считаться нормативными предписаниями, подобно послебиблейскому и римскому законодательству²⁹

С завоеванием Вавилона хеттским царем Мурсилисом (ок. 1600 г. до н. э.) начался «Темный период», продолжавшийся вплоть до царствования девятнадцатого царя касситской династии Бурна-Буриаша II (1363—1335 гг. до н. э.). Мы не будем останавливаться на многочисленных проблемах, касающихся хронологии этого периода, и исследовать рост политического влияния Вавилонии или разногласий, которые развивались между этой страной и усиливающей свою экспансию Ассирией.

Этот период можно охарактеризовать так: в то время как литературная традиция и то, что относится к ней, надежно укоренились в интеллектуальной и духовной жизни, чтобы сохраниться на протяжении более тысячелетия, социальные и экономические традиции подверглись серьезным изменениям, которые не всегда удается точно установить. Хотя сохранившаяся документация носит случайный характер, что затрудняет определение природы этих изменений, ряд более или менее чувствительных показателей указывает основную линию развития. Это возросшая экономическая роль дворцовой организации, уменьшение авторитета царя, исчезновение частной экономической инициативы, а также каких-либо попыток социальных реформ или экспериментов, которые отличали эпоху Хаммурапи. Хотя роль дворца, может быть, несколько преувеличивается из-за того, что мы случайно наткнулись на дворцовый архив в Ниппуре, находки из Дур-Куригалзу и из Ура подкрепляют только что предложенную характеристику. Многочисленные земельные пожалования, своеобразно оформленные и выставляемые, показывают самим своим названием *kudurru* (пограничный камень), что они представляют нечто новое³⁰ *Kudurru* раскрывают административное членение страны, которое весьма напоминает эпоху феодализма. Но это определение, которое ни в коем случае нельзя воспринимать буквально, является лишь неадекватным и общедоступным приближением, подобным употреблению термина «демократия». Настоящий смысл административных порядков и социального строя времени «ранних *kudurru*» предстоит еще обнаружить и исследовать. Скудость юридических документов, относящихся к частной коммерческой деятельности (такой, например, как покупка и продажа земельных

участков), составлению завещаний и брачных договоров, а также отсутствие документов, относящихся к найму лиц, оплате услуг и предоставлению займов — столь многочисленных в более древние времена, — свидетельство спада частной инициативы. Изменение фразеологии и терминологии в этих документах подтверждает, что здесь мы сталкиваемся с глубокими экономическими переменами.

После победы Навуходоносора I над эламитами начался пяти-сотлетний период, когда Вавилония, сначала медленно, с неоднократными отступлениями, а затем все решительнее приходила к власти. Усиление Вавилонии, которое продолжалось при Набонасаре (747—734 гг. до н. э.), царе, значение которого из-за недостатка сведений все еще не вполне ясно, достигло кульминации при Набопаласаре (626—605 гг. до н. э.), первом царе новой династии, которой суждено было стать на короткое время наследницей ассирийского могущества на большей части древнего Ближнего Востока. Значительная часть этого времени так же мало известна, как и сам «Темный период». Наш источник информации — это короткие и стереотипные царские надписи, которые сходны с надписями периода до Хаммурапи, «царские списки», ассирийские надписи, рассказывающие о столкновениях с Вавилонией, и другие подобные документы.

Появление на вавилонской сцене халдеев — главное событие этого периода, которое послужило толчком к приходу Вавилонии к власти и сильно повлияло на историю всего региона.

К IX в. до н. э. относятся первые сведения о стране, называемой Калду, и ее обитателях — халдеях. Они, по-видимому, жили в районе топей, озер и тростниковых зарослей в нижнем течении двух рек, между берегами Персидского залива и самыми южными городами Вавилонии. Район, где они занимались мелкомасштабным земледелием, рыболовством и скотоводством, получая лишь скудные средства к существованию, делился на племенные территории — «дома». Каждый «дом» (*bitu*) жил под руководством вождя, который иногда называл себя царем. Но земли племен не были четко разграничены, и политическое могущество вождя зависело от его личного влияния. Самое крупное из племен (Бит-Дакури) жило к югу от Борсиппы. Его соседом к югу было племя Бит-Амукаи. Вдоль Тигра располагалось большое и значительное, из-за его близости к Эламу, племя Бит-Якин; из Элама они получали оружие и деньги, что помогало им создавать осложнения для правительства Вавилона. Мы знаем, кроме того, о меньших племенах: Бит-Адини, как-то связанном с Бит-Дакури, Бит-Ша'алли и Бит-Шилани. Географическая изоляция, различия в социальной организации, образе жизни и в значительной степени отсталость отличали эти племена от городских жителей и царских чиновников и эмиссаров из самой Вавилонии. Нет никаких прямых указаний на то, что у халдеев был собственный язык. Большинство лиц, упоминаемых в исторических текстах и письмах, имеют благозвучные нововавилонские имена, хотя существует небольшое количество чуждых имен, восходящих, очевидно, к тому

диалекту арамейского языка, которым они, по всей вероятности, пользовались. По еще не выясненным причинам тексты всегда отличают халдеев от арамейских племен, обитавших на более высоких землях вверх по Евфрату и особенно от тех, что жили по Тигру.

Некоторые характерные особенности образа жизни халдеев становятся очевидными, если исследовать конфликты между Ассирийской империей и Вавилонией в моменты, когда последняя воевала с Ассирией или же управлялась ассирийским царем или поставленной им в Вавилоне марионеткой. Сведения о борьбе Вавилонии за освобождение от ассирийского гнета мы получаем главным образом из ассирийских царских надписей, к которым следует относиться с осторожностью, чтобы увидеть, что вавилоняне были народом, борющимся за независимость, а не только (как их изображают ассирийцы) неисправимыми бунтарями и коварными врагами. Особенно показательны письма, найденные в царских архивах в Ниневии, которые содержат донесения, жалобы и обвинения, отправляемые администраторами, солдатами, шпионами и приверженцами Ассирии, участвующими в ее борьбе за контроль над Южной Вавилонией. Даже при поверхностном исследовании возникает следующая картина: халдейские племенные группы, не слишком прочно связанные с каким-либо видным вождем, легко переходили то на сторону одного, то другого в соответствии с изменением баланса сил и боролись за сохранение независимости друг от друга и от ассирийцев, которые отчаянно старались установить контроль над этим районом. Собираясь в группы (величина их непрерывно менялась), халдейские племена отказывались платить налоги и служить правительству, и, если от них не откупались, они устраивали засады караванам, грабили и нападали на поселения и небольшие города. Вероятно, халдеи приходили к какого-то рода соглашению с жителями городов Вавилонии, возникшему в ответ на попытки ассирийских царей захватить контроль над этим районом, размещая гарнизоны в ключевых городах и охраняя пути сообщения³¹. Эта напряженная ситуация по необходимости делала халдеев, несмотря на их антиурбанистические склонности, сторонниками антиассирийского движения и защитниками национальной независимости Вавилонии, и она же послужила толчком к созданию проассирийской партии внутри городов из тех вавилонян, которые хотели мира и безопасности для своих полей и садов, кораблей и караванов. По этой причине большие города, особенно Ниппур, оставались до самого конца верными Ассирии.

Халдейские царьки были хорошо подготовлены к военным действиям в этих условиях. Внезапные нападения и отступления, тактика партизанской войны и рейды по тылам вместе с полным пренебрежением к заключенным договорам сделали задачу ассирийской армии, дислоцированной среди ненадежного населения, очень трудной. Элам всегда был готов дать убежище побежденным вождям восставших племен и снабжать эти племена оружием и

даже войсками, когда его собственное довольно неустойчивое внутреннее положение позволяло вести активную антиассирийскую политику. Ничто не иллюстрирует эту ситуацию лучше, чем карьера неумоимо восстававшего царя Мардук-апла-иддина II. Впервые он появляется при Тиглатналасаре III в качестве царя Приморья, претендующего на царское происхождение (от Эрба-Мардука, начало VIII в. до н. э.). Наравне с другими халдейскими вождями он подчинялся тогда ассирийскому царю. С помощью Элама он становится царем Вавилона (721—710 гг. до н. э.), в то время как Саргон II, который только что узурпировал ассирийский трон, был вынужден сражаться с эламской армией под городом Дером, где он, однако, не добился победы. Мардук-апла-иддин благоразумно опоздал принять участие в этой битве, точно так же как впоследствии это сделал халдейский царь Набопаласар, когда в 614 г. до н. э. мидяне захватили Ашшур. Ассирийское поражение позволило Мардук-апла-иддину остаться царем Вавилона до возвращения Саргона II, когда в 710 г. он сам объявил себя царем Вавилона; Саргон не был достаточно силен, чтобы отказаться признать Мардук-апла-иддина царем Бит-Якина. Затем Мардук-апла-иддин снова появляется при Синаххерибе, для того чтобы занять место вавилонского царя (703 г. до н. э.). Теперь он планирует уже в «глобальных» масштабах и стремится вступить в союз с любым потенциальным врагом Месопотамии и поднять восстание ассирийских вассалов на далеком западе. С этой целью он пишет письма, которые послы вместе с дарами доставили Иезекии в Иудею (Кн. Исаяи. XXXIX, 1—8). Синаххериб в ответ на это собрал всю свою энергию и с безжалостной настойчивостью за три кампании захватил Вавилон, вынудил Мардук-апла-иддина бежать в Элам и, напав с моря, уничтожил города вдоль эламского побережья, откуда халдейские изгнанники нередко организовывали восстания в Вавилонии. Мардук-апла-иддин исчез, но его борьба за вавилонскую независимость тремя поколениями позже была продолжена другим вождем, Набопаласаром, которому удалось достичь того, что не сумел сделать Мардук-апла-иддин, так как в это время ассирийское могущество и военная мощь быстро падали.

История этих халдейских царей-воинов привлекает внимание еще и тем, что помогает нам понять, как и при каких обстоятельствах цари с аморейскими именами приходили к власти в более древние времена, до появления вавилонской династии. Хотя предлагаемая нами здесь параллель так же малоудовлетворительна, как всегда бывают подобные параллели, все же приход халдеев к власти, влияние личного динамизма некоторых из царей и, наконец, попытки центрального правительства отразить вторжение пришельцев — все это в некоторой степени соответствует тем событиям, которые привели к власти династию Хаммурапи. Конечно, было бы опрометчиво сравнивать Син-мубаллиту с Набопаласаром и Хаммурапи с Навуходоносором II, но едва ли можно отрицать некоторое сходство событий и личностей.

При сыне Набопаласара Навуходоносоре II Вавилония захватила провинции Ассирийской империи от Средиземного моря до Персидского залива. Навуходоносор женился на Амитиде, дочери мидийского царя, и таким образом Вавилония благодаря союзу с этим царством получила устойчивую защиту. Подобно ассирийцам, вавилонский царь стал затем ежегодно появляться со своей армией, для того чтобы собирать дань, завоевывать и наказывать непокорные города, такие, как Иерусалим (в 597 и 586 гг. до н. э.). Неоднократно сражался он и с египетской армией.

При последнем правителе Вавилонии, Набониде (556—539 гг. до н. э.), наступает конец независимости Вавилонии. Кир занял столицу, не встретив сопротивления, и обошелся с Набонидом с характерной для него мягкостью по отношению к побежденным царям. Это был конец вавилонского суверенитета, но дух этой страны еще не умер, что подтверждается тем фактом, что два более поздних претендента на вавилонский престол взяли себе магическое имя Навуходоносора³²

Очерк истории Ассирии

В ассирийской истории преобладают контрасты: периоды подъема до и после «Темного периода» в Ассирии и время упадка, когда страна была под властью иноземцев, значительно отличаются друг от друга в своей основе. Эти контрасты видны уже при поверхностном рассмотрении: в древний период отсутствует тот дух воинственной агрессивности, который столь характерен для более позднего времени; вместо него мы сталкиваемся с умелой организацией сухопутной внешней торговли и внутренней коммерческой деятельности, которая, судя по документам, прекращается после «Темного периода». В конце этого периода мы встречаем много признаков чужестранного влияния, смешанного с местной ассирийской традицией. Но, с другой стороны, сохраняются и ассирийская лингвистическая традиция, и специфические социальные учреждения, такие, как ассирийская концепция царской власти и некоторые основные аспекты религиозной жизни, например культ Ашшура; это если говорить только о том, что лежит на поверхности. Если же мы заглянем глубже, то обнаружим, что, за исключением остатков царских надписей и той незначительной информации, какую можно получить из «каппадокийских» табличек об экономической роли храма племенного бога, мы почти ничего не знаем о цивилизации Ассирии эпохи первых царей. Мы также обнаружим, что ассирийский тип месопотамской цивилизации последующих периодов представляет многослойный конгломерат хурритских и вавилонских влияний и солидных пластов подлинных ассирийских отношений и концепций. Структура цивилизации Ассирии была не только гораздо более сложной, чем структура Вавилонии, но и отличалась от нее общим настроением и направлением. Одни только различия в месте возникновения и характере и интенсивности чужестранных влияний не могут объяснить всю глубину различия этих культур.

Ассирийская история начинается с того, что наместник царей III династии Ура поселился в Ашшуре. Самым значительным из царей Ассирии до «Темного периода» был Шамши-Адад I (ок. 1813—1781 гг. до н. э.), который по происхождению не был ассирийцем. Свыше двухсот лет до него три или более поколения ассирийских торговцев вели, как об этом свидетельствуют документы, торговые дела в Анатолии (Каниш, Богазкёй, Алишар и, вероятно, хотя это не засвидетельствовано прямо, где-то еще в этом районе), а также в районе Киркука³³ У нас совершенно нет сведений о событиях и обстоятельствах, которые привели к коммерческой экспансии, но мы знаем точно, что те конфликты, в результате которых возникло Хеттское царство, новая политическая и военная власть в Анатолии, положили конец деятельности торговцев либо непосредственно, либо ликвидировав свободу передвижения, которая столь долго им способствовала. Их поселения быстро пришли в упадок. По многим показаниям, Шамши-Адад I был чужестранным завоевателем, который захватил Ашшур и попытался создать территориальное государство в Верхней Месопотамии, которым он, по-видимому, управлял из своего дворца в Шубат-Энлиле³⁴. Он организовал свои владения как завоеватель, который считает, что его энергичные последователи сумеют справиться с населением, привыкшим к другому образу жизни. Он основывал новые поселения, вводил новшества в сельском хозяйстве и пытался поднять жизненный уровень своих подданных, но с его смертью империя быстро распалась. Его сын Ишме-Даган смог удержаться только в Ашшуре, а вскоре и этот город также был потерян и на протяжении многих веков исчез с исторической сцены. Это был период власти в Вавилоне царя Хаммурапи, и весь район от Персидского залива до Угарита постоянно кипел в результате бурной деятельности сталкивающихся между собой противоречивых политических тенденций. Хоть Ассирия, по-видимому, исчезла, попав под власть чужеземцев, стоит отметить, что официальный список царей (единственное, что заполняет пробел в исторической традиции) упоминает шесть правителей, которые называли себя либо Шамши-Адад (три царя), либо Ишме-Даган (еще три царя) на протяжении четырех веков, прошедших между смертью Шамши-Адада I и восшествием на престол Ашшур-убаллита, первого достойного ассирийского правителя. У нас нет лучшего показателя политической и военной программы правителя, чем выбор подобных имен. Это также доказывает, что ассирийская политическая традиция, подобно местному диалекту, сохранялась в течение всего «Темного периода».

Победа хеттского царя Суппилулиумаса (ок. 1380—1340 гг. до н. э.) решила судьбу Митаннийского царства, вассалом которого, по-видимому, в течение длительного времени была Ассирия. Эта победа распространила влияние хеттов на Сирию и дала возможность Ассирии стать независимой и начать борьбу за свое место под солнцем в амарнский и последующий за ним периоды. Эти века были для Ассирии периодом формирования, когда перед ней встала

задача разработать концепцию внешней политики, преследующей как оборонительные, так и наступательные цели.

В результате растущей военной мощи последовательно сменявшихся ассирийских империй эта концепция фатально определила историческое развитие всего Ближнего Востока. Ассирийская внешняя политика теперь вела борьбу на три фронта. Первым фронтом была граница, отделявшая Ассирию от горных народов, на которой не прекращались столкновения. Набеги, истребление или насильственное переселение жителей в новые города, приносившие то больший, то меньший успех, сочетались со строительством стратегических дорог и крепостей. В лучшем случае Ассирии удавалось получать с гор воинов и пригонять оттуда лошадей, нужных для кавалерии, которая становилась с военной точки зрения все более важной; но в большинстве случаев успехом на этом фронте Ассирия считала достижение безопасности жителей от мелких набегов. Постоянные то мирные, то военные контакты приводили к своеобразному смешению культур в пограничной зоне, что способствовало колонизации и созданию «националистических» сателлитных цивилизаций в буферном районе. Битва на этом фронте в конце концов была проиграна, когда, спустя более половины тысячелетия, распалось Урартское буферное государство, которое неоднократно в прежние времена представляло опасную угрозу ассирийским владениям в Верхней Сирии. Это событие, по-видимому, привело к тому, что барьер, который сдерживал пришедших в движение скифов и врагов из горных районов, наконец, рухнул.

Также трудно, а в конце концов и невозможно стало для Ассирии удерживать и второй фронт, направленный против Вавилонии. Политические отношения, сложившиеся между Ассирией и Вавилонией, по-видимому, особенно обострились в послепамарнский период. Возможно, что первоначально Вавилония напала на Ассирию в результате хеттских интриг в то время, как египтяне убеждали Ассирию выступить против хеттского царства; однако это не объясняет в рациональных, т. е. политических и экономических, терминах агрессивную политику Ассирии по отношению к своему южному соседу. Во время первого завоевания Вавилона ассирийский царь Тукульти-Нинурта I (1244—1208 гг. до н. э.) с торжеством увез к себе статую Мардука. Возможно, что с этого акта началась «вавилонизация» Ассирии. Мы уже говорили выше о двойственном отношении ассирийцев к вавилонской цивилизации и указывали на постепенное расширение ассирийских владений в направлении Персидского залива, что, возможно, преследовало цель разделить Элам и Вавилонию «ассирийским коридором». Этот район был полностью освобожден лишь после того, как мидяне уничтожили уже шатавшуюся Ассирийскую империю.

На третьем фронте, направленном в сторону Средиземного моря (по-аккадски «Верхнего моря») против Запада, Ассирия была все время в наступлении. Прорыв к морю происходил в несколько этапов, с форсированием рубежей больших или меньших арамей-

ских княжеств: Каркемиш был завоеван Адад-нерари I (1307—1275 гг. до н. э.) и вторично его сыном Салманасаром I (1274—1245 гг. до н. э.); Тиглатпаласар I (1115—1077 гг. до н. э.) продвинулся до Пальмиры (Тадмора); Салманасар III (858—824 гг. до н. э.) осадил Дамаск, но только Тиглатпаласар III (744—727 гг. до н. э.) смог завоевать его. Это непрерывное продвижение ассирийцев представляло непосредственную угрозу маленьким царствам Иудеи и Израиля, поэтому все колебания ассирийского военного потенциала начиная от Тиглатпаласара II (967—935 гг. до н. э.), современника Соломона, сказываются на политической стабильности Сирии и Палестины и, конечно, получили отражение в содержании и настроении некоторых книг Ветхого завета³⁵

Путем проведения ежегодных походов ассирийским царям, начиная от Арикденили, удалось создать ряд более или менее эфемерных империй. Они часто внезапно распадались — обычно со смертью царя-завоевателя, но завоевания возобновлялись, и они расширялись снова и снова, а их организация становилась более тщательной. Способность быстро восстанавливать свои силы и увеличивать свою мощь следует считать столь же типично ассирийской чертой, как и удивительную нестабильность структуры управления. Мы уже высказывали предположение, что Ассирийская империя в период ее нормального существования основывалась главным образом на интеграции мелких административных единиц — деревень, поместий, новых заселенных колонистами городов и старых завоеванных городов, в которые вводились гарнизоны. Военная мощь использовалась для того, чтобы грубой силой обеспечивать доходы, состоявшие в основном из постоянных поставок рабочей силы, товаров, производства различных работ и охраны коммуникаций между общинами и административными центрами. Любое ослабление административных функций, вызывавшееся внутренним политическим напряжением (например, разногласиями между царем и высшими должностными лицами), подвергало опасности коммуникации, по которым шло снабжение, и нарушало установленные связи. В конце концов империя распалась на части, каждая из которых руководствовалась местными интересами. Хотя это, возможно, и объясняет механику процесса, но неизменное стремление ассирийских царей снова организовать свою власть над этими захваченными районами остается проблемой. Несколько попыток найти объяснение в рамках типичных концепций XIX в. об экономическом, расовом или климатическом детерминизме лучше просто обойти молчанием. В небольшой группе ассирийцев, вероятно уроженцев Ашшура, по-видимому, существовало страстное убеждение, что их долг снова воссоединить страну, увеличить эффективность этого соединения и расширить его основу. Это постоянное и яростное стремление к расширению не следует, однако, рассматривать как первичный импульс. Часто оно было следствием все усиливающегося разорения родины и старых провинций. Необходимость расширения свидетельствует

о слабости системы. Тот факт, что истощенную страну каждый раз стремились восстановить, свидетельствует о наличии там идеологических, т. е. религиозных, корней, и нам следует искать учреждение, которое было способно пережить все повороты событий. Эти поиски приводят нас к святилищу бога Ашшура, к его царю и жрецу, и довольно убедительным кажется предположение, что по крайней мере первоначально святилище обладало правом облагать налогами и повинностями все группы населения, которые почитали этого бога в «ассирийском треугольнике». Основной обязанностью жреца и царя — обязанностью, которая была для них экономическим и идеологическим стимулом и вместе с тем обеспечивала их права религиозной санкцией, — был сбор податей, причитавшихся святилищу. Это объяснение, разумеется, основывается лишь на той незначительной информации, которой мы располагаем и которую можем понять. Но пока мы считаем, что именно в этой очень сложной и своеобразной позиции святилища Ашшура и в функциях его жреца кроется источник той целенаправленной и страстной энергии, которая заставляла Ассирию жить и бороться до самого конца.

В нашу задачу не входит рассказывать здесь обо всех подъемах и падениях ассирийского могущества. Достаточно указать на периоды кульминации и на те повороты, которые происходили в ходе богатой подъемами и падениями истории страны. Первый период кульминации был достигнут, когда Тукульти-Нинурта I достиг на западе Евфрата, а на юге Вавилона. Передвижения говорящих по-арамейски племен расстроили попытки ассирийских царей организовать свою империю. Короткое возрождение стало возможным при Тиглатпаласаре I; затем наступательный дух снова проявляется в надписях Тукульти-Нинурты II (890—884 гг. до н. э.) и Ашшур-нацир-апала II (883—859 гг. до н. э.). Ашшур-нацир-апал II и его сын Салманасар III продвинулись к Средиземному морю, несмотря на яростное сопротивление арамейских государств в этом районе (битва при Каркаре, 853 г. до н. э.), и обложили данью Израиль и финикийские города. Оба царя воевали с опасным для ассирийских честолюбивых стремлений врагом, который появился в царстве Урарту; в то же время в Южной Вавилонии стала вырисовываться халдейская опасность. Тиглатпаласар III также был выдающимся завоевателем. Он в широких масштабах использовал веками утвердившийся метод переселения побежденных народов, и при нем влияние Ассирии распространялось даже на Аравию; две арабские царицы посылали ему дань³⁶ Ассирийское владычество охватило тогда Сирию и Палестину, что создало для Ассирии нового врага — Египет. Почти все время царствования Саргона II ушло на отвоевание тех стран, которые Ассирия потеряла после смерти Тиглатпаласара III, а его собственная смерть в бою снова вызвала отпадения и восстания во всех странах. Ассирийское могущество отнюдь не имело надежной основы; почти каждому царю приходилось преодолевать сопротивление больших районов древнего Ближнего Востока. Спротив-

ление ассирийскому господству, по-видимому, устойчиво возросло во всем этом регионе. Сын Саргона Синаххериб (704—681 гг. до н. э.) был убит своими сыновьями во время восстания, после того как он провел всю свою жизнь в борьбе против врагов и повстанцев на всех трех фронтах. Асархаддон (680—669 гг. до н. э.), узурпировав трон, вынужден был не только усмирять саму Ассирию, но и бороться против новых врагов с гор — скифов и киммерийцев. Он в конце концов был вынужден напасть на Египет и захватить его. Когда он умер в походе, целью которого было восстановить свою власть в Египте, смена правителя произошла без осложнений. Асархаддон попытался решить вечную «вавилонскую проблему», сделав одного сына, Ашшурбанапала (668—627 гг. до н. э.), царем всего царства, а другого, Шамаш-шум-укина, царем Вавилона. После передышки примерно в шестнадцать лет, в течение которых Ашшурбанапал проводил только второстепенные кампании, Шамаш-шум-укину удалось организовать мощный союз всех врагов ассирийской власти — от Элама до Израиля. Ашшурбанапалу потребовалось четыре года гражданской войны, для того чтобы подавить мятежников и снова разрушить Вавилон — спустя сорок лет после того, как его полностью разрушил Синаххериб. Затем последовали карательные экспедиции против арабов и Элама, которые закончились разграблением Суз. В источниках по ассирийской истории последние двенадцать лет правления Ашшурбанапала не освещены. Создается впечатление, что империя начала распадаться уже при его жизни, и она погибла с устрашающей быстротой в короткое правление его сына и наследника³⁷. Когда Набопаласар, представлявший Вавилонию, перешел в нападение и захватил собственно Месопотамию, мидяне под началом Киаксара спустились с Иранского плато, напали на Ассирию и взяли старую столицу Ашшур в 614 г. и Ниневию в 612 г. до н. э.

Остается только странный и героический эпилог. Какие-то части ассирийской армии продержались некоторое время в Харране, напрасно ожидая помощи из Египта. В Египте только теперь стали понимать опасность потери Ассирии как важного союзника против вавилонян и мидян. В Харране некоторое время даже находился царь Ассирии, но история могущественного государства была уже завершена.

«БЛИЗОК БОГ, НО ТРУДНО ЕГО ПОЗНАТЬ»

Гёльдерлин

Вместо главы о месопотамской религии, которую читатель вправе ожидать, хочу коснуться только трех специфических явлений, кажущихся мне важными и достаточно характерными, чтобы остановиться на них; кроме того, для освещения их мы располагаем соответствующим обширным материалом источников. Я должен предупредить читателя, что этот раздел книги носит преимущественно негативный характер. Это относится и к тону изложения, и к исходным позициям автора. Одновременно следует принять во внимание, что в английской, немецкой, французской и итальянской литературе имеется большое количество несложных и отличающихся приятной законченностью очерков о месопотамской религии, что видно из примечаний к настоящей главе.

*Почему не следует писать
«очерка месопотамской религии»*

Позвольте высказать некоторые соображения, касающиеся общих положений рассматриваемой проблемы. Я убежден, что систематическое описание месопотамской религии — задача невыполнимая и ставить такую цель вообще не следует.

Соображения эти двоякого рода: они связаны, во-первых, с характером доступных нам источников и, во-вторых, с проблемой преодоления барьеров концептуального характера.

Источниками для изучения месопотамской религии, если употребить термин *grosso modo* («в общей форме»), служат археологические и письменные памятники. Археологические источники — развалины зданий и других построек, служивших некогда культовым целям (алтари, храмы, храмовые башни), и обожествляемые предметы в самом широком понимании этого слова (от всякого рода культовых изображений до амулетов).

Величественные развалины храмовых башен в крупных городах, особенно в Южной Месопотамии, не только прославили в свое время вавилонскую цивилизацию, но и увековечили ее славу. Однако даже сегодня — и об этом не следует забывать — неизвестно назначение этих построек. Башни раскопали, изучили величественные конструкции с технической точки зрения. Теперь нам знакомы их названия и аккадские термины, обозначающие отдельные части этих построек, мы знаем их историю, но так и не поняли, с какой целью они были возведены. Что же касается храмов, то

нам известно, что в целле храма помещалось изображение божества, а антицеллы, пропилеи, внутренние дворы, проходы, большие и малые ворота были связаны друг с другом, чтобы удобнее разместить персонал святилища и богомольцев, которые периодически сюда стекались. Храмы строились так, чтобы ярче демонстрировать мощь и успехи божества и лучше охранять его служителей и сокровища. Однако до сих пор нет ответа на существенные вопросы, связанные с назначением храма, со всем тем, что превышает рамки простого описания или перечисления очевидных функций отдельных частей, составлявших комплекс святилища. Даже отлично сохранившиеся памятники забытого культа, известного по немногочисленным письменным свидетельствам, могут донести до нас лишь незначительную часть, всего лишь тусклый отблеск тех культовых действий, ради которых они были созданы. Их устройство, функции, мотивы остаются столь же скрытыми от нас, как если бы находились в другом измерении. Достаточно провести простую аналогию: если бы памятники западного христианства дошли до отдаленного, чуждого нашим обычаям поколения или до инопланетян, то какие существенные черты этой веры могли бы им раскрыться? Кафедры, звонницы, соборы и баптистерии, башни, монастыри и церковные участки остались бы немые; иконы и ревностно оберегаемые мощи — явные принадлежности культа — заставили бы археологию выдвигать фантастические теории и согласовывать их с выводами, подсказанными расположением зданий, их структурными особенностями и пропорциями, невероятным и непонятным изобилием украшений и статуй. Выводы относительно взаимосвязи богов и верующих или богов и характерных для них обиталищ лишь тогда могут быть обоснованными, когда под рукой имеются письменные источники, освещающие данную проблему. Но даже и в этом случае трудно скольконибудь убедительным образом связать архитектурные формы и их функциональное использование с идеологическими воззрениями и духовными потребностями. Надо сначала отделить первичные формы от производных и тем самым провести различие между основными идеологическими понятиями и их производными. Форма, функция и творческое развитие — вот три обязательных переменных любого явления, которые в каждом отдельном случае должны быть старательно прослежены. Но даже самое придирчивое изучение материальных следов цивилизации, столь мертвой и отдаленной, как месопотамская, с ее столь трудными для понимания письменными источниками, не дает и не может дать возможности полнее уяснить функции и значение сохранившихся строений. Тем не менее подобные попытки иногда делались. Возник даже особый вид научной литературы, где основанием для выводов может служить расположение статуи божества по отношению к оси целлы и к дверям, или ориентировка самого святилища, или какие-либо другие особенности зданий¹

Менее прямолинейные, но отнюдь не менее ошибочные выводы делаются на основе изучения иконографических данных. Немного-

численные рельефы, несколько сохранившихся фрагментов статуй и дешевые копии, служившие предметами частного культа, не подводят сколько-нибудь близко к пониманию значения культовых изображений. Они лишь свидетельствуют, что неантропоморфные статуи, какие встречаются в Индии и в Египте, были не в ходу в Месопотамии. Это обстоятельство подтверждается также текстами, перечисляющими богов и наделяющими их разными эпитетами. Но даже отлично сохранившаяся статуя не в состоянии объяснить, какое значение имела она для жреца и рядового верующего, как и почему стала центром культа, какова была ее роль в жизни общины. Сведения подобного рода (разумеется, в ограниченном количестве) можно получить из письменных источников.

Что касается той части иконографического материала, которая могла бы пролить больше света на месопотамскую религию (рельефы, печати, глиняные диски), то здесь в первую очередь на память приходят повествовательные изображения, иллюстрирующие историю подвигов того или иного божества.

К сожалению, в месопотамской религии изображения такого рода не играли, по-видимому, важной роли. В течение всей известной истории Месопотамии мифы относились исключительно к сфере литературы. Только в очень древнюю эпоху, да и то лишь в отдельных случаях, иконографический материал косвенно иллюстрирует известные нам по записям мифы. Героические подвиги или другие необычайные поступки божества не представляются как конкретные действия, а скорее сублимируются и символизируются. Не повествования о божестве, а сакральные формулы, очевидно связанные с осуществлением культа в святилищах, оформляются в виде геральдических символов, которым часто придавались формы животных. Они становились священными в результате каких-то процессов, недоступных нашему пониманию. Кроме того, оружие и другие предметы могут зримо воплощать некие формулы, касающиеся божества и мира человека — всего того, что сегодня уже невозможно адекватно понять.

Прежде чем обратиться к документальным данным, относящимся к религиозной жизни Месопотамии, текстам, которые по своему обилию обещают на первый взгляд массу информации, — поставим перед собой вопрос: может ли какое-либо собрание документов воссоздать синхронную картину сложнейшего комплекса, именуемого «месопотамской религией», в состоянии ли оно диахронически осветить запутанную тысячелетнюю историю того или иного культового центра или культовых традиций? Насколько широко и в какой степени надежно отражают письменные источники разнообразие культов, традиционные, индивидуальные и групповые реакции на вещи, почитавшиеся священными, а также на такие земные явления, как смерть, болезнь или несчастье, короче говоря, насколько правдиво раскрывают они то, что обычно подразумевается под словом «религия»?

Для понимания этой и родственных проблем важны три типа клинописных текстов (а также некоторые другие группы текстов

и отрывки). Эти три группы — молитвы, мифы и тексты, связанные с ритуалом. Разберемся, насколько они могут помочь нам в разрешении поставленной задачи.

Остановимся на первой группе текстов — молитвах. В месопотамской религиозной практике они всегда были связаны с сопутствующим им ритуалом, который тщательно описан в конце молитвы, в разделе, адресованном либо самому молящемуся, либо совершающему богослужение жрецу — так сказать, «техническому исполнителю» — и регламентирует движения и жестикуляцию, а также характер жертвоприношения, его время и место. Ритуал и сопровождающие его молитвы равны по значению и вместе составляют религиозный акт; истолкование молитв без учета ритуала неминуемо исказит религиозную концепцию, которую они выражают. Все действия во время молитвы, включая акты жертвоприношения, строго регламентированы (допускаются лишь незначительные изменения и отклонения от небольшого числа существующих образцов). Это же можно сказать и о словесном оформлении молитвы, сводящемся к ограниченному числу заклинаний, просьб, жалоб и выражений благодарности. Подобного рода материал дает известное представление о настрое и эмоциональном климате месопотамской религии, несмотря на повторяющиеся формулы молитв и их сложную синонимику, но информации по существу вопроса он почти не содержит.

Я не обнаружил в молитвах свидетельства о том, что молящиеся эмоционально отдавали предпочтение какой-либо особо важной теме, такой, например, как отношение индивидуума к духовным или моральным контекстам универсального характера, к проблеме жизни и смерти и прямого контакта с божеством. Я упомянул здесь только несколько топосов, которые, как следовало ожидать, должны были бы оставить отпечаток на религиозной литературе столь сложной цивилизации, как месопотамская. Но создается впечатление, подтверждаемое и другими признаками, что влияние религии на отдельных людей и на общество в целом не имело в Месопотамии существенного значения. Мы не имеем, в частности, убедительных письменных свидетельств о воздействии ритуальных требований на физиологические аппетиты индивидуума, на его психологические предпочтения или на отношение к своей собственности или семье. Религия не предъявляла сколько-нибудь серьезных притязаний ни на тело, ни на время, ни на богатство индивидуума. Отсюда отсутствие конфликтов с религией, которые могли бы смутить или потрясти человека. Смерть воспринималась как нечто само собой разумеющееся, а участие гражданина в культе городского божества было чрезвычайно ограниченным: он был просто зрителем на некоторых траурных или праздничных публичных церемониях. Человек жил в чрезвычайно умеренном религиозном климате, определявшемся скорее социальными и экономическими, чем культовыми координатами. Его надежды и страхи, так же как и его моральные представления, не распространялись за пределы узкого городского или сельского общества.

В молитвах преобладают две темы: рассказы о божествах и изложение в квазимифологическом стиле собственного опыта верующего. Последняя тема особенно важна и характерна; она заслуживает пристального внимания. Первая является не менее важной, но, по-видимому, она не представляет собой формы религиозного творчества, типичной только для Месопотамии.

Метафизически божество в Месопотамии воспринимается как ужасное, повергающее в трепет явление, наделенное неземным устрашающим сиянием, которое считается божественным атрибутом и присуще в различной степени интенсивности любому предмету или лицу, считающемуся божественным и священным, следовательно, также и царю². Внушительный набор определенных терминов, отмечающих эту особенность божественного, постоянно встречается в молитвах и других текстах. Соответствующая аккадская терминология тяготеет к формулировкам, семантически связанным с ужасным, внушающим страх сиянием. В этом она близка — хотя и не соответствует этимологически — некоторым выражениям из религиозного словаря всего семитского древнего Ближнего Востока. Здесь мы наталкиваемся на те же попытки выразить невыразимое с помощью ссылок на страшное сверхъестественное сияние, излучаемое божеством. В аккадском эта терминология особенно разнообразна и вдобавок обладает скрытыми от нас побочными значениями.

Вторая группа текстов содержит мифы и литературные произведения с ярко выраженной мифологической окраской. Чтобы с самого начала определить отрицательное отношение к прямому и недифференцированному использованию подобных текстов, хочу прежде всего отметить, что содержание их, к сожалению, оказало слишком большое влияние на наши представления о месопотамской религии³. Истории о богах и их деяниях, окружающем нас мире и о том, как он возник, морализирующие и одновременно развлекательные истории, рассчитанные на эмоциональное воздействие, обычно рассматриваются как главные и любимые литературные темы месопотамской цивилизации. Но они лишь красивая ширма, за которую должен проникнуть исследователь, если он ищет серьезных и непосредственных свидетельств о формах религиозной практики месопотамцев. Это тем более трудно, что рассказы весьма привлекательны в своем непосредственном очаровании и соблазняют сходством с историями, имевшими хождение по всему древнему Ближнему Востоку и Средиземноморью. Хотя в настоящее время специалисты по античности научились проникать за ширму мифологии, извлекая при этом всю полезную информацию, ученые в нашей области слишком легко становятся жертвами ее привлекательности. Я склонен рассматривать все эти тексты только как литературные упражнения шумерских придворных поэтов и подражавших им старовавилонских писцов. Задачей тех и других было испытать художественные возможности нового литературного языка; я не говорю уже об «александрийских» литературных ухищрениях позднего периода (ниневийская

версия «Эпоса о Гильгамеше») или об эпосе «О сотворении мира» с его «архаическими» и учеными измышлениями. Все эти произведения, которые называют мифологическими, относятся скорее к сфере истории литературы, нежели к истории религии. Они содержат упрощенные и часто примитивные переложения древних мифологических сюжетов для читателей позднейшего времени, дающие лишь отдаленное представление о мифах, унаследованных от далекого прошлого и имевших хождение среди определенных групп населения Месопотамии. Хотя мифы (шумерские и аккадские) в клинописной записи, несомненно, древнейшие из письменно засвидетельствованных, сами, как таковые, они отнюдь не «старше» тех, которые можно найти где угодно и когда угодно.

Третья группа текстов — многочисленные описания специфических ритуалов, которые совершали жрецы и служители святилищ. В них перечисляются, часто весьма детально, отдельные акты ритуала, молитвы и формулы, которые нужно произносить (они либо даются полностью, либо приводятся только их начальные слова), необходимые подношения, жертвенные приспособления и т. п. Словом, они в какой-то мере характеризуют деятельность месопотамского храма. В первую очередь это относится к вавилонскому тексту «Новогодний ритуал», содержащему подробное описание церемоний, которые производились в Эсагиле от второго до пятого дня праздника (остальное утрачено). Текст дает исключительно полное представление о характере празднества, тогда как другие таблички, начиная еще с периода, предшествующего Саргону Великому⁴, лишь упоминают название этого праздника. Такие существенные, сопровождавшие только этот праздник церемонии, как чтение эпоса «О сотворении мира», архаический ритуал «козла отпущения» и сожжение двух богато украшенных фигур из дерева, не говоря уж о странной ритуальной сцене с участием царя, известны только из описания новогоднего праздника в Вавилоне. Невозможно определить, к какому времени восходят эти обряды, ибо архаические черты ритуала — это еще не доказательство его древности. Ничего не говорят они и об его истории. Хотелось бы еще раз проиллюстрировать свою точку зрения и предостеречь против распространенной, но неоправданной тенденции трактовать религиозную практику как нечто однородное, стабильное или, во всяком случае, развивающееся в одном направлении — тенденция, которая обуславливается лишь нашим стремлением заполнить пробелы, встречающиеся в описаниях религиозных обычаев. Вот почему я предлагаю описание одного специфического ритуала⁵

Самым могущественным орудием месопотамского заклинателя духов был медный тимпан, обтянутый шкурой черного быка. Отсюда целый ряд ритуалов, связанных с церемонией смены кожи, покрывавшей этот тимпан. Описание этих ритуалов содержится в текстах из Ашшура, из библиотеки Ашшурбанапала в Ниневии и из Урука селевкидского периода. Большое сходство этих текстов показывает, что они в русле одной традиции, т. е. восходят к старовавилонским или ранним средневавилонским прототипам. Это

подтверждается также тождеством произносимых шумерских молитв и общими особенностями ритуала, хотя при более внимательном рассмотрении обнаруживается существенная разница в некоторых формулировках и в изменении направленности обряда. Процедура сводилась в основном к ритуальной подготовке предназначенного для заклания быка, к дублированию его шкуры и натягиванию кожи на барабан, причем это сопровождалось соответствующими церемониями, молитвами и приношениями. Как и в ряде других религиозных действий, в рассматриваемом ритуале имеется некий переломный момент, когда реальность акта внезапно и резко перемещается в область священного и мистического. В данном случае это момент заклания тщательно выбранного, ритуально подготовленного животного, бывшего до этого объектом поклонения, в который магическими средствами была внесена божественность. Животное умерщвлялось для того, чтобы оно передало свое могущество и священную силу будущему тимпану. В описании этого момента поздний (селевкидский) текст из Урука заметно отличается от ашшурского отрывка. Этот поздний ритуал сухо и прозаически предписывал, чтобы бык был убит, сердце его сожжено перед барабаном, шкура и сухожилия правого плеча отделены, а туша умащена благовониями, закутана в красное одеяло и погребена головой к западу, на манер человеческих захоронений. Ашшурский текст, который примерно на шестьсот-восемьсот лет древнее, передает эту сцену в совершенно ином ключе. После того как бык убит, а сердце его сожжено, заклинатель занимает место плакальщика и произносит торжественную lamentацию, оплакивая убитое божество и снимая с себя ответственность за этот акт загадочной формулой: «Боги совершили это, а не я». Затем начинается обработка шкуры, и все дальнейшее происходит так, как описывалось в позднем тексте. Ашшурский текст заканчивается лаконичным, но весьма важным примечанием: «Главный заклинатель не ест мяса убитого быка». Значит, если в Уруке быка торжественно хоронили, в Ашшуре (по свидетельству более древнего текста) его мясо жрецы употребляли в пищу, так же как и мясо любых других жертвенных животных, хотя из того же текста известно, что факт заклания быка почитался ужасным грехом, который необходимо было замалывать. Трудно сказать, имеем ли мы здесь дело с разницей в местных обычаях, связанной с влиянием племенного субстрата, или подобное истолкование ритуала объясняется чисто внутренними причинами. Однако необходимо учитывать, что сами по себе ритуалы лишь косвенно характеризуют религиозную жизнь, составной частью которой они являются. Представьте, какого рода информацию может дать кодификация церковных ритуалов (например, *rituale Romanum*) ученым совершенно иной культуры, которые будут жить два или более тысячелетия спустя и с лингвистической точки зрения смогут разобраться в этих текстах лишь приблизительно, примерно так, как мы читаем клинописные тексты.

Где же искать источник сведений, способных пролить свет

на месопотамскую религию? Существует много текстов, описывающих заклинания и другие магические формулы. Они сообщают лишь о том, что повсеместная практика симпатической магии и «магии подобия» была популярна в Месопотамии. Цель ее — навлекать зло на врага, защищаться самому и очищать людей и предметы от опасных последствий зловещих встреч, перенося «миазмы» на предметы, которые затем можно было бы легко уничтожить. В этих текстах нет ничего, что можно считать характерным или свойственным лишь Месопотамии; они не расширяют нашего представления об этой цивилизации.

Составленные по различным принципам списки богов или священных животных этих божеств⁶ и попытки писцов внести порядок в систему богов и их взаимоотношений — короче говоря, то, что можно было бы назвать теологией, — не имеют своего определенного *Sitz im Leben* («места в жизни») и характеризуют скорее месопотамскую ученость, нежели религиозность. Большое внимание в этих текстах уделяется периферическим участкам религиозной жизни — главным образом суждениям жрецов о могуществе, функциях, подвигах и родстве различных богов пантеона⁷

Религия, или, скорее, религии, сменившиеся за тысячелетия развития, упадка, пересмотра и застоя месопотамской цивилизации, принадлежит, как уже говорилось, к явлениям, которые едва ли можно рассматривать обзорно и которым вряд ли следует давать структурную оценку, чтобы избежать чересчур широких обобщений. Месопотамская религия, будучи типично традиционной, не определяющаяся историческими переменами, представляется сложным комплексом, состоящим из многих слоев. Происходившие под политическим давлением местные изменения, остановки в развитии и возникающие в отдельные моменты мутации неопределенного происхождения дают в сумме то, что геологи называли бы «обломочным конгломератом». С диахронической точки зрения такие формации обладают невероятной сложностью, не поддающейся анализу и даже не позволяющей идентифицировать их компоненты. Довольно редко в наше время можно встретить религии подобной структуры; большинство из них было вытеснено историческими религиями. Для сравнения можно привлечь, пожалуй, только полиморфические сложности индуизма, а из древних религий — египетскую, если иметь в виду ее значительную историю, продолжительность и прочность. Она вполне могла бы служить эталоном, если бы о ней было больше известно. Одна чисто техническая особенность — а именно материал, на котором писали — делает почти невозможным серьезное сравнение этих двух религий первых великих цивилизаций Ближнего Востока. В Месопотамии мы располагаем обилием текстов, относящихся ко многим периодам и районам, причем все они написаны на практически неразрушаемой глине, в то время как почти все египетские источники, написанные на папирусе и коже, бесследно исчезли, что вынуждает египтологов полагаться в основном на связанные с заупокойным культом надписи на камне.

Месопотамская религия и религиозные обычаи могут предстать перед нами в более ясном освещении, если иметь в виду важный принцип социальной стратификации, отразившийся в известной степени в текстах всех периодов и районов. Если отделить религию царей от религии простого человека, а обе эти религии от жреческой, то мы, возможно, приблизимся к правильной перспективе. Большая часть того, что принято считать месопотамской религией, обретает смысл лишь постольку, поскольку она связана с личностью царя, а это сильно искажает наши представления. Жреческая религия сводилась главным образом к обслуживанию идола и его храма. Жрецы несли положенную службу, не только принося жертвы богу, но и воспевая его в гимнах; на них также лежала обязанность использовать апотропеические функции божеств в интересах общины. Я еще детально остановлюсь на обычаях, которые первоначально касались лишь царя, впоследствии охватили сначала двор, а затем предположительно и простых людей. Это произошло в процессе диффузии, хорошо известном и социологу и историку религии. Простой человек, последнее звено цепи, продолжает оставаться неизвестным, самым важным неизвестным элементом месопотамской религии. Я уже говорил, что требования религии к частному лицу в Месопотамии были чрезвычайно незначительными; молитвы, посты, всякого рода религиозные ограничения и табу, очевидно, накладывались лишь на царя.

Сходное положение наблюдалось в сфере общения с божествами. Царь мог получать определенные сообщения от божеств, но частному лицу не полагалось общаться с божеством во сне и во время видений. Упоминания о подобных случаях применительно к частным лицам встречаются в текстах чрезвычайно редко, главным образом за пределами области Вавилона (источники из Мари); позднее они попадают и в ассирийских источниках, возможно, под западным влиянием. В обоих упомянутых районах существовали типы жрецов-оракулов — в самой Месопотамии такая практика не встречалась. Как уже указывалось, можно утверждать, что общинные религиозные действия — такие, как ежегодные сезонные праздники и погребальные церемонии, всегда происходившие в Месопотамии с участием святилища, — представляли единственную признанную линию связи человека с божеством. Что касается простого человека, то проявление его религиозных чувств сводилось к формальным церемониям, не было интенсивным и не носило личного характера.

Теперь можно в полной мере осознать трудности изучения политеистической религии Месопотамии, столь удаленной от нас во времени и чуждой в своих основах. Надо подчеркнуть, что различия между политеистической и монотеистической религиями выражаются не числом богов, которым поклонялись, и не наличием или отсутствием определенных, четко сформулированных ответов на вечные и неразрешимые вопросы человечества. Критерием может служить скорее множественность интеллектуальных и духовных воззрений, отличающая большинство более высокоразви-

тых политеистических религий от узости и однобокости религий, в основе которых лежит прямое божественное откровение. Вместо символа пути и ворот, который можно считать опознавательным знаком монотеизма, многогранные структуры политеистических религий организуются с помощью какого-то изначального неизбежного и неизменяемого плана или порядка. Они характеризуются отсутствием какого бы то ни было централизма и глубоко заложенной возможностью приспособляться к меняющимся стрессам, что обуславливает способность к адаптации, без которой эти религии не могли бы существовать тысячелетиями. Весьма сомнительно, сможем ли мы когда-либо преодолеть пропасть, образуемую различием в «измерениях» между двумя основными типами религии. Концептуальный «барьер» оказывается куда более серьезным препятствием, чем те, на которые обычно ссылаются, — недостаток источников и специфической информации. Даже если бы сохранилось больше материала, притом идеально распределенного по содержанию, периодам и районам, это не помогло бы — просто возникло бы еще больше проблем. Человек Запада, по-видимому, не способен, а в глубине души и не желает понимать подобные религии, рассматривая их под искаженным углом антикварного интереса и апологетических претензий. В течение почти целого века он старается подогнать эти чуждые измерения под свои привычные мерки, прибегая к таким аналогиям, как анимистические теории, обожествление природы, космическая мифология, растительные циклы, дологическое мышление и тому подобные панацеи, и пытается околдовать их посредством абракадабры из маны, табу и оренды. Результатом же в лучшем случае было безжизненное схоластическое синтезирование или гладко изложенные систематизации, расцветенные бесчисленными хитрымными сравнениями и параллелями, возникавшими в результате выдергивания фактов со всех концов земного шара и из всех закоулков истории человечества.

Почитание богов и жертвоприношения

Подход современного ассириолога к религии Месопотамии определяется тем обстоятельством, что роль и функции идола в месопотамской цивилизации никогда не считались заслуживающими систематического научного исследования. Лишь тогда, когда немногочисленные известные нам статуи богов и богинь или другие изображения божеств становились предметом изучения археологов или историков искусства, они на некоторое время привлекали к себе внимание⁸ Подобное пренебрежение — характерный пример влияния подсознательных ассоциаций на выбор темы для исследования. Нежелание признать изображения богов подлинной и адекватной реализацией божественного присутствия, являемого в традиционном человеческом облике, сыграло важную роль в религиозной эволюции Западного мира. Корни этого нежелания восходят не только к иудейско-христианскому наследию: до того они

существовали независимо в греческой философии⁹ Более того, тенденции к почитанию идолов, икон и противоположные им иконоборческие тенденции способствовали формированию идейных течений и приводили к крупным событиям в истории культуры. Они не умерли и поныне. Эти тенденции живут в амбивалентном отношении ученого к идолам и окрашивают его подход ко всем чуждым религиям. Их влияние проявляется главным образом в осторожном смягчении наименее приемлемых проявлений чуждых религий и сведении их к таким, которые легче воспринимаются и кажутся нам более приемлемыми с точки зрения человека Запада.

Проблема роли изображений богов в месопотамской религии оказалась отодвинутой на задний план благодаря еще одному обстоятельству. Эти изображения не взывают к нашим эстетическим вкусам и не пробуждают особого любопытства: они не поражают ни фантастическими, иррациональными формами, ни количеством или размерами сохранившихся статуй.

Изображения божества играли в культе и в частном богослужении центральную роль, что подтверждается широким распространением дешевых копий изображений.

Божество, как правило, считалось присутствующим в своем изображении, если оно обладало определенными специфическими чертами и атрибутами, и ему поклонялись так, как было установлено и освящено традицией данного храма. Если изображение выносили из святилища, с ним вместе удалялся и бог, выражая таким образом свой гнев против города или страны. Только в мифологическом плане считалось, что боги обитают в космических пространствах; поэтическая фразеология гимнов и молитв либо искусно использует это представление в художественных целях, либо начисто им пренебрегает, ибо для древних это не имело значения.

То, что мы знаем об идолах богов по сохранившимся статуям, их глиняным копиям и фрагментам, дополняется литературной информацией. Оказывается, как правило, изображения богов делались из ценных пород дерева и там, где тело не было скрыто одеждой, его покрывали золотыми пластинками; у богов были характерные неподвижные глаза из драгоценных камней (они казались совсем живыми); богов облачали в пышные одежды особого стиля, дополнявшиеся тиарами и нагрудными украшениями (пекторальями). Одежды сменялись во время специальных церемоний в соответствии с требованиями ритуала. Изображениям богов всегда придавался человеческий образ и пропорции; исключения делались редко и только для второстепенных (быкоподобный сын Шамаша) и периферических божеств (бог-змея), а иногда в каких-то определенных целях (двуликие головы, бычьи уши). Вместе с тем со II тысячелетия до н. э. в некоторых районах Месопотамии объектами поклонения стали чудовищные комбинации из человеческих и животных форм; их признавали адекватными воспроизведениями божественных страстей и подвигов. На ассирийских печатях и барельефах, изображавших царя и бога Ашшура, часто видим

обоих в одинаковых одеждах и позах. Все это, а также надпись на бронзовых рельефах ворот Новогоднего храма в Ашшуре («фигура Ашшура, идущего на битву против Тиамат, изображает Синахериба») свидетельствуют, по-видимому, о том, что племенной бог мог быть изображен идентично своему жрецу — царю — и отходить от условного героического идеала. Встречаются также изображения величественных стариков или красивых, изящных, привлекательных женщин. Для «установления личности» изображаемого бога — единственной гарантии функционирования статуи как адекватного воплощения божества — важны были не столько черты лица, сколько детали одежды и прочие атрибуты. Попытка Набонида изменить тиару бога Солнца встретила активную оппозицию не только со стороны жрецов святилища, но также и народного собрания граждан Сиппара¹⁰ Лишь ассирийские цари осмеливались утверждать, что они приказывали изображать богов согласно своим собственным представлениям, т. е. по-новому. Они заявляли об этом неоднократно, часто имея в виду изображения важнейших богов.

Роль божественного изображения в культовой жизни святилища была двойной: оно служило центром обрядов жертвоприношения и фигурировало на всех церемониях, демонстрировавших связь города с покровительствующим ему божеством — как в храме, так и за его пределами. Рассмотрим обе эти функции.

Тот факт, что изображения богов были делом рук человека, создает известные трудности. Тут сразу вспоминаются тирады пророков Ветхого завета, гневно заклеивших идолов и их творцов. Пророки оперировали двумя аргументами: во-первых, изображение, наделенное человеческим обликом (по-видимому, рассматривались лишь человекоподобные идола), не способно двигаться, действовать, видеть или слышать; во-вторых, создатель такого изображения — глупец, ибо преклоняется перед тем, что он сотворил сам. Мы знаем из месопотамских и египетских источников, что изображения богов ваялись и подновлялись в специальных мастерских при храме; после этого они подвергались сложному и совершенно тайному ритуалу освящения, который должен был превратить безжизненную материю в сосуд божественного присутствия. Во время ночных церемоний они наделялись «жизнью», их глаза и рты «отверзались», чтобы идола могли видеть, слышать и есть; затем над ними совершался ритуал «омовения рта», придававший им, как считалось, особую святость. Похожие обычаи были приняты и в Египте, где идола божеств наделялись традиционно необходимыми качествами с помощью магических актов и формул¹¹ Тем не менее сам процесс изготовления идолов вручную, по-видимому, во всех религиях, где подобные изображения обладали культовой или священной функцией, ощущался как некая неловкость, на что указывают часто встречающиеся легенды и религиозные сказания, подчеркивающие чудесное происхождение наиболее знаменитых изображений богов.

Взаимоотношения идола со святилищем, в котором он восседал

на своем пьедестале в целле, повторяли в основном взаимоотношения царя и его двора, а в конечном счете царя и города. Бог жил в святилище со своей семьей, и его по придворному образцу обслуживали должностные лица; в свою очередь, ремесленники и рабочие обеспечивали последних материальными ресурсами, необходимыми для того, чтобы они могли выполнять свои функции в соответствии со статусом божества и его города. В своей целле бог принимал визиты младших богов и молитвы просителей, хотя остается спорным, в какой степени и при каких обстоятельствах доступ к божеству бывал открыт для простого народа (и бывал ли он открыт вообще). Например, известно, что даже ассирийским царям-завоевателям разрешалось поклоняться богу только издали, за порогом святилища, в котором он находился. Этот обычай, вероятно, мог меняться в зависимости от местных традиций и статуса божества. Изображение бога символически возвышалось над «уровнем повседневности» благодаря пьедесталу, установленному в глубокой нише целлы. Его отгораживали от внешнего мира одной или несколькими предцеллами, но статуя божества все-таки была видна со стороны двора через расположенные на одной оси дверные проемы; при этом она оказывалась как бы заключенной в раму монументальных ворот. При такой планировке святилища простой человек, очевидно, не входил внутрь храма; если же архитектурное решение не предусматривало подобной перспективы, трудно сказать, допускались ли верующие в храм или нет.

Как и царя, изображение бога можно было увидеть, когда во время торжественной процессии его проносили по обширным дворам храмового комплекса или по городским улицам. Таким своеобразным способом закреплялась культовая связь города с богом, проявлявшаяся также в ежегодных праздниках, когда пышное великолепие храма выставлялось на обозрение жителей. Такими были, например, праздник Нового года, когда, по-видимому, предпринимался коллективный выезд жителей вместе с богом в загородное святилище, и собственный праздник бога, проходивший в обстановке всеобщего ликования.

Взаимоотношения храма и города затрагивали социальную, экономическую и юридическую стороны жизни. Храм играл определенную роль в принесении клятв и в процедуре «божьего суда», который был средством установления истины при судебной тяжбе и придавал законность сделке. Под контролем храма находились стандартные меры веса; он устанавливал также максимальные размеры процентов, которые дозволялось брать ростовщикам¹². После старовавилонского периода все эти функции постепенно исчезают в процессе прогрессирующей изоляции храмов в Месопотамии. Мы уже указывали на уменьшение экономической мощи и таким образом и политического значения храма, которое последовало за возвышением дворцовой организации, возглавляемой царем. Слава, блеск и гигантские размеры поздних храмов Месопотамии (особенно Вавилона и Урука) не должны заслонять от нас это положение дел.

Социальная и экономическая структура храма как одной из двух «великих организаций» Месопотамии нами уже рассматривалась. В храм отбирались и посылались лучшие сельскохозяйственные продукты с полей и огородов, самые откормленные коровы, овцы и козы и использовались для пищи, подаваемой богу, как этого требовал ежедневный церемониал святилища, а также для пропитания и вознаграждения людей, обслуживавших храм (они осуществляли или контролировали приготовление пищи для стола божества). Излишки продуктов либо сохранялись для нового ритуала, либо вывозились из храма и обменивались на необходимое сырье. Мы остановимся подробнее на пище богов, ибо она представляется наиболее важной для храма как института — его *raison d'être*.

Судя по четкому и детальному тексту селевкидского периода, богам в храме Урука еда подавалась два раза в день¹³. Первая и основная трапеза приходилась на утро, когда храм открывался, вторая — на вечер, очевидно, на время непосредственно перед закрытием дверей святилища. Только однажды встречается упоминание о полуденной трапезе. Каждая трапеза состояла из двух блюд, называемых «основное» и «второе». Блюда различались между собой, по-видимому, скорее по количеству, чем по составу продуктов. Церемониал, характер и число блюд, входивших в божественную трапезу, приближаются к человеческим меркам, вообще характерным для месопотамских богов. Мы не встретим здесь гаргантюаского изобилия египетских жертвенных трапез, сравнивать которые с месопотамскими и не приходится, поскольку их функция заключалась в том, чтобы в определенных случаях обеспечивать пропитанием весь штат святилища, а иногда и все городское население. В жертвенных обрядах Ветхого завета также не имеется аналогий, за исключением *tamid*, который, по-видимому, относится к позднему времени и, возможно, был связан с месопотамскими обычаями¹⁴. Месопотамскому идолу подавали еду так же торжественно, как и царю. Мы имеем все основания предполагать, что церемониал трапез отражает обычаи вавилонского двора, которые иначе остались бы совершенно неизвестными. Другая важная особенность их раскрывается в одном из урукских текстов, о котором речь пойдет ниже.

На основании нескольких сохранившихся описаний божественных трапез можно восстановить их порядок: сначала вносили стол и ставили перед изображением, потом в чаше подавали воду для омовения рук. Затем на столе в предписанном порядке размещалось несколько сосудов с жидкой и полужидкой пищей, а также сосуды с напитками. В качестве основного блюда подавалось определенным образом приготовленное мясо. Наконец, на столе появлялись фрукты — по свидетельству одного из текстов, красиво уложенные, — эстетический штрих, вполне сравнимый с принятым в Египте обычаем украшать стол цветами. Играла музыка, целлу окуривали благовониями. Окуривание не следует рассматривать как религиозный акт — скорее это был способ уничтожить запах

пищи. Через некоторое время блюда убирали, стол выносили, а идолу снова предлагали воду в чаше для омовения рук.

Блюда, побывавшие у божества, отсылали царю на стол: ведь такая пища считалась благословенной благодаря контакту с божеством и эта благодать передавалась тому, кто причащался такой пищи. Таким лицом всегда был царь. Единственное исключение — это упоминание на табличке из Урука о том, что наследный принц (Валтасар) тоже пользовался царской привилегией¹⁵. Вот что об этом говорит Саргон II: «Жители Вавилона [и] Борсиппы, служители храма, ученые [и] чиновники страны, которая [ранее] смотрела на него [Мардук-апла-иддина] как на своего повелителя, теперь принесли остатки пищи Бела [и] Царпаниту [Вавилонских и] Набу [и] Ташмету [из Борсиппы] мне в Дур-Ладинни и просили меня вступить в Вавилон». Другие ассирийские цари также гордились тем, что получали остатки жертвенной трапезы, видя в этом дань своему царскому статусу¹⁶. Обычай брызгать водой из чаши, которой «коснулись» пальцы бога, на царя и жрецов, присутствовавших на некоторых из этих трапез, говорит о том же: вода благословенна, ее благословение можно передать. Остается неясным: требовал ли обычай посылать царю все блюда или только некоторые, повторялось ли это каждый день или происходило только в особых случаях? Возможно, что той же привилегией пользовались и верховные жрецы святилища.

Обилие пищи, пива, хлеба, сладостей и огромное число животных, которых ежедневно доставляли с пастбищ и забивали, были предназначены для персонала святилищ. Существовала сложная культовая терминология для характеристики поступающих продуктов, их назначения и прочих особенностей. То, что не шло к столу главного божества, его жены, детей и прислуживавших ему богов, распределялось в установленных традицией количествах среди чиновников и ремесленников.

Мы знаем об этом из двух больших групп юридических текстов старовавилонского и нововавилонского периодов¹⁷, между которыми существуют глубокие различия. Обеспечение достаточных и своевременных поставок для религиозных потребностей святилища путем распределения конкретных обязанностей между членами специальных коллегий — чиновников, жрецов и ремесленников — было, по-видимому, обычаем столь же древним, как и доступные нам документы о функционировании всей этой системы. Услуги членов каждого из подразделений оплачивались по-разному, причем порядок компенсации с течением времени менялся (на что стоит обратить внимание), хотя сведения об этом довольно скудны и могут лишь запутать картину. Мне представляется, что первоначально для содержания коллегии выделялись поля, причем каждый имел право на какую-то часть (соотношения их мы не знаем); позже, по-видимому, появилась практика выдачи известной доли сырья, пищевых продуктов и скота тем, кто нес ответственность за их качество, количество и поставку. И в том и в другом случае определенные группы лиц переставали функцио-

нироваться в качестве служителей святилища и превращались в официальных поставщиков: они либо держали коллективно, в частном владении, земельные угодья, либо пользовались доходами от храма в обмен на обязательство регулярно делать поставки¹⁸. Практика владения полями, для того чтобы обеспечивать поставки, исчезла еще в старовавилонский период, в то время как распределение доходов, получаемых от храма, стало постоянной и основной особенностью всей организации. Коллективный характер групповой системы диктовал распределение годового дохода среди членов согласно проработанным месяцам, дням и даже часам. Принцип распределения внутри группы в древний период неизвестен; возможно, первоначально дело решалось с помощью жребия. Во всяком случае, каждый единолично владел своей долей и имел право продать ее, передать в качестве приданого или оставить наследникам. Доходы были обильными, и, очевидно, получавшие их были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы сохранять древние обычаи функционирования святилища и тем самым обеспечивать себе безбедное существование.

Предлагаемые ниже наблюдения отчасти характеризуют некоторые существенные религиозные представления и иллюстрируют мирские обычаи, редко упоминаемые в литературных текстах. На определенных этапах приготовления жертвенной пищи полагалось произносить особые благословения: во время помола ячменя, приготовления теста, при вынимании из печи испеченного хлеба, забивании жертвенных животных. Существовали запреты на некоторые виды пищи. Например, хтоническим богиням запрещалось подавать птицу. Подобные запреты дают хотя бы отдаленное представление о мифологической предыстории богов и богинь, нам почти неизвестной. Привозные вина использовались для жертвоприношений. Их подавали также и к царскому столу. Обычай же подавать молоко (в алебастровых сосудах) только во время утренней трапезы отражает, вероятно, распространенную житейскую практику.

В Месопотамии мы не находим следов общения между божеством и его почитателями, выражавшегося в совместных трапезах, принятых в религиозном ритуале некоторых средиземноморских цивилизаций, о чем свидетельствуют тексты Ветхого завета, а также хеттские и греческие обычаи. Месопотамское божество не снисходило до этого, однако его участие в церемониальной трапезе давало религиозную санкцию, политический статус и экономическую стабильность всей системе святилища, функцией которой было проведение продуктов полей и пастбищ через жертвенный стол и передача их либо, так сказать, акционерам этого учреждения, либо тем, кто получал от него рацион. Во всяком случае, божественный образ являлся сердцем и основой всей системы. Прислуживавшие богу питались с его стола, но за одним столом с ним не сидели.

Рассматривая жертвоприношения с религиозной точки зрения, мы обнаружим еще один важный аспект в системе обращения:

момент поглощения жертвенной трапезы божеством, превращение материальных продуктов в тот источник силы и могущества, который, как считали, требуется божеству для эффективного функционирования. Если в самом существовании идола критическим моментом было его изготовление, то акт поглощения пищи был таким же критическим моментом в жертвенной трапезе. Это было главное таинство, оправдывавшее культовую практику проведения ежедневных трапез и всего, что с нею связано в экономическом, политическом и социальном отношении.

Суть иррациональных представлений, лежавших в основе самого процесса поглощения пищи богами, находила внешнее выражение в некоторых характерных обрядах. Пища помещалась перед идолом, который, как предполагалось, «поглощал» ее лишь глядя на нее; напитки подавались для той же цели. Вариант этой ритуальной схемы состоял в том, что каждое подаваемое блюдо медленно и торжественно проносилось перед самыми глазами изображения. Оба метода известны также из египетских религиозных текстов и из Ветхого завета¹⁹ Но это не должно заслонять от нас глубоко укоренившихся различий между Западом, лучше всего представленным Ветхим заветом, и Месопотамией по части самой концепции жертвоприношения. Суть ветхозаветной концепции выражается в сжигании жертвенной пищи, которое имело целью перевести ее из одного физического состояния в другое и как бы помочь божеству поглотить ее, вдохнув ее запах²⁰ Еще одно различие в жертвенных ритуалах двух культур заключается в особом отношении Запада к крови, которой приписывалась магическая сила, что совершенно отсутствовало в Месопотамии²¹

Особая система ритуалов была создана в Месопотамии для того, чтобы подчеркнуть мистический характер принятия пищи богами. Стол, на котором помещалась пища, как и само изображение бога, огораживался полотняными занавесями. Их задерживали, когда божество «вкушало» пищу. После окончания трапезы занавеси раздвигались и вновь закрывались, когда бог должен был совершать омовение рук; ведь любое соприкосновение божества с миром физической реальности от людских глаз скрывалось. Чтобы разобраться в этом странном обычае, который достаточно часто упоминается в текстах, следует разграничить форму и функцию. Форма понятна: занавеси, которые скрывают божество от зрителя, отражают придворный обычай (см., например, описания персидского двора), хотя нет прямого свидетельства того, что и вавилонские цари ели за занавесями. В пользу вавилонского происхождения этой церемонии говорит именно то, что она была включена в религиозный ритуал. Этот обычай был принят при дворе Ахеменидов и вполне мог быть заимствован из Вавилонии. Что же касается его функции, то она заключалась в том, чтобы охранять царя от злой магии, воздействию которой он мог подвергнуться во время трапезы. Перенос ритуала из дворца в храм изменил функцию защитных занавесей: вместо того чтобы охранять

от «злого глаза», они должны были скрывать бога, «принимающего» пищу, от любых людских глаз, даже от глаз жреца²².

В остальном идол «жил» чисто по-царски. Один урукский текст детально описывает церемонию, которая совершалась утром восьмого дня праздника Нового года²³. Рано утром изображение второстепенного божества Папсуккала выносили во двор и ставили перед идолом бога Ану; затем из целлы выносили группами в соответствии с рангом и других идолов, которые располагались в определенном порядке. Ану и его супруге для совершения утреннего туалета подносилась чаша с водой; мясо на золотом блюде подавали сначала Ану, а затем остальным стоящим во дворе идолам. После этого Папсуккал торжественно сопровождал Ану для дальнейших действий. Эти утренние приветствия (*salutations matinales*) имели место в дворцовых церемониалах Византии и Европы (например, *lever du roi*). Скорее всего, они были приняты и при вавилонском дворе.

Внутри храма происходили также ночные церемонии и брачные празднества, во время которых божество сочеталось со своей супругой. Другие культовые церемонии были связаны с вынесением идола за пределы храма и участием его в религиозных процессиях. Из одного новоассирийского письма мы узнаем, что изображение бога Набу время от времени отправлялось на охоту — трогательное в своей наивности свидетельство того, что образ жизни ассирийского идола в точности повторял образ жизни царя²⁴.

Понятно, что все сказанное выше не может дать исчерпывающей характеристики культовой деятельности месопотамских храмов. Мы имеем все основания предполагать, что в объеме, характере и масштабах этой деятельности между святилищами были существенные различия. Известно, например, что в Сиппаре нововавилонского периода сбруя лошадей бога Солнца была инкрустирована золотом. Поили их из ведер, сделанных из драгоценного металла, а траву для них срезали золотыми серпами²⁵. Мы знаем также, что в Уруке блудницам разрешалось жить возле храма Иштар. Это лишь два примера, подтверждающих разнообразие храмовых обычаев. Чтобы показать их пестроту, мы закончим этот раздел краткой и типологически ориентированной характеристикой пантеона.

Размеры и сложность месопотамского пантеона объясняются несколькими причинами. Помимо основной дихотомии между шумерскими и аккадскими богами, не говоря уж о многослойном субстрате, из которого как шумеры, так и аккадцы черпали сколько хотели, следует принимать в расчет тысячелетнюю историю, накопившую бесчисленное множество божественных имен. Хотя многие имена слились и возник целый ряд гибридных фигур, тем не менее сохранялись имена важнейших богов каждой области, что привело к огромному числу второстепенных богов, причем многие дублировали друг друга или были между собой тождественны. Большинство их имен известно только из научных и теологических текстов —

таких, например, как списки богов (две-три тысячи имен); о других мы знаем по распространенным в самой Месопотамии и в пограничных с нею областях личным именам, включающим имя божества ²⁶

Смена «моды» на имена такого типа отражает степень популярности того или иного божества, демонстрируя тем самым разрыв между религией в «верхах» и «низах». Внимательное изучение этого явления могло бы пролить свет на социальную структуру общества и его окружение в определенный исторический период.

Проникнуть в индивидуальность богов чрезвычайно трудно. Серьезное препятствие представляет шумерский обычай говорить о божестве как о повелителе или повелительнице города, не называя его по имени (индивидуализация покровителя и правителя города допускалась крайне редко). Установившееся представление о богах как о людях, наделенных божественными свойствами, и узкий диапазон терминологии гимнов, когда одни и те же эпитеты сопутствовали различным богам, приводили к еще большему стиранию индивидуальности богов, за исключением самых выдающихся или характерных ²⁷ Если рассматривать богов типологически, то их можно легко, хотя и поверхностно, разбить на старых и молодых, выделив астральные божества и оставив вне классификации несколько уникальных фигур. К старым можно отнести когда-то могущественных богов — например Ану, шумерского бога неба, и Энлиля (Эллиля), бога, связанного с шумеризированным субстратом. Оба этих бога со временем стали, по-видимому, все более отдаляться от мира людей и становиться мизантропами. Оба имеют хтоническое происхождение, что очевидно из взаимоотношений Ану с миром демонов, а храма Энлиля, «горного дома» в Нипшуре, с подземным миром. Сохранились лишь немногие из их индивидуальных черт — связь Ану с богиней Иштар и Уруком, отношение Энлиля к герою Нинурте и его положение как властителя богов. Мардука также следует отнести к старым богам, хотя его первоначальное положение молодого бога, совершавшего многочисленные подвиги, сохранилось в поздних мифологических текстах. Однако уже во второй половине II тысячелетия до н. э. он превращается в верховного бога по причине доминирующего положения его города, Вавилона. Нинурта — сын Энлиля — типичный молодой бог: своего города у него не было, но он фигурирует в цикле мифов, превозносящих его подвиги. Иное положение у Набу, хотя он и считался сыном Мардука. Набу — бог города Борсиппы, старого, но политически незначительного сестринского поселения Вавилона, а позже бог-покровитель писцов. Неизвестно почему его популярность возросла в поздний период. Среди старых богов пантеона особое положение занял Эа (соответствующий шумерскому Энки). Первоначально он был богом Эреду, самого южного города Вавилонии и, согласно взглядам более позднего времени, разделял с Ану и Энлилем власть над космосом — его владениями были воды океана и подземные. Эа был богом-покровителем заклинателей, а также покровителем всех видов искусств

и ремесел; его мудрость и хитроумие неустанно воспевались в мифах и легендах. В некоторых отношениях Эа до позднего периода считался «культурным героем», поскольку послужил, очевидно, прототипом Оанна, о котором упоминает Беросс ²⁸.

Главными астральными божествами были, конечно, Шамаш (шумерский Уту) и Син (первоначально Су'эн, шумерский Нанна) — бог Солнца и бог Луны. Каждый имел в Месопотамии два основных центра: Шамаш — в Ларсе и Сиппаре (храм бога Солнца именовался «Белый дом»), Син — в Уре и в далеком Харране. Оба сохраняли популярность в течение всей истории месопотамской цивилизации, при этом Шамаш занимал исключительное положение. Он был не только богом Солнца, но и верховным судьей — земным и небесным, заботился о бедных и обиженных и предсказывал будущее, наставляя и защищая человечество. Он не фигурирует в примитивных мифологических ситуациях; даже в мифах он выступает судьей и арбитром.

Особняком стоит фигура бога бурь Адада. Собственного центра на аллювиальных равнинах у него не было, однако его почитали — под различными, в основном чужеземными именами — жители не только Ассирии, но и областей, прилегающих к ней как с запада (вплоть до Средиземного моря), так и с севера и с юга. Его почитали и семиты, и хетты, и хурриты. По неизвестным причинам Адад в роли оракула в более поздние периоды объединяется с Шамашем ²⁹

Ашшур — городской бог одноименной столицы Ассирии. Среди местных богов Месопотамии он занимает особое место. Когда его город стал самой могущественной политической державой на древнем Ближнем Востоке, теологи наделили его всеми регалиями повелителя вселенной, творца и организатора космоса и сделали отцом богов. Необычайное отношение Ашшура к своему жрецу, царю Ассирии, и уникальное положение последнего указывают на сложный характер происхождения этого бога. Как и подобает местному божеству, Ашшур ассоциировался с посвященной ему горой Эпих.

Среди меньших богов следует упомянуть и нетипичных Нергала и Таммуза (Думузи). Нергал был не только богом города Куты в Центральной Вавилонии, но, как и его супруга Эрешкигаль, «повелительница подземного мира», считался властителем царства мертвых и богом чумы. Таммуз был божеством особым: в некоторых слоях древнемесопотамского населения его ежегодную смерть принято было торжественно оплакивать. История Таммуза стоит в центре важной группы шумерских религиозных текстов; до сих пор не решен, хотя и часто обсуждается, вопрос о его возможной связи с некоторыми божествами более поздних семитских религий ³⁰

Богини месопотамского пантеона — это или богини-матери (например, Баба и Мама), или супруги богов, без особых отличительных черт (например, Царпаниту и Ташмету, вероятно, чужеземного происхождения, но аккадизированные), или фигуры, связан-

ные со смертью и потусторонним миром. Таковы царица подземного мира Эрешкигаль и богиня Гула, известная как великая врачевательница, но первоначально, как указывает ее атрибут — собака, — богиня смерти. Только Иштар (известная под коренным, но шумеризированным именем «Иннин» и близкими к нему именами) была непохожа на других богинь благодаря двойственности ее природы: она была связана, с одной стороны, с планетой Венерой (утренней и вечерней звездой), а с другой — обладала божественными качествами, которые чрезвычайно трудно охарактеризовать. Иштар была вооруженной до зубов богиней, дарующей победу царю, которого любила. В то же время она была наделена свойствами, которые делали ее покровительницей, движущей силой и олицетворением плотской любви. В этих ролях под разными похожими именами, в том числе иноземными — Иштар фигурирует в месопотамских мифах и в соответствующих им текстах Запада от Анатолии до Египта. В Месопотамии ее городом был Урук, где сначала она была известна как дочь, а позднее как жена Ану.

В месопотамском пантеоне удивительно мало заметно иноземное влияние. Иногда упоминаются боги, привезенные завоевателями, такие, как Даган, Амурру, Шумалия, Шуриаш и «арамейская Иштар»; известен ряд случаев, когда чужих богов называли шумерскими и аккадскими именами — в свою очередь, месопотамские божества появлялись под чужими именами в окраинных и соседних районах (Тешуп, Шаушка).

Следует обратить внимание на те неантропоморфные предметы поклонения — символы, в которых распознается присутствие конкретного бога. При определенных обстоятельствах они заменяли традиционное изображение бога или сопутствовали ему. Однако они также требовали поклонения и жертв. Это были либо символы космических явлений, такие, как солнечный диск, полумесяц, восьмиконечная звезда Иштар; либо церемониальное оружие определенного вида: палицы с львиной головой, жезлы, украшенные головой барана; либо предметы обихода: копы Мардука, стилос Набу, плуг или светильник. Животные, обычно сопровождавшие богов, также становились символами: собака Гулы, сложные чудовища *мушхушшу* (лев — змея — орел) и *kusariqu* (коза — рыба), представляющие соответственно Мардука и Эа. Бык, изображаемый вместо Адада, относился к другому религиозному уровню. В числе символов имеется небольшая группа нераспознанных предметов, чьи функции и связь с божественными изображениями еще предстоит определить и изучить³¹

Месопотамская «психология»

При изучении любого рода религиозных концепций связь индивидуума с божеством представляет наиболее сложную область исследования. Как мы уже видели, в Месопотамии она аналогична социальным связям между хозяином и рабом или между родителем

и ребенком, хотя на последнюю ссылаются редко и только в определенных контекстах. Иногда божество трактуется как предводитель, покровитель или защитник семьи, профессионального или религиозного сообщества; но это бывает редко и свойственно лишь некоторым периодам и ситуациям.

Подавляющее большинство имен собственных в Месопотамии — как шумерских, так и аккадских — теофорны, т. е. связывали ребенка или его родителей с конкретным божеством. При этом они, как правило, восхваляли бога и выражали ему благодарность. Обычно имя бога входит в состав мужского имени, а имя богини образует часть женского; поскольку одни и те же теофорные элементы не обязательно встречаются в именах родителей, братьев и сестер ребенка, то трудно установить, какие соображения — религиозные или какие-либо другие — определяли выбор имени. Также неизвестно, почему в надписях на личных печатях, относящихся к старо- и среднеавилонскому периодам, владелец печати (чье имя, происхождение и род занятий указываются в надписи) дополнительно характеризуется как слуга (раб или рабыня) определенного божества — причем не обязательно того, чье имя он носит. И в этом случае мы не знаем ни основы, на которой зиждется связь между богом и человеком, ни ее последствий — культовых или других. По всей вероятности, здесь имелся в виду некий существенный аспект взаимоотношений бога и человека, настолько очевидный и общеизвестный, что едва ли можно надеяться найти какие-либо объяснения по этой части в нашем текстовом материале.

Поскольку указанные пути подхода к вопросу о связи человека и божества либо не дают четкого представления об этой проблеме, либо не дают достаточно материала для ее освещения, хотелось бы предложить новый подход, основанный на изучении фразеологии молитвенной литературы.

Когда, рассматривая молитвы, мы пытаемся определить тематику обращенных к божеству просьб, то обнаруживается, что значительная часть обращений содержит ссылки на некий весьма конкретный личный опыт молящегося, на ощущение могущества и безопасности, которое, в его представлении, возникает как результат непосредственного присутствия сверхъестественной силы. Это ощущение неизменно описывается в подобающих выражениях — от лица благочестивого и богобоязненного индивидуума, находящегося под охраной и защитой одного или нескольких сверхъестественных существ, наделенных именно этой специфической функцией. Таким образом, когда человек чувствует себя прекрасно, полон жизни, наслаждается богатством и душевным покоем, он объясняет это завидное состояние ума и тела присутствием сверхъестественных сил, которые либо наполняют его тело, либо охраняют. Наоборот, всякого рода несчастья, болезни и неудачи объясняются отсутствием такой защиты. В молитвах и других текстах человек просит у великих богов, чтобы «добрые» духи находились возле него, заботились и защищали от врагов — людей,

колдунов или демонов — и тем самым обеспечивали бы физическое благополучие, успехи и удачу во всех предприятиях.

При молитвенном обращении к этим силам используется мифологическая терминология — они различаются по именам и каждому предназначается конкретная функция. При этом, когда в молитве фигурирует только одна такая сила, она именуется *ilu* («бог»), а иногда *lamassu* (труднопереводимый термин — в качестве аналога можно было бы использовать слово «ангел»). *Ilu* — мужского рода, *lamassu* — женского. Оба появляются часто с сопутствующими духами: *ilu* — с *иштару* (богиней), *lamassu* с *шеду* (духом мужского рода). Иногда все четыре духа защищают своего подопечного (или последний сам просит у них заступничества).

Все сказанное выше можно считать выражением психологического опыта в мифологических терминах. Для специалиста по сравнительной истории религии или культурной антропологии наличие нескольких духов-хранителей (если пользоваться термином, принятым в ассириологической литературе) — это еще один пример широко распространенной концепции о наличии множественных и внешних, т. е. существующих вне тела, душ. Четыре духа-хранителя в Месопотамии — индивидуализированные и мифологизированные носители неких конкретных психологических аспектов основного явления — восприятия себя, личности, связывающей и в то же время разделяющей *ego* и внешний мир. Для того чтобы установить специфические функции и основные значения «душ», называемых *ilu*, *lamassu* и т. д., необходимо более подробно рассмотреть эти термины. В филологическом плане определить их довольно трудно, так как они имеют дополнительные значения, которые свидетельствуют об их семантической нестабильности и запутанной предыстории. Наша основная задача, касающаяся изучения терминов, обозначающих душу, — это стремление показать читателю сложный характер этой концепции древних³².

Для всех четырех обозначений характерны две общие черты: все они так или иначе связаны с удачей (это весьма важный элемент в диапазоне их значений) и имеют какое-то отношение к миру демонов и мертвых. В аккадском языке о человеке, который избежал опасности или легко добился успеха, говорилось, что он «имеет духа», т. е. *ilu*, *lamassu* и т. д. Чаще всего в подобных формулировках фигурировал *ilu*, тот, у кого был *ilu*, — счастливец (соответствует греческому термину *eudaimon* — букв. «имеющий доброго демона») и назывался *ilanu* — букв. «имеющий *ilu*», т. е. удачу. Труднее установить, какому аспекту субъективного опыта соответствует термин *lamassu*. Мы знаем несколько случаев, когда под этим словом явно подразумевается некое подобие, изображение, следовательно, можно считать, что *lamassu* воплощает внешние проявления тех существенных черт личности, которые выражаются совокупностью индивидуальных и физических признаков.

Обладание такими признаками делает их носителя индивидуу-

мом. В этой функции термин *lamassu* близок к греческому *eidolon* (равно обозначавшему статую и призрак, имеющий сходство с определенным человеком) или к термину *angelos* в специфическом смысле, который мы встречаем в Новом завете (Деяния XII: 15). Там появляется «ангел» Петра. Его внешний вид и речь напоминают самого апостола. Включение слова *lamassu* в древне-вавилонские женские собственные имена фактически предполагает значение «ангел». Концепция внешней души, являющейся в облике своего «хозяина», напоминает египетскую концепцию души — *ka*. В данном контексте эта параллель приводится лишь в подтверждение того, что представления о множественных и внешних душах были распространены на древнем Ближнем Востоке далеко за пределами Месопотамии, не говоря уж об аналогиях в античных цивилизациях. Правда, в последнем случае мы находим иные формулировки того же индивидуального опыта — упор делается на определенные аспекты и функции, а обилие подробно разработанных деталей решительно смещает акцент. Тем не менее такие сопоставления, хотя бы неточные, помогают лучше понять древние и устойчивые порождения доктрины о душе, столь не похожей на продукты западной «психологии».

Дух-хранитель всегда идет в паре с *lamassu*. Термин *шеду* неоднократно встречается в Ветхом завете — этим словом обозначались идолы (интересно, что Септуагинта переводит это словом *daimon* — «демон»). В аккадском языке *шеду* также связан с духами мертвых. Очевидно, демонического происхождения и два других воплощения души — *илу* и *lamassu*, причем последний термин, возможно, родствен Ламашту, грозному демону женского рода. Функция *шеду*, видимо, состояла в том, чтобы воплощать жизненную силу индивидуума, его сексуальную потенцию. Это подтверждается, в частности, тем, что аккадское слово *башту*, имеющее именно такое значение, иногда заменяет термин *шеду*. Шумерское соответствие аккадскому *шеду* — *alad* — подтверждает подобное истолкование; слово *alad*, по-видимому, происходит от семитского корня со значением «производить потомство» и может рассматриваться как аналог латинского *genius* в сходной функции — внешнее воплощение души³³

Труднее определить природу и функцию *иштару* («богиня») и соответствующего ей *илу* («бог»).

Чтобы получить представление о самом термине *иштару*, потребуется небольшой экскурс, отправной точкой которого может послужить другой термин — *шимту*, иногда употребляющийся в контекстах, где мы ожидали бы встретить именно *иштару* в значении «богиня-защитница». Хотя это несколько уведет нас в сторону, важный и интересный термин *шимту* заслуживает пристального изучения — он может помочь истолковать значение *иштару* как одного из наименований внешнего воплощения души.

Слово *шимту* ассириологи обычно передают словами «рок» или «судьба». Такой перевод неточен и сбивает с толку, так как обоим этим словам присущи оттенки, отсутствующие в аккадском

языке³⁴. Оно означает распоряжение, исходящее от чего-то такого, что наделено силой действовать и распоряжаться. Это может быть божество, царь или любой человек, в определенных условиях и во имя определенной цели совершающий какие-то поступки. Это распоряжение мистическим образом наделяет привилегиями, исполнительной властью, правами (а если оно исходит от божества, то и постоянными качествами) других богов, людей или предметы. Боги придают царям силу, умственное превосходство, здоровье, успех; царь дарует храмам их доходы и жертвоприношения, городам — пастбища, чиновникам своего царства — исполнительную власть; рядовой гражданин распоряжается своим имуществом, оставляя его наследникам. Любая из этих акций есть осуществление *шимту*.

В некоторых религиозных контекстах, однако, под установлением *шимту* понимается особый акт, посредством которого каждому человеку предназначается (очевидно, при рождении, хотя это нигде прямо не сказано) индивидуальная доля счастья и несчастья. Она целиком определяет направление и характер его жизни. Значит, длительность жизни человека, природа и последовательность событий, которые должны с ним произойти, рассматриваются как определенные актом некоей безымянной силы, создавшей его *шимту*. Само понятие *шимту*, индивидуальной доли, предполагает не вероятность, а необходимость осуществления. Это подтверждает отрывок в надписях царя Ашшур-нацир-апала II (883—859 гг. до н. э.). После краткого перечисления своих военных достижений царь говорит: «Все это — *шимту*, произнесенная [для меня] великими богами, которые заставили это осуществиться как мою собственную *шимту*»³⁵

О своих завоеваниях и победах он говорит как о доле, предначертанной ему от рождения, так же как и вся его жизнь и в конце этой жизни смерть. Таким образом, термин объединяет два измерения человеческого существования: личность как совокупность дарованного и смерть как завершение жизни; в словах «рок» или «судьба» сочетание двух названных смысловых моментов отсутствует. Чтобы лучше понять концепцию месопотамской *шимту*, вероятно, необходимо обратиться к двум греческим терминам — *moira* и *physis*, каждый из которых частично покрывает один основной аспект *шимту*. Если Гесиод, например, говорит, что *moira* Афродиты — «любовь», обозначая таким образом ее божественную функцию, власть и «сферу действия», в аккадском эпосе «О сотворении мира» говорится о первобытных временах, «когда у богов еще не было имен и *шимту* каждого (т. е. функции и обязанности) не были еще определены». Эпизод, когда Гермес объясняет Одиссею *physis* растения «Моли» — его особую природу и специфические качества, — можно сравнить с действиями бога Нинурты в каком-нибудь шумерском эпосе, когда этот бог объявляет *шимту* (шумерское *nam*) всех драгоценных камней, произнося для каждого формулу, перечисляющую — и тем самым дарующую этому камню — его особые свойства, «атрибуты», определяющие его при-

роду³⁶ *Шимту*, собственно, и есть «натура» этих камней (характерно, что латинское *natura* соответствует греческому *physis*). Но *шимту* означает и нечто большее, включая смерть как высшую точку, завершение отведенной нам доли жизни и удачи. Не случайно посланец смерти называется «Намтар» (*nam* — шумерский эквивалент *шимту*; Намтар — «предназначенная nam»). Последнее, что дано пережить человеку — смерть, воплощается в мифической фигуре привратника загробного мира. Умереть — значит встретить судьбу, свою собственную *шимту*. Такая интерпретация смерти имеет параллели: одна из них — доисламская *Mana'a* («судьба»), которая, как считалось, притаившись, дожидается встречи, означающей смерть для данного человека; другая — упоминающийся в греческих источниках демон *ker*, который невидимо сопровождает каждого от рождения до смертного часа. Тогда он является перед взором человека в первый и последний раз, возвещая и принося смерть.

Мы имеем здесь дело с реальным противоречием. Каждая организованная религия древнего Ближнего Востока предусматривает такой миропорядок, при котором божественная мудрость, руководствуясь божественной справедливостью при распределении поощрений и наказаний (успехов или неудач), планирует и определяет характер всех событий в жизни человека. Тут нет места для таких понятий, как «каприз судьбы» или «неумолимый рок»; заранее исключена возможность как-либо повлиять на ход событий, скажем, с помощью магических средств. Напротив, все сказанное выше о *шимту*, а также наблюдения над родственными концепциями, бесспорно, свидетельствуют о том, что на древнем Ближнем Востоке существовало мощное подводное течение, которое указывает на сохранение многовекового, додеистического детерминистического представления о жизни. Оно отнюдь не было единым (такого рода древним концепциям обычно свойственно многообразие формулировок), но отличалось устойчивостью, хотя ревностные жрецы приспособливали его к своим целям с помощью поверхностного «теологизирования».

Какие же именно формулировки этой концепции мы встречаем в Месопотамии? Прежде всего, имеется известная нам *шимту*, обозначающая божественный акт дарования свойств и качеств людям и предметам. Далее, имеется термин *isqu* (букв. «жребий»); он связан, по-видимому (хотя прямо об этом нигде не говорится), с обычаем бросать жребий, определяя судьбу. Как и *шимту*, *isqu* обладает широким семантическим диапазоном: от значений «фортуна», «жребий», «судьба» до значений «природа», «качество» и даже «должность» (греч. *kleros*). В других текстах, главным образом литературных, попадает термин *уцурту*, который означает «чертеж», «набросок», «план» и, очевидно, имеет в виду какой-то божественно предопределенный, «предначертанный» ход событий, от которого зависят все прочие, более мелкие. Опять-таки точной информации у нас нет: этот термин употребляется как нечто общеизвестное.

Судя по некоторым свидетельствам, существовал еще один вид мифологического детерминизма. Упоминания о нем имеются в молитвах и подобных им текстах. Считалось, что человека на протяжении жизни сопровождает пара сверхъестественных существ или демонов. Они совершенно не похожи на «духов-хранителей». Их значимые имена говорят сами за себя: один называется «тот, кто дает хорошее» или «хороший демон»; другой — «тот, кто приносит несчастье» или «злой демон». Как и соответствующие им греческие фигуры (ср. *eudaimonia* и *kakodaimonia*), они, по-видимому, ведали успехами и неудачами, хотя, кроме их имен, мы ничего о них не знаем. Наконец, следует отметить, что в Ветхом завете образы детерминистического характера не менее разнообразны: там встречаются несколько специфических терминов для понятий «жребий», «удача» и «доля», а также топоним, представляющий удел человека как подаваемую ему чашу (Псалмы X, 6, XV, 5). Нечто похожее можно найти в греческой литературе — вспомним хотя бы весы Зевса и то, как он смешивает «хорошие и дурные вещи» из двух кувшинов (Илиада XXIV, 527).

Учитывая это, я делаю предположение, что *иштару* (а иногда и *шимту*) представляет собой мифологическое, очеловеченное воплощение и носителя чьей-либо *шимту*, которая должна была реализоваться в «истории» человека от его рождения до смерти. Такая связь между *иштару* и *шимту* может показаться слишком слабой или искусственной; в этом случае предлагаемое толкование *иштару* как «судьбы» (если прибегнуть к известному упрощению) можно проиллюстрировать другим, не менее интересным способом.

Из шумерских и ранних старовавилонских царских надписей мы знаем, что индивидуум и его «духи-хранители» были связаны такими же взаимоотношениями, как и сам царь с некоторыми божествами пантеона (часто с Иштар, которая, по мнению царя, ведала его персональным благополучием). Остается спорным, считать ли формулировку царских текстов дальнейшим развитием, вызванным намерением подчеркнуть особое положение царя или признать более позднюю формулировку молитв примером переноса религиозных концепций с царя на его подданных. Не вдаваясь в аргументацию, которая вышла бы за рамки этого раздела, мне хотелось бы высказаться в пользу первого. В текстах, трактующих отношение царя к Иштар, богиня выступает носительницей и источником его власти и престижа. В этой роли Иштар соответствует *tyche* царя у греков, или *fortuna imperatoris* или *fortuna regia* у римлян. В сирийском языке эквивалентом этого латинского термина является «удача царя», выражение, напоминающее *иштару* и *шимту*³⁷

В Месопотамии цари говорят о своих отношениях к Иштар, своей *fortuna* (*tyche* — удаче) как об устойчивых и прочных, хотя и выходящих за рамки семейных обязательств. Иннин любила Эаннатума из Лагаша, Иштар — Саргона из Аккада, а ассирийские цари вплоть до Асархаддона дают понять (как и Хаттусилис III),

что их приход к власти объясняется личным вмешательством Иштар. В таких случаях она выступает в роли Афродиты (*Aphrodite nikephoros*), еще раз подтверждая нашу теорию о том, что воплощение души, именуемое *иштару*, было носителем *шимту* индивидуума. Следовательно, *иш* мы можем рассматривать как какой-то трудноопределимый духовный дар, относящийся к элементу божественного в человеке; *иштару* — как его судьбу; *lamma-su* — как его индивидуальные характерные свойства; *шеду* — как его жизненную силу. Сочетание всех четырех внешних проявлений составляет жизненный опыт индивидуума.

Хотелось бы сказать еще о сверхъестественном ореоле, которым месопотамский царь был наделен наравне с богами и который считался видимым проявлением его уникального статуса среди людей. В аккадском языке он обозначается, как мы видели, словом *mellammû*. В древнеперсидском ему соответствует *hvarena*; в арамейских текстах того же времени он передается термином *gadia* («удача»). Проследивая такие линии, в которых концепции божественного происхождения царского рода и предопределенности успеха царствования сходятся к одной точке, мы лишней раз убеждаемся в запутанном характере большинства религиозных топосов.

Искусство предсказателей

Значение предсказания будущего в месопотамской цивилизации очевидно из множества сохранившихся сборников предсказаний и родственных клинописных текстов. Эти тексты охватывают время от позднего (после Хаммурапи) старовавилонского периода до периода Селевкидов и дают огромное количество материала по части различных способов гадания. Кроме того, упоминаний о предсказаниях довольно много в исторической и религиозной литературе; можно с уверенностью сказать, что аккадские предсказания — все существующие тексты написаны на этом языке — считались в Месопотамии и окружающих ее странах важнейшими достижениями мысли³⁸ Эти тексты копировались в Сузах, столице Элама, в Нузи, в Хаттусасе, столице хеттов, наконец, в таких отдаленных местах, как Катна и Хацор в Сирии и Палестине. Их копировали местные писцы, обученные письму и языкам Месопотамии; и даже переводили на эламский и хеттский³⁹ Гибель месопотамской цивилизации, ее языков и системы письма не препятствовала проникновению некоторых методов предсказания в Палестину и Египет, а оттуда в Европу. Что касается распространения их на Восток, то там ситуация была значительно сложнее. Прежде всего нужно понять, что экстиспиция, т. е. предсказание будущего по виду, разного рода изменениям и другим особенностям внутренностей животных, практиковалась в Китае и Юго-Восточной Азии с незапамятных времен. На Западе гадание по внутренностям животных было в ходу у этрусков, но оно носило изолированный характер и могло возникнуть в резуль-

тате какого-либо контакта с Малой Азией⁴⁰ Кроме того, нужно учитывать тот факт, что письменные свидетельства из района к востоку от Месопотамии относятся к сравнительно позднему времени — в большинстве случаев после гибели месопотамской цивилизации. Известно, что месопотамская астрономия I тысячелетия до н. э. оказала влияние на индийскую. Если даже месопотамское влияние на восточные методы предсказания документально не подтверждается, не исключено, что оно имело место в более ранние периоды. При посредстве ислама, который часто заимствовал обычаи древнего Ближнего Востока через эллинистические промежуточные звенья, месопотамские методы предсказания, главным образом астрология и толкование снов, возродились в Месопотамии и соседних странах спустя долгое время после гибели породившей их цивилизации.

Мы будем рассматривать предсказание в трех основных направлениях: природа и история способов предсказания; текстовой материал как источник информации; значение предсказаний, их место в жизни.

В основе своей предсказание — это способ общения со сверхъестественными силами, которые, как предполагается, влияют на жизнь отдельного человека или целой группы людей. Предсказатель исходит из того, что эти силы могут и хотят сообщить о своих намерениях, ибо они заинтересованы в благополучии индивида или группы. Другими словами, если о предстоящем или грозящем зле узнать заранее, то несчастье можно предотвратить с помощью соответствующих средств. Контакт или общение с этими силами устанавливаются несколькими способами: божество может либо отвечать на поставленные вопросы, либо сообщать то, что хочет, с помощью какого-нибудь приемлемого посредника или медиума. Двустороннее общение требует специальных методов; их в Месопотамии было известно два: действенный (оперативный) и магический. В обоих случаях возможны два вида ответов: один — бинарный, т. е. «да—нет»; другой основан на некоем коде, принятом обеими сторонами — и божеством, и предсказателем.

Нельзя не учитывать тот факт, что месопотамское предсказание прошло сложное историческое развитие. С течением времени менялись не только вкусы и предпочтения — изменялись в зависимости от времени и места и методы гадания. Они зависели и от общественного статуса: у царя существовали одни способы, у простолюдина — другие; одни обычаи были местные, другие заимствованные и т. д.

Прежде чем подробно остановиться на практике предсказания, необходимо кратко охарактеризовать два основных упоминавшихся метода. При использовании действенного, или оперативного, метода божеству предоставляется возможность непосредственно влиять на объект, активизированный предсказателем (когда последний, например, бросает жребий, наливает в воду масло или возжигает курильницу)⁴¹ Иными словами, божество может повлиять на то, какой выпадет жребий, как растечется по воде

масляная пленка или какую форму примет струйка дыма из курильницы, и тем самым сообщить предсказателю нечто существенное. При использовании второго из названных методов — магического — божество вызывает изменения в явлениях природы — ветер, грозу, движение звезд — или воздействует на поведение, внешние или внутренние особенности животных и даже человека. Здесь также имеется двоякая возможность: действия божества могут быть спонтанными или преднамеренно вызванными. Магический акт предсказания направляется именно на то, чтобы побудить божество дать ответ; он ставит божеству известные условия, что характерно для месопотамского гадания по внутренностям. Предусматривается определенного рода обстановка; оговаривается время, в течение которого божество дает ответ.

Из трех упомянутых способов, относящихся к «оперативной» группе, — бросание жребия, наблюдение за маслом на воде (лекомантия) и за дымом из курильницы (либаномантия) — первый не имел в Месопотамии культового статуса. Мы знаем из юридических документов, что в старовавилонский период и в Сузах жребий бросался для того, чтобы разделить между сыновьями поместье⁴². Из более поздних документов мы узнаем, что доходы храма первоначально распределялись между его служителями по жребию. В этих случаях, бросая жребий (помеченные деревянные палочки), устанавливали некую очередность претендентов, равных по положению, которая была бы приемлема для всех как божественно предписанная. Аналогичный смысл имел ассирийский обычай выбирать чиновника, именем которого должен был называться новый год, с помощью глиняных кубиков. Однако метод бросания жребия не упоминается в руководствах среди способов предвидения будущего. Единственное исключение составляет текст из Ашшура, в котором говорится об использовании двух камней, которые бросали для получения положительного или отрицательного ответа⁴³. Скорее всего этот способ был мало распространен в Месопотамии и, вероятно, использовался неофициально. Больше свидетельств сохранилось из Богазкёйя⁴⁴. В небольшой группе текстов, содержащих знамения и написанных, что характерно, на хеттском, упоминается о предсказании с помощью бросания жребия (пишется значок KIN, хеттское чтение и значение неизвестно)⁴⁵. Хеттские и ассирийские свидетельства наводят на мысль о возможности влияния местного этнического субстрата на возникновение этого типа предсказаний. В немногочисленных случаях локальные обычаи северо-западных районов даже получили отражение в литературе.

В Ветхом завете упоминается обычай, не подтвержденный данными клинописных текстов: «царь Вавилонский остановился на распутье, при начале двух дорог, для гаданья: трясет стрелы, вопрошает терафимов, рассматривает печень» (Кн. Пророка Иезекииля XXI, 21).

По-видимому, также влиянием субстрата объясняется предпочтение, которое оказывалось в том же регионе (Малая Азия —

Ассирия — Сирия — Палестина) птицам в качестве оракулов. «Наблюдатель птиц» как специалист по гаданию, многократно упоминается в ассирийских текстах. В Ассирии в этой роли наряду с местными специалистами выступали военнопленные египтяне⁴⁶. Однажды (в амарнский период) царь Кипра потребовал, чтобы ему доставили авгура узкой специализации — египетского предсказателя, который умел бы толковать поведение орлов⁴⁷. Хеттские источники упоминают «хранителя птиц» среди специалистов-предсказателей; в еще более раннем тексте из Алалаха говорится о дерущихся птицах, за которыми наблюдают, чтобы предсказать будущее⁴⁸. По-видимому, Запад был центром авгурии, т. е. предсказаний на основе поведения птиц, в то время как Месопотамия специализировалась на гадании по внутренностям ягненка. Правда, мы не знаем, наблюдали ли западные авгуры за птицами в неволе или на свободе, поскольку этот вид предсказания не регистрировался систематически в научных компендиях. В одном странном клинописном тексте, обнаруженном при раскопках в Султантепе (бывший Харран, поздний провинциальный центр учености в Верхней Месопотамии), мы находим упоминания о наблюдениях за полетом птиц (они имеются также и в текстах из Ашшура, а одно — в табличке из Ниневии)⁴⁹. Предсказания по поведению птиц нередко встречаются в месопотамских клинописных текстах и перечисляются в табличках, в которых часто говорится о предсказаниях, полученных путем наблюдения за животными. Из текстов *ramburbi* (см. ниже), описывающих апотропеические ритуалы, известно, что встреча с определенными видами птиц предвещала беду.

Обратимся к сборникам клинописных текстов, содержащих знамения. Прежде всего рассмотрим характер и стиль этих многочисленных текстов. Аккадцы старовавилонского периода верили, что все происходящее вокруг не только объясняется конкретными — пусть неизвестными — причинами, но имеет и определенную цель: сообщить наблюдателю намерения той сверхъестественной силы, которая вызвала к жизни эти события. Поэтому довольно рано все заслуживающее внимания стало записываться: сначала отдельные конкретные эпизоды; позднее однородные наблюдения группировались в небольшие сборники. Делалось это для того, чтобы закрепить виденное и пережитое для последующего использования, а может быть, и для будущих поколений. Так, делались записи о странном поведении животных, необычных небесных явлениях и т. д.; тем самым предсказание будущего как бы перемещалось из области фольклора в область научной деятельности. Позднейшая систематизация таких собраний уже может рассматриваться как научное достижение. Они составляют важную часть клинописной научной литературы и являются вполне самобытным продуктом аккадской мысли. Шумерских текстов со знамениями не найдено, но, как мы увидим, гадание по внутренностям жертвенных животных при выборе верховного жреца практиковалось шумерами или, точнее говоря, в Месопото-

тами в те времена, когда шумерский был языком всех письменных документов. Каждая запись в этих сборниках состоит из *протасиса*, где излагается происшествие, точно так же как в любом разделе юридического кодекса, и *аподосиса*, где содержится предсказание. Сам характер изложения происшествия определяет место и последовательность знамений для каждого сборника, причем тематические разделы разграничиваются особыми линиями. В четко написанных библиотечных текстах само расположение знаков в пределах протасиса служит основой для упорядочения бесконечных рядов сходных случаев. Прорицания в аподосисах излагаются с помощью фразеологии, обозначающей, с одной стороны, периоды процветания, всяческих благ и побед, а с другой — голода, бедствий, опустошения применительно к обществу или стране, либо периоды семейного благополучия и успехов в делах — и болезней, несчастий и смертей отдельных людей⁵⁰ И по содержанию и по стилю аподосисы тесно связаны с литературными текстами поздних периодов, которые тоже описывают преимущества мира и процветания, ужасы войны, голода и восстаний и содержат сложно сформулированные благословения и проклятия, похожие на те, которые встречаются в некоторых месопотамских царских надписях и правовых документах. Чем древнее тексты знамений, тем более детальные и конкретные предсказания в них содержатся. Позднее мы наблюдаем большую стандартизацию; кроме того, для той или иной ситуации писцы цитируют несколько предсказаний, почерпнутых из имеющихся у них под рукой двух (или более) оригиналов, содержащих разночтения. Только в исключительных случаях можно обнаружить какую-то логическую связь между предзнаменованием и предсказанием, хотя часто наблюдаются параномастические ассоциации и расчеты, связанные с благоприятствованием человеку того или иного направления или числа. Во многих случаях заметны результаты работы каких-то подсознательных ассоциаций, вызванных специфическими побочными значениями тех или иных слов, придающими последним положительное или отрицательное звучание, которое влияет на общий смысл предсказания. С точки зрения истории литературы интересно отметить, что первоначальная практическая направленность таких собраний со временем стала уступать место попыткам теоретического осмысления, а порой и вовсе ими вытеснялась. Вместо того чтобы попытаться изложить общие принципы толкования знамений в отвлеченной форме, писцы стремились охватить все разнообразие возможных толкований, группируя отдельные случаи попарно (левое — правое, низ — верх и т. д.) или в виде длинных рядов⁵¹. Предсказание, содержащееся в аподосисе, каким бы специфическим и разработанным ни было его словесное оформление, считалось только предупреждением, что в точности соответствует латинскому значению слова *omen*. Если за предупреждением следовал нужный апотропеический ритуал (а некоторые сборники предзнаменований предусматривательно давали их рецепты вслед за перечислением знамений), то все дурные

последствия полученного знамения можно было считать устраненными.

Если предсказатель — *бару* наливал масло в чашу с водой, держа ее на коленях, то это делалось для того, чтобы угадать волю божества в отношении страны или частного лица. Перемещение масляной пленки относительно поверхности воды или кромки чаши могло предсказать царю мир, процветание или войну, восстание; частному лицу это могло предвещать прибавление семейства, успех в делах, восстановление здоровья и удачную невесту, если он собирался жениться, или наоборот. Мы знаем три старовавилонские таблички со знамениями, относящимися к этому способу предсказания, который, очевидно, в более поздний период вышел из употребления. Эти первые таблички позже не копировались; имеется лишь несколько похожих отрывков на табличке из Ашшура⁵² Меньше известно о способе предсказания, толкующем движение и форму струйки дыма из курильницы, которую предсказатель держал на коленях. Здесь имеется только один ранний ниппурский текст и более пространственный текст на табличке старовавилонского периода⁵³

Рассмотрим теперь те «методы общения», которые были придуманы для того, чтобы божество могло «по требованию» передавать сообщения. Чтобы получить от божества ответ, следовало убить жертвенное животное. *Бару*, уже известный нам гадатель по маслу и дыму, сначала обращался к богам-оракулам Шамашу и Ададу с молитвами и благословениями и просил «написать» то, что они желали сообщить, на внутренностях жертвенного животного⁵⁴. Затем он исследовал в традиционной последовательности дыхательные пути, легкие, печень, желчный пузырь, кольца кишок животного, искал отклонения от нормального состояния. Всякого рода атрофия, гипертрофия, смещение, особые признаки и другие аномалии органов считались основой для предсказания. Сложная и детально разработанная техническая терминология давала возможность составить исчерпывающее описание всех наблюдавшихся явлений, со строго научным перечислением как нормальных, так и патологических особенностей. К сожалению, далеко не всегда удается понять используемую терминологию.

Обратимся к генезису месопотамского гадания по внутренностям, что поможет понять сложное происхождение этого способа предсказания. Здесь различаются два направления: одно использует печень (возможно, вместе с желчным пузырем), другое рассматривает почти все внутренности. Иными словами, это гепатоскопия и эктиспиция. Есть основания полагать, что первая была принадлежностью более древней культуры, в то время как вторая представляет местную, месопотамскую разновидность. Предлагаемое здесь разделение — более древняя гепатоскопия и вторичная, более поздняя эктиспиция, — по-видимому, подтверждается следующими соображениями: в позднейшей литературе есть упоминания о конкретных исторических событиях, имевших место в древности и предугаданных жрецами, которые наблюдали за

внутренностями жертвенных животных. Замеченные ими необычные явления всегда касались печени — такие замечания даже специально назывались «знамениями печени». Будущих жрецов-предсказателей в то время почти всегда обучали именно на печени, о чем свидетельствуют дошедшие до нас многочисленные глиняные модели печени. Они обнаружены в самом Вавилоне, но еще больше их найдено в Мэри⁵⁵ и Малой Азии (Богазкёй); недавно несколько слепков нашли в Хацоре (Израиль)⁵⁶. Переписка по политическим вопросам, найденная в Мэри, дает дополнительные доказательства значения гепатоскопии⁵⁷. Характер распространения этого способа в сочетании с общим для всей Азии интересом к осмотру убитых животных, равно как и вера семитов в значение печени как вместилища эмоций, также указывает на то, что в Месопотамии гепатоскопия была древнее экстиспиции и уже стала принадлежностью фольклора. Шумерский обычай выбирать жреца (en) городского божества с помощью гадания на внутренностях жертвенного животного (см. примеч. к гл. VI) говорит о том, что ранняя гепатоскопия находилась на бинарном уровне, т. е. обеспечивала только ответ «да — нет»⁵⁸. Об этом же говорит и любопытный поздний текст, в котором ученый халдейский царь Набонид рассказывает с большими подробностями, как его дочь была избрана богом Луны в качестве верховной жрицы этого культа. Набонид явно подражает древним, повествуя о постепенном сужении круга возможных кандидаток по мере того, как с помощью экстиспиции на разных этапах получаются ответы «да — нет», и мы вполне можем предположить, что в шумерский период жрец en выбирался точно так же.

С методом, который мы здесь называем бинарным, связана еще одна проблема. Во всех существующих сборниках знамений, относящихся к экстиспиции, предсказание всегда совершенно конкретно в пределах двух категорий, благоприятной или неблагоприятной, и часто содержит добавочные малосущественные детали. Должны ли мы на этом основании предположить, что существовали две стадии внутреннего развития: одна, более древняя, с ответами «да — нет» и другая, более поздняя, дававшая в аподосисе более конкретные предсказания? И если так, то можно ли считать, что эти две стадии соответствуют двум историческим этапам: стихийное, народное гадание и предсказание как священная наука, предполагающая профессиональную подготовку, умение толковать наблюдаемое и изучение письменных свидетельств прошедших времен? Если утвердительно ответить на оба вопроса, можно сопоставить и два бывших в ходу метода: один первичный, местный или заимствованный, другой — вторичный, результат интеллектуального творчества, научной разработки и осознанного применения. По-видимому, навсегда останется неизвестным, в какой связи находились между собой эти пары противоположностей — иными словами, имелись ли в полном объеме рядом друг с другом или только сосуществовали в определенные периоды и в определенных ситуациях такие явления, как гепатоскопия, бинарный метод

и основанное на примитивных, неписанных обычаях народное гадание, с одной стороны, и экстиспиция, конкретные аподосисы и научные, регистрируемые на письме предсказания — с другой. Мне кажется, что приведенные выше размышления раскроют читателю всю сложность рассматриваемых проблем и одновременно покажут, что предсказание в рамках месопотамской цивилизации являлось не только существенным средством ориентации в жизни, но и областью, в которой могли проявиться интеллект и талант многих людей.

Мы не знаем, как именно действовал предсказатель, когда его приглашали дать логически связную экспертизу, основанную на осмотре всех жизненно важных органов убитого ягненка, особенно если прогнозы были многочисленными, многословными и расходились между собой. Очевидно, для того чтобы истолковать сообщения богов-оракулов, нужно было разыскать в обширных компендиях материалы, относящиеся ко всем рассматриваемым органам. В позднеассирийский период наблюдается резкое упрощение процедуры; в царских архивах Ниневии найдена значительная группа текстов, содержащих адресованные богам вопросы по государственным делам⁵⁹. Ответ на каждый вопрос состоит просто из списка особенностей внутренностей, осмотренных предсказателем. Он приводит по каждому пункту соответствующее предсказание, почерпнутое из компендиев. На первый план в них выступает только один, главный момент: благоприятны они или неблагоприятны. Чего именно следует ожидать — уже не имеет значения. Короче говоря, предсказания сводятся к ответам «да — нет». Набор ответов на каждый вопрос дает в сумме положительный или отрицательный прогноз — в зависимости от того, благоприятно или неблагоприятно большинство предсказаний. Таким образом, в VIII в. до н. э. мы снова сталкиваемся с бинарным («да — нет») методом предсказания, и, естественно, возникает вопрос: считать ли это каким-то новшеством или допустить, что упомянутый метод использовался на всем протяжении месопотамской истории? Возможно, поздние свидетельства применения бинарной системы объясняются западным воздействием или сохранившимися в Ассирии следами влияния местного этнического субстрата. Не исключено также, что характерная черта месопотамских предсказаний — их конкретность — всего-навсего пережиток какого-то неизвестного нам этапа в весьма приблизительной истории предсказания будущего в Месопотамии. И если так, то из этого следует, что тщательно составленные списки знамений с подробно расписанными предсказаниями служили одной цели — оценивать любую особенность внутренностей только как благоприятную или неблагоприятную.

Судя по сохранившимся фрагментам, общее количество текстов, имевших отношение к экстиспиции, значительно превышало количество текстов, связанных со всеми прочими способами гадания. До сих пор ассириологи не предприняли никаких серьезных попыток организовать материал по экстиспиции в соответствии

с одной или несколькими основными сериями, сокращенными редакциями (сериями подобранных обрывков) или аннотированными «изданиями». Не прослежена должным образом и история компендиев — от первых, еще коротких, старовавилонских табличек до обширных собраний периода Селевкидов. Недостаточно изучены и местные направления. Таблички распределены в соответствии с рассматривавшимися внутренними органами. Не случайно таблички, касающиеся печени, редки, поскольку представляют, как уже указывалось, более древний этап в истории экстиспиции. Конкретные части каждого органа, их особенности и различные пятна обозначаются с помощью таинственной специальной терминологии, напоминающей язык средневековых алхимиков⁶⁰ Для частей внутренних органов употребляются такие обозначения, как «дверь дворца», «путь», «ядро», «набережная»; для их особенностей — «оружие», «подставка». Некоторые таблички содержат иллюстрации, поясняющие трудные термины, или диаграммы (например, кишечных колец). Они помогают читателю наглядно представить, о чем идет речь. Одни глиняные модели печени и легких выполнены тщательно, другие довольно примитивно. Эти муляжи использовались при обучении жрецов, служили наглядными пособиями и демонстрировались в подтверждение предсказания. Для обучения явно предназначались детально выполненный старовавилонский слепок печени, хранящийся в Британском музее, и ряд аналогичных слепков⁶¹, на которых записывались одна или несколько частных примет, для того чтобы наглядно показать связь между наблюдаемой особенностью этого органа и последующим предсказанием. В наиболее древних слепках, найденных в Мэри (старовавилонский период), отражен и закреплён тот вид, который печень имела в момент какого-то важного события. Все эти объемные изображения, снабженные соответствующими надписями, выполняли ту же функцию, что и знамения, перечисляемые в компендиях. Видимо, слепки фигурировали также в качестве вещественного доказательства тогда, когда жрец докладывал, например царю, о произведенном им обследовании внутренностей и сообщал, что именно оно предвещает. Такие «доклады», подкрепленные «иллюстрациями», лежат в основе позднейших отчетов о знаменательных событиях.

Не за каждым знамением следует предсказание: есть и такие случаи, когда просто указывается, что описанные в протасисе факты связаны с каким-то конкретным событием в жизни исторического лица, обычно правителя. Эти «исторические знамения» дают нам, кстати, небезынтересную информацию о многих — чаще всего необычных и трагических — событиях⁶². Подобные записи, однако, не просто свидетельствуют об эмпирической базе месопотамской экстиспиции. Само это явление древнее письменности. Разумнее предположить, что письменная регистрация знамений начиналась в малых масштабах — с составления и систематизации списков примет. В дальнейшем они дополнялись и группировались в обширные серии. Поэтому включение к текстам ссылок

на исторические события скорее всего нужно рассматривать как вторжение в сферу «научной деятельности» предсказателя. Все цари, упоминающиеся в этих исторических ссылках, правили в период до I династии Исина, т. е. за много веков до того, как начался процесс стандартизации литературы предсказаний. Неизвестно, как возник этот обычай и почему исчез.

Методы месопотамской экстиспиции менялись. Так, вплоть до среднеавилонского периода обычай требовал, чтобы предсказатель после каждого обследования внутренностей писал особый отчет, перечисляя в установленном порядке все обнаруженные им знаки и делая в конце вывод — например, благоприятны знаки или требуют повторной экстиспиции. Тут снова возникает вопрос, как рассматривать это явление: как временный технический (или даже бюрократический) вариант или как указание на то, что до среднеавилонского периода в Месопотамии существовала несогласная с официальной линией бинарная школа предсказания. В нововавилонский период отчетов уже не писали, однако в Ассирии им на смену пришли списки вопросов к богам. В них за пространно сформулированными вопросами, касающимися назначения чиновников, верности военачальников или действий неприятеля, следуют ответы богов (обычно утвердительные), а в самом конце идет перечисление наблюдавшихся знамений. С концом старовавилонского периода исчез и еще один вид связанных с экстиспицией текстов: молитвы предсказателя, которые он перед началом церемонии обращал к богу Шамашу, прося вразумительного и недвусмысленного ответа. В этих молитвах детально перечислялись всевозможные благоприятные признаки и особенности, которые предсказатель надеялся обнаружить во внутренних жертвенного животного⁶³.

Экстиспиция представляла лишь один из нескольких способов общения человека с богом через посредство животных. При экстиспиции осуществлялось двустороннее общение («вопрос — ответ»). Но были и два других пути — они описаны во множестве текстов, — при которых бог сообщал о своих намерениях без предварительных вопросов. Первый из них — наблюдение за уродливыми, ненормальными новорожденными животными; второй — наблюдение за поведением животных либо в естественных условиях, либо при особых обстоятельствах.

В Месопотамии рождение уродливых животных и даже детей при определенных обстоятельствах считалось чрезвычайно знаменательным и имеющим непосредственное влияние на будущее государства. Такие знаменья регистрировались еще в старовавилонский период. Они переписывались в Хаттусасе и иногда переводились на хеттский язык, а также были известны в Угарите. С течением времени их объединили в обширное собрание, копии которого были обнаружены в Ашшуре, Ниневии, Калахе и различных пунктах Южной Вавилонии⁶⁴. Собрание состояло по меньшей мере из двадцати четырех табличек и называлось «Если новорожденное животное. . .» или «Если женщина беременна и плод ее

кричит. .». Собрание явно увеличивалось путем наращивания, так как двадцать четыре таблички распадаются на три отчетливые группы. Центральная и самая древняя группа образует сердцевину: она описывает только уродства новорожденных ягнят. К этому были добавлены четыре таблички, перечисляющие случаи рождения у женщин сразу нескольких детей, детей-уродов, непонятных существ, неодушевленных предметов и животных, а также ряд табличек, описывающих аналогичные аномалии при родах у овец, кобылиц, свиней, сук, коз и коров. Важность таких тератологических знамений подтверждается упоминаниями о подобных случаях в частных и царских письмах и рядом ритуалов, предназначенных для того, чтобы спастись от злых последствий, вызываемых рождением чудовищ. ③ научном интересе к серии «Если новорожденное. .» говорят несколько коротких и один пространный комментарий, обнаруженные во многих копиях; они обычно сводятся к объяснению редких и трудных слов.

Выражение божественного предостережения через поведение животных могло осуществляться в трех вариантах: необычное поведение могло быть спровоцировано; наблюдаться в определенном месте и в определенный момент; наконец, просто быть замеченным. Очевидно, поведение животных не считалось заслуживающим научного обобщения (иначе были бы созданы соответствующие компендии), однако эпизодические наблюдения такого рода зарегистрированы.

Традиция вызывать у животных какую-то определенную реакцию, вероятно, не является исконно месопотамской; мы знаем один случай такого гадания, упомянутый в тексте из Султантепе. Там говорится, что быка обрызгивали водой после соответствующих подготовительных церемоний и обращения к богам-оракулам. Реакция быка затем истолковывается по принципу «да — нет»⁶⁵. Считалось, что наблюдать за поведением животных особенно важно в тот момент, когда армия выступает в поход, а также во время религиозного шествия или в разгар религиозного праздника. Особенно важным представлялось поведение животных у ворот города или дворца или в пределах храма. Знамения, относящиеся к таким ситуациям, встречаются в серии *Шумма алу*, но систематически не собирались⁶⁶. Сюда же примыкает небольшой компендиум знамений своеобразного характера. Ввиду продолжительности таинства, в процессе которого бог Шамаш «записывал», как предполагалось, свой ответ на внутренностях жертвенных животных (впоследствии он расшифровывался предсказателем), за поведением животных наблюдали с момента, когда их приводили к предсказателю, и до последних конвульсий. Особенности этого поведения также подлежали истолкованию⁶⁷.

Мы уже говорили о важности места и времени наблюдения за животными. В связи с этим стоит упомянуть, что время и место ожидания ответа от божества определялись жрецом с помощью магии. Один из этих магических способов — та же экстиспация, когда богу-оракулу предлагалось в такое-то время, в таком-то месте

«записать» ответ на внутренностях жертвенного животного. Существовали еще два вида предсказаний, учитывавших фактор времени и места. Свидетельства о них сохранились на табличке из Ашшура и на уже упоминавшейся любопытной табличке из Султантепе. Первая содержит предсказания на основе наблюдения (в определенный момент) за полетом птиц данной породы. Вторая толкует полет падающих звезд. Перемещение тех и других справа налево считалось благоприятным, слева направо — неблагоприятным⁶⁸

Следует обратить внимание на тот факт, что все редкие — немесопотамские — способы предсказания отражены только в текстах западного происхождения, т. е. в текстах из Ашшура и Султантепе. Предсказатель, ждущий появления птицы-оракула, которая должна пролететь над ним в определенном направлении и в определенное время, живо напоминает о практике этрусков выбирать часть неба, в которой авгур следит за поведением птиц, ожидая предсказания. Сравнение имеет целью лишь подчеркнуть мысль, что в различных цивилизациях древнего Ближнего Востока методы предсказания разнились между собой, и если у нас создается впечатление, что месопотамские обычаи были особенно сложны и многообразны, виною тому то обстоятельство, что в письменном виде они запечатлены на глиняных табличках — материале практически вечном. Несомненно, не меньшее количество способов использовали предсказатели в Малой Азии, Сирии, а может быть, и в Египте — просто описания этих способов до нас почти не дошли.

Мы уже говорили, что серия табличек *Шумма алу* содержит знамения, получаемые предсказателем по поведению животных. Свое название она получила по начальным словам первой таблички («Если город расположен на холме. .»). Эта серия заслуживает более подробного рассмотрения: она очень обширна (по меньшей мере сто семь табличек, а возможно, и больше) и отличается довольно сложным составом⁶⁹. Сохранилась, притом довольно плохо, лишь четвертая часть табличек. Это мешает составить представление о содержании всей серии. Однако наличие некоторого количества табличек-«резюме» (одна табличка содержит выдержки из нескольких стандартных табличек серии), фрагменты комментариев и оглавления (перечня начальных строк) помогают дополнить картину. К сожалению, тридцать пять табличек известны только по первым строкам; судьба примерно такого же числа табличек неизвестна вообще.

Серия *Шумма алу* составлена по материалам множества мелких и разнохарактерных сборников знамений: здесь они сведены в некое всеобъемлющее пособие. Одни сборники восходят к старовавилонскому периоду; другие засвидетельствованы только в более поздних версиях⁷⁰. Поскольку серия недостаточно изучена и до сих пор полностью не опубликована, трудно определить время ее окончательного сложения. Вот краткий обзор ее содержания: первые две таблички относятся к городам, следующие — к домам

и к тому, что случается «в четырех стенах». Более двадцати пяти табличек (до таблички сорок девятой по нумерации ашшурского варианта) касаются всевозможных животных. Подробно описывается поведение насекомых, змей, скорпионов, ящериц, муравьев и нескольких неизвестных мелких животных; рассматриваются крупный рогатый скот, ослы и особенно собаки. Три следующие таблички касаются огня. Еще одна содержит политические знамения (табличка пятьдесят третья: «Если царь уважает закон. .»), а восемь посвящены тем или иным вопросам земледелия. После таблички шестидесятой система сохранилась плохо. Среди дошедших в приличном состоянии табличек можно отметить описание сражений с дикими животными (табличка шестьдесят седьмая и сл.) или несколько табличек, посвященных отношениям между людьми (табличка девяносто четвертая и сл.).

Если уж мы упомянули о табличках серии *Шумма алу*, трактующих человеческие отношения, пора перейти к знамениям, связанным с человеком. Месопотамская цивилизация — правда, редко и весьма неохотно — признает, что божество может использовать человека в качестве посредника для выражения божественных намерений. В этой функции человек способен действовать на нескольких уровнях: быть рупором божества, для чего должен прийти в особое психологическое состояние — «пророческий экстаз» (существовало несколько его видов); он может также воспринять божественное откровение во сне; божество также способно подавать «знаки» через тело человека. Они предназначаются для целой группы — например, в случае специфических деформаций или рождения детей-уродов, но могут распространяться и только на их носителя, телесные особенности которого предопределяют его судьбу.

Экстаз как средство общения человека с богом в Месопотамии не занимал столь важного места, как в Сирии и Палестине. Немногочисленные упоминания о нем встречаются в основном в источниках, происходящих из самых дальних западных областей месопотамского *Kulturkreis'a*: из Мэри, хеттской Малой Азии и поздней Ассирии с ее сложным субстратом и арамейскими влияниями. Известно, что с этим состоянием были связаны термины, которые относились либо к физической характеристике самого человека, либо к той особой форме, в которую облакались божественные распоряжения. Сами люди, как правило, не представляли особого интереса, занимали обычно низкое социальное положение, иногда имели какое-то отношение к колдовству. Единственное исключение составляли ассирийские пророчицы богини Иштар из Арбелы и даже Ашшура (мужчины выступали в этой роли редко), которые объявляли волю божества либо как эдикт, от третьего лица, либо пророчествовали от первого лица, отождествляя себя с говорившим через них божеством. В Мэри божественное сообщение передавалось дословно, однако способ его передачи показывал, что отождествления здесь не было⁷¹. Как западная концепция (Мэри и, конечно, Ветхий завет), так и исконная ассирийская (идентифи-

кация пророка и божества) не имеют ничего общего с восточным подходом к взаимоотношениям бога и человека. Интересно, что в Месопотамии шаманские концепции отсутствовали.

Сон, как правило, содержал только «знамение», иными словами, смысл сновидения должен быть соответствующим образом истолкован специалистом. Для этой цели использовались специальные собрания толкований снов⁷² Фрагменты одного такого «сонника» найдены в библиотеке Ашшурбанапала, а несколько более древних табличек показывают, что этот тип текстов был в русле традиции. Однако мы располагаем лишь фрагментами, притом немногочисленными; ясно, что этот тип предсказаний не пользовался большой популярностью. Серия, описывающая вещие сны, состоит из одиннадцати табличек; первая и две последние посвящаются заклинаниям и другим ритуалам, предназначенным для предотвращения последствий дурных снов, т. е. предвещающих болезни и несчастья. Другие рекомендуемые там ритуалы носят профилактический характер: они должны защищать спящего от зловещих снов. Разнообразное содержание снов довольно педантично распределено на большие и малые разделы, которые рассматривают определенные действия, совершаемые во сне, такие, как еда или питье, путешествия и другие повседневные занятия. В разделе, касающемся еды, упоминаются людоедство и копрофагия; в табличке о путешествиях — сны о восхождении на небеса и нисхождении в подземное царство, а также сны о полетах. Упоминаются сны о кровосмешении, выпадении зубов, ссорах с родственниками, получении даров и о переноске предметов. Как и следует ожидать по аналогии с другими типами месопотамских предсказательных текстов, ассоциации, которые связывают сон с выводимым из него предсказанием, редко бывают понятными. Лишь немногие примеры подтверждают упомянутую выше возможность использования человека как носителя «знаков», с помощью которых божество обращается к обществу.

Первые четыре таблички серии «Если новорожденное. .» перечисляют знамения, связанные с рождением детей-уродов, сразу нескольких новорожденных или с какой-либо патологией при родах. Один из разделов первой таблички серии *Шумма алу* соотносит физические особенности отдельных жителей с судьбой всей общины, когда говорит о городе, в котором много калек, глухих и слепых. Упоминаются также города, где много купцов, предсказателей или поваров, и даже один город, в котором живут бородатые женщины.

Считалось, что знаки на теле человека, если их правильно истолковать, предсказывают судьбу или раскрывают его характер. Толкование таких знаков содержалось в собраниях, которые ассириологи называли физиономическими⁷³ Такие признаки, как цвет волос, форма ногтей, величина тех или иных частей тела, характер и размещение родинок и пятен на коже, и многие другие рассматривались более или менее широко в целом ряде серий, наиболее важная из которых содержит десять или более табличек.

Построение серии — пример типичного увеличения путем наращивания, которое мы уже наблюдали на примере серии, связанной с рожденьями («Если новорожденное. .»). Самые ранние тексты старовавилонского периода относятся главным образом к родинкам, в то время как более поздние — из библиотеки Ашшурбанапала, а также с нововавилонского юга — упоминают другие особенности тела человека, странности поведения, речи, походки и даже нравственные характеристики.

Еще одно значительное собрание предсказаний — «Если заклинатель идет в дом больного. .» — посвящено рассмотрению специальных вопросов, связанных с исцелением больных. Серия состоит из сорока табличек и трактует разнообразные проблемы, касающиеся прогноза того или иного заболевания. Эта серия, по-видимому, является поздней компиляцией⁷⁴, хотя некоторые из ее компонентов имеют параллели в более древних текстах; известен хеттский текст — явный перевод утраченного старовавилонского оригинала; существует также средневавилонская табличка из Ниппура⁷⁵. Они свидетельствуют о том, что тексты такого типа имели хождение в упомянутые периоды. Советов относительно лечения больных не давалось. Врачу сообщался диагноз пациента и часто предлагался прогноз исхода болезни — в лаконичных формулах типа «он поправится», «он умрет», иногда с указанием времени и других обстоятельств. Основная форма — та же, которая принята в собраниях предсказаний. Протасис содержит описание внешнего вида больного и его поведения, т. е. объективные симптомы. Они перечисляются по порядку — с головы до ног. Лечение, которое прописывается в исключительно редких случаях, носит магический, а не медицинский характер. Медицинские названия недугов также отсутствуют: упоминается, как правило, божество или демон, их вызвавший. Названию серии соответствуют, собственно, только две первые таблички, описывающие знамения, которые может получить заклинатель по пути к дому посланного за ним больного. Эти знамения сообщают, что ждет больного — выздоровление или смерть. Четыре таблички (после таблички 35), посвященные беременным женщинам, предсказывают на основании пигментных пятен и формы сосков судьбу будущего ребенка, его пол и даже сложность родов. Самая последняя табличка трактует о детских болезнях и напоминает основную массу текстов этой серии, к которой мы еще вернемся⁷⁶.

В ряде таблиц установленный образец предсказания (протасис — аподосис) используется для изложения медицинских сведений. То же несоответствие формы и назначения можно наблюдать в других собраниях знамений, которые фактически являются литературными произведениями, излагающими политические принципы или содержащими рассуждения нравственного характера. Первые можно обнаружить в тексте, предлагающем советы царю (он напоминает средневековый *speculum principis*)⁷⁷, вторые — в тексте, подчеркивающим значение разумного поведения⁷⁸.

Более всего Месопотамия прославилась придворной астрологией. Изучение истории астрологии в месопотамской цивилизации фактически только началось. Ее ранний этап отражен в нескольких старовавилонских табличках с астрологическими знаменами довольно примитивного типа. Они обнаружены в основном на периферии месопотамского влияния — в Богазкёе, Катне, Мэри и Эламе⁷⁹ и подтверждают существование астрологической традиции, которая была весьма сложной уже в старовавилонский период. Об этом же свидетельствуют упоминания в одном позднем тексте о наблюдениях за планетой Венерой в правление старовавилонского царя Амми-цадука⁸⁰ Тот факт, что астрологические тексты привозили в Сузы и Хаттусас и переводили на эламский и хеттский языки, подчеркивает готовность, с которой этот тип предсказаний принимался за пределами Вавилонии еще до возникновения собственно астрологии.

Основной источник астрологических текстов — библиотека Ашшурбанашалы. Одни тексты были найдены в Ашшуре и Калахе, другие — на юге, причем последние датируются главным образом более поздним периодом и происходят из Вавилона, Борсиппы, Урука, Киша и Ниппура. Обнаруженный в Ниппуре средневавилонский фрагмент и еще один, из Нузи, указывают на непрерывность традиции⁸¹. «Каноническая» серия, состоящая по крайней мере из семидесяти табличек, не считая табличек с выдержками и комментариями, называется *Enma Anu Enlil* («Когда Ану и Энлиль. .»), по первым словам торжественного двуязычного введения. В двадцати трех табличках описывается Луна, затем Солнце, метеорологические явления, планеты и неподвижные звезды⁸². Время и обстоятельства, сопутствующие полнолунию и новолунию, связь Луны с Солнцем, солнечные и лунные затмения — все эти «знаки» детально описываются и истолковываются. Меньшее внимание уделяется сияниям, необычным образованиям облаков и перемещению планет (главным образом Венеры) относительно неподвижных звезд. Такие явления, как гром, дождь, град, землетрясение, предвещали мир или войну, урожай или потоп. В архивах Ниневии сохранились сотни астрологических отчетов, посылавшихся ассирийским царям в ответ на вопросы, вызванные подобными явлениями.

Другой уровень астрологии раскрывается в текстах, которые датируются V (410 г.) и III вв. до н. э. Это гороскопы, в которых за днем рождения ребенка (в одном случае и за датой зачатия) следует астрономический отчет, заканчивающийся предсказанием его будущего⁸³. Датировка гороскопов доказывает, что этот тип астрологических текстов для Месопотамии (или, точнее, для Вавилонии) — более поздний, но возник самостоятельно, а не под влиянием греков, как предполагалось ранее. Эти гороскопы сопоставимы с известной селевкидской табличкой, где будущее ребенка предсказывалось на основании астрономических явлений, сопутствовавших его рождению: восхода и движения планет, затмений и т. п.

Из текстов, систематизирующих знамения, нельзя почерпнуть почти никаких сведений относительно идеологической основы предсказания будущего в Месопотамии. Основные проблемы, говоря теологическим языком, сводятся к мотивации божественных предначертаний, точности и неизбежности их выполнения. Добавочная сложность возникает благодаря конфликту между суеверием и религией, т. е. между взглядами додеистического мира и воззрениями теологов.

Заинтересованность божества в благополучии индивидуума или группы, которой адресовано знамение, непременно фокусируется в личности царя. Царю дано — и в этом его привилегия — получать такие знамения и действовать в соответствии с ними. Лишь в редких случаях царь действует вопреки им. Концепция личной ответственности царя перед богом привлекала внимание ассирийского правителя и всего его двора к знамениям. Приближенные царя проявляли естественный интерес к теологическим проблемам, а это вело не только к совершенствованию методов истолкования знамений, но также и к непрекращающимся изменениям способов предсказаний.

Простые люди, о моральных и интеллектуальных проблемах которых нам ничего не известно, гадали наивным эгоцентрическим способом, только частично совпадавшим со способами гадания для царя. Аналогичный контраст наблюдался в области магии, где методы царского двора отличались от народных обычаев теологической разработанностью и научной оформленностью. В составе сборников предсказаний сохранились также сложные ритуалы очищения (*namburbi*), имевшие целью отражать зло, предреченное знаменательными событиями. Их специфическое назначение состояло в том, чтобы сводить на нет путем противодействия зло, предсказанное в аподосисах. *Namburbi*, таким образом, можно рассматривать как ответ теологов предсказателям. Жрецы, руководившие обрядами очищения, своей деятельностью как бы реагировали на тот факт, что додеистическая, народная традиция гадания переместилась на другой уровень, сосредоточившись в руках царей или других лиц, прибегавших к обряду очищения. Чтобы поддержать авторитет жрецов, укрепить веру в эффективность их магии, следовало отвергнуть концепцию неизбежности исполнения предсказаний⁸⁴

Откровенно скептическая реакция на бесчисленные дурные предзнаменования обнаруживается лишь в редких случаях. Тем не менее то обстоятельство, что такие факты все же имели место в Месопотамии — и исходили к тому же от царя, — заслуживает упоминания⁸⁵ Одно из нескольких сказаний о Нарам-Суэне, которое дошло до нас в старовавилонской версии и в более поздних вариантах из Ниневии и Харрана, описывает ужасное состояние царя, которому боги отказали в оракулах. Царь вопрошает: «Разве лев когда-нибудь устраивал экстиспиции? Разве волк спрашивал когда-либо [совета] у толковательницы снов? Подобно разбойнику, я буду поступать по своей собственной воле!» Вскоре он, правда,

раскаялся в своем кощунственном порыве, и ему посчастливилось услышать речь Иштар, явившейся вечерней звездой. Интересно, что, возвещая о своих намерениях в момент гордыни (*hybris*), Нарам-Суэн недвусмысленно признает право жить и действовать, не сообразуясь со знаками божественного благоволения или порицания, только за животными или изгоями. Нормальная, цивилизованная жизнь (и ее высшее воплощение — образ жизни самого царя) должна была руководствоваться знамениями, и лишь такой прославленный властитель, как Нарам-Суэн, мог решиться на критическое высказывание — и то в такой форме и в таком контексте, которые сводили на нет эффективность этого жеста⁸⁶. Однако даже те цари, которые считались суеверными, не всегда в должной степени верили предсказаниям жрецов. Это мы знаем из одного очень показательного пассажа в письме, адресованном Асархаддону: «Вот что он [текст] рассказывает об этом затмении, которое [случилось в] месяце нисан: „Если планета Юпитер находится на небе во время затмения, это благоприятно для царя, потому что вместо него умрет какое-то важное лицо [при дворе]“, но царь закрыл свои уши — и смотрите, еще не успел пройти месяц, как умер верховный судья»⁸⁷

Временами недоверие к предсказаниям объяснялось неуверенностью в профессиональной честности предсказателей. Когда читаешь отчеты предсказателей ассирийским царям, чрезвычайно забавными кажутся их усилия путем невероятно сложных рассуждений истолковать дурные предзнаменования в благоприятном смысле. Цари, по-видимому, были осведомлены о подобной практике: недаром Синаххериб разделял предсказателей на группы, для того чтобы исключить тайный сговор между экспертами при подготовке ответа на важный вопрос⁸⁸.

Для Месопотамии совершенно не характерна та безграничная вера в предсказателей, о которой так выразительно сказано в Ветхом завете (Кн. Пророка Исаяи. XLVII, 13): «... пусть же выступят наблюдатели небес и звездочеты и предвещатели по новолуниям, и спасут тебя от того, что должно приключиться тебе».

«НА ОБОЖЖЕННЫХ КИРПИЧАХ»

Плиний

Наличие письменности — характерная особенность ранних цивилизаций Юго-Западной Азии. В начале III тысячелетия всюду — от Инда до Нила — можно было встретить различные системы письма. Хотя внутри этого региона, несомненно, имелся единый центр, откуда был дан первоначальный импульс, тем не менее возникло несколько совершенно различных систем письма. Позднее различия между ними приобрели устойчивый характер и стали частью культурных традиций той или иной страны. Таким образом, пространство от Инда до Нила оказалось важным центром распространения письменности по всей Евразии. Одни системы письменности были отсюда просто заимствованы, другие возникали или перерабатывались под влиянием ранее здесь существовавших.

Роль письменности

Важнейшими системами письменности в названном регионе были: клинопись, как в Месопотамии, так и за ее пределами, египетские иероглифы, а также ряд алфавитных систем письма, зародившихся на берегах Средиземного моря. Близкие к ним, пока еще не расшифрованные или мало разработанные системы мы оставим за пределами нашего исследования. К ним следует отнести вид письма, который обычно называют хеттскими иероглифами, древнеперсидскую систему алфавитной клинописи, частично расшифрованную письменность или, вернее, системы письменности Крита, нерасшифрованное протоэламское письмо, письменность долины Инда и некоторые другие, от которых сохранились только следы¹

Три основные системы письменности породили каждая собственную технику письма, основанную на применении и использовании особых инструментов и материалов. Эта техника повлияла, в свою очередь, на возможность сохранения текстов, а также на объем и даже характер дошедшей до нас информации. Глиняные таблички, на которых писали народы, применявшие клинописные системы письма, явились наилучшим — самым дешевым и прочным — материалом из всех когда-либо использованных человеком для письма. Папирус, пергамент, кожа, дерево, металл и камень сохранились до наших дней лишь случайно. Климатические условия, характер почвы и вмешательство людей часто

уничтожают такие материалы полностью. Там, где люди перешли от использования глины к каким-либо другим менее устойчивым материалам, погибли письменные памятники ряда эпох. Именно это случилось с документами, характеризующими заключительный этап месопотамской цивилизации.

Полная утрата документов, составленных на коже или пергаменте и относящихся к формированию корпуса, известного ныне под названием «Ветхий завет», вынуждает современных ученых прибегать к реконструкции основных этапов истории создания этих текстов. Надписи на камне и металле, обнаруженные в Египте, в большинстве случаев сильно отличаются по содержанию и стилю от текстов, записанных на свитках папируса или коже. Утрата последних создает трудности, которые всегда будут серьезно осложнять попытки египтологов восстановить литературные памятники важной цивилизации. По сравнению с этими трудностями проблемы, с которыми сталкиваются ассириологи, представляются второстепенными. Земля Месопотамии еще долго будет возвращать человечеству таблички с записями, которые она так хорошо сохранила.

Цивилизации древнего Ближнего Востока оставили нам записи трех типов. Это, прежде всего, тексты, фиксирующие информацию для использования ее в будущем, затем записи, передающие факты на синхронном уровне, и, наконец, как я их называю, «церемониальные надписи». Последний термин покажется неясным только нам, современным людям Запада, где такой вид записей стал редким явлением. Число документов в каждой цивилизации распределяется между тремя названными видами в зависимости от местных условий и потребностей. Предпочтение, отдаваемое тому или иному виду записей, не стабильно, оно меняется не только от цивилизации к цивилизации, но и в ходе исторического развития каждой из стран. Я вынужден рассмотреть эти виды записей лишь в самом общем виде и постараюсь при этом уделить особое внимание использованию их в каждой цивилизации. Начнем с записей, фиксирующих информацию.

Итак, имеется пять основных целей, ради которых делались записи: фиксация административных распоряжений, кодификация законов, оформление священных канонов, создание анналов и, наконец, научные цели. Нет оснований рассчитывать, что это перечисление будет сколько-нибудь полно отражать множество оттенков. Каждый из них имел только ему свойственное значение и функции в соответствующей цивилизации.

К письму в административных целях прибегали в древности там, где персонал и товары (предметы торговли — материалы или готовые изделия) проходили через бюрократические каналы и находились под наблюдением официальных лиц, занимавших ответственные должности лишь определенный срок.

В области распределения, подобного тому, которое существовало в месопотамских дворцах и храмах, чиновники регистрировали поступающие налоги, дань и урожай с царских и жреческих

владений, изделия, изготовленные в мастерских, а также распределение материалов и продуктов среди ремесленников и работников (этот вид записей, строго формализованный и бухгалтерски четкий, часто встречается в Месопотамии, а также там, где официальные лица под влиянием Месопотамии обращались в сходных ситуациях к письму на глиняных табличках). Данные подобного рода в Египте не сохранились. Несколько случайно дошедших до наших дней папирусов и остраконов заставляют нас остро ощутить эту утрату.

В тех случаях, когда не применялась письменность, с успехом использовались бухгалтерские методы оперативного учета, которые, как это хорошо известно, применялись за пределами изучаемых нами цивилизаций. Имеются доказательства, что различные приспособления для оперативного учета (такие, как счета и бирки) существовали также и в Месопотамии ².

Широкое распространение бюрократии как социального явления или, точнее, как способа социальной интеграции в прошлом характерно и для Месопотамии, и для Египта. Оно нашло своеобразное и неожиданное отражение в некоторых клинописных текстах, описывающих царство мертвых. В них упоминается писарь правителя умерших, который заранее составляет списки тех, кому предначертано умереть в каждый данный день ³. Это упоминание о «божественной бухгалтерии» можно с большим основанием, чем деятельность божественного писца и покровителя писцов Набу, сопоставить с известной фразой Псалма 138 о Божьей книге, куда вносятся все дни людей еще до того, как они ими прожиты. Под влиянием позднейших эсхатологических веяний образ божества, мудрого администратора, пекущегося о своих клиентах и подданных, был заменен представлением о причинной обусловленности человеческой воли и таинственной его судьбе, предначертанной божеством ⁴.

Кодификация законов получила широкое распространение в древние времена на Ближнем Востоке. Известно большое число собраний законов, действовавших в Месопотамии и других областях. Сохранилось несколько шумерских ⁵, аккадских ⁶ и хеттских ⁷ судебных кодексов, а также ряд кодексов, включенных в Ветхий завет. Есть также указание на то, что и в Египте существовал свод законов, записанный на папирусе ⁸. Непосредственные цели таких записей очевидны: заменить устные традиции и обычаи или привести законы в соответствие с изменившимися социальными, экономическими и политическими условиями. Выше уже говорилось, что месопотамские кодексы законов превратились в «свод» намерений царя или бога изменить ту или иную ситуацию и имели целью подчеркнуть их заинтересованность в улучшении благосостояния своих подданных. В какой степени эти законы в действительности применялись и насколько «буква» закона преобладала над жизнью, нас сейчас не интересует. Однако следует заметить, что представление о безусловном подчинении условий реальной жизни требованиям писанных законов было чуждо Месопотамии, а воз-

можно, и всему древнему Ближнему Востоку. Лишь позже и на периферии иудаизму, стремившемуся создать в идеологических целях специфическое социальное общество, удалось достичь реализации подобной практики.

Не только законы, но и сакральные знания сохранились в письменных памятниках интересующих нас цивилизаций. Под сакральными знаниями мы понимаем «историю» божеств, религиозных лидеров, этнических и других групп, поскольку такая «история», являясь частью идеологии общины верующих, поддерживала и сохраняла их объединения. Записи такого рода делались в целях сохранения основ существовавших традиций, верований и представлений, изменявшихся под воздействием социальных перемен или внешнего давления. В таких случаях причины применения письменности в корне отличались от тех, по которым требовалась кодификация законов. Цель записи — зафиксировать традицию, а не приспособить ее к реальным условиям. Предполагалось, что письменное фиксирование преданий воспрепятствует чрезмерному спонтанному росту корпуса текстов. Однако главной целью было стремление помешать теологу по-своему интерпретировать «историю», усложнить или включить в нее что-либо новое, влекущее за собой искажения. В этих обстоятельствах возникало несколько типичных ситуаций. Так, мог появиться текст, который одновременно отражал в своих формулировках внутреннее давление, имеющее целью изменение традиций, и тенденцию сопротивления этому. Текст Ветхого завета в том виде, в каком он сохранился, ярко отразил такой конфликт. Могло быть и по-другому: текст оставался неизменным, но явно или скрыто он сосуществовал с противоречащей ему традицией. Особая ситуация возникла, по-видимому, в Месопотамии в отношении эпоса «О сотворении мира». Что касается темы и стиля названного сочинения, то легко впасть в искушение увидеть в нем закрепление богословских основ веры, важных для всей цивилизации, и начать сравнивать его с египетской «Мемфисской теологией»⁹ Такая трактовка, под-сказанная тем, что мы знаем о Ветхом завете, неприемлема для эпоса «О сотворении мира». Это произведение, хотя и появилось сравнительно поздно, обнаруживает влияние более ранних текстов и традиций, связанных главным образом с культом Мардука в Вавилоне. В этом эпосе на литературном уровне отражены более ранние, возможно локально ограниченные, обычаи, как, например, мимическое ритуальное представление, которое исполнялось во время празднования Нового года. Таким образом, если эпос «О сотворении мира» и излагает историю Мардука как историю божества и объясняет сотворение мира с позиции теологии, то и в этом случае данное произведение не предназначено для народа, а только для возрождения связи между жрецом и богом. Этот эпос читали не для верующих в качестве доказательства могущества творца мира, а самому богу. Это был гимн в честь Мардука, в котором жрецы восхваляли своего бога.

Хотя сохранилось немало документов по истории древнего

Ближнего Востока, однако анналы, в которых бы тщательно фиксировались текущие события, встречаются лишь изредка и только в позднюю эпоху. Многие документы, которые на первый взгляд кажутся историографическими, на самом деле упоминают исторические события совсем для иных целей. Даже столь известный и уникальный памятник, как египетский «Палермский камень», при внимательном рассмотрении оказывается лишь перечнем ежегодных жертвований фараонов различным храмам; утраченная «Книга войн Яхве» и некоторые вавилонские хроники и анналы отмечают победы и поражения с чисто теологических позиций¹⁰. Все же эти документы предполагают существование традиции составления ежегодных хроник, которая, по-видимому, была порождена бюрократической практикой, существовавшей издавна в дворцах и храмах. Записи, содержащие фундаментальные историографические сведения, такие, как старовавилонские списки дат и перечни ассирийских эпонимов, также преследовали практические цели. По политическим, а иногда и научным соображениям, эти материалы включались порой в литературные произведения.

Использование письма для регистрации того, что мы сейчас называем научными данными, началось в Месопотамии с глубокой древности и продолжалось до последних дней существования этой цивилизации. Уже в старовавилонский период имелись записи предсказателей о гаданиях по внутренним органам животных. Наблюдения над особенностями исследуемых органов в них четко отделены от истолкования, которое давалось на основе прецедентов либо выводилось дедуктивным методом. Спустя примерно тысячу лет появились столь же точные описания движения планет среди созвездий, восходов и заходов Солнца и Луны. Хотя нет никаких письменных свидетельств, мы с уверенностью можем утверждать, что подобные наблюдения позволили позже установить определенные закономерности в движении небесных тел, которые месопотамские астрономы выразили математически, что в конце концов обеспечило греческих астрономов из Александрии важной информацией.

Письменность использовалась также как средство передачи информации на синхронном уровне для составления писем, царских указов и публичных объявлений. Благодаря прочности материалов для письма в наших руках оказались тысячи месопотамских писем. Надписи публичного характера использовались в политических и юридических целях. Их наносили на каменные обелиски характерной формы (Египет, Сирия, Месопотамия) и на каменные *kudurru*, наиболее типичные для Вавилонии. Бросается, однако, в глаза отсутствие в Месопотамии таких надписей, как погребальные — весьма важных для средиземноморских цивилизаций. Надписи обычно содержат обращение к прохожему, называют умершего по имени и призывают не трогать памятник¹¹. Единственный такой текст, обнаруженный в Месопотамии, говорит о матери вавилонского царя Набонида. Царь от первого лица (что

типично для погребальных надписей) рассказывает о жизни матери, а также сообщает в постскриптуме о ее похоронах ¹². Форма, содержание, стиль надписи настолько мало согласуются между собой в этом позднем и уникальном документе, что у нас есть все основания признать его необычность.

Значительная часть текстов, как египетских, так и месопотамских, предназначена для подготовки писцов и, таким образом, для сохранения их ремесла и традиций. Об этих текстах мы расскажем в следующем разделе главы.

К «церемониальным надписям» относится большее число текстов, чем ожидает читатель. Сюда следует включить многочисленные надписи из Египта и Месопотамии, не предназначенные для здравствующих на земле или по крайней мере написанные не для этой цели. Все египетские погребальные надписи (от «Текстов пирамид» до «Книги мертвых»), а также многочисленные клинописные документы, замурованные в фундаменты зданий в Вавилонии и Ассирии, — конусы, призмы, цилиндры, таблички — следует отнести к этой категории. Ни один из таких текстов не был адресован современникам. Однако именно эти «церемониальные надписи» донесли до нас значительную часть той информации, какой мы сегодня располагаем о Египте и Месопотамии. Это же относится и к надписям, высеченным возле речных порогов на скалах и в ущельях. Главная цель таких надписей состояла в том, чтобы магически связать царя с богами. «Церемониальное письмо» встречается и в других случаях, где его магическое назначение также не вызывает сомнения. Примерами такого применения письменности могут служить многочисленные амулетовидные таблички с клинописными надписями и филактерии, гарантирующие здоровье и благополучие детей ¹³. Размер надписей на месопотамских амулетах колеблется от кратких заклинаний против демонов до больших литературных опусов (например, «Эпос об Эрре», служивший для защиты дома от чумы). Те же цели преследовали египетские «тексты проклятий» ¹⁴, призывающие к уничтожению перечисленных в них врагов. Изредка встречаются свидетельства о символическом акте раскалывания клинописной таблички, на которой, очевидно, был перечень грехов. Это делалось для того, чтобы освободить больного от грехов и излечить ¹⁵.

Писцы

Клинописные тексты создают уникальную возможность увидеть эволюцию системы письма. Сейчас можно проследить почти все стадии, кроме первоначальной. Для этого в нашем распоряжении более чем достаточно материалов, которые позволяют изучить палеографию, проанализировать историю письменности, динамику ее развития, тенденции к разнообразию и стандартизации, приспособление письменности к внутренним потребностям, а также адаптацию к нормам чужого языка. Таковы лишь некоторые аспекты рассматриваемой проблемы.

На начальной стадии развития шумерской клинописной системы можно лучше, чем в других подобных системах, проследить переход от логографического к фонографическому принципу письма. Бюрократический аппарат администрации должен был периодически отчитываться о перевозке товаров, сырья, скота. Применение словесных знаков (логограмм) для таких целей или для регистрации обычных торговых сделок стало столь же необходимым и, вероятно, естественным для писцов делом, как и употребление знаков для обозначения чисел и мер. Когда установилась практика ведения письменных записей, такие символы стали широко применяться для обозначения количества, качества, вида предметов, а также характера сделок. Позже, когда появилась необходимость обозначать новые предметы и материалы, а также имена собственные (личные или географические), создатели этой системы хитроумно воспользовались принятыми ранее словесными знаками для того, чтобы, соединяя их как соответствующие слоги, применять их для передачи новых слов — короче говоря, составлять фонограммы. Слоги (обычно односложные слова) прочитывались без учета их первоначального значения, которое они имели как логограммы. В результате получалась невообразимая смесь: писцы еще не отказались от использования того или иного знака как логограммы, в то же время где-то в другом месте текста эта же логограмма могла встретиться уже как фонограмма, причем ни графического, ни какого-либо иного разделения между логограммами и фонограммами не наблюдалось. Такая смешанная система с использованием одних и тех же знаков, но с различными функциями была чревата многочисленными осложнениями, которые писцы должны были преодолевать, проходя долгий и трудный курс обучения. В конце концов от этой системы пришлось отказаться. Следует, однако, подчеркнуть, что исчезновение месопотамской клинописи было обусловлено не ее природной трудностью по сравнению с более простыми алфавитными системами. Такое утверждение было бы необоснованным упрощением.

В сущности, алфавитные системы восходят к прототипу, который представляет собой адаптацию месопотамской техники письма: самые древние алфавитные символы наносились тоже на глину клинописными знаками¹⁶ Предшествовало ли письмо на глине более позднему написанию алфавитных знаков чернилами на пергаменте или дереве, или же глиняное письмо представляло собой один из вариантов перехода от более древнего чернильного письма к использованию глины — это не имеет принципиального значения.

Алфавитные системы начали с последней трети II тысячелетия до н. э. вытеснять клинописную, так что сохранилась она только в немногих местах. Однако она была упразднена и там. В Вавилонии клинописная система изжила себя в результате замены аккадского языка арамейским (а не соревнования с более эффективной и легкой системой алфавитного письма) и применялась позже лишь в ограниченном и непрерывно уменьшавшемся числе случаев.

В качестве курьеза следует упомянуть новый подъем в распространении поздней клинописной системы по инициативе ахеменидских правителей (VI—IV вв. до н. э.) в Южной Персии и в Сузах. Она представляла собой сложный гибрид логографических, силлабических и алфавитных элементов и, по-видимому, обязана была своим происхождением стремлению персидских царей иметь собственную «национальную» систему письма, отличную от используемых вавилонянами и эламитами¹⁷ Таким образом, можно сказать, что персидская система просуществовала какое-то время скорее по соображениям престижа, чем вследствие потребностей администрации.

Почти не вызывает сомнения, что принцип логографического письма был изобретен шумерскими предшественниками тех месопотамцев, которым принадлежат самые ранние из признанных шумерскими надписей на глине. До сих пор остается неясной зависимость между постулируемым протошумерским письмом и более поздней, еще не расшифрованной системой письма, которую мы называем протоэламской, потому что она была обнаружена до сих пор только в Сузах и их окрестностях. Проблематична также связь этих систем с письменной системой долины Инда. Расшифровка этих последних писем пролила бы свет на древнейшие стадии месопотамского письма, но мало надежды, что имеющихся данных окажется достаточно для их расшифровки. Обычно считают, что египетская иероглифическая система развилась хотя и независимо от клинописной, но под ее влиянием. Концепция письма распространяется легко в условиях, когда социальная организация общества достигает определенного уровня развития и сохраняет способность положительно реагировать на стимулы извне.

На наш взгляд, вместо того чтобы обсуждать вопрос о распространении систем письма и зависимости одной из них от другой, гораздо важнее заняться исследованием характерных случаев их применения в различных цивилизациях. Переход от логограмм к фонограммам в Месопотамии был ускорен, по-видимому, вследствие полисинтетического характера шумерского языка, а также обилия в нем сложных существительных с классифицирующим элементом в начальной позиции. Как уже указывалось, переход шумерского письма от логографического к фонографическому не был доведен до конца. Распространение передачи на письме грамматических показателей — различного рода коротких слогов, присоединяющихся к ведущему слову путем префиксации, инфлексии или суффиксации (эти элементы добавлялись к логограмме ведущего слова), — еще больше усложнило эту систему. Затем она была перенесена с шумерского на аккадский язык. Фонограммы были просто заимствованы, несмотря даже на то, что их звуковой состав был явно недостаточным для передачи всех фонем первых аккадских диалектов (тигро-аккадский). Все это привело к появлению значительного числа неадекватных написаний, вызванных различиями в фонологических системах двух языков. Некоторые

логограммы были заимствованы для передачи существительных, прилагательных и даже глаголов, примерно соответствующих шумерским. Ради облегчения идентификации таких слов стали добавлять к логограмме фонограмму, для того чтобы точно указать, какое аккадское слово подразумевается и в какой грамматической форме его нужно читать. Такое развитие сопровождалось палеографической эволюцией, которая сводилась к упрощению и стандартизации форм знаков и к уменьшению их числа.

Последующий сдвиг, который привел к установлению господства старовавилонских диалектов (евфрато-аккадских), еще более изменил палеографию и систему письма. Хотя сложная и трудная для усвоения система знаков сохранялась всюду, где на аккадском диалекте писали клинописью, применение знаков, обозначающих целые слова, уже в старовавилонский период значительно сократилось. Их сохранили для обозначения лишь некоторых наиболее часто встречающихся существительных, таких, например, как «божество», «царь», «серебро», «город». Постепенно в обиход ввели несколько новых знаков. Были выработаны другие способы передачи существенных для аккадского языка фонетических различий. Но и в этом случае ряд знаков фонетически и фонологически представлялся двусмысленным (это относится, в частности, к звонким и глухим согласным и к согласным с так называемой «эмфатической артикуляцией»). Это, а также унаследованная многими знаками поливалентность (красноречивое свидетельство перехода от нешумерского языка к шумерскому) делали для писцов задачу еще более трудной. В процессе обучения им приходилось подолгу изучать различные пространственные справочники. Таким образом, писцы по необходимости превратились в группу высокообразованных специалистов, о методах обучения которых речь пойдет ниже. Все это объясняет застой и даже регресс, который наблюдался вскоре после перехода от шумерского языка к аккадскому в клинописной системе письма. Сколько-нибудь значительных упрощений или попыток рационализации письма в этот период не происходит, хотя то тут, то там писцы начинают игнорировать сложные знаки и в текстах на специальные темы наиболее ходовые логограммы встречаются в сокращенном виде. Противоположная картина обнаруживается в поздний старовавилонский период и особенно заметной становится в собраниях ассирийских текстов первой половины I тысячелетия до н. э.: здесь использование логограмм резко возрастает. Правда, это явление ограничивается научными текстами специального характера, главным образом текстами предсказаний. Логограммы появляются как для существительных, так и для глаголов и снабжаются минимумом фонетических добавлений, необходимых для установления синтаксических связей. Их применение позволяет писцу использовать квазиматематическую точность и формульную краткость изложения, которая делает тексты такого рода почти непонятными для непосвященных.

Несмотря на явные недостатки этой системы письма, а также на ее сложность, она оказалась достаточно гибкой для того, чтобы

быть использованной такими иноземными языками, как хеттский, эламский, хурритский и урартский. Только в нескольких случаях пришлось пойти на создание диакритических вариантов и особых приемов для передачи состава иноязычных фонем без значительного искажения¹⁸

С палеографической точки зрения тексты четко различаются по времени и месту написания, а также по своему типу; в их внешнем оформлении есть определенные различия: в форме глиняных табличек, в расположении строк и столбцов текста. Стали очевидными и некоторые общие тенденции, в особенности различия между скорописью и монументальным стилем письма, между ассирийскими и вавилонскими формами знаков, между техническими приемами писцов. Школы писцов появились в самые ранние периоды. Писцов учили пользоваться палочкой для письма (стилем) и различать смысл знаков, прививали им основы шумерского языка, насколько это считалось необходимым, и обучали строгим правилам изготовления глиняных табличек (определенная форма, состав глины и т. д.), а также порядку размещения на них записей.

На гладкую и мягкую поверхность мокрой глины легко нанести соответствующими инструментами знаки, которые сохраняются независимо от того, обжигать ли таблички или только высушивать на солнце. Глина сохраняет тончайшие линии, нанесенные на ее поверхность палочкой, мельчайшие детали оттиска цилиндрической печати, которую прокатывают по влажной табличке, или вдавленного отпечатка плоской печати. В прошлом для письма глину использовали тремя способами: в виде подвесных печатей на узлах веревок, которыми завязывались мешки и корзины; табличек, разнообразных по форме и размерам; и, наконец, в особо торжественных случаях — в виде имеющих церемониальное назначение призм, цилиндров, бочонков, на которых помещали гораздо больше строк, чем на табличках.

Клинописные знаки обычно вдавливались тростниковой палочкой (стилем), которая изредка делалась также из дерева или другого материала. Стиль применялся и для разлиновки таблички; вертикальные линии, разделяющие столбцы, иногда наносили с помощью нитки, протягиваемой по мягкой табличке. Некоторые таблички покрывали слоем высококачественной глины, что позволяло писать текст знаками меньшего размера. Формы табличек широко варьировались. В одних случаях это были тонкие прямоугольники или квадратики величиной с почтовую марку, в других — большие по размерам подушкообразные таблички с тонкими или толстыми краями вплоть до прекрасных больших таблиц, размером в иных случаях до 90 см. Строки, как правило, наносили параллельно меньшей стороне прямоугольника. Для каждого периода и района существовали характерные особенности. Кроме того, форма и размер таблички зависят от содержания текста (юридический документ, письмо или официальный текст). Поэтому по форме глиняных табличек можно их классифицировать, не читая текста. Если же таблички предназначались для заключения важных

делок или закладки в фундамент какого-либо здания, то их изготавливали из камня или металла.

В древнейший период слова писались на табличках одно под другим в разлинованных ячейках, расположенных вертикальными полосами от правого края к левому. Лучше всего это иллюстрирует текст Кодекса Хаммурапи, записанный именно таким, в то время уже устаревшим, способом. Вскоре метод записей на табличках был изменен. На табличках размером с ладонь письмо было повернуто на девяносто градусов влево. Таким образом, первое слово текста, который когда-то наносили силлабическими знаками в направлении сверху вниз, стоявшее в первой ячейке у правого края таблички, теперь оказалось в первой ячейке, или первой строке, первого столбца, в левом верхнем углу. Для того чтобы заполнить табличку с другой стороны, ее обычно поворачивали так, чтобы нижний край занял верхнее положение. Большие таблицы делились на параллельно расположенные столбцы. Писцы заполняли их лицевую сторону слева направо, а оборотную — в противоположном направлении. На всех важных по содержанию табличках и в литературных текстах обычно оставлялось место в последней колонке либо для подведения итогов, либо для заглавия сочинения. Этот раздел, так называемый *колофон*, содержал в литературных текстах ту информацию, которая в современных книгах помещается на титульном листе: заглавие (обычно начальные слова или первая строка), имена владельца и писца, а иногда дата и пояснения писца, относящиеся к оригиналу, с которого он делал копию. В колофоне иногда указывалось, что данный текст носит секретный характер. Тогда далее встречались проклятия по адресу тех, кто без разрешения унесет табличку или задержит ее на ночь. Если литературное или научное произведение оказывалось слишком большим и его нельзя было поместить на одной табличке, тогда колофон указывал первую строку той таблички, на которой текст продолжался. Обычно таблички таких серий нумеровались, иногда даже помечались двумя цифрами, обозначающими порядок таблички в серии в целом и в каком-либо подразделе. В библиотеках таблички таких серий хранились на полках или глиняных скамьях связками, скрепленными веревками с глиняной печатью, указывающей на содержание произведения¹⁹. Некоторые из таких печатей, так же как и каталоги, в которых перечисляются серии табличек по названиям и часто указывается, какое число их входит в каждую серию, дошли до наших дней²⁰. Частные архивы хранились обычно в глиняных кувшинах. Обширные записи писцов администрации III династии Ура хранились в корзинах с соответствующими печатями (их обнаружено довольно много). Для того чтобы быстро найти в архиве нужную табличку, пользовались специальными пометками, нанесенными на ребро табличек (III династия Ура). Позже таблички с нововавилонскими документами снабжались арамейскими приписками, в которых кратко излагалось их содержание, чтобы облегчить пользование табличками писцам, которым, по-видимому, было трудно читать клинопись²¹

Чтобы заменить ручное письмо более эффективными способами, были сделаны два технически интересных изобретения. Однако они крайне редко применялись месопотамскими писцами. Обычай писать имя царя и название сооружения на кирпичках, из которых строились дворцы, храмы и другие здания, привел к изобретению глиняных штампов. В некоторых из них использовались вынимающиеся и заменяемые знаки, наподобие ручного набора²². Заслуживает внимания и такой технический прием: писцы города Сузы в Эламе использовали цилиндры с выгравированными на них проклятиями. Прокатывая цилиндр по глине, получали оттиск и таким образом избавлялись от утомительного труда, связанного с нанесением формул от руки²³.

В начале I тысячелетия до н. э. писцы стали пользоваться длинными узкими деревянными табличками, покрытыми тонким слоем воска, на которые наносили клинописные знаки. Не совсем ясно, было ли это подражанием чужеземной технике письма или изобретением местных писцов, стремившихся отличиться. Недавно обнаружили набор таких табличек. Он состоит из ряда продолговатых желтого цвета пластинок, концы которых соединены кожаными ремнями, так что они раскрываются, как ширмы²⁴. Ясно, что такую «книгу» намного удобней носить с собой, нежели набор тяжелых, объемистых и хрупких глиняных табличек. Тем не менее мы утратили бы большую часть литературных и научных клинописных текстов, если бы такие книги получили широкое распространение. Есть все основания утверждать, что книги, изготовленные из ценных пород дерева, в то время считались предметом роскоши. Не исключено, что это был арамейский способ письма, существовавший еще до того, как аккадские писцы начали применять его для клинописи, и что с потерей этих недолговечных книг, возможно, погибла вся арамейская литература в Месопотамии²⁵.

В противоположность шумерской и особенно египетской литературе в аккадских текстах редко восхваляется ремесло писца и его роль в обществе. Мы почти ничего не знаем о социальном положении, благосостоянии и политическом влиянии месопотамских писцов. Покровителями этого ремесла сначала была богиня Нисаба, а позже — бог Набу, в храм которого, называвшийся Эзида, писцы в качестве жертвенных приношений обычно дарили красиво написанные таблички. Неизвестен характер связей между этими божествами и писцами. В ряде случаев искусство писцов передавалось в семье из поколения в поколение. Образование и упражнения подготавливали ученика к умению читать и писать любой вид текстов. Об этом можно судить по двуязычным сочинениям, в которых говорится о большом разнообразии предметов, входивших в учебную программу²⁶. Сохранилось лишь несколько указаний на специализацию писцов: одни из них занимались исключительно астрологическими и астрономическими табличками, другие в качестве чиновников служили при дворе Навуходоносора II, так же как и «городские писцы», упоминающиеся в средне- и новоассирийских текстах среди высших официальных лиц.

О методах обучения писцов можно судить по большому числу «школьных» табличек небольших чечевицеобразных дисков со знаком, словом или коротким предложением, написанным учителем на одной стороне (или над строчкой). На обратной стороне (или на строчку ниже) мы видим попытки ученика скопировать данный пример. Другие учебные таблички, часто плохо написанные, содержат отрывки из литературных произведений, скопированные учениками.

Начав с простых знаков и групп знаков и переходя постепенно к написанию более сложных и трудных словосочетаний, учащийся должен был копировать и учить наизусть произношение и чтение различных рядов и комбинаций знаков. Писцов полагалось учить по четкой программе: это относилось как к начальным этапам обучения, так и к изучению литературных произведений. Первые таблички из известных серий дошли до нас в большем числе копий, чем последующие, а заключительные нередко и вовсе не сохранились. От писца-ученика, по-видимому, не требовалось закончить копирование одной серии, прежде чем перейти к другим текстам, предусмотренным программой обучения.

Иногда ученик воспроизводил таблички не в учебных целях, а просто для учителя или для себя лично, что было обычным способом собирания коллекций. Некоторым, вероятно наиболее ученым, писцам удавалось создать с помощью своих учеников личное собрание табличек. Писцы школ, которые существовали при дворцах и храмах, были экономически обеспечены и располагали свободным временем, что позволяло им интересоваться специальными темами. Так создавались коллекции табличек по различным отраслям знаний, которые ассириологи обычно называют библиотеками. Они обнаружены в Ашшуре, в Султантепе и во многих пунктах Южной Месопотамии, причем их нашли не археологи-профессионалы, а многочисленные кладоискатели, в конце XIX в. разграбившие эти коллекции. Следует, однако, подчеркнуть, что настоящая библиотека в подлинном смысле этого слова, систематическое собрание клинописные таблички, существовала в Месопотамии только в Ниневии. Она была создана в правление Ашшурбанапала, и значительная ее часть сохранилась до нашего времени. Из личных писем Ашшурбанапала известно, что собирание табличек было его увлечением. Он специально направлял своих людей в Вавилонию на поиски текстов и проявлял столь огромный интерес к собиранию табличек, что лично занимался отбором текстов для библиотеки.²⁷ Многие тексты с научной аккуратностью по определенному стандарту весьма тщательно копировались для этой библиотеки; их колофоны называют Ашшурбанапала и содержат упоминания о том, что царь интересуется литературой и наукой. Мы уже говорили о количестве табличек в библиотеке; к сожалению, до сих пор не было систематического изучения состава библиотеки Ашшурбанапала и происхождения табличек и групп текстов. Тем не менее есть указания на то, что значительная часть библиотеки поступила из древней столицы Ассирии, Калаха, куда

Тиглатпаласар I (1115—1077 гг. до н. э.) после завоевания Вавилона, по-видимому, привез древние вавилонские оригиналы²⁸. В библиотеку Ашшурбанапала были включены также частные коллекции. Изучение первоначального состава куюнджикской коллекции могло бы дать важную информацию по истории развития мысли в Ассирии.

Особый вид текстов, созданный месопотамскими писцами первоначально для учебных целей, со временем стал образцом научного преподнесения любого материала. Эти тексты состояли из знаков, групп знаков и слов, расположенных на табличках вертикально узкими колонками. Такого рода списки предназначались для обучения писцов написанию знаков и одновременного запоминания их произношения. Если какой-нибудь знак имел несколько значений, то он повторялся столько же раз, сколько их насчитывал. Из пособия чисто мнемотехнического характера эти тексты развились в полноценные справочники, пригодные для обучения писцов высшей категории. Их невозможно игнорировать при изучении и описании месопотамской цивилизации; большое количество текстов делает совершенно необходимым изучение этих «силлабариев», или «вокабуляриев». Эти древние списки оказывали большую помощь при расшифровке клинописи и установлении аккадской лексики и грамматики с первых дней существования ассириологии. Значительная часть их была опубликована еще до первой мировой войны, однако после этого было сделано лишь несколько попыток систематизировать эти материалы, исследовать их форму и функции. Тридцать лет Бенно Ландсбергер занимался подготовкой этих текстов к публикации. В результате в последние пятнадцать лет вышли в свет первые несколько томов²⁹.

Рассмотрим краткое описание этих материалов, расположив их типологически. Списки знаков, которые были распространены в начале старовавилонского периода, делились на три вида. Первый содержал слоговые знаки, сгруппированные по последовательности гласных: *u-a-i* (например, *bu-ba-bi*); второй — знаки, группировавшиеся в зависимости от их начертания в большие или меньшие группы; третий вид ассириологи называют *Ea* — по первому знаку. Первые два вида списка знаков использовались для начального обучения за пределами Ниппура, а третий — в самом Ниппуре. Первый вид не претерпел никаких изменений, второй же (ассириологи когда-то называли его «Силлабарий а» или S^a) получил дальнейшее развитие. На нем мы и остановим свое внимание. Эти знаки, тщательно выписанные один под другим, со временем были снабжены слева указанием (с помощью простых слоговых знаков) их чтения по-шумерски, а справа — аккадскими названиями. Таким образом появились трехколонные силлабарии, в которых вертикальные линии четко разделяли отдельные столбцы (произношение → знак → название знака).

Ниппурский силлабарий (типа *Ea*) оказался первым этапом в позднейшей сложной цепи взаимосвязанных списков. Первоначально он содержал знаки, необходимые для обучения элементар-

ному чтению и письму на шумерском языке. Текст содержал не только знаки, но и все варианты их чтения, которых благодаря полифоническому характеру системы письма было немало. Первоначальный вид силлабария, называемый теперь условно *Proto-Ea*, вскоре увеличился и обогатился; таким образом появилась обширная серия, состоящая из сорока табличек, в которой к первоначальной системе, напомилавшей S^a , была добавлена еще одна, четвертая колонка (крайняя справа) с аккадским переводом каждой шумерской логограммы, и часто не с одним, а с несколькими. Аккадцы называли этот силлабарий по первой строчке $\acute{a} A=naqu$ (букв. «а» — произношение знака «А» в значении «жаловаться»). В нескольких вариантах этого типа колонка с названиями знаков была пропущена. Для практических целей из полного текста делались выписки; один такой сокращенный вариант на восьми табличках называется *ea A=naqu*. Из последнего извлечен двутабличный компендиум для элементарного обучения («Силлабарий b^b », S^b), содержащий наиболее употребительные знаки и их значения.

Акрофонический список знаков и их сочетаний использовался в Ниппуре для обучения писцов высшей квалификации. Первоначальный шумерский список (так называемый *Proto-Izi*) был позже расширен и снабжен аккадскими переводами и состоял по крайней мере из шестнадцати табличек. Еще одна ниппурская серия служила для подобной же цели: это первоначально двуязычные серии *diri DIRI siaku=watru* [*dipu* — это произношение знака DIRI, называемого *siaku*, букв. («*cu*» + «а») в значении «избыточный»]. При акрографическом расположении список ограничивался группами знаков, шумерские чтения которых отличаются от чтения отдельных компонентов. Он составляет семь таблиц.

Тенденция к созданию двуязычных списков (вокабуляриев) усиливается начиная со средневавилонского периода. Многочисленные новые списки классифицируют группы синонимов, обычно включающие три слова. Один такой список состоит более чем из десяти таблиц, другой — более чем из шести таблиц. Сюда относятся также серия списков, расположенных по темам *alan=lanu* и серия $SIG_4+ALAM=nabnitu$, которая содержит на более чем тридцати табличках шумеро-аккадские соответствия, причем выдерживается принцип расположения согласно аккадской колонке. Эта серия называет части человеческого тела, начиная с головы и кончая ступнями. В ней также даются глаголы, передающие действия этих частей тела.

Традиции разных периодов и различных школ оставили свой след в ряде фрагментарных списков слов и знаков. Мы не говорим о тех из них, которые, возможно, принадлежали к упомянутым сборникам, многие из них плохо сохранились.

Теперь целесообразно рассмотреть тематические списки слов. Они появились в древний период и стали позже играть важную роль. Эти списки составлены исключительно из существительных и объединены в большие группы. Первоначально они состояли из

последовательно подобранных составных шумерских существительных, т. е. из существительных с классифицирующим элементом в начальной позиции. Начальный элемент служил критерием для подбора слов. Позже они были снабжены аккадским переводом, в ряде случаев не вполне удачным. Мы имеем списки слов, в которые включены названия деревьев, деревянных предметов и многих других классов вещей. В поздний старовавилонский период из шумерских прототипов развилась знаменитая двуязычная серия на двадцати двух табличках (таблички 3—24), называемая HAR. *rā* = *hubullu*. В ней говорится о деревьях, деревянных предметах, тростнике и изделиях из тростника, о глиняной утвари, кожаных изделиях, металлах и металлических предметах, домашних животных, диких зверях, частях человеческого тела, камне и каменных предметах, растениях, животных, рыбах и птицах, шерсти и одежде, местностях разного рода, пиве, меде, ячмене и других продуктах. В колонке слева содержится шумерское слово, начинающееся с классифицирующего элемента, а в колонке справа переводится либо все шумерское слово, либо его существенная часть. С течением времени многие из аккадских слов стали редкими или устарели и в новой серии была добавлена вторая аккадская колонка с объяснением, которое дополняло прежний перевод новым. Эта новая серия, содержащая все перечисленные термины, распределенные на три колонки, называлась HAR.GUD = *imru* = *ballu*.

Другая тематическая серия из четырех табличек содержит названия различных категорий людей: чиновников, ремесленников, калек и т. д. Эти списки несомненно являются уникальным материалом не только для лексикографов, но и специалистов, изучающих технику и другие реалии. К сожалению, вся та информация, которой они так богаты, еще далеко не использована.

Так как список считался образцовым пособием для обучения и филологических упражнений, то и другим сочинениям, связанным с этим видом деятельности, стремились придать такую же форму. Ряд грамматических текстов, предназначенных для обучения аккадских писцов шумерской морфологии, сохранились в форме списков, датируемых как старо-, так и нововавилонскими периодами и даже еще более поздним временем. Чтобы показать различия диалектов внутри шумерского языка, была создана серия, в которой перечисляются сначала диалектная форма (*eme.sal*), затем слово основного диалекта и, наконец, в третьей колонке дается аккадский перевод (эта серия называется *dimmer* = *dingir* = *ilu*)³⁰ Сохранился также старовавилонский компендиум из Ниппура, содержащий юридические формулы для обучения писцов правильному составлению сделок и контрактов³¹ Отрывки из него по неизвестным причинам входят в серию HAR. *rā* = *hubullu* и содержатся в двух первых таблицах, которые, таким образом, совершенно отличаются от основной части этого сочинения. То, что было, по-видимому, своего рода фармакопеей³², тоже было оформлено в виде списка; совершенно естественно, что подобный

вид имели и перечни богов и богинь³³, а также каталоги звезд. Стоит упомянуть списки синонимов, поясняющие редкие, устаревшие или диалектные аккадские слова более ходовыми; в этих списках обе колонки — аккадские. Они относятся к позднему периоду. К еще более высокой ступени обучения писцов можно отнести особые сборники списков, которые, по существу, являются справочниками. Так, в нашем распоряжении имеются тексты, детально описывающие внешний вид камней и растений и сообщающие их названия. Как использовали эти тексты в древности, установить невозможно, но не следует приводить их в качестве доказательства научного интереса к минералогии и ботанике.

Может быть, мы излишне подчеркивали практический элемент в истории возникновения рассмотренных нами многочисленных списков. Но такое истолкование, на мой взгляд, проще и больше отвечает основным особенностям этих списков, чем квазимифологическая теория *Ordnungswille* («стремление к порядку»), согласно которой писцы, создававшие списки, руководствовались желанием «организовать» окружающую их вселенную, регистрируя все, что они видели вокруг, и описывая результаты своих наблюдений в узких колонках на глине³⁴. Столь же необоснованным представляется утверждение о том, что списки слов с названиями растений, животных и камней были как бы первичными курсами ботаники, зоологии и минералогии. Такие утверждения порождены сегодняшней обстановкой, когда чуждая нам цивилизация обязана иметь «научные» достижения, чтобы считаться заслуживающей изучения. Вот почему к изучению этих многочисленных и разнообразных списков следует подходить так же, как и к другим явлениям культуры, усматривая в них те же наслоения, то же предпочтение добавлять и усложнять (вместо того чтобы вносить структурные изменения), которые можно видеть, например, в месопотамских юридических правилах, в развитии вотивных надписей или в архитектуре храмов. Короткий и простой по структуре образец письма служил писцам для того, чтобы передавать разнообразное и сложное содержание. Форма не влияла на содержание и не определяла его; она являлась только способом выражения. Образец становился формой, в которую отливалось последующее развитие. О результатах использования каждого из них можно судить, лишь сравнивая достигнутое с исходным образцом. Любой другой подход может создать запутанную и несную картину.

Ранее уже говорилось о свидетельствах «политической» двуязычности Месопотамии безотносительно к научной стороне этого явления. Традиционная двуязычность месопотамского писца сохранялась благодаря обучению, при котором активно использовался шумерский материал. Интерес к шумерской грамматике и лексикографии эффективно поддерживался усиленным использованием этого языка в религиозных текстах. Традиция составлять шумерские тексты с межстрочным аккадским переводом также способствовала сохранению двуязычности. Переводы шумерских

текстов вначале писались в виде глосс (более мелкими знаками) под шумерской строкой или в свободных местах, оставшихся в строке, а позднее отдельными строчками под шумерским текстом и лишь изредка — на обратной стороне таблички. Эти переводы далеко не всегда точны, но их значение для изучения шумерского языка было замечено уже давно. Несмотря на это, все еще нет систематического исследования текстов этой категории, хотя они представляют важное лингвистическое достижение древних месопотамских писцов. Тексты эти либо религиозные по характеру и назначению, либо «магические». Такова, например, обширная серия, которая называется «Злые духи», и другие подобные сочинения. Шумерская поэзия переводилась очень редко (сочинения *Lugale melambi pergäl* и *Andimdim*). Столь же редко снабжались аккадским переводом многочисленные коллекции шумерских поговорок.

Творчество

Приступая к изучению творческого начала в чужой литературе, мы сразу же сталкиваемся с трудностями, поскольку читатель знаком в лучшем случае лишь с ограниченным числом хорошо известных, многократно переведившихся текстов. Отказавшись от перечисления разнообразных литературных форм, бытовавших в Месопотамии, и составления своего рода переводной антологии литературных отрывков, я вынужден избрать трудный путь исследования художественных средств и набора поэтических тем. Этот путь не даст нам исчерпывающего ответа на вопрос о природе и целях творчества, однако позволит читателю составить все-таки какое-то представление о сути явления.

Если любые клинописные тексты, связанные не только с передачей информации, отнести к числу «литературных», то их можно разделить на две основные группы. В одну войдут собственно «поэтические» произведения, для которых характерно определенное содержание и круг тем, а также ограниченный и строго формализованный набор выразительных средств. Другая группа будет менее четкой, поскольку признаки, по которым объединяются входящие в нее тексты, не столь очевидны, а правила, которым они подчиняются, не столь жестки.

Сначала обратимся к произведениям первой группы. Они различны по происхождению, тону и назначению, но их объединяют такие общие черты, как ритмическая организация основных синтаксических единиц (предложений и частей предложений), организация структурная, т. е. объединение стихов (или предложений) в короткие (двустушия) или более длинные (четверостишия, строфы) группы, особый поэтический словарь и круг тем. Благодаря ритмической организации предложение делится на части, от четырех до шести-семи слов в каждой; система ударений при этом такова, что в каждом стихе — два полустушия, разделенных цезурой, которую писцы зачастую старательно указывают, остав-

ля промежутков в строке. До сих пор остается неясным, какой принцип стихосложения, тонический или силлабический, лежал в основе ритмической организации слов или словосочетаний в стихотворной строке (возможно, что использовались оба). Ни полустишия, разделенные цезурой, ни парные строки двустишия не связаны аллитерацией или рифмой, хотя составляют единое целое: связь осуществляется здесь лишь на смысловом уровне. Смысловое содержание каждого стиха, как правило, повторяется дважды в параллельных, разделенных цезурой полустишиях — прием, известный под названием *parallelismus membrorum*. При этом обычно первый член (полустишие) формулирует заданную мысль в определенной ритмической манере, а второй повторяет ее в ином словесном оформлении, используя более ярко выраженную «поэтическую» лексику, т. е. менее употребительные слова или слова с несколько неожиданными ассоциациями. Этот нехитрый принцип может быть распространен на полустишия в пределах двух, а для достижения особого эффекта и много большего числа строк. Цель этого приема — объединить стихи, усилив их поэтическое звучание с помощью сходных формулировок одного и того же (а иногда и противоположных) высказывания.

Например:

Когда наверху — небо названо не было,

Внизу земля — не имела названья

или

Даже боги испугались потопа,

Отступили, поднялись к небу Ану;

Улеглись снаружи, как псы, свернулись.

Иштар кричит, как женщина в родах,

Госпожа богов стонет — та, чей голос прекрасен.

Поэтическое впечатление создается сразу от воздействия ряда факторов: тщательным распределением информации между небольшими смысловыми единицами и повторением и противопоставлением этих единиц в общей схеме произведения. Все это подкрепляется подбором слов, отличающихся либо семантическими нюансами, либо редкими и искусственными формами. Кроме того, мы не в состоянии уловить многие поэтические эффекты, достигаемые модификациями глагольного корня, нахождением оригинальных средств при образовании существительных, использованием усложненной синонимии, когда автор подбирает не только слова, но даже слоги. Эту динамичность в выборе значений и очарование, производимое разнообразием и богатством словаря, сплавляет в поэтическое единство организующий ритм поэмы. Как уже отмечалось, нет возможности показать те элементы, которые создают этот ритм, но он явно используется на двух уровнях: внутри строки образцом служит структура, при которой большая нагрузка (и больше слов) приходится на вторую половину строки; в построении строфы строки связываются по две и более подчеркивающим эту связь ритмом. При этом мы часто наталкиваемся на явное отклонение от нормы, которое невозможно объяснить логически,

но которое помогало удерживать внимание слушателей. Мы не можем также сказать, применялись ли эти и другие отклонения от ритмической структуры специально, или считались допустимыми, или, может быть, их сглаживали, когда читали поэму вслух. Вопросы такого рода связаны с фонетической ролью ударения, с количественной долготой гласных в разговорном языке и с историей рассматриваемого поэтического жанра. Предназначались ли эти поэмы для чтения или их должны были петь? Исполнял ли их певец в сопровождении музыкальных инструментов, или без него, или, может быть, с хором? Дополнительные трудности возникают, если в поэтической традиции Месопотамии существовала дихотомия — шумерская поэтическая форма и содержание, резко отличные от аккадской поэзии и даже от поэзии общесемитского происхождения. Вот почему следует сосредоточиться скорее на характеристике, чем на истории возникновения месопотамской поэзии.

Очевидно, подобная поэзия лучше всего подходит для описаний, гимнов и торжественных обращений; они легко членятся на короткие высказывания. Медленный и полный достоинства темп, свойственный такой поэзии, не подходит для передачи драматических событий. Этим объясняется ограничение тематики; только некоторые ситуации рассматриваются как материал, подходящий для использования в поэзии. Когда читаешь описание битвы Мардука с Тиамат, отрывки из «Эпоса о Гильгамеше», в котором излагаются события, приведшие к всемирному потопу, уничтожившему почти все человечество, или такие небольшие произведения, как, например, историю Адапы, то нельзя не заметить влияния этого своеобразного поэтического стиля. Поэт проявляет склонность к сочинению торжественных речей, к описанию предметов, приготовлений и результатов определенных столкновений, не жалея сил для написания стихов, предназначенных скорее для развлечения читателя или слушателя, нежели для развития действия. Крупные же события и важные перемены в судьбах героев передаются скупо и минимальным количеством стихов. В результате создается впечатление, что повествование состоит из ряда статистических ситуаций, связанных лишь краткими переходами, благодаря которым и развивается основной рассказ. Все это в сочетании с явным отсутствием интереса к динамике событий, к бытовым реалиям, к социальной основе жизни, на фоне которой ведется повествование, объясняет удивительную безжизненность большей части эпической клинописной литературы. Конечно, талантливый поэт в состоянии искусно маневрировать, учитывая эти особенности, и позднейшая версия «Эпоса о Гильгамеше» в ряде случаев подтверждает наличие такого умения.

Обратимся теперь ко второй группе произведений клинописной литературы. Поэтические устремления этих литературных трудов выражены более тонко. Поэтому требования, которые они предъявляют к форме и содержанию, установить трудней. К этой категории следует отнести различные царские надписи из Вавилонии и Ассирии в тех случаях, когда они содержат больше чем минимум

необходимых слов и не сводится к стандартному отчету о военных кампаниях. Когда эти тексты обращаются к описаниям местности, пустынь или гор, лесов или болот, к рассказу о героических деяниях царя, о вмешательстве богов в сражения или об иных неожиданных поворотах событий, заметно меняется характер повествования — нудное изложение и официальные фразы уступают место стилю, который с полным правом можно назвать поэтическим. По выразительности многие места в царских надписях обычно более поэтичны, чем стихи. Ничто лучше не иллюстрирует это, чем сравнение сообщения Синаххериба о битве при Халуле с мифологическим или космологическим состязанием между Мардуком и Тиамат, описанным в четвертой табличке «О сотворении мира»³⁵. В этой поэме сначала утомительно излагаются бесконечные приготовления и сборы к битве и только последние двенадцать стихов посвящены самой битве. Описание победы Мардука не производит сильного впечатления, так как оно основано на примитивном приеме, который довольно часто встречается в фольклоре³⁶. Форма произведения поэтическая однако ни дух ни стиль изложения не заслуживает такого определения. Совершенно по-иному описана битва Синаххериба. О ней живо рассказано в пятидесяти пространных строках, и так сильно чувствуется огромная увлеченность и упоение радостями битвы что читатель воспринимает эту прозу как поэзию. Образы здесь яркие и сочны, грубый натурализм чередуется с восторженным полетом религиозной фантазии. Надпись следует литературной традиции, которая хорошо знала, как использовать формальные и лексические возможности языка. Именно поэтому здесь обнаруживается такая изобретательность в сравнениях, в описании подробностей боя и триумфа победы. Этот рассказ о битве и описании ландшафта в отчете Саргона о его кампании в горах и лесах Армении, фантастический рассказ о путешествии Асархаддона через пустыни Аравии и полное напряжения описание Ашшурбанапалам поражения восставших арабов намного превосходят по литературному мастерству современные им поэтические произведения ассирийцев. Подобным же духом проникнуто описание участия Навуходоносора I в битве с эламитами, хотя здесь картина и подается в вавилонском «ключе»³⁷. Если даже допустить вероятность связи между новым стилем в исторических надписях начала I тысячелетия до н. э. с некоторыми поэтическими литературными произведениями, то и в этом случае остается неясным, почему две поэтические традиции — одна в исторических текстах, а другая в традиционных литературных жанрах — сосуществовали в Месопотамии? Хотя казалось странным писать царские надписи в поэтической форме, однако была, по-видимому, некая генетическая связь между ними и шумерскими гимнами, что подтверждается возвышенным, напоминающим гимны стилем некоторых разделов ассирийских царских надписей.

Обсуждая проблемы поэтической формы, мы затронули также вопросы содержания поэтических произведений. Мы предполо-

жили, что месопотамская поэзия предпочитала описания статических ситуаций и пересказ речей героев изложению драматических событий. Лишь изредка, как это можно наблюдать в отдельных фрагментах из старовавилонского «Гильгамеша», уделяется внимание реалиям и делаются попытки ввести в литературу немифологическую тематику и показать реакцию индивидуума на окружающий мир³⁸. Нет недостатка в отрывках, которые заставляют признать наличие способностей у поэта наблюдать и умение использовать свои наблюдения и образно мыслить. И все же космические явления, символика снов и главным образом произносимые героями торжественные речи занимают большую часть текста известных нам эпических произведений.

Обратимся теперь к рассмотрению содержания и стиля наиболее важных литературных произведений и к оценке с учетом уровня современных знаний важнейших литературных текстов. Во избежание простого перечисления литературных произведений, а также их фрагментов сузим интересующую нас область. Литературная история Месопотамии может быть обрисована лишь в самых общих чертах, и я глубоко сомневаюсь в том, что в нашем распоряжении достаточно материалов для написания истории месопотамской литературы.

Месопотамская литература предоставляет уникальную возможность определить степень переосмысления шумерского наследия. В одних случаях оно просто сохранялось, в других — получало дальнейшее развитие, как это было во многих областях искусства и техники. Иногда шумерские достижения оказывались намного превзойденными, как это было с искусством предсказания будущего и науками. В литературе положение более сложное. Вавилонская литература с ее богатством и разнообразием жанров переживала взлет в то время, когда шумерский этап месопотамской цивилизации еще не закончился, но в нем уже начался упадок. И все же многие литературные темы и приемы, характерные для шумеров, хотя и в измененном виде, были положены в основу вавилонской литературы. Насколько известно — это уникальное явление в культурной истории Месопотамии, хотя возможно, что когда-нибудь глубокое исследование развития религии откроет сходную картину.

Важнейшее место среди месопотамских эпических произведений на аккадском языке — не только по обширности и степени сохранности — занимает «Эпос о Гильгамеше». Представление о высших достижениях Месопотамии в области литературы можно составить, исследуя все, что нам известно об этом важном произведении. Самая поздняя версия этого эпоса сохранилась в библиотеке Ашшурбанапала на двенадцати табличках, содержавших свыше трех тысяч строк, а также на обломках табличек, датируемых нововавилонским периодом. Более ранний материал можно изучать по шумерским версиям, по пяти старовавилонским табличкам и по трем копиям, найденным на западе: одна — из Богазкёйя, вторая — из Мегиддо³⁹ и третья — из Угарита⁴⁰. Как хеттские, так и хурритские переводы были обнаружены в Богазкёйе⁴¹.

Несмотря на относительно большое количество источников, пока невозможно восстановить весь текст без лакун, приходящихся на самые критические моменты повествования. Прежде чем переходить к разбору этого эпоса, следует опровергнуть широко распространенное мнение о нем как о столь значительном произведении литературы, что его можно назвать «национальным» эпосом. Как известно, все так называемые «национальные» эпосы начиная с «Энеиды» Вергилия, бесспорно, имитируют эпос Гомера. Поэтому навязывание месопотамской литературе в качестве образца подобного произведения, относящегося к определенному времени, должно быть заранее отвергнуто. К тому же в клинописных текстах нет никаких доказательств того, что «Эпос о Гильгамеше» занимал особое положение в их литературе. Напротив, есть указание на то, что весь этот эпос был мало известен в самой Месопотамии.

Несмотря на широкий кругозор, разнообразие приключений, психологическую привлекательность и часто изысканную поэзию, это эпическое произведение не заинтересовало месопотамских писцов. По немногим сохранившимся фрагментам пока невозможно воссоздать, даже предположительно, историю текста. Версия произведения из царской библиотеки в Ниневии все еще оценивается как наиболее важная; без содержащейся в ней информации вряд ли можно было бы понять смысл нескольких более ранних фрагментов. В различных литературных текстах того времени отсутствуют цитаты из «Эпоса о Гильгамеше». Следовательно, особого отклика это произведение не вызвало. В тех же литературных текстах приводятся цитаты и перефразированные фрагменты из «Эпоса об Эрре». Значит, это сочинение в тот же период пользовалось популярностью и распространилось шире, чем «Эпос о Гильгамеше». Характерно, что ни персонажи, ни яркие события, ни подвиги, которых так много в тексте «Гильгамеша», почти не упоминаются в остальной литературе. Фантастический мир «Эпоса о Гильгамеше» не оставил заметных следов в месопотамской иконографии⁴². Все это резко контрастирует с многочисленными, бесспорными и увлекательными параллелями к «Эпосу о Гильгамеше», которые встречаются в Ветхом завете, в угаритской и греческой мифологии (сюжетные мотивы и персонажи), а также с той популярностью, которую он приобрел за пределами Месопотамии. Один греческий писатель даже предложил несколько видоизмененный вариант «Эпоса о Гильгамеше»⁴³.

Жизнь и приключения Гильгамеша во время его безуспешных поисков бессмертия рассказаны на одиннадцати из двенадцати табличек⁴⁴. Параллельные сцены — одна в начале первой, другая в конце одиннадцатой таблички умело превращены поэтом в своеобразную рамку, придающую рассказанной истории законченность и подчеркивающую тщетность поисков Гильгамеша: герой возвращается на то же место, откуда начал свой путь. Это показывает глубокое понимание драмы, заключающееся в том, что первый эпизод произведения — возведение Гильгамешем стены в его родном городе Уруке — единственный подвиг героя, который обещает,

даже обеспечивает ему бессмертие. Поэт дважды описывает эти стены, преследуя совершенно разные цели: во введении, обращаясь к читателю, он рассказывает об этих стенах, связанных роковым образом с главным героем. В конце повествования Гильгамеш по воле поэта вновь описывает стены Уршанаби, в момент, когда с гордостью знакомит гостя с городом и его стенами. Но во втором случае Гильгамеш умалчивает о том, что история его жизни тесно связана с городскими стенами. Эта его сдержанность удивительна и непонятна. Стремление к бессмертию — основной мотив эпоса — довольно примитивно подается как, во-первых, желание героя сохранить вечную молодость, а во-вторых, как стремление к совершению удивительных подвигов ради славы, которая служит средством продлить существование личности за порогом могилы. В эпосе не затронуты две связанные между собой темы: бессмертие, которое дети, особенно сын, могут обеспечить отцу, и вечная слава, обретаемая творцом за созданное им великое сооружение. Намеки на второй вид бессмертия достаточно ясные, но не навязчивые, встречаются в обрамлении эпоса и угадываются также в некоторых подробностях рассказа об угнетении жителей Урука, которые вынуждены нести царскую повинность. Ссылки на наследников Гильгамеша подчеркнуто отсутствуют. Можно предположить два объяснения такой сдержанности: в литературной традиции не был известен какой-либо сын Гильгамеша (несмотря на шумерский «царский список»). Возможно также, что поэт создавал последний вариант произведения при дворе царя, у которого не было наследника. На эту тему, видимо, было наложено табу, и придворный поэт старался возможно деликатней изложить историю Гильгамеша, с тем чтобы отразить трагическую судьбу собственного царя и вместе с тем дать ему определенную надежду. Намеки на нее можно усмотреть в последней, двенадцатой табличке в описании потустороннего мира, в котором Гильгамеш правит и после смерти. Он является там божественным судьей над тенями, руководит ими и дает те или иные советы, точно так же как Шамаш, который служит живым. Введение в историю Гильгамеша описания потустороннего мира типичный шумерский литературный мотив — обнаруживает скорее желание угодить здравствующему правителю, нежели намерение ослабить пессимистическое впечатление от неудачи царя добиться бессмертия, о чем рассказывается в первых одиннадцати табличках⁴⁵. Конечно, это рассуждение основано на аргументах *e silentio*, так как старовавилонские фрагменты «Эпоса о Гильгамеше» не подтверждают предположения о том, что двенадцатая табличка включена в поэму уже в раннюю эпоху. Можно более или менее убедительно показать, что явно чуждая эпосу история потопов вошла в основной сюжет позже. Это обстоятельство делает более убедительным предположение о том, что последняя табличка была позже включена в основную часть произведения.

Введение к эпосу вызывает и другие вопросы. Воспев Гильгамеша как мудрого, много путешествовавшего человека, поэт рас-

сказывает о его последнем деянии — сооружении стелы, на которой герой написал о своих странствиях. Предполагается, что именно из этого источника поэт почерпнул ту информацию, которую включил затем в свой эпос. Намек на то, что эпос взят из текста стелы, не более чем литературный прием, рассчитанный на читателя, достаточно искушенного, чтобы оценить его, а не считать доказательством подлинности текста или, что еще хуже, попыткой обмануть его критическое чутье.

Термин «читатель» здесь введен для того, чтобы отметить мое несогласие с некогда модной теорией, по которой в Месопотамии существовала поэзия бардов, влиявшая на возникновение и развитие эпической традиции. Авторы этой теории безосновательно предполагают, что такие же условия, как в Греции, существовали и в Месопотамии. Однако литературная жизнь в названной стране вовсе не обязательно должна была развиваться по греческому образцу. Иногда шумерские эпические произведения («История Энмеркара»), несомненно, создавались при царском дворе, как и те, что написаны на аккадском языке. Надо признать, однако, что древние аккадские версии «Эпоса о Гильгамеше» с их отчетливой поэтической структурой наводят на мысль о влиянии на них народной поэзии. Следует поэтому в поисках источников месопотамской эпической литературы обращаться ко всем видам поэзии, включая народную, дворцовую и творчество образованных людей, т. е. поэзию письменную.

Вторая половина введения в эпос довольно убедительно свидетельствует о том, что это произведение предназначалось скорее для зрительного восприятия, чем для декламирования. Когда поэт пишет о Гильгамеше как о строителе стен Урука и храма Эанна, он обращается к читателям с призывом ознакомиться с этими строениями, коснуться их, войти в храм, взобраться на стены. Таким приемом автор пытается достичь связи с читателем на уровне чисто зрительного воображения. Никакой певец не может призывать аудиторию к подобным действиям, и обращения такого рода не могут существовать в литературе, идущей от рапсодов. Отсюда следует вывод, что отрывок предназначался для обычного чтения. Стало быть, по крайней мере эта часть поэмы была адресована публике, которая либо сама умела читать, либо принадлежала к такому социальному слою, который имел возможность слушать чтение.

После вступления в поэме от эпизода к эпизоду раскрывается история Гильгамеша, которая отвлекается от главного героя лишь тогда, когда где-то происходят важные для повествования события. Так, мы попадаем к Энкиду, знакомимся с его *éducation sentimentale* («воспитанием чувств»), узнаем о настроении и опасениях матери Гильгамеша, оказываемся свидетелями диалога между Иштар и Ану. Персонажи появляются и исчезают, но Гильгамеш остается в центре внимания. Всемогущий царь достигает всех поставленных перед собой целей, а затем, когда умирает его друг Энкиду, внезапно задумывается о неизбежности собственной

смерти. Появление Энкиду вызвано непомерной дерзостью (*hybris*) Гильгамеша, принуждающего всех жителей родного города работать на себя и строить храмы и городские стены, те самые, которыми нам вначале предлагали восторгаться и которые в конечном счете и должны обеспечить Гильгамешу вечную славу. Разгневанные дерзостью героя боги создают Энкиду для того, чтобы одернуть Гильгамеша. Боги быстро откликнулись на жалобы жителей Урука, гражданские свободы которых нарушены царем. Это обстоятельство позволяет определить эпоху жизни поэта как позднекасситский период, когда концепция *kidinnu* стала мощным политическим фактором⁴⁶. Чувствуя необходимость драматической мотивации, поэт связывает таким образом появление Энкиду, чему предшествуют вещие сны, с грехом Гильгамеша.

Повествование об Энкиду уместно дополняет историю успехов Гильгамеша, строителя Урука, ставшего поневоле победителем гигантского чудовища Хумбабы и убийцей небесного быка, посланного против него богиней, которой он нанес оскорбление. Энкиду, предстающий вначале в звероподобном облике, сопровождает Гильгамеша на Кедровую гору, где живет Хумбаба, затем помогает герою в борьбе против небесного быка. Текст, повествующий о приключениях на Кедровой горе, сохранился плохо, и ни более ранние шумерские, ни аккадские версии не разъясняют этого эпизода. Известно лишь, что Энкиду был каким-то образом связан с таинственной горой. Он совершил тяжкий грех либо тем, что привел Гильгамеша на эту гору, либо тем, что подстрекал друга на действие, которое повлекло за собой смерть хранителя горы Хумбабы. За это он и поплатился жизнью. Но именно смерть Энкиду заставляет опьяненного собственными успехами Гильгамеша отказаться от погони за славой и обратиться к поискам вечной жизни. Вновь и вновь автор подчеркивает грозящую опасность и намекает на двусмысленный характер предсказаний богов. Намеки в многочисленных фрагментах на родственную связь Энкиду с Хумбабой и подчеркивание роли Энкиду в этой схватке с чудовищем показывают, что без ясного представления о случившемся на Кедровой горе невозможно полностью понять художественный замысел поэта, раскрывающийся в структуре поэмы. Наше понимание этого эпического произведения в значительной степени зависит от того, насколько верно понят смысл подвига друзей.

Структура поэмы тщательно продумана. Появление Энкиду среди диких зверей, приручение его иеродулой из Урука, а затем превращение в цивилизованного человека — все это описывается с любовью. Чувствуется, что поэт торжествует, он доволен своей выдумкой. Автор, восхваляя радости цивилизованной жизни в Уруке, рисует идиллическую картину пастушьего быта, что необычно для отношений между городом и «открытой страной», существовавших в Месопотамии. Вместо обычного подчеркивания культурных, социальных и политических различий между горожанами и обитателями степи поэт обнаруживает сентиментальный интерес к сельскому образу жизни, характеризует Энкиду как «благород-

ного дикаря». В ранних старовавилонских вариантах эпоса обнаруживается та же тенденция; это обстоятельство позволяет утверждать, что поэт более поздней эпохи следует давней традиции. Очень вероятно, что восхищение Уруком и воспевание сельской жизни восходят к древнейшим аккадским вариантам эпоса ⁴⁷

Описание природы в эпосе проникнуто особым духом. Чудесные красоты Кедровой горы воспринимаются как прекрасный сад, в котором много благоухающих деревьев и тенистых уголков. Очевидно, поэт был горожанином, для которого красивая природа — это хорошо ухоженный сад.

Как было сказано ранее, смерть Энкиду является поворотным моментом повествования. Этой смерти предшествовала сцена ссоры Энкиду с Иштар, которую поэт удачно увязывает с триумфальным возвращением Гильгамеша в город. Хотя данный эпизод отсутствует в нашей версии эпоса, однако его следует учитывать, так как известно, что он принадлежит к циклу «Гильгамеша».

Если в шумерской версии Гильгамеша охватывает страх перед смертью при виде умирающих людей, то в нашем варианте той же цели (но более эффектно и драматически обоснованно) служит смерть Энкиду. Тема дружбы и ужаса перед смертью придает этому месту особую человечность и оправдывает изменение стиля, характера и содержания повествования во второй половине эпоса. Кончина Энкиду тщательно инсценирована. С проклятиями обращается Энкиду к людям, с которыми сталкивала его жизнь. Это дает возможность автору повторить всю его историю. Перед смертью Энкиду видит вещий сон — он в потустороннем мире (интересная дубликация и предвосхищение последней таблички эпоса). Внезапностью его смерти объясняется потрясение Гильгамеша.

Восьмая табличка — это жалобы Гильгамеша. Вместе со строками, посвященными смерти друга в седьмой табличке, оказывается, что две из одиннадцати табличек не относятся непосредственно к развитию действия, за чем поэт в остальной части поэмы следит неуклонно. Это ослабление динамичности сюжета представляется необъяснимым.

Настроение героя и тема повествования резко меняются, когда Гильгамеш отправляется — скорее пускаясь в бегство, чем преследуя какую-либо цель, — на поиски способа избежать смерти. Он не стремится больше к вечной славе и героическим подвигам, меняется и его положение — он уже не царь или обожествляемый герой. Как простой человек, лишенный украшений, обнаженный, он упорно обходит землю в поисках магического зелья против смерти. Несколько раз Гильгамеш наталкивается на волшебные средства, но ему не удается узнать их или воспользоваться ими. На двух табличках рассказывается о том, как Гильгамеш бродит по земле, проникает в недоступные человеку районы, где ему предлагают различные средства избавления от смерти, но каждый раз коварно отбирают их ⁴⁸.

Поиски связаны с различными опасностями. Упоминается переход через гору, охраняемую чудовищами, полускорпионами-полу-

людьми, лежащую по краю света, там, где солнце восходит и заходит. Есть описание — к сожалению, фрагментарное — сада драгоценных камней и рассказ о встрече со странной, скрытой покрывалом женщиной — Сидури, содержательницей таверны на морском берегу, куда не заглядывают посетители, — этакой месопотамской сивиллой, сведущей в делах человеческих и божественных. Сидури предупреждает Гильгамеша о тщетности его поисков, но все же указывает, куда следует идти, чтобы найти единственного человека, которому удалось добиться того, к чему так стремился Гильгамеш, — бессмертия. Им оказался Утнапиштим — месопотамский Ной. Переправившись через воды смерти с помощью корабельщика того ковчега, который уцелел во время всемирного потопа, Гильгамеш встречается Утнапиштимом на острове блаженных. Он просит Утнапиштима рассказать историю потопа. Описание потопа, занимающее менее двухсот строк, — вершина месопотамской эпической поэзии. Рассказ полон непринужденных описаний, пересыпанных различными эпизодами, которые месопотамские поэты передавали в нескольких словах. Приводятся остроумные вопросы и ответы, следует восхитительное описание потопа и строительство ковчега. Поэтический язык повествования столь богат, что невольно приходит на ум, не была ли сухость стиля предшествующих табличек специально задумана, чтобы оттенить особую яркость последней. Вновь и вновь Гильгамешу задают вопрос: «Почему ты странствуешь?» В ответ он неизменно перечисляет свои огорчения и страхи. Внезапно Утнапиштим отвлекается от описания потопа и резюмирует свой диалог с Гильгамешем, а последний молит сказать, как избежать смерти. Как и Сидури, Утнапиштим отвечает, что ничто на земле не вечно и что человек должен умереть тогда, когда прикажут боги. Однако — намекает Утнапиштим — Гильгамеш мог бы спастись, если не будет спать шесть полных суток. Именно сон, подобие смерти, определяет различие между человеком и бессмертными богами. Гильгамешу, однако, это не удается. Тогда Утнапиштим убеждает Гильгамеша выкупаться в источнике, который, по-видимому, был источником молодости и вечной силы. И тут вновь Гильгамеш не смог воспользоваться возможностью добиться вечной жизни. Ему дают зелье против смерти — «растение жизни». Утнапиштим, тронутый мольбой своей жены, удрученной двойным поражением Гильгамеша, снабжает его этим зельем, но змея крадет «растение жизни» и, сбросив кожу, становится молодой. Эти внезапные повороты использованы как драматический прием, предсказывающий окончательную неудачу Гильгамеша, но они свидетельствуют также и о том, что в цикле Гильгамеша был ряд независимых эпизодов.

*

*

Прежде чем перейти к краткой характеристике других эпических произведений, следует отметить, что таблички, содержащие эти тексты, довольно часто обнаруживают за пределами Месо-

потами. «Эпос о Зу» и рассказ об Этане происходят из Суз. Историю Адапы и повествование о Нергале и Эрешкигаль нашли в Амарне. Только случайностями можно объяснить как эти открытия, так и то, что не найдена старовавилонская версия «Нисхождения Иштар в преисподнюю». Местонахождение фрагментов этих эпосов подтверждает наблюдения, сделанные выше относительно «Эпоса о Гильгамеше».

Более короткий, чем поэма о Гильгамеше, эпос «О сотворении мира» занимает семь табличек, причем каждая содержит от 115 до 170 строк. Этот эпос своего рода «священная книга», ее полагалось читать на новогоднем празднике в Вавилоне. Таким образом, она занимает особое положение среди мифологических текстов. Как литературное произведение «О сотворении мира» уступает «Эпосу о Гильгамеше». В помпезном стиле гимнов касситского времени в ней рассказывается о происхождении богов⁴⁹ и последовательности их поколений вплоть до рождения Мардука, которому приписывается роль создателя вселенной. Наполненный туманными мифологическими намеками, украшенный дофилософскими спекулятивными построениями, эпос повествует с частыми и утомительными повторами о борьбе богов с силами хаоса. По сравнению с историей Гильгамеша рассказ об этой войне примитивен. За образец взята обычная для многих мифологий история молодого бога (в данном случае Мардука), который в трудный момент включается в борьбу и спасает старших богов. Мудрый Эа, несмотря на хитрость и ловкость, терпит поражение, тогда как Мардук, спасая положение, одерживает победу над злыми силами в битве с ужасной Тиамат, воплощением первозданного океана. Поэт повествует об этом важном событии довольно равнодушно, хотя его рассказ, очень подробный, имеет вставные эпизоды о предшествующих столкновениях и подготовке к битве. О самой битве поэт говорит скорее не как о столкновении героев, а как о борьбе магических сил, в которой Мардук побеждает, прибегая к хитрости⁵⁰. Битва Мардука и Тиамат получила отражение в ассирийской иконографии. Изображения этой битвы сохранились не только на цилиндрических печатях, но даже на бронзовом барельефе на воротах Новогоднего храма в Ашшуре, где, как утверждают, полностью воспроизведена эта сцена⁵¹. По-разному дается описание битвы в самом эпосе и в изображении на рельефе, где момент столкновения выдержан в более героических тонах. Известно, что в некоторых святилищах существовал обычай представлять эту мифическую битву в лицах. Однако свидетельств о том, какую именно роль играл в культе эпос, и об аудитории, для которой он предназначался, столь мало, что невозможно сколько-нибудь убедительно сравнивать три уровня — эпос, иконографию и действие, на которых представляли драму сотворения мира как битву между двумя противниками⁵².

Терпеливо и очень выразительно описывает поэт в пятой табличке то, как были созданы земля и небо, распределены обязанности между богами — все деяния Мардука, ставшего верховным

богом. Современному человеку трудно понять, что верховная власть Мардука покоилась в равной степени как на его победе над Тиамат, так и на том хитроумном договоре, который он сумел заключить с богами перед сражением. Этот договор обеспечил ему подчинение всех богов за избавление от разъяренной Тиамат. История сотворения человека из крови «падшего» бога, изложенная в шестой табличке, явно восходит к более древнему мифу об Эа. Только здесь роль последнего приписана Мардуку. То значение, которое придавалось в этом мифе Эа, видно из любопытного и краткого отрывка, дублирующего рассказы о победоносной битве Мардука с Тиамат. В нем описана битва Эа с Апсу, мужским воплощением подземных вод. Этот эпизод в качестве вступления мы встречаем в начале первой таблицы. Умело использованный в литературных целях, эпизод важен также с теологической точки зрения, ибо устанавливает, что Мардук был *porphyrogenetos*, т. е. родился там, где и должен родиться правитель вселенной — во дворце, называемом «Апсу», а отцом его был верховный бог. В последней сцене эпоса «О сотворении мира» рассказывается, как боги, собравшись во вновь построенных небесных хорах, торжественно подтвердили верховную власть Мардука. Эпос заканчивается перечислением пятидесяти почетных имен Мардука, причем каждому из них дается объяснение. Происхождению этих имен, то шуточных, то благочестивых, поэт придает большое значение. Он даже советует ученым заняться их изучением, а отцам — обучать им своих сыновей. Большинство комментариев к поэме посвящено последней табличке, что еще раз доказывает, какое значение придавали теологическим рассуждениям подобного рода. Копии эпоса, найденные в Ниневии, Ашшуре, в Султантепе, в Ассирии, а также в различных местах Вавилонии, мало различаются: все они, по-видимому, восходят к одному прототипу. Странный эпилог (строки 149—162), завершающий поэму, очевидно, добавлен в честь набожного вавилонского царя, при котором писец увековечил канонический текст эпоса, однако имени этого царя он не называет. Это весьма необычно, и приходится датировать памятник, основываясь лишь на косвенных данных.

На трех старовавилонских и на одной или, возможно, двух табличках из библиотеки Ашшурбанапала сохранился во фрагментах большой эпический памятник, который первоначально содержал тысячу двести сорок пять строк. Он посвящен изначальному периоду истории мира и называется «Когда боги (и?) человек. .». Рассказ, по-видимому, начинался с момента сотворения человека богиней Мамой. Основная тема эпоса — потоп и вызвавшие его причины, и спасение Атрахасиса, своеобразного Ноя⁵³. Структура поэмы свободная — часто в нее вводят второстепенные мотивы, большое место уделяется подробно описываемым бедствиям. Поэт, нарисовавший выразительную картину потопа в «Эпосе о Гильгамеше», безусловно, находился под влиянием эпоса об Атрахасисе или подобного ему текста, но, обладая творческой фантазией, пользовался материалом более смело и вдохновенно.

Сохранились значительные фрагменты поэмы, рассказывающей о мифическом царе Этане, имя которого, как и Гильгамеша, встречается в шумерском «царском списке». В эту династическую историю, сохранившуюся в двух старовавилонских, среднеассирийском и ниневийском фрагментах, поэт вставил басню об орле и змее, живших вместе на одном дереве. В центре сюжета поэмы — рассказ о бездетном царе, который ищет растение, способствующее зачатию. Чтобы получить это магическое растение, которое растет, по-видимому, только на небесах, милостивый Шамаш посоветовал царю прибегнуть к помощи орла. Последний нарушил клятву дружбы со своей соседкой — змеей. Хитростью она заманила его в западню, также по совету Шамаша, который, таким образом, создает повод для встречи между царем и орлом. Когда Этана освобождает орла, благодарная птица переносит его на спине на небеса Ану. Хотя текст здесь прерывается, однако можно предположить, что Этана получил это растение, а следовательно, и сына-наследника. Видимо, и умный сын орла, сдерживающий опрометчивого отца набожными увещаниями, тоже как-то участвовал в этом приключении. Идиллический симбиоз двух животных передается в форме волшебной сказки шумерский миф «Гильгамеш и дерево хулуппу», где орел и змея живут на иве вместе⁵⁴.

Главная фигура другого мифа — Адапа. Он смертен, но рожден от божества и походит в этом отношении на греческих героев. Если бы не хитрость богов (как и в случае с Гильгамешем), он стал бы бессмертен; так же как и Гильгамеш, он получает компенсацию, становится мудрейшим из людей⁵⁵. Этот рассказ сохранился на табличке амарнского периода, найденной в Египте, где ею пользовались при обучении писцов аккадскому языку. Отрывки из этой таблички имеются также в библиотеке Ашшурбанапала. Адапа, правитель города Эреду, любимец Эа, ломает крылья южному ветру, который перевернул его рыбацью лодку. Его призывают к Ану, чтобы наказать за преступление. Эа, бог Эреду, советует Адапе не пробовать никакой пищи или питья, которые предложат на небесах, хотя Эа знает, что, отведав пищу богов, человек приобретает бессмертие. С помощью этой уловки он помешал Адапе стать бессмертным. Конец этой истории потерян, но Ану, по-видимому, все же как-то наградил Адапу, наделив его самого и его учеников, заклинателей из Эреду, магической силой и способностью отводить демонов и болезни. Один из фрагментов (ниневийский) внезапно обрывается словами «и так далее. .», за которыми следует заклинание. Это наводит на мысль о том, что запись была дана в сокращении и, по-видимому, предназначалась для отвращения злых сил. Поэму, вероятно, декламировали, чтобы напугать демонов богоданным могуществом Адапы, знаменитого заклинателя из числа семи великих мудрецов (*apkallu*). Известно, что литературные произведения использовались для этой цели — например «Эпос об Эрре». Считалось, что он спасает от чумы; его часто находят на глиняных табличках, имеющих форму амулетов, которые вешали на стены для защиты обитателей дома.

«Эпос об Эрре» — это дошедшая в нескольких фрагментарных списках-копиях поздняя поэтическая компиляция; сохранилось примерно две трети первоначального текста, занимавшего сначала пять табличек⁵⁶. Больше, чем это было принято, внимание поэт уделяет описаниям. Особенно его интересуют бедствия войны и чумы и радости мирной жизни и благополучия. Эти темы всегда волновали месопотамских художников — достаточно вспомнить «штандарт» из Ура, цветные инкрустации которого изображают сцены из военной и мирной жизни. Подобные же контрасты эффектно использованы в «Эпосе об Эрре». Если в результате деятельности Эрры вспыхивают войны и эпидемия чумы, то бог Мардук приносит с собой счастливые периоды, которые поэт с удовольствием рисует, считая, что они наступают в то время, когда в Вавилоне находится бог этого города. Довольно тонкая сюжетная нить связывает эти описания некоей логической последовательностью. Эрре, т. е. чуме, удалось опустошить Вавилон только благодаря хитрости: он заставил Мардука спуститься в подводное царство Эа, чтобы получить там ремесленников и драгоценные материалы, необходимые для починки и восстановления божественных одеяний Мардука. Воспользовавшись его отсутствием, Эрра обрушил свой гнев на город и Вавилонию. Лишь умиротворенный своим добрым визирем Ишумом (как тот этого добился, неясно), Эрра благословляет Вавилонию и предсказывает, что в страну вернется процветание и счастье. В четвертой табличке мы находим «Плач о разрушенном Вавилоне». К оплакиванию присоединяется и сам Мардук. Наличие плача — продолжение древней шумерской литературной традиции оплакивания разрушенных храмов и городов⁵⁷. Возможно, что на этот раз поэта на создание эпоса вдохновило разграбление Вавилона эламским царем Шутрук-Наххунте. Он был составлен в тяжелый для страны период и будил надежду на светлое будущее. Тогда становится понятным уникальный эпилוג. В нем поэт утверждает, что поэма приснилась ему — Кабти-илани-Мардуку — во сне, он-де говорит от имени божества и ни одна строка им не добавлена, и не пропущена⁵⁸.

«Эпос об Эрре» — новая фаза литературного творчества, отразившаяся в обширной, но плохо сохранившейся группе текстов, найденных в Ассирии и Вавилонии. Наибольший интерес среди них представляют вавилонские таблички, некогда названные увлеченными Библией ассириологами «Кедорлаомерскими текстами», и связанные с ними документы. Мы располагаем также несколькими копиями претенциозной эпической поэмы, воспевающей ассирийского царя Тукульти-Нинурту I (1244—1208 гг. до н. э.). Существовали и небольшие по размеру произведения, отдельные фрагменты которых найдены в клинописных собраниях Ашшура и Ниневии. Степень распространенности и история этого «нового сладостного стиля» (*dolce stil nuovo*) еще полностью не оценены. К наиболее выдающимся произведениям данного направления относятся царские молитвы Ашшур-нацир-анала I (1050-

1032 гг. до н. э.), Тиглатпаласара I (1115—1077 гг. до н. э.) и гимны из *kudurru* Навуходоносора I (1126—1105 гг. до н. э.). Царским молитвам этого периода подражают молитвы последних ассирийских царей, особенно Ашшурбанапала. Вполне возможно, что в те периоды месопотамской истории литературы, к которым принадлежат поэты или составители эпоса «О сотворении мира», сложились направления, заслуживающие особого внимания. К сожалению, скудость сохранившихся текстов не дает возможности представить объем, характер и художественные достоинства той месопотамской литературы, которая развивалась в стороне от рула традиции и, возможно, в противовес ей.

Вернемся, однако, к эпическим текстам. Здесь из не затронутых нами текстов наиболее важным является тот, в котором рассказывается история мифической птицы Анзу (ранее ее имя читалось как Зу)⁵⁹ Значительное число таблиц и фрагментов из Суз и библиотеки Ашшурбанапала, не говоря уж о нескольких шумерских вариантах, содержит рассказ о птицеподобном сыне Ану. Этот эпос не превосходит уже известные нам ни содержанием, ни стилем, ни богатством словаря. Те же характерные приемы, повороты темы: восставший претендент на высшую власть крадет у законного ее хранителя символ и магический талисман превосходства, угрожая тем самым существованию богов, которые вынуждены искать избавителя. Избранный ими герой побеждает узурпатора в героической битве и, таким образом, добивается славы и власти. Текст прославляет победоносного бога, которого в одних текстах называют Нингирсу, в других — Лугальбанда, в третьих — Нинурта. Сочинение это интересно описанием природы и функции талисмана. Оказывается, тот, кто его имеет, обладает верховной властью над богами и миром. Его название («табличка власти», или «должностная табличка» подобно «должностной», или «государственной печати») представляет лишь вторичное осмысление древней концепции талисмана.

Следует рассмотреть два небольших сочинения, повествующих о царстве мертвых. Это история о Нергале и Эрешкигаль, в которой рассказывается о том, как Нергал стал царем потустороннего мира, и поэма о нисхождении Иштар в преисподнюю. Первая (известная из Амарны и Султантене) — рассказ о жизни богов, полный очарования, свойственного литературе бытового жанра. К этому рассказу добавлено заимствованное еще от шумеров описание потустороннего мира⁶⁰ Вторая, к сожалению, не дошла до нас целиком: на ашшурской и ниневийской табличках сохранилось всего сто пятьдесят строк. Однако этого достаточно, чтобы прийти к выводу, что поэма отличалась высокими художественными достоинствами. Построенная по хорошо известному шумерскому прототипу, поэма изящно повествует о том, как (о причинах речи не идет) Иштар спустилась в потусторонний мир, как ее подвергли там заключению, а Эа хитростью спас ее. Богиня покидает царство мертвых, пройдя через ворота семи концентрических стен, при этом соблюдаются те же церемонии, как и при описании ее нисхож-

дения. Основные эпизоды, да и весь фон событий переданы минимумом слов. Описание также существенно отличается от шумерской версии, в которой богиня называется Иннин, а нисхождение было лишь главным событием гораздо более сложного и запутанного повествования⁶¹. Чтобы спасти Иштар, Эа сотворил существо — не мужчину и не женщину, а евнуха. Он должен был преодолеть заклятие царицы потустороннего мира, запретившей всем существам как мужского, так и женского пола приходить на помощь Иштар, которая оказалась у нее в заключении. На Иштар обрушились все болезни, которыми был полон потусторонний мир: в результате прекратилась всякая сексуальная активность среди людей и животных. Последние тринадцать строк ашшурской и ниневийской версий «Нисхождения Иштар в преисподнюю» взяты, по-видимому, из poem сходного содержания и построения, точно так же как и весь аккадский вариант производит впечатление эпизода, выбранного из большого произведения, связанного с культом бога Таммуза и написанного в основном на шумерском языке⁶².

В этой связи следует упомянуть позднюю табличку из Ашшура, содержащую поэтические видения потустороннего мира, его обитателей и правителей, и имевшую, по-видимому, политическую окраску⁶³.

Если не принимать во внимание таблички, содержащие ритуальные наставления, то можно сказать, что почти во всех религиозных текстах, имеющих форму молитв и предназначенных для нужд культа, использованы поэтические приемы. Текст, читаемый во время богослужения (в широком смысле этого слова), назывался по-аккадски заклинанием и, как уже говорилось выше, чтобы быть действенным культовым актом, сопровождался определенным ритуалом. Из подобных молитв лучше всего представлен тип, называемый «воздетые руки». Эти тексты, хотя и не собранные в специальный компендиум, использовались в различных ритуальных сериях. Отдельные молитвы расположены друг за другом в определенной последовательности: сначала обращение к богу и его прославление, затем (различные по размеру) — жалобы и просьбы молящегося, и, наконец, предваряющие исполнение просьб благодарности и новые, заключительные восхваления в адрес божества. Лишь иногда эти компиляции из стандартных фраз, эпитетов и цитат из гимнов могут быть названы литературными произведениями (например, длинная молитва Иштар или поэма, составленная во славу Шамаша).

В двухстах строках текста (Ниневия, Ашшур и поздний Сиппар) мы найдем много новых редакций и переработок традиционных мотивов молитв к Шамашу. Одни выражают радость, связанную с восходом солнца и движением его по небу, воспевают благоденствия, которые светило совершает ради богов и людей (временами по своему настроению они напоминают египетские гимны солнцу), восхваляют роль солнечного бога, устанавливающего справедливость в обществе, причем часто в этих местах можно предположить наличие социальной критики. В других молитвах язык и содержа-

ние зависят от характера божества или от конкретной цели, ради которой совершается молитвенный ритуал. Цели эти различны — от придания магической силы священным предметам, материалам и личному имуществу и до ограждения от вредных последствий затмений и неблагоприятных снов. Были также особые молитвы, состоящие из lamentаций и жалоб, и *ikribu*, предназначенные для благословений и благодарений.

Стилистически эти молитвы написаны довольно плохо, несмотря на хитроумные приукрашивания, применяемые в отдельных случаях. Эта оценка подкрепляется тем различием, которое явственно проступает, если сравнить их с молитвами, которые мы встречаем вне культа и связанных с ним пособий. Молитвы, добавленные к новоассирийским и нововавилонским царским надписям, показывают больше подлинного чувства, яркости и поэтического вдохновения, чем те, которые составлялись для культового использования. Это касается сложных и часто трогательных царских молитв, которые начали появляться к концу II тысячелетия до н. э. Еще раньше сочинялись гимны в честь некоторых божеств. Их назначение — установить связь божества с названным по имени царем⁶⁴. Таким образом мы обнаруживаем, что в поэтическую традицию при дворе, которая сначала создавала царские гимны, а затем сложные и изысканные царские надписи, входили также и произведения на религиозные темы.

Компендии для жрецов (они специализировались на изгнании злых духов и подобных операциях), к которым обращался за помощью больной или пострадавший, содержат молитвы иного характера. В двух родственных сериях, называемых *Шурпу* и *Маклу*, мы находим заклинания, обращенные либо к божествам, известным своей способностью избавлять от злых сил, либо к стихиям (например, огню, который использовали, чтобы уничтожить фигурки, сделанные из воска или других горючих материалов и воспроизводящие врагов пострадавшего)⁶⁵. Молитвы эти значительно отличаются от предыдущих по своему стилю, содержанию и литературной ценности. Наряду с по праву высоко оцениваемой «Молитвой к богам ночи» мы найдем беспорядочные повторения стандартных фраз или текст, состоящий из бессмысленного набора слов⁶⁶. Часто, однако, подобные молитвы содержат ссылки на мифы и яркие, заимствованные из фольклора образы, свидетельствующие о том, что при определенных обстоятельствах и в некоторых исторических условиях устное творчество влияло на литературное оформление молитв.

Среди немногих произведений месопотамской литературы, выражавших религиозные чувства, но не предназначенных для отправления культа, особенно интересна поэма *Ludlul bēl nemēqi*⁶⁷. В ней вельможный страдалец весьма детально перечисляет, употребляя при этом необычные слова, несчастья, которые навлекли на него опалу и привели к болезням. Эти жалобы, по временам весьма многословные и повторяющиеся, создают интересное представление о социальном климате и психологической основе взаимо-

отношений между богом и человеком и заслуживают подробного исследования. Жалобы заполняют первую табличку (если не считать вводного гимна, посвященного Мардуку), вторую и часть третьей, в которой рассказывается о трех снах, предвещающих прощение богов и сулящих благополучие. Меньшее внимание уделено самим результатам божественного вмешательства; дистихи, рассказывающие о чудесном исцелении, посвящены главным образом контрасту между описаниями во время и после болезни, причем акцент делается на последнем. Четвертая и, вероятно, последняя табличка сохранилась плохо. В ней продолжается гимн в честь Мардука спасителя, описывается выздоровление страдальца, демонстрирующее могущество бога. Композиция поэмы технически беспомощна — не сделано ничего, чтобы как-то упорядочить длинные жалобы и какими-то замечаниями, дающими возможность предположить внутреннее состояние страдальца во время болезни, подготовить читателя к развязке. Все это вполне возможно было сделать в молитве, обращенной к Мардуку. Может быть, все это входило во фрагменты, которые, к сожалению, утрачены.

Хотя поэму *Ludlul bēl nēmeqi* довольно безосновательно называли вавилонской «Книгой Иова», ее стихи лишь весьма косвенно затрагивают проблему теодицеи. Этой теме целиком посвящена другая поэма, отличающаяся несколькими удивительными особенностями. Текст, его обычно называют «Вавилонская теодицея», вероятно, был составлен позже, чем *Ludlul* в конце касситского периода, и оказался столь же популярен и в I тысячелетии до н. э.⁶⁸ Копии обеих поэм происходят как из Вавилонии, так и из Ассирии, и наличие комментариев к каждой из них свидетельствует об интересе, который они вызывали у месопотамских писцов. «Теодицея» состоит из стихотворного диалога, написанного в форме акростиха (акростих раскрывает имя поэта, содержащееся в благочестивой фразе)⁶⁹ Стихи представляют собой стансы по одиннадцать строк в каждой строфе (необычная метрическая структура). В этой поэме два собеседника в вежливой форме церемонно и попеременно выражают свои взгляды, прибегая к ученым абстракциям и искусственным аналогиям: один благочестивый, другой скептик. В диалоге скептик вновь и вновь противопоставляет несчастья и невезение благочестивого успехам нечестивца. Его оппонент, также повторяясь, восхваляет достоинства благочестия и преданности богам, мудрость которых при распределении успехов и неудач остается за пределами человеческого понимания. Аргументы лишены живости и убедительности, конец сомнителен и неудачен. Скептик в конце концов полагается на милость богов, но совершенно непонятно, почему он поступает именно так: единственной причиной, по-видимому, является то, что акростих достиг своего естественного завершения.

Поскольку «Теодицея» написана в форме диалога, можно упомянуть еще один сходный текст, называемый «Диалог о пессимизме». В нем выведены господин и слуга. Они ведут явно комический разговор. Господин приказывает слуге то одно, то другое.

Последний отвечает поговорками, чтобы доказать мудрость желаний хозяина. Когда же господин, внезапно поменяв решения, отменяет приказы, слуга тут же находит другие поговорки, подкрепляющие новые распоряжения хозяина. Все это делается не только для того, чтобы развлечь читателя, но, по-видимому, и для того, чтобы доказать, что мудрость пословиц ненадежна. Чтобы оживить рассказ, слуга изображался гораздо более смышленным, чем хозяин, которого он терпеливо пытается умиротворить и умиловить ⁷⁰. Слуге предоставлено и последнее слово — проклятие господину, который угрожал убить несчастного: «[Я желаю] тогда, чтобы мой господин пережил меня только на три дня!» Так слуга спасает себя и ставит в тупик господина.

Подобный пример скрытой социальной критики можно обнаружить и в другом литературном произведении — рассказе о плуте, известном под названием «Ниппурский бедняк» ⁷¹. Прodelки этого бедняка рассказываются в поэтическом тексте из Султантепе, который дублируется маленьким фрагментом из библиотеки Ашшурбанапала. Место действия — старовавилонский Ниппур, но на самом деле мы находимся в сказочной стране, где любой человек может войти во дворец царя и потребовать за мину золота на день царскую колесницу. Бедняк, обманутый наместником Ниппура и лишенный своего последнего достояния — козы, трижды мстит бесчестному чиновнику. С помощью ловких трюков он проучил как следует наместника. История рассказана живо и содержит много ценных сведений о разговорной речи, нравах жителей Ниппура и фактов из повседневной жизни, которых не найдешь в обычных документах. Композиция рассказа продумана, все эпизоды искусно связаны между собой. Так, сначала бедняк торжественно появляется на взятой взаймы царской колеснице и держится так, словно он важная персона. Бедняк делает вид, что золото, которое он будто бы везет, украдено в доме градоправителя; под этим предлогом он избивает обидчика; затем под видом врача бедняк появляется в доме градоправителя якобы лечить его раны, на самом же деле он причиняет наместнику новую боль; наконец, хитростью бедняк выманивает наместника из собственного дома и избивает за воротами городских стен. Рассказ написан сжатым и ясным языком. В нем почти нет повторов; некоторые детали теряются из-за быстрого развития действия. Создается впечатление, что в поэтическую форму облечена всем хорошо известная история и автор считает, что читатель дополнит сам места, которые слишком торопливо рассказаны. Если это объяснение соответствует действительности, то поэма — это дворцовый вариант народной повести. Характерно, что сатира направлена только против чиновника, а о царе говорится с большим почтением; к нему обращаются с полагающимся сложным церемониалом — ситуация, напоминающая египетскую «Повесть о красноречивом крестьянине» ⁷².

Характерный шумерский литературный жанр — «споры» — по-видимому, лишь в какой-то степени привлекал тех поздних писцов, которые были заинтересованы в сохранении шумерской лите-

ратурной традиции и в разработке ее на их собственном языке. Оба оппонента выступают здесь перед божественным трибуналом с весьма стилизованными речами, отстаивая каждый свои собственные позиции. Спорят они из-за того, кто же более полезен обществу. В многочисленных шумерских текстах подобного жанра в споре принимают участие: Зима и Лето, Серебро и Бронза, Топор и Плуг⁷³. В аккадской литературе встречается лишь несколько фрагментов подобного рода. В них упоминаются растения и животные: Тамариск и Пальма, Зерно и Пшеница, Бык и Лошадь. Тех же оппонентов мы видим и в баснях. Существует несколько фрагментов на аккадском языке, большая часть которых сохранилась неудовлетворительно. Утеряна, например, и только упоминается в каталоге табличек «История Ивы». «История Лисы, Собаки и Волка» сохранилась в нескольких фрагментах. Они кажутся весьма любопытными, но содержание их понять пока невозможно. Имеется несколько коротких басен или длинных пословиц о животных. Однако то ли из-за отсутствия интереса к этому жанру у писцов, то ли по простой случайности число имеющихся в нашем распоряжении образцов весьма незначительно.

Следует упомянуть также поговорки и пословицы и другие произведения этого жанра. Шумерские писцы оставили потомкам несколько больших сборников, которым на аккадском языке можно найти лишь скудные параллели, главным образом билингвы⁷⁴. В них рассказывается о повседневной жизни и заботах жителей Месопотамии. Здесь мы находим яркие контрасты, риторические вопросы и загадки. Произведения полны едкого цинизма, лишены сентиментальности и сострадания. Практическая мудрость, суммированная в этих поговорках, нигде не противоречит идеалам правильного поведения, а полезные советы (без стремления поучать нормам поведения) в изобилии содержатся в небольшой группе текстов, посвященных наставлениям и запретам.

Образцы нелитературных текстов

Как я уже говорил, в обучение писцов входило ознакомление их с образцами, которых следует придерживаться при составлении определенных категорий текстов. Письма и юридические документы всех видов следовало писать в соответствии с определенными требованиями. Это относилось как к подбору слов, последовательности фраз, так и к расположению строк и даже к размеру и форме глиняных табличек.

Шумерская бюрократия оставила нам ошеломляющее число текстов. Трудно себе представить, сколько еще табличек, кроме тех (их свыше ста тысяч), которые находятся сейчас в распоряжении музеев, сокрыто до сих пор в земле Южной Месопотамии. Встречаются различные таблички: от почти пиктографических из Ура, Джемдет-Насра и Урука до огромных административных архивов империи III династии Ура. Последние происходят главным образом из раскопок двух холмов, Дрехема и Джохи, и городского

комплекса Лагаша; в значительно меньшей степени из столицы империи — города Ура. Все они написаны исключительно хорошо. Каждая табличка датирована. На ребре часто ставили знаки, помогающие легко найти табличку в корзинах, в которых они хранились. Наружные ярлыки корзин точно сообщают об их содержимом. Понятно, что размер, форма и содержание табличек связаны между собой: система, которая заслуживает специального исследования. Во всех деловых операциях тщательно указаны предмет сделки и имена лиц, которые его передавали и получали: называлось и ответственное лицо. Те же правила соблюдались и в последующие периоды, причем одни виды текстов исчезали, а другие широко входили в употребление, как это видно по табличкам из Ура, Ларсы, Исина и Сиппара, сообщающим о деятельности старовавилонской дворцовой и храмовой администрации. Документы стали составляться по типу бухгалтерских отчетов, причем записи производились столбцами, под соответствующими заголовками. В начале старовавилонского периода (в отличие от периода III династии Ура) снова появляются такие же круглые таблички, как и во времена до Саргона. Можно отметить в отдельных случаях некоторую небрежность в палеографии, внешнем виде и расположении текстов. Более крупные изменения наблюдаются после «Темного периода» в административных документах, сообщающих о деятельности администрации дворца касситских царей (Ниппур и Дур-Куригальзу), а позднее — больших вавилонских святилищ, включая Эбббар в Сиппаре, Эанну в Уруке, и ассирийской дворцовой администрации в Ашшуре, Калахе и Ниневии.

Подобные тексты обнаружены также в тех административных центрах вне Вавилонии, где характерные для Месопотамии бюрократические методы управления были приняты, модифицированы и приспособлены к нуждам дворцов. Например, в Мари, Чагар-Базаре, Сузах, Алалахе и Нузи, если принимать во внимание только основные города.

Стиль писем или сообщений зависел от того, к какой форме они относились⁷⁵ Если это был приказ гонцу прочитать послание дословно, тогда оно начиналось словами: «Скажи такому-то. .» (адресату, названному в заголовке письма). Приказ всегда составлялся в повелительной форме и касался административных вопросов, в основном доставки товаров или животных. Подобные письма встречаются от шумерского вплоть до нововавилонского периодов⁷⁶ Доклады же, направляемые к вышестоящим властям и касающиеся сложных административных распоряжений, сохраняли на протяжении всего касситского периода вторую, несколько отличающуюся от первой форму. Письма начинались так: «Так (говорит) такой-то. Скажи такому-то. .» до тех пор, пока эти слова не были заменены на лаконичную нововавилонскую формулу «письмо от такого-то. .». В текстах второй формы со старовавилонского периода после традиционного начала шли в зависимости от социальных взаимоотношений автора письма и адресата более или менее сложные благословения и приветствия. Кроме того,

в текстах использовались и некоторые стереотипные обороты, например, такие, в которых обосновывалась срочность просьбы. В письмах, исходящих от центральной власти, царские чиновники династии Хаммурапи, отвечая на официальный запрос, жалобу или доклад, как правило, повторяли те же выражения, которые встречались в первоначальном документе. Это очень помогает нам разобраться в официальных письмах, административных решениях, просьбах о назначениях, инструкциях и всякого рода претензиях.

В письмах старовавилонского периода коммерческая деятельность отражена сравнительно слабо. Однако корреспонденция древнеассирийских торговцев Анатолии посвящена в основном торговле с другими странами: распределению и доставке товаров, отчетности и сложным деловым операциям. В ней затрагиваются также и некоторые другие проблемы, интересные с точки зрения истории и культуры Месопотамии. Частные письма представляют собой исключение. Они, как правило, составлялись только в старовавилонский период; все нововавилонские письма (т. е. написанные на юге Вавилонии) касаются административных дел храмов, в то время как письма, которые обнаружены в царских архивах Ниневи, посвящены государственным вопросам.

Иногда международные дипломатические переговоры велись с помощью писем. На шумерском языке письма писали друг другу Ибби-Суэн, последний царь III династии Ура, Ишби-Эрра, первый правитель Исина, и другие цари того периода. Об этом стало известно из коллекции одного, интересовавшегося историей писца⁷⁷ Эти сочинения представляют историческую и литературную ценность, причем последняя более значительна. Историческое значение имеют также письма, которыми обменивались Хаммурапи и Зимри-Лим — правитель Мэри, Ясмах-Адду (сын Шамши-Адада I) из Мэри и другие правители, с которыми он поддерживал контакт, но больше всего — письма из Амарны — архива, найденного в новой столице фараона Эхнатона. Там обнаружены копии писем, посылавшихся египетским царем, а также оригиналы, которые направляли фараонам цари-правители Ближнего Востока. Они поступали из Вавилонии и Ассирии, из Митанни и Хеттского царства, с острова Кипр, а более всего от правителей и египетских должностных лиц из Верхней Сирии и Палестины. Кроме письма на хурритском и двух на хеттском, все они написаны на варварском аккадском, применявшемся в тот период за пределами Месопотамии в качестве дипломатического языка. Исключение составляет несколько текстов, происходящих из Вавилона и Ашшура. В зависимости от их происхождения, политической ситуации и грамотности писцов, состоявших на службе данного правителя, меняются стиль, словарный состав и орфография этих документов. Ярко прослеживаются политические взаимоотношения между автором и адресатом по форме вступлений, которые подчас занимают значительную часть послания. Например, щедрые похвалы расточают правители Сирии и Палестины по адресу более могущественных

царей. Эти письма резко контрастируют с полными достоинства ответами последних. Подобные письма известны уже более полувека и являются предметом ряда научных исследований. Однако следует продолжить изучение их стиля, установить уровень грамотности и происхождение писцов и писцовых школ. В них обучали иностранцев аккадскому языку, распространившемуся в тот период по всему Ближнему Востоку. Необходимо также обратить внимание на лингвистические особенности местных наречий. Необходимо сравнить документы из Алалаха и Угарита (юридические, административные и особенно письма из архива Амарны) с корреспонденцией и другими подобными документами, найденными в хеттской столице.

Другая находка, заслуживающая названия царского архива, обнаружена в Куянджике, месте, на котором была расположена Ниневия. Из найденных там свыше двух тысяч писем и их фрагментов только около двухсот относятся к царской корреспонденции и охватывают период от Саргона II до Ашшурбанапала. Большинство этих писем написаны Ашшурбанапалом или адресованы ему; есть также много писем Саргону и Асархаддону, но нет ни одного, направленного Синаххерибу⁷⁸ Цари Ассирии позднего периода изменили стиль своей корреспонденции: их официальные письма начинаются словами: «Приказ царя». Кроме того, архив содержит и новый тип писем — доклады царю предсказателей будущего, в которых истолковывались знаменательные события. Эти тексты (их около четырехсот) — ответы на вопросы царя. Для них характерен особый стиль: ученый опускает обычные вводные формулы и сразу сообщает о знамении или обо всем, что, как он считает, относится к тому случаю, о котором его запросили. К астрологическим предсказаниям он, как правило, добавляет некоторые благоприятные для царя соображения. Делается это обычно для того, чтобы истолковать дурное знамение как хорошее. Иногда к докладом добавляются личные просьбы и сведения о различных происшествиях. В конце доклада просто сообщается имя ученого⁷⁹

В форме писем составлены также и тексты особого характера — обращения к богам. У нас есть много примеров такого рода документов — несколько написано на шумерском, в основном же на аккадском языке. Они охватывают периоды от старовавилонского и Мари вплоть до нововавилонского и новоассирийского⁸⁰ Обращения к богам часто составлялись частными лицами и правителями, стремившимися выразить им свое почтение. Иногда эти письма сопровождалась жертвенными приношениями. Возможно, эти подношения оставляли божеству в святилище, однако более вероятно, что это были стилистические упражнения набожных писцов.

В особую категорию попадают письма, написанные ассирийскими царями Салманасаром IV, Саргоном II и Асархаддоном к богу Ашшуру и другим божествам города Ашшура, а также ко всем его гражданам⁸¹. Они содержат сообщения о победоносных кампаниях. Письма написаны живым и поэтическим языком и, очевидно, предназначались для публичного чтения жрецам божест-

ства данного храма и собранию граждан города, носящего имя этого божества. Некоторые стилистические особенности писем могут быть объяснены только таким предположением. Следует указать на два любопытных письма: в одном от бога Нинурты, адресованном ассирийскому царю, говорится о недовольстве бога (в копии из Ниневии сохранилось только начало этого письма). Второе, найденное в Ашшуре, было предположительно направлено божеством этого города царю Шамши-Ададу V. В той части письма, которая сохранилась, выражается, видимо, недовольство бога скептицизмом, которое выказывает царь по отношению к божественным откровениям. Если мое толкование «божественных» писем правильно, то они представляют собою скорее облеченные в форму послания божества увещевания жрецов, чем критический голос какого-нибудь пророка.

Шумерские школы писцов высоко ценили искусство составления писем. Свидетельство тому — множество писем, написанных ради практики, и даже прямое указание на это автора одного из них⁸². Это были длинные, туманные, трудные для понимания поздравительные послания, адресованные царю, написанные в характерном придворном стиле.

Юридические документы Месопотамии (и шумерские и аккадские) построены по единому образцу⁸³. Сначала назван и точно определен объект сделки независимо от того, идет ли речь о доме, который намереваются снять, о поле, которое желают продать, о девушке, которую хотят взять замуж, или о ребенке, которого считают нужным усыновить. Затем перечисляются имена участников сделки, причем большое внимание уделяется установлению права собственности на объект сделки, который предполагается продать, обменять или выдать замуж. Взаимоотношения между владельцем и лицом, приобретающим права или привилегии, выражаются в характерной фразе-формуле, которая определяет суть сделки: «Он купил (у) . . .», или «Он нанял (у) . . .» или «Он взял займы (у) . . .». Таким образом, этой формулой определяются основные черты сделки, что требует минимума необходимых слов, указывающих на связь действующих лиц друг с другом. Далее следуют дополнительные условия, относящиеся к передаваемой ценности или принятым обязательствам, количественные и хронологические указания, а также дальнейшие разъяснения, касающиеся второстепенных пунктов. Они тоже формулируются установленным способом, коротко и сжато. Такой твердый и последовательный формализм записи приводит к тому, что иногда приходится разделить сложную сделку на несколько простых, для которых существуют установившиеся формулы, перечисленные в списке «*ана иттишу*», составленном в старовавилонский период в Ниппуре для обучения писцов. Список этот дается на двух языках: формулы приведены по-шумерски с переводом на аккадский. В нововавилонский период существовали специальные учебные тексты, по которым шло обучение писца, изучающего строгие требования, предъявляемые к юридическим документам⁸⁴.

Формулировки варьируются в зависимости от времени и района. Различаются технические термины и стиль ключевых фраз, изменяются формы табличек и внешнее оформление письма, включающие датировку и манеру ставить печать. Однако многое остается неизменным или, во всяком случае, преобладающим. Например, необходимость называть свидетелей, чье присутствие при заключении сделки необходимо, а также перечисление имен в конце документа. Свидетели часто прилагали печати, чтобы удостоверить свое присутствие, случалось, что им вручали за услуги небольшую плату. Имя писца почти всегда ставилось после имен свидетелей. Следует, однако, подчеркнуть, что роли нотариуса он не играл. В конце часто указывалась дата и место сделки, причем исключение представляли сделки, оформленные на периферии, в таких местах, как Каниш, Сузы, Нузи или Угарит.

Радикальные изменения стиля встречаются редко и только в поздних текстах, найденных в периферийных районах. Так, ряд юридических документов из Нузи носит более личный характер. При этом человек, который делает распоряжения об имуществе, говорит о себе от первого лица единственного числа⁸⁵. Группа поздних нововавилонских документов построена в форме диалога: одна сторона в устоявшейся форме выражает намерение купить, арендовать или жениться, другая, принимающая предложение, также формулой дает ответ⁸⁶.

В документе должны были быть указаны как свидетели, так и лица, принимающие на себя обязательства. Подтверждением присутствия человека считалось прокатывание его цилиндрической печати на табличке по мягкой глине, отпечаток перстня или — в некоторые периоды и в определенных районах — ногтя, сделанные определенным образом. Иногда таковым подтверждением служил отпечаток края одежды. Цель всех этих правил — закрепить присутствие, а значит, и согласие лица на заключение сделки. Соблюдение всех этих правил не было методом, которым устанавливали подлинность документа, хотя писец мог сделать приписку под печатью, подтверждающую достоверность того, что отпечаток действительно произведен перстнем названного лица (и это притом, что печатка уже указывала имя). Разрешалось использовать печать другого лица, если это оговаривалось в документе.

Для того чтобы оградить точность выражений юридического документа от жульнических попыток изменить их, придерживались следующей практики. До середины II тысячелетия до н. э. в Вавилонии (а в Ассирии в течение почти всего рассматриваемого периода) документ помещали в тонкий глиняный «конверт», на котором дословно повторялся его текст. Когда судья вскрывал ящичек, он мог легко сравнить формулировки, написанные на нем, с теми, которые были в самой табличке. Для большей безопасности в нововавилонский период с оригинала снимали копии. Таким образом, документ имелся у каждого участника сделки; о наличии копий обязательно упоминалось и в оригинале. Характерная для юридических документов, предшествующих «Темному периоду»,

практика использования печатей и глиняных «конвертов» впервые стала применяться должностными лицами III династии Ура. Именно тогда печати должностных лиц начали прикладывать к табличкам, а таблички для сохранности помещать в «конверты». В более древние времена печати применялись только на бирках и подвесках. На юридических же документах они появляются лишь со старовавилонского периода. Обычай запечатывания перешел сюда из административной практики.

Самые древние юридические документы посвящены продаже рабов и относятся к периоду, предшествующему аккадскому. Однако значительно чаще встречаются такие документы в период III династии Ура. Хотя торговля полями и домами засвидетельствована в некоторых текстах и до периода III династии Ура, но общепринятой она стала с самого начала старовавилонского. Продажа животных, лодок и т. д. лишь изредка подкреплялась документом, несмотря на то что в Кодексе Хаммурапи такое требование выдвигалось. Доходы за отправление должности при храме стали продавать уже в начале старовавилонского периода; о такой же практике говорят поздние документы, составленные в Уруке (во времена Селевкидов), где это был наиболее часто встречающийся вид текстов. Обязательства поставлять какие-либо товары, оказывать определенные услуги или отпускать товары в кредит оформлялись как займы — правило, ставшее необходимым вследствие строгого формализма месопотамской юридической практики. Во все периоды существования месопотамской цивилизации в документах часто имеются упоминания о выплате аренды за дома, поля, лодки, животных или об оплате услуг. Здесь, как и в сохранившихся в больших количествах расписках о ссудах и поручительствах, касающихся дворцовых поселений, мы встречаемся с разнообразными специфическими оговорками, связанными с местными особенностями, изменением обстановки или обычаям. Столь же сложными были месопотамские законы о семье, если судить по имеющимся в нашем распоряжении юридическим документам. Контракты об усыновлении, а также брачные, широко представленные в ранние периоды, становятся более редким явлением в поздние; то же относится и к документам о разделе имущества, связанным с разводами и завещаниями, — всякого рода текстам, устанавливающим распределение собственности между наследниками. Некоторые типы текстов исчезают совсем, например контракты, оговаривающие плату по уходу за детьми и за их воспитание (они встречаются только в старовавилонский период). Другие контракты появляются лишь в позднее время, например контракты об обучении (почти исключительно в нововавилонский период)⁸⁷. На периферии — в Сузах, Нузи, Алалахе и Угарите — регистрация сделок производилась тоже на аккадском языке. В них чувствуется подражание месопотамским образцам, хотя их приспособляли к иной социальной и экономической обстановке.

Только в исключительных случаях конкретная обстановка регистрации сделки находила отражение в составленных по жест-

кой схеме документах. Текст из Нузи рисует трогательную картину: «Мой отец [имярек] был болен, и, лежа в постели и держа мою руку, мой отец сказал мне: „Эти мои старшие сыновья взяли жен, а ты не взял жену, поэтому я даю тебе девушку-рабыню [имярек] в качестве жены“»⁸⁸. Группа нововавилонских документов рассказывает о необычной ситуации, возникшей во время осады Ниппура, где родители продавали своих детей лицам, способным их содержать⁸⁹.

Судебная процедура, очевидно, на табличках не регистрировалась: шумерский текст из Ниппура, описывающий суд по делу об убийстве и последующую затем казнь, вполне возможно, представляет лишь литературное упражнение на заданную тему⁹⁰. Все, что мы знаем о подобных случаях, — это старовавилонские сообщения о рабе, который был задушен, и о ребенке, которого похитили.

В документе из Мари сообщается об убийстве с политической целью, о том, как было найдено изуродованное тело младенца; рассказывается несколько случаев убийства торговцев на Западе, о политическом преступнике, казненном в Алалахе, и о государственной измене при Навуходоносоре II. О воровстве и грабеже упоминания очень редки и относятся к более позднему времени⁹¹.

В Месопотамии обнаружены письменные договоры, заключавшиеся правителями или городами, в которых говорится о прекращении военных действий. В ранние периоды такие документы встречались редко. Шумерская «Стела Коршунов», которая сообщает о новых границах, установленных победителем Эаннатумом из Лагаша и правителем Уммы, была исключением. Написанный на староеламском языке договор, в котором упоминается Нарам-Суэн Аккадский, разобрать невозможно⁹². Однако в текстах из Мари имеются указания на существование международных договоров — один из них был найден в древних слоях при раскопках в Алалахе⁹³. Из нескольких мирных договоров, заключенных между Ассирией и Вавилонией в период их длительных конфликтов, сохранился только один, и то лишь во фрагментах. Это договор между Шамши-Ададом V (823—811 гг. до н. э.) и Мардук-закиршуми I (854—819 гг. до н. э.). Краткое содержание подобных договоров имеется в «Синхронистической истории». Ассирийские договоры с западными правителями встречаются дважды — между Ашшур-нерари V (754—745 гг. до н. э.) и арамейским правителем Сирии Мати'илу, также между Асархаддоном и царем Тира. Большинство договоров, написанных по-аккадски, поступили из хеттской столицы и относятся к гораздо более древнему периоду, чем упомянутые выше тексты. Самым знаменитым было соглашение, найденное в Богазкёйе, — договор между Хаттусилисом III и фараоном Рамсесом II. Он дошел до нас в хеттском варианте, в плохо сохранившейся аккадской копии, и в египетской версии, высеченной на стенах зданий, построенных Рамсесом II. Договоры между хеттскими царями и их вассалами тщательно, в установлен-

ной форме перечисляют все обязательства вассалов, а также помощь, на которую они могут рассчитывать со стороны своего хеттского господина. Заканчиваются эти договоры торжественным обращением к богам обоих народов, которых призывают быть свидетелями. В концовках содержатся проклятия и благословения, цель которых — подкрепить необходимость соблюдения соглашений.

Документы, которые показывают, каким образом ассирийские цари обеспечивали себе преданность чужеземных вассалов, свидетельствуют о том, что в основе этой примитивной практики лежали обряды. В тексте Ашшурнерари V описаны символические действия, наглядно иллюстрирующие судьбу каждого, кто нарушит договор: «...эта голова не является [отрубленной] головой барана, но головой Мати'илу. Если Мати'илу нарушит эти соглашения, его голова должна быть отрублена так же, как была отрублена голова этого барана»⁹⁴. Эти слова точно соответствуют магическим правилам, способствующим причинению зла. Правила эти подробно описаны в ряде религиозных текстов. Остается спорным, заимствовали ли ассирийцы варварские обычаи у своих соседей, чтобы воздействовать на них и убедить в серьезности последствий, если эти соглашения не будут соблюдаться. Возможно, эта практика иллюстрирует изменение в культурном уровне, происшедшее со времени хеттских договоров с отраженной в них верой в божественные санкции по сравнению с эпохой последних ассирийских царей с их магическими действиями. Последние упоминаются и в арамейском договоре Мати'илу с его вассалами, записанном на стеле; их можно сравнить с примитивными обычаями, засвидетельствованными в Мари и упоминаемыми в Ветхом завете⁹⁵. Клятва верности, навязанная Асархаддоном мидийским вождям, чтобы заручиться их преданностью по отношению к его сыну и преемнику Ашшурбанапалу, сопровождалась таким же магическим ритуалом. Неизвестно, была ли клятва верности, принесенная высшими ассирийскими должностными лицами, также подкреплена ритуальными действиями, однако это весьма вероятно. О подобном способе обеспечивать лояльность должностных лиц мы узнаем из царской корреспонденции, найденной в Ниневии: сохранились фрагменты, содержащие ту часть клятвы, в которой на должностных лиц возлагается обязанность сообщать царю все, о чем слышали или видели⁹⁶.

Своеобразной формой соглашения, заключенного между ассирийским царем и его подданными, следует считать хартии свободных городов. Известна только одна подобная хартия, та, в которой Саргон подтвердил особое право обитателей Ашшура не платить налоги, право, которое отменил его предшественник; несомненно, это было сделано в ответ на услуги, оказанные Саргону в его борьбе за трон⁹⁷.

Как правило, царь считал, что издаваемые им эдикты определяют функции должностных лиц и обязанности подданных. Эдикты, касающиеся должностных лиц и их обязанностей, часто

встречаются в хеттских документах. В Месопотамии их находят только в Ассирии и окружающих ее землях⁹⁸ Среди текстов этого типа среднеассирийское собрание царских эдиктов, в которых девять царей послеамарнского периода пытались весьма детально установить обязанности лиц, отвечающих за царский гарем⁹⁹, представляет наибольший интерес. Еще один документ подобного рода из Нузи определяет обязанности градоправителя¹⁰⁰ Вавилонские декреты представлены уникальным документом, изданным предпоследним царем династии Хаммурапи Амми-цадукой¹⁰¹

Этот декрет отменяет часть долгов и направлен на то, чтобы облегчить положение известных слоев населения. Упоминания о подобных актах (*seisachtheia*), проведенных царями того периода, встречаются в текстах и даже в датировочных формулах. Однако эта табличка — единственная дошедшая из текстов, которые, вероятно, были в то время широко распространены. Ее содержание чрезвычайно важно для изучения экономической и социальной жизни старовавилонского периода, ибо довольно точно определяет масштаб царской реформы и степень допустимых отклонений, давая также уникальную возможность понять экономическую структуру общества¹⁰².

В средне- и нововавилонский периоды царские пожалования обычно записывались на овалыных или столпообразных пограничных камнях — *kudurru*¹⁰³ Обнаружено свыше восьмидесяти подобных памятников, относящихся к периоду от Кадашмана-Эллила I (ок. 1380 г. до н. э.) до брата Ашшурбанапала Шамашшум-укина (668—648 гг. до н. э.). Из них можно точно датировать только тринадцать; несколько более поздних *kudurru* не содержат записей о пожалованиях. Чтобы объявить о царском подарке, камни устанавливали на границах полей и обширных владений, пожалованных царем частным гражданам. В исключительных случаях так же оповещали о дарах храмам; копии таких *kudurru* на глиняных табличках хранили в самих храмах. Существенную часть надписи составляли рисунки, вырезанные на камнях. На них символически изображались главные божества пантеона, иногда с пояснительными надписями. В тексте изображения обозначались самыми разными словами — «боги», «знамена», «оружие», «изображение» и даже «место», поскольку их часто помещали на особых возвышениях, напоминающих троны богов. Функция их не вызывает сомнений: они охраняли памятник. Той же цели служили, очевидно, и вырезанные на *kudurru* рельефы: изображение царя — одного или вместе с человеком, которому он жалует землю, или получателя, поклоняющегося божеству. Сохранность памятникам также обеспечивали проклятия и благословения, высеченные на *kudurru*. Они препятствовали удалению или уничтожению надписи, ибо только она подтверждала подлинность царского дара.

Период создания этих памятников документирован очень слабо, поэтому язык надписей, отраженная в них юридическая и социаль-

ная деятельность, упоминания имен царей, официальных и других лиц, дают нам ценную информацию. Украшающие эти памятники изображения представляют для историков месопотамского искусства большой интерес.

Среди царских декретов следует также упомянуть чрезвычайно важный свод законов Хаммурапи, высеченный на украшенной рисунками стеле. Как показывают фрагменты, обнаруженные в Сузах, существовало по крайней мере три такие стелы¹⁰⁴. Они были доставлены в Сузы в качестве трофеев, добытых в результате успешного набега эламитов на Вавилон.

«В МИРЕ МНОГО СИЛ ВЕЛИКИХ,
НО СИЛЬНЕЕ ЧЕЛОВЕКА
НЕТ В ПРИРОДЕ НИЧЕГО»

Софокл

Материалы, изложенные в этой главе, не были включены в предыдущую главным образом по соображениям удобства для читателей. Все, что сейчас известно о науке и технике Месопотамии, основывается на клинописных текстах и должно было бы поэтому рассматриваться в V главе. Как известно, тексты с информацией о науке и технике весьма различны по своему характеру: это астрономические эфемериды и расписки о выдаче ремесленникам разных материалов, сборники медицинских предписаний и описания произведений искусства, в том числе статуй и барельефов, инвентарные списки драгоценностей и словари, математические таблицы, предсказания по движению планет, некоторые отрывки литературных и юридических документов. Сохранившиеся до наших дней предметы материальной культуры, развалины зданий, архитектурные украшения, изделия из металлов и цилиндрические печати также содержат, хотя и весьма ограниченную, информацию об инструментах и приспособлениях, с помощью которых они были созданы. В первую очередь это относится к изделиям из металлов, стекла, к керамике, а также изразцам. К сожалению, не часто удается установить связь между найденными изделиями и текстами и сравнить использованную для их изготовления технику с той, которая описана в глиняных табличках. Археологические данные и письменные документы, обнаруженные в Месопотамии, не так хорошо дополняют друг друга, как те, что найдены в Египте.

Наибольшее число археологических находок приходится на древнейший период месопотамской истории, который очень слабо документирован. Почти все тексты, которые могли бы пролить свет на историю развития техники тех дней, относятся главным образом к текстилю или металлам, т. е. таким изделиям, которые практически не сохранились: у нас совсем нет образцов ткачества и очень мало изделий из металлов¹. Наряду с этим некоторые ремесла и сферы человеческой деятельности, такие, как архитектура, гончарное ремесло и сельское хозяйство, вообще не имели письменной традиции².

Вместо литературоведческого описания медицинских, математических и астрономических текстов и обсуждения их формы, словарного состава и исследования истории текста я считаю целесообразным на данном этапе ограничиться рассмотрением только некоторых научных и технических проблем в качестве иллюстрации деятельности людей, живших в Месопотамии и действовавших в реальном мире в рамках имевшихся в них познаний.

Наши знания о месопотамской медицине основаны на текстах древних медицинских руководств и сборников предписаний, а также письмах, случайных замечаниях в литературных памятниках и отдельных упоминаниях в сборниках законов. Первые из них свидетельствуют об эрудиции врачей, последние — об их отношении к больному и социальном положении врачей.

В месопотамской медицине следует четко различать два основных направления, что важно для понимания ее как науки. Оба направления возникли в старовавилонский период и описываются в текстах, поступивших в основном из двух крупных источников документов: коллекции, обнаруженной в Ашшуре, и собрания документов из библиотеки в Ниневии³. Подтверждают эти сведения также таблички из Ниппура, Богазкёйя, Султантепе и поздних поселений на территории Южной Месопотамии. Они показывают, что оба направления традиционны и часть единого потока.

Я обозначаю одно из этих медицинских направлений, или школ, как «научное», а другое — как «практическое». Для первого характерно большое количество сохранившихся и уже упоминавшихся в последнем разделе IV главы текстов. Там они определены как прогностические предсказания. Основной документ этой школы представляет собой серию, получившую название по начальным словам: «Если заклинитель, идя в дом больного. . .». Как видно, эта форма типична для сборника знамений, и здесь не стоит ее обсуждать. Мы вернемся к ней и к научной оценке ее после рассмотрения текстов второй школы, школы медиков-практиков. Большинство текстов этого типа, называемых ассириологами медицинскими текстами, составлено по определенному образцу, что характерно для традиции месопотамских писцов. Формально они похожи на тексты знамений и также входят в сборники. Каждая табличка состоит из ряда одинаково построенных записей, начинающихся, как правило, словами: «Если человек болен (и у него такие-то симптомы). . .» или «Если человек страдает от (такой-то и такой-то) боли в голове (или других частях тела). . .». Перечисление симптомов заболевания дается подробно, с использованием более или менее устойчивой терминологии для описания субъективных ощущений и объективных симптомов. Оно сопровождается детальными инструкциями врачу относительно рекомендуемой *materia medica*, ее приготовления, процедуры приема больным и способа ее применения. Все это описывается с использованием широкого набора медицинских терминов.

Обычно каждая запись заканчивается заверением: «он поправится. .», но иногда и предупреждением, что больной не справится с болезнью. Нечего и говорить о том, что в этих текстах можно найти ряд вариаций и специальных формулировок. Есть таблички, которые представляют собой диагноз заболевания, другие содержат ссылки на причины заболевания: среди них фигурируют главным образом вредоносная магия или грехи. Подробное исследование различных типов текстов, а также их распределение по времени и месту еще никем не производилось, хотя результаты обещают быть весьма интересными. Во всех вариантах и случаях отклонения структура записей постоянна. Она типична для построения длинных рядов, расположенных в соответствии со словесным оформлением начального заявления.

Иными словами, таблички, содержащие предписания, подобраны либо по характеру симптомов, либо по названию пораженных частей тела. Ценность «учебников» этого вида для практикующего врача очевидна.

Имеются тексты, датируемые серединой II тысячелетия до н. э., из хеттской столицы Хаттусаса, где писцы копировали старовавилонские оригиналы либо непосредственно, либо с помощью каких-нибудь пока неизвестных посредников. Следующими по времени идут таблички, найденные в двух ассирийских столицах, Ашшуре и Ниневии, датируемые между примерно 1000 и 612 гг. до н. э. Тексты из Ашшура содержат ряд еще не опубликованных старо- и среднеассирийских версий, которые, в свою очередь, восходят к старовавилонским оригиналам. Старовавилонская группа текстов состоит из ряда копий, все еще ждущих публикации. К этому же источнику можно возвести и несколько среднеавилонских фрагментов и небольшую группу нововавилонских медицинских текстов. Поскольку основные документы названных групп еще не опубликованы, то специалисту по истории медицины придется подождать, пока кто-нибудь из ассириологов не предложит их перевода, прежде чем пытаться проследить развитие медицины и установить те изменения, которые произошли на протяжении времени более чем в тысячу лет.

Но, как уже теперь очевидно, сохранившиеся таблички этого типа, каковы бы ни были их даты и происхождение, отражают главным образом медицинскую практику и состояние медицины в старовавилонский период. Более поздние копии, так же как копии, найденные за пределами Месопотамии, показывают, что врачи, составлявшие их, были заинтересованы в первую очередь в сохранении традиции.

Эти тексты раскрывают уровень и объем медицинских знаний в период, когда они были составлены, и показывают, что месопотамская медицина была типично народной медициной, описанной некогда в древнеанглийских лекарских книгах. *Materia medica* состоит главным образом из различных местных трав и таких животных продуктов, как жир, кровь, молоко, кости и небольшое количество минеральных веществ. В текстах нет упоминаний

о чем-либо редком и дорогом, ввозившемся из далеких районов, равно как не отдается предпочтения тому или иному специфическому виду лечения или способу применения лекарств. Травы — корни, стебли, листья, плоды — использовались либо сухими, либо свежими, растертыми и просеянными или размоченными и прокипяченными. Они смешивались, по-видимому, с пивом, уксусом, медом или твердым жиром. Некоторые из них нужно было глотать, другие применялись в виде свечей или вводились в организм с помощью клизмы; третьи втирались в кожу в виде лосьонов или мазей. Как и следовало ожидать, среди этих растительных средств имеется ряд послабляющих, диуретиков и противокашлевых. Иногда их применение явно показывает, что качество и эффект таких растений были хорошо известны. Слишком частое, однако, их применение, по-видимому, диктовалось какими-то иными причинами. Вероятно, потребуются исследования филологов и помощь экспертов по фармакологии и ботаников, хорошо знающих флору Ирака, чтобы определить принципы, лежащие в основе применения таких растений — каждого в отдельности или в смесях.

Попытки определить заболевания по совокупности симптомов и других указаний, выраженных в понятных нам терминах, придется связать с исследованием растений, которые представляют основной источник наших познаний о месопотамском лечении. Действительно, термин *шамму* («травы»), по-видимому, часто является синонимом слова «лекарство». Основным источником информации служит пространное сочинение (три таблички), в котором перечисляются сотни растений, частей тела животных и других не всегда поддающихся определению материалов. Текст расположен в двух колонках; он дает интересное представление о месопотамской фармакопее, перечисляя продукты растительного происхождения (листья, корни, семена и др.)⁴. Кроме того, в нем названы минералы (соли, квасцы, измельченные камни) и части тела животных. Эта номенклатура зашифрована и потому не вполне ясна.

Медицинские инструменты редко упоминаются в рассматриваемой группе текстов. Говорится о шпателях, металлических трубках, а также ланцетах, которые, возможно, недаром названы брадобрейскими ножами. Они использовались для различных разрезов при хирургических операциях. Ширицы в текстах не упоминаются. Возможно, что ряд простых приборов и инструментов употреблялся, но в текстах о них не упоминается, потому что названия их и способ употребления были очевидны. Ввиду примитивного характера медицинских знаний в этой области, неудивительно, что к хирургии обращались только в критических случаях. Действительно, ни один медицинский текст или иной отрывок, относящийся к деятельности врачей, не упоминает того, что мы назвали бы хирургией⁵. Кесарево сечение, о котором мимоходом говорится в юридическом тексте старовавилонского периода, не противоречит этому утверждению, так как оно было произведено после смерти больной⁶. Такие операции известны из греческих и римских источников, а также

из Вавилонского талмуда, подтверждающего их для самой Месопотамии. Также известно, что они производились и у народов, чье знание медицины было очень примитивным. Магико-медицинская практика, такая, как удаление зубов, трепанация, обрезание, не засвидетельствована в Месопотамии. Акушерством и тогда занимались женщины; относящиеся к этому упоминания в неспециальных текстах редки ⁷

В популярных книгах по месопотамской цивилизации (в главах о медицине) часто встречаем заявления о том, что в Кодексе Хаммурапи упоминается операция катаракты. Это не так. Действия врача, упомянутые в этом своде законов как, возможно, подвергающие опасности жизнь больного, — надсечка, которая делалась для того, чтобы облегчить некоторые заболевания глаза, — обычная практика в александрийской медицине.

Взаимоотношения между врачом и больным в Месопотамии имеют два аспекта, которые надо различать, если мы хотим понять медицинскую науку этой цивилизации. От представителя «практической школы» медицины, врача-практика, не ждали, что он станет осматривать тело больного или исследовать симптомы его болезни. Врач определяет заболевание с помощью списков симптомов, составленных именно для этой цели, и применяет конкретное лечение, указанное для каждого случая.

Члены «научной школы» демонстрируют совершенно другой подход к больному и его заболеванию. Симптомы считаются не показателем того, какие средства применить, а скорее «знаками», которые связаны с исходом заболевания и иногда помогают определить его так, чтобы специалист мог применять соответствующие магические контрмеры. Этот двойной подход имеет определенные последствия. У «врача-предсказателя» более прямой интерес к симптомам, и он склонен к точному и тщательному осмотру тела больного, чем не занимается «практик», для которого симптомы имеют эвристическое значение. Интерес первого является четко «научным», поскольку он тщательно осматривает тело больного, отмечает температуру кожи, которую он проверяет в нескольких местах, и наблюдает за кровеносными сосудами, их окраской и движением кровяного потока. Таким образом, он исследует пульс, но не как показатель физиологического состояния больного человека, а скорее как «знак», который предназначен для искушенного наблюдателя и имеет отношение к судьбе больного ⁸ Многие из того, что мы знаем об аккадской анатомической номенклатуре, терминологии здорового и больного тела и его функций, получено из текстов, которые мы называем текстами-знамениями или, чтобы быть точным, — прогностическими предзнаменованиями. Специалист, который тщательно ищет раскрывающие состояние больного «знаки», называется не врачом (*асу*), а *ашипу*, что мы традиционно переводим как «заклинатель».

Наблюдаемые признаки рассказывают ему, выживет ли больной или умрет, как долго должна продолжаться болезнь и серьезна она или скоро пройдет ⁹.

Точно так же, как предсказатель, который не ограничивается изучением внутренностей убиваемых овец, но, для того чтобы получить добавочные приметы, распространяет свое наблюдение и на поведение животного перед тем, как его убивают, поступает *ашину* при лечении больного. Действительно, не только симптомы больного человека передают информацию, но учитывается и ситуация, в которой он находится, наблюдаются и истолковываются время дня или ночи, дата и «знаки».

Каков же характер контрмер, применяемых *ашину*? Из того, что мы знаем о месопотамских предсказаниях, есть все основания полагать, что это — магические действия, заклинания и ритуалы. Точной информации у нас все-таки нет.

Это подводит нас к другой проблеме, тесно связанной с месопотамской медициной. Есть много указаний на то, что жители Месопотамии верили в эффективность двух способов, двух фронтов действия при лечении заболевания — применения медикаментов и использования магии. Между этими двумя способами не было жесткого разделения; медицинское лечение, как правило, содержит только незначительные примеси магических процедур, в то время как магические меры против болезней используют традиционную фармакопею, хотя причины этого обычно неясны. Магические элементы, применяемые практиком, состоят из коротких заклинаний, уверенности в магии чисел (например, семь капель жидкости), символических актов (завязывание узлов), требования определенного расписания для выполнения отдельных операций при приготовлении лекарства или помощи во время лечения особых лиц (ребенка, девственницы). Нам не следует пытаться разъяснить или слишком подчеркивать такую практику; потребуются долгие поиски и кропотливые исследования, для того чтобы установить типологию ситуаций, при которых предписывалось медицинское или магическое лечение, отдельно то или другое или и то и другое вместе. В этом отношении важно установить различия между месопотамскими концепциями заболеваний и концепциями, свойственными нам, — так что, например, рецепты против седения волос оказываются медицинскими, а не магическими. Неизлечимые глазные заболевания, ежегодно повторяющиеся эпидемии, легочные и кишечные нарушения, умственные расстройства, если упомянуть здесь только наиболее частые жалобы, обсуждаемые в наших текстах, являются областями, относящимися в равной мере и к практикам, и к ученым. Для того чтобы подчеркнуть значение этой дихотомии в месопотамской медицине, которую я старался охарактеризовать использованием этих двух ключевых слов, следует изучить их связь, прежде чем мы вернемся к месопотамским медицинским знаниям, как таковым.

Хотя обе традиции возникли в старовавилонский период и сохранялись с незначительным изменением писцами до второй половины I тысячелетия до н. э., можно отметить происшедший за это время сдвиг в положении врача-практика. Он теряет значение сравнительно со специалистами по предсказаниям и заклина-

ниям. Явные признаки этого изменения можно найти в письмах, в которых говорится о больных и лечении. Письма старовавилонского периода и письма, обнаруженные в городе Мари, часто упоминают врачей и их деятельность. Письма из Ниппура среднеавилонского периода подробно описывают больных и симптомы и излагают интересные детали медицинского лечения, включая указания на существование клинического учреждения. Однако в среднеавилонский период термин *асу* больше не употребляется. Нет его и в царской корреспонденции ассирийского двора, которая дала нам большую часть информации об уходе за больными и о медицинских процедурах, включая ссылки на лечение зубов¹⁰ Лица, которые сообщают в этих письмах о болезнях при дворе и здоровье самого царя и которые дают различные предписания, короче говоря, те, кто действует как врач, — все являются учеными и специалистами по предсказаниям, заклинаниям и магическим процедурам (неважно, какое название ассириологи предпочтут им дать). С месопотамской точки зрения, однако, они все являются представителями «научной школы» медицины. Все данные, касающиеся врача-«практика» и врача-«ученого», по-видимому, указывают на то, что «практик» потерял свое значение и положение в течение тысячелетия, которое отделяет старовавилонский период от новоассирийского, тогда как врач-«ученый» укрепил свое положение и присоединился к царскому двору. Невозможно установить, в какой степени они оказывали действительную медицинскую помощь, но, по всей вероятности, они переняли то, что относилось к методам врача-практика¹¹

Было бы слишком претенциозно назвать этот обзор историей месопотамской медицины; просто укажем на изменение в общем подходе к делу, принесшее престиж тому, что мы считаем ненаучными медицинскими спекуляциями, во вред трезвому, хотя едва ли очень эффективному лечению с помощью народной медицины, основанному на том знании растений и человеческого тела, какое опытный практик мог собрать и переварить. Подобное же изменение, по-видимому, произошло в египетской медицине. Там замечательные папирусы с их удивительными достижениями, не имеющими равных в истории медицины до Гиппократов, дошли от периода даже более раннего, чем старовавилонский. И все же мы читаем в «Иероглифике» Гореполлона, любопытном сочинении IV в. н. э. о чудесах Египта, что у египетских врачей была книга, называвшаяся *Ambres*, которая давала им возможность распознавать, смертельно ли данное заболевание или нет. При наличии месопотамского опуса по медицинским предсказаниям вполне можно предположить, что книга «Амбрес» — если это сообщение Гореполлона вдруг окажется более надежным, чем то, что он в других местах говорит о Египте, — соответствовала по функции (хотя, конечно, не по взглядам и подходу) нашей серии «Если заклинатель, идя в дом больного. . .»

Для того чтобы охарактеризовать месопотамские медицинские знания, нужно сначала рассмотреть ситуацию, при которой проис-

ходила кодификация старовавилонских текстов. Мы, конечно, не можем сказать, когда писцы попытались зафиксировать в письменном виде устные традиции врачей, основанные на их собственных приемах и на практике предшествовавшего периода. Даже если бы все еще не опубликованные старовавилонские медицинские тексты были доступны, они едва ли пролили бы какой-нибудь свет на этот критический период начальных медицинских записей. Но есть и другие указания; первое — это древний (периода III династии Ура) фармацевтический текст, написанный на шумерском языке, в котором уже содержатся основы месопотамской фармакопеи, и второе — маленькая группа фрагментов, найденная в Богазкёйе, содержащая медицинские тексты того типа, который мы рассматриваем, но написанных скорее на шумерском, чем на аккадском языке¹². Это говорит о том, что в старовавилонский период медицинские тексты на шумерском языке существовали в достаточном количестве, чтобы оказаться в хеттской столице. Так как старовавилонские тексты, касающиеся предсказаний, никогда не писались на шумерском языке, а шумерский, как и аккадский, использовался для записывания математических текстов, можно предположить, что запись математического и медицинского материала предшествовала составлению текстов о знаменьях (куда входили предсказания по внутренностям животных, тератология и гадания по маслу и дыму). Впрочем, это необязательно объясняется разницей во времени; такое положение вполне могло быть результатом локальных различий. Возможно, что медицинские и математические тексты записывались в научных центрах, где шумерская традиция сохранялась лучше, чем в тех местностях, в которых предсказание перешло с уровня фольклора на уровень науки, основанной на письменных текстах. Так как у нас мало научных и литературных текстов, относящихся к критическому периоду месопотамского творчества — несколько веков до и после середины II тысячелетия до н. э., — и, кроме того, многое, возможно, было потеряно для археологов из-за поднявшегося уровня подпочвенных вод там, где оно, по-видимому, процветало, то мы, возможно, никогда не будем иметь в нашем распоряжении ничего, кроме косвенных данных об этих важных интеллектуальных достижениях.

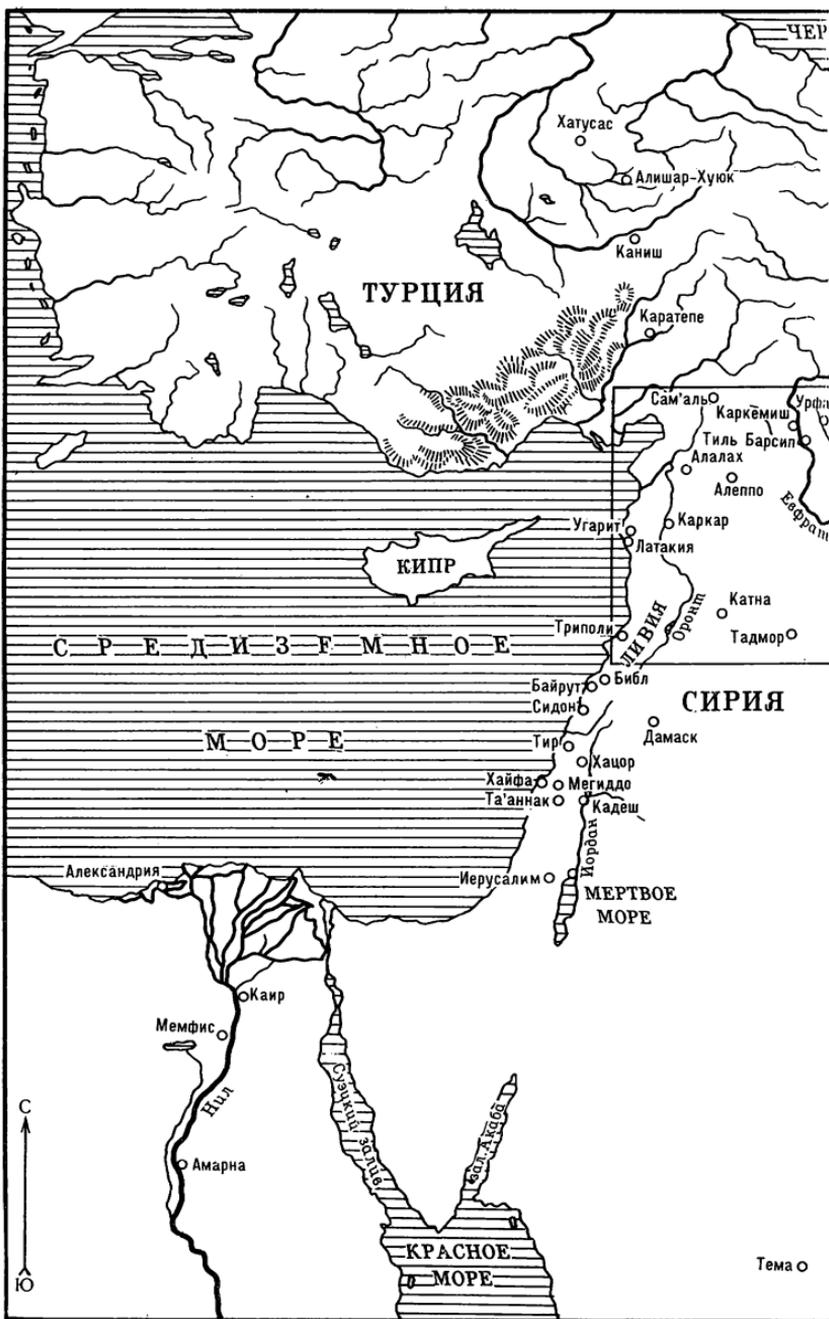
Одно предупреждение в этой связи: язык, на котором впервые записаны клинописные тексты той или иной категории (т. е. та или иная область интеллектуального развития), не является прямым свидетелем этнической или лингвистической принадлежности тех, кто писал их. Таким образом, нельзя сказать, что предсказания являются аккадским, а математика и медицина — шумерским занятием. Все они являются плодом длительного процесса, который проходила месопотамская цивилизация, используя как средство общения сначала шумерский язык, а затем аккадский. Однако эта последовательность проявлялась не везде и, по-видимому, зависела в разных местах от действия все еще не установленных политических и социальных факторов.

Как только писцы этого созидательного периода, характеризующегося постоянным расширением их профессиональных интересов, допустили медицинские наблюдения и рецепты в корпус письменных документов, эти тексты стали копировать последующие поколения. Таким образом они были спасены от забвения. В этой связи встает вопрос: продолжали ли медицинские знания и связанные с ними методы лечения развиваться независимо от корпуса традиционных текстов, позволяя образоваться разрыву между записанными формулами и изменяющейся практикой? Я склоняюсь к мысли, что эта традиция в Месопотамии оказывала такое же парализующее действие, какое любая письменная традиция оказывает на развитие предмета. История медицины во всем мире подтверждает это явление. Более того, не существует никакого текстуального доказательства, которое указывало бы на то, что в Месопотамии замечали разрыв между традицией и практикой. Возможно, конечно, что тщательный анализ медицинских текстов выявил бы следы изменений в методах лечения и применении медикаментов, добавленных писцами к копируемым текстам. Все же консерватизм, который проявляется, например, в математической литературе, говорит против такой возможности. Новое применение существующих научных методов должно создавать свои собственные образцы, как это произошло с теми текстами, которые дают нам информацию по математической астрономии.

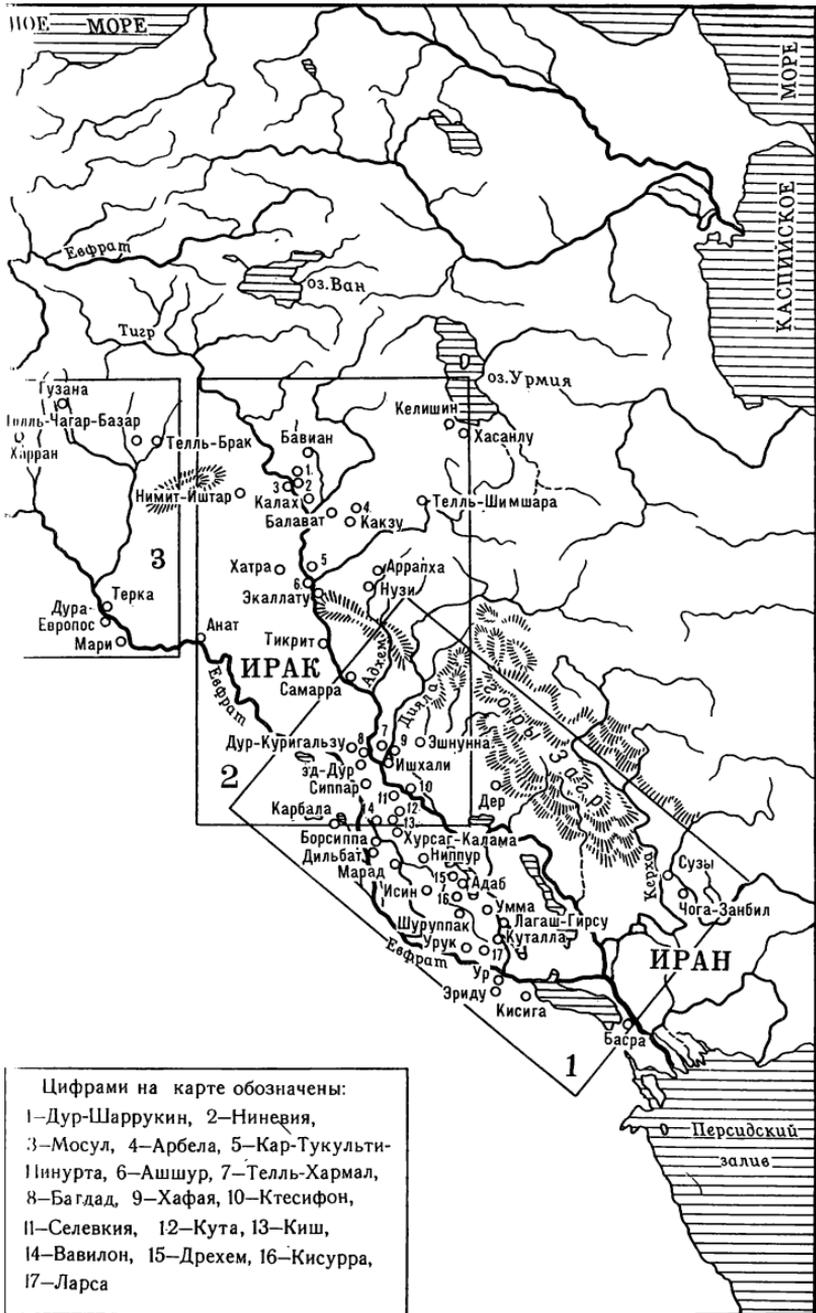
Месопотамская медицина всегда оставалась на низкой ступени развития. Геродот (III, 1) высказывает свое мнение о ней, когда говорит о вавилонянах, приносящих своих больных на рынок для того, чтобы узнать у прохожих, какие средства они бы предложили для лечения. Хотя ассириологи находят удобным не верить этому рассказу Геродота, совершенно очевидно, что греческий путешественник, говоря о Вавилонии, не проявлял того восхищения, которое он испытывал к египетской медицине и египетским врачам.

Было бы ошибкой обвинять традиционализм медицинской клинописной литературы в низком уровне медицины в Месопотамии. Даже интерес к копированию медицинских текстов уменьшился с течением времени, что, по-видимому, указывает на изменение отношения к медицинской традиции. После падения Ассирии в ученых центрах Вавилонии было создано много лексических текстов, сборников предсказаний и литературных и религиозных табличек, но копии медицинских текстов «школы практиков» редки. Это находится в противоречии с большим количеством таких текстов, найденных в Ашшуре и в меньшей степени в библиотеке Ашшурбанашты в Ниневии.

Несколько объяснений приходит к голове, однако ни одно из них недостаточно для того, чтобы разъяснить, очевидно, исключительно сложную ситуацию. Возможно, что «научная школа» пользовалась популярностью в ученых кругах юга или что какой-то особый интерес вызвал необычное накопление медицинских текстов, особенно в Ашшуре и Ниневии. Мы, вероятно, никогда

Древний Ближний Восток

не узнаем, до какой степени различные интеллектуальные течения в месопотамской науке стимулировались модами при дворе и предпочтениями царя. Медицина чувствительна к таким влияниям. Почти несомненно, что в Месопотамии и на медицину, и на предсказания сильно влияли как внутренние изменения, так и внешнее давление. В этих текстах не видно того монолитного единообразия, которое объединяет математические тексты в течение тысячелетия или более.

Не следует также исключать возможность того, что идеологические соображения, вероятно, повлияли на искусство врача. Специалисты по истории медицины признают, что отношение к врачу, доверие к его способности помочь представляет собой обусловленное культурой поведение, чрезвычайно характерное для любой цивилизации. Парадоксально, но наше отношение к смерти, по всей вероятности, определяет наше отношение к врачам. Это подтверждают два контрастных примера. Усиленный интерес к медицине, проявлявшийся египтянами, целенаправленный и научный подход, который наблюдается в медицинских папирусах, специализация в пределах профессии, произведшая такое сильное впечатление на Геродота, богатая и сложная фармакопея, которой восхищались в «Одиссее» (IV, 229—231), — все это приобретает значение, когда мы рассматриваем их на фоне экзистенциального отношения к смерти у египтян. За смертью следовал новый вид «жизни», который должен был продолжаться за барьером смерти посредством сохранения тела, внимания, проявляемого к мумии, и всего того, что предусматривалось в социальных, экономических и религиозных обычаях. Тем не менее со смертью и болезнью борется талант врача. Наоборот, в Ветхом завете мы наталкиваемся на несколько красноречивых отрывков (например, «...но он в болезни своей взыскал не Господа, а врачей», 2-я книга Паралипоменон XVI, 12), которые выражают отрицательное отношение к услугам врача. Такое нежелание допустить какого-либо другого целителя, кроме бога, иногда, по-видимому, принимало крайние формы; этим можно объяснить, почему Иисус Сирах вынужден был так умолять позвать врача (XXXVIII, 2): «именно у Бога врач получает мудрость». И в четвертом стихе: «Бог создал лекарства из земли, и пусть никакой привередливый человек не отвергает их». Такое негативное отношение в Ветхом завете, по-видимому, связано с концепцией смерти как конца индивидуального существования без надежд на последующую жизнь.

Весьма показательно, что, когда обещание апокалиптического блаженства и ожидание небесных чертогов были приняты во всем этом регионе, отношение к врачу изменилось; его знания и помощь ценились и их домогались.

Возможно, что статус месопотамской медицины объяснялся концепцией смерти, родственной концепции Ветхого завета. Месопотамский детерминизм, который описывался в главе о религии, хотя он и сочетался с верой в предсказания и с апотропической магией, возможно, был способствующим фактором.

Для того чтобы закончить нашу характеристику месопотамской медицины, необходимо хотя бы схематически описать социальный статус, функции и нравы врача. Относящиеся к этому сведения до недавнего времени были довольно скудными, но оказалось, что уже упоминавшийся текст, найденный не так давно в Султантепе и названный его издателем «Сказка о ниппурском бедняке», содержит больше сведений, чем все медицинские тексты, известные до сих пор. Это должно напомнить нам еще раз об основном недостатке почти всех клинописных документов, их оторванности от реальной повседневной жизни.

Табличка содержит историю, которую я вкратце изложил в предшествующей главе. Наибольшую ценность представляют не ее литературные достоинства, а то, что она дает нам возможность увидеть жизненные привычки обычного человека той эпохи. Эта сказка позволяет нам наблюдать социальную структуру непосредственно, что редко допускает присущий большинству литературных текстов формализм. Из трех эпизодов, рассказывающих о шутках, которые бедняк сыграл с жадным градоправителем Ниппура, в данном контексте имеет значение второй. В нем шутник выступает под маской врача. В нескольких трудных, поврежденных строках текст рассказывает нам, что шутник сбрил волосы и запасся кувшином для возлияний и курильницей. Сделавшись неузнаваемым с помощью такого изменения внешности и держа символы своей профессии (кувшин для возлияний и курильницу), этот бедняк (нужно предполагать, на нем была только набедренная повязка или что-то в этом роде, так как в тексте не упоминается костюм, зато об одежде специально рассказывается, когда он переоделся официальным лицом) появляется в доме градоправителя и представляется следующим образом: «Я — лекарь, уроженец Исина, сведующий. .». Здесь текст прерывается. Мы можем предположить, что далее шли обычные самовосхваления врача того времени. Представление было убедительным; лжеврача впустили, показали ему больного и его раны. Он осмотрел их так профессионально и произвел такое хорошее впечатление, что градоправитель перевозносил его как искусного лекаря. Можно предполагать, что это указывает на то, что врача-практика обычно не очень-то высоко ценили. Шутник быстро реагирует на комплимент, говоря, «господин мой, мое лечение успешно только в темноте». Когда «доктор» остается наедине со своим больным, он использует принесенные «инструменты», но текст не описывает как. Я полагаю, что он вылил воду из своего кувшина на пылающие угли для того, чтобы наполнить комнату дымом; затем он связал градоправителя по рукам и ногам и избил его. Ни просьба шутника, ни связывание больного, ни его вопли и дым, по-видимому, не вызвали подозрений у слуг градоправителя.

Прежде чем мы проанализируем этот случай с точки зрения отношения древних к врачам, отметим, что рассказываемые события относятся к гораздо более раннему периоду, чем текст, который дошел на табличке VII в. до н. э. из Верхней Сирии и крошечном

фрагменте из библиотеки Ашшурбанапала. Географические названия, имена действующих лиц и лексика заставляют датировать этот рассказ серединой или началом второй половины II тысячелетия до н. э. Таким образом, он, вероятно, на несколько веков моложе, чем время первой записи медицинских текстов.

Врач в этом рассказе наголо обрит — древнешумерское требование к человеку, который должен общаться с божеством, — и, вероятно, очень скудно одет, но едва ли обнажен, как шумерские жрецы. По ссылкам в древних словарях и неопубликованному фрагменту из Ниневии, врач носил сумку, вероятно для трав и бинтов. Другое указание находим в религиозном тексте, который содержит самопредставление бога Мардука как врача и гласит следующее: «Я лекарь, я знаю, как лечить, я ношу с собой все травы. . .», «У меня есть мешок, [полный действенных] заклинаний, я ношу *masdaru*, которая. . . я одариваю хорошим здоровьем. . .»¹³ Врач этого рассказа носит кувшин для возлияний вместо мешка — характерная особенность шумерского жреца, совершающего богослужение, которого часто изображали на древних цилиндрических печатях и сосудах для благоволий. Внешний вид его имеет некоторые характерные приметы медика. Это отнюдь не «примитивная» черта; не так давно врачи носили специальную одежду даже в повседневной жизни, да и сейчас они должны носить своего рода форму, когда общаются с больными. Мы не знаем, должны ли были месопотамские гадатели, заклинатели и жрецы носить какое-нибудь особое платье, когда они выполняли свои обязанности или появлялись на людях. Есть указания, что некоторые лица, связанные со святилищем, носили льняные одежды, но это и все, что известно.

Плут, переодетый лекарем, вероятно, действовал совершенно в стиле врачей того времени, рекламируя свои услуги и нескромно ссылаясь на свою искусность. Это было, очевидно, так же принято, как и предлагать свою помощь, когда кто-нибудь нуждался во враче. То, что ловкач объявляет себя уроженцем ученого города Исина, с тем чтобы произвести впечатление на своего предполагаемого пациента, весьма любопытно, так как такое же заявление делает предсказатель *бару* на печати со своим именем¹⁴. Так как указывать свой родной город на печати не было принято, можно предположить, что предсказатель добавил эту информацию с той же целью, что и плут в «Сказке о ниппурском бедняке».

Другой клинописный литературный текст ставит предсказателя и врача на один уровень с хозяином гостиницы и пекарем¹⁵. Мы ссылаемся на заклинание, которое считалось действенным для обеспечения успеха в делах представителей этих четырех профессий. Из текста мы узнаем, что врач и предсказатель зарабатывали на жизнь, получая плату от больных. Оба были специалистами средней квалификации, более или менее обученными, так как не каждый врач и предсказатель получал образование в знаменитом «Университете» Исина.

Специалисты, использующие заклинания, чтобы увеличить свою клиентуру, удивительны только для нас; до возникновения городов они явно представляли древнейшее ядро людей свободных профессий. С развитием урбанизации и предсказатель и врач перебираются в столицу. Владелец гостиницы, как первый промышленник, продолжал продавать свое пиво жителям города и деревни (в тяжелые времена — в кредит), выступал в старовавилонский период как ростовщик и сделал из своего учреждения социальный центр. Пекарь представляет первого лавочника, обеспечивая горожан повседневным хлебом и печеными изделиями. Улица пекарей в Иерусалиме (Кн. Пророка Иеремии XXXVII, 21) ярко иллюстрирует эту ситуацию. Упоминание этих четырех занятий показывает, что данное заклинание восходит к раннему времени.

Врачи при таких обстоятельствах, должно быть, понимали, что для их экономического и социального благополучия было выгодней пристроиться ко дворцу, чем полагаться на заклинания. Действительно, большинство упоминаний о врачах до второй трети II тысячелетия до н. э. показывает, что они были связаны с дворцом. Эти ссылки находятся в текстах из периферийных районов — Мâри, письмах из Амарны и в табличках, найденных в Хаттусасе. Имеются также разрозненные указания на сохранение той же ситуации вплоть до середины I тысячелетия до н. э. В большинстве из этих текстов царь посылает врачей, чтобы помочь своим слугам и официальным лицам; врачи пишут отчеты царю о здоровье своих пациентов. Иногда дворцовых врачей посылают в чужие страны, для того чтобы помочь их правителям, и таким образом увеличить престиж царя, произведя впечатление на союзников искусством его врачей. Столь же важной была роль лекаря и при дворе, где он наблюдал за здоровьем царя, его семьи и гарема. Из среднеассирийского собрания царских распоряжений относительно гарема мы узнаем, что врач, лечивший женщин, там и жил. Частные врачи были редки в Месопотамии, но они упоминаются в старовавилонских текстах и текстах III династии Ура. Есть одиночная ссылка на женщину-врача при дворце в старовавилонском тексте из Ларсы, а также на глазного врача — уникальная ссылка на врача-специалиста в нововавилонских текстах¹⁶. Как уже указывалось, медицинское лечение при ассирийском дворце находилось под управлением «ученых», которые не назывались *асу*. Это были специалисты *машмашу* и *ашипу*, искушенные в знаниях, которыми славился скорее Эреду, далеко на юге, чем Исин. Они предсказывали течение заболеваний по признакам, замеченным на теле больного, произносили заклинания и совершали другие магические действия, а также предлагали средства, рекомендуемые при данном диагнозе.

Профессия практика *асу* не была ни прибыльной, ни дающей какое-либо особое положение; по крайней мере в имеющихся ссылках ничто не говорит об их сколько-нибудь привилегированном положении. Отсутствие особого божественного патрона этой профессии, кроме Эа, который являлся покровителем всех ремесел, воспринимается как подтверждение их сравнительной

незначительности. В месопотамском пантеоне нет ссылок на таких обожествленных врачей, как египетский Имхотеп или греческий Асклепий. Хотя месопотамскую богиню Гулу часто называют Великой врачевательницей, она — божество смерти и исцеления, играющее активную роль в культе, но не имеющее функции патрона какой-либо профессии.

Списки слов перечисляют *асу* среди предсказателей и заклинателей, причем *асу* упоминается последними. Можно предположить, что ученые члены этой профессии переписывали учебники по своему ремеслу, но известен только один текст, который, как гласит приписка, был скопирован учеником врача¹⁷

Изучение месопотамской медицины ведется почти сто лет, но ассириологам еще следует доказать, что его результаты важны для истории медицины, не говоря уже об истории науки. Большой помехой было рвение энтузиастов, надеявшихся произвести впечатление на специалистов по истории науки, изобразив месопотамскую медицину как великое достижение, так как в ней, мол, не использовалась магия. Попытки двух поколений понять терминологию старых врачей и фармацевтов оказались не слишком успешными. Прогресс в этом отношении зависит не только от создания корпуса всех медицинских текстов, хотя такая работа ускорила бы дело. Скорее успех придет, если мы поймем функции и характер нескольких имеющихся типов текстов и будем подходить к истории медицины, судя о прошлых достижениях в пределах их собственного содержания, без попыток влить их в общую схему эволюции.

Математика и астрономия

Следует пожалеть, что такой важный аспект месопотамской науки, как математика и математическая астрономия, невозможно использовать более непосредственно для представления месопотамской цивилизации. В этой книге моей целью было не переступить пределы, устанавливаемые текстами и документами, которые я прочел сам и считал относящимися к «портрету», создать который я стремлюсь. В случае математики и астрономии я вынужден ограничиться кратким очерком, основанным на работах специалистов, которые сами исследовали эти тексты и интерпретировали их (см. библиографические примечания к этой главе).

Нематематические клинописные тексты очень редко упоминают математику, и когда такое упоминание встречается, то о математике говорится в более или менее общих терминах. Так поступает Ашшурбанапал в самовосхвалении, открывающем одну из его надписей. Он говорит, что научился находить «сложные обратные дроби и умножать», в том же контексте, в котором он говорит о своем знании шумерского языка и способности читать старые таблички; все это составляло часть его «широкого» образования¹⁸. Литературные сочинения, в которых ученые писцы говорят о своем обучении, дают еще одну ссылку на занятия математикой. Писцы

хвастают, что их обучили «умножению, обратным дробям, коэффициентам и подведению итогов, административной отчетности, тому, как составлять все виды платежных документов, как делить собственность и определять границы участков»¹⁹ Многие из этих тем повторяются в так называемых проблемных текстах, важном источнике для понимания обучения математике в писцовых школах, хотя только что приведенное перечисление не дает адекватной картины интеллектуальных достижений, элегантности исполнения, сложного применения орудий чрезвычайной простоты, которыми месопотамские математики имели все основания гордиться. Их математические методы вполне могут выдержать сравнение с достижениями всех прочих цивилизаций вплоть до середины II тысячелетия н. э., т. е. на протяжении более чем трех тысяч лет.

Большая часть того, что мы знаем о месопотамской математике, получена из двух типов клинописных математических текстов: таблиц, используемых для умножения и других целей, и «проблемных текстов». Оба типа засвидетельствованы для старовавилонского и селевкидского периодов. Не известно никаких предшествующих стадий исторического развития, которые вели бы к старовавилонским текстам; нет также никаких данных о продолжении этой традиции в течение тысячелетия, отделяющего эти две текстовые группы друг от друга, исключая третью маленькую группу математических текстов, «таблиц коэффициентов», которые служили в основном для практических целей²⁰. Что касается содержания, математического метода и изложения, то тексты последних трех веков отличаются от текстов периода Хаммурапи только второстепенными деталями.

Математические таблицы предназначены для умножения и деления; они также перечисляют квадраты и кубы, извлеченные корни, списки цифр, «экспоненциальные функции», нужные для того, чтобы вычислять сложные проценты. «Проблемные тексты» обращаются к читателю во втором лице и написаны на аккадском и в нескольких случаях на шумерском языке. Они либо излагают задачу, давая основные факты и цифры, описывая затем шаг за шагом способ решения этой задачи, либо перечисляют большое количество задач, без указаний какого-либо решения. Последовательность, в которой эти задачи (число их иногда доходит до двухсот и более) перечисляются, ведет от простых к сложным и чрезвычайно утонченным. Они передают ход решения, как таковой, без разработки числовых результатов, используя измерения и другие данные величины только для того, чтобы проиллюстрировать описанные действия. Говоря математическим языком, задачи, которые больше всего интересовали месопотамских математиков, такие, как квадратные уравнения и сходные действия, имеют алгебраический характер, хотя и сформулированы в геометрических терминах.

Тот же самый внезапный скачок, который поднял месопотамских математиков от уровня практики, разрабатываемой и сохраняемой для административных и утилитарных целей, до уровня

научного творчества, наступает в астрономии более чем на тысячулетие позже.

После середины I тысячелетия до н. э. в Южной Месопотамии происходит изменение в интересах и методах писцов и ученых, занимающихся небесными явлениями, особенно движениями планет и Луны и изменениями длины дня и ночи. Мы совершенно не понимаем характер такого развития и те факторы, которые его вызвали; отметим лишь, что он произошел одновременно с подъемом греческой математики, начатым Эвклидом. Можно высказать предположение, что именно гений какого-то месопотамского ученого впервые применил хорошо известные математические методы, для того чтобы выразить изменения, наблюдаемые в движениях Луны по отношению к фиксированной точке, и отметил другие повторяющиеся отклонения, для того чтобы их вычислять, так как они считались важными. Введение математики в астрономию было решающим шагом вперед в истории месопотамской науки — одинаково важным для соседей Месопотамии на западе и востоке.

Еще в шумерских (а позже в двуязычных) списках слов появляются названия звезд и созвездий. В молитвах Сину, Шамашу и Иштар встречаются упоминания некоторых фактов, относящихся к Луне, Солнцу и планете Венере. Есть также много старовавилонских молитв, в которых говорится о звездах и созвездиях. Особенно часто фигурируют, по-видимому, Большая Медведица и Плеяды, а среди крупных звезд — Сириус. Пятая табличка эпоса «О сотворении мира» только в нескольких строках описывает чудеса космоса, движение Солнца и Луны, расположение звезд на небе и упорядочение календаря²¹. Все же следует отметить относительно малое значение культов, связанных со звездами и созвездиями. Должно быть, накопилось некоторое количество основной астрономической информации и она была сформулирована таким образом, что это в конце концов привело к образованию трехтабличной серии MUL.APIN²². Серия сохранилась в библиотеке Ашшурбанапала и содержит не только список звезд, размещенных тремя параллельными «рядами» (центральный ряд идет по экватору), но также ссылки на планеты и на сложности календаря. В связи с древними астрономическими знаниями следует упомянуть наблюдения за исчезновением и появлением Венеры из-за Солнца, которые сохранились в астрологических предсказаниях, сделанных в период правления старовавилонского царя Аммицадуки, четвертого царя после Хаммурапи. Вне зависимости от их реального или придаваемого им значения для хронологии II тысячелетия до н. э., они подтверждают большой интерес древних к тому, что происходит на небе, особенно в тот момент, когда день сменяется ночью²³.

То, что они интересовались этим, видно и из нескольких сохранившихся астрологических предсказаний древнего периода²⁴. При все еще неизвестных обстоятельствах ряд малых серий предсказаний разросся в последующие пять-шесть веков во внушительного объема материал, который и сохранился в Ассирии до

падения империи, а в Вавилонии — и в селевкидский период. Тексты учитывают гелиакальное восхождение планет, затмения, время появления новой луны, длительность дня, пути планет среди звезд, для того чтобы получить предсказание, касающееся царя и страны. Астрология стала важной наукой при ассирийском дворе Саргонидов, превзойдя по значению даже гадание по внутренностям жертвенных животных, как это явствует из царских писем и других текстов. О роли ее в Вавилонии судить нельзя, так как никаких письменных свидетельств нет. Во всяком случае, астрология, с одной стороны, не помешала развитию математической астрономии, с другой — не лишилась популярности, когда, например, была определена регулярность затмений и их больше не могли использовать для предсказания катастрофических событий — по крайней мере мы сейчас склонны так думать. Астрология и математическая астрономия развивались в разных социальных и интеллектуальных кругах, однако весьма любопытно, что либо прямо, либо через промежуточные звенья они обе оказали значительное влияние на Египет и эллинистический запад. Астрология приобрела репутацию «халдейской» науки, которая распространилась по всей Европе, в то время как эллинистические астрономы использовали достижения месопотамской астрономии и тем самым спасли их от забвения. Этапы этого процесса все еще исследуются. Такое исследование должно охватить пространство от восточного берега Индийского океана до Рима и Византии, где сохранились записи астрологов. Хотя роль эллинизма как создателя, преобразователя и носителя идей едва ли можно переоценить, нужно помнить, что другое, «интернациональное» движение предшествовало ему. Это все еще не полностью известная группа народов, писавших и говоривших по-арамейски, которые населяли приблизительно ту же самую территорию и, должно быть, осуществляли не только международную торговлю, но также и интеллектуальные контакты.

Подобно математическим текстам, большинство текстов, касающихся астрономических вопросов, распадается на две категории. Они либо устанавливают правила для вычисления конкретных событий (положения планет и Луны, затмений), либо содержат результаты этих вычислений, т. е. эфемериды. Эфемериды указывают полнолуния и новолуния для периодов вплоть до двух лет, а затмения на пятьдесят лет. Другие таблички отмечают ежедневные солнечные и лунные позиции. Для того чтобы установить систему, с помощью которой можно измерять движение Солнца и планет, был определен и использован зодиак и разработаны правила для точного расчета лунно-солнечного календаря. Практическая ценность всего этого при составлении календаря очевидна. Интерес вавилонского астронома к планетам определялся сходными, более или менее практическими соображениями; он был заинтересован в предсказании конкретных событий, таких, как гелиакальные восхождения и закаты и противостояния. Изучаемыми планетами были Юпитер, Венера, Меркурий, Марс и Сатурн.

Любое исследование месопотамской техники эпохи, предшествующей письменным источникам, наталкивается на ряд трудностей. Описывать местные технологические традиции затруднительно прежде всего из-за гибели большинства изделий того времени, за исключением более или менее случайно сохранившихся предметов, сделанных из камня, раковин, кости, глины и металла, а также фундаментов некоторых зданий. Пиктографические изображения людей, животных, зданий и лодок также очень скудны. Недостаточность источников и их специфический характер вынуждают нас обращаться к технике, применявшейся в других цивилизациях, в надежде найти там современные параллели для ситуации, которая существовала в Месопотамии. Здесь ключевое положение принадлежит Египту в силу количества и разнообразия найденных там предметов. Не менее интересна также информация, содержащаяся в документах, и та, которую можно почерпнуть из артефактов, найденных в Сирии, Анатолии и Палестине. В сочетании с египетским материалом эти достаточно разнообразные изделия позволяют нам реконструировать картину месопотамского искусства и ремесла.

«Сравнительная технология» дает единственно правильный способ обработки имеющихся у нас данных. Более продуктивно сравнивать определенные технические приемы нескольких цивилизаций, нежели отдельно анализировать каждую цивилизацию и сравнивать полученные данные. В этом отношении вполне подходят такие темы, как металлургия, приемы ткачества, строительство домов, лодок и таких сложных устройств, как плуги, колесницы и музыкальные инструменты. Сравнения, касающиеся конкретных артефактов, должны охватывать не только форму, функцию и исполнение, но и выходить за пределы чисто описательного подхода и исследовать замысел, связи (вызов — ответ) между изготовителем и выбранным им материалом, между его инструментами и теми требованиями, которые он к ним предъявляет. Одинаково важны преимущества и экологические ограничения, которые часто определяют технологию, и прежде всего влияние идеологии. Последнее создает как препятствия, так и специфические требования; они могут вызвать застой, который, в свою очередь, замораживает технологию, но могут и стимулировать творческие нововведения. И, наконец, необходимо объяснить влияние социальной структуры на технологию: социальная стратификация может способствовать сосуществованию разных уровней технологии, например священного и светского, связанного со стремлением к престижу и с поисками средств к существованию, местного, импортированного и навязанного свыше. Короче говоря, сравнительная технология может считаться столь же важной для понимания одной из цивилизаций в рамках других цивилизаций, как сравнительная филология или сравнительное изучение религий. Что делает сравнительную технологию особенно важной в этой

почетной компании признанных дисциплин — так это ее распространенность во времени и пространстве, значительно превосходящая в этом отношении обе другие дисциплины. Технологические приемы распространяются не только дальше и легче, чем религиозные концепции и языки, но они оставляют ощутимые доказательства существования — художественные изделия, в то время как сравнительная история религий вызывает только миражи, основанные на современных теориях, а сравнительная филология обращается к сложным и хрупким системам мертвого анализа.

Из разнообразных технических приемов, известных в Месопотамии, технология обработки минералов должна быть разобрана подробнее, чем, например, комплекс проблем, связанных с окультуриванием растений и одомашниванием животных. Если мы рассмотрим три сферы (растения, животные, минералы), то познакомимся с большинством аспектов месопотамской технологии.

Обитатели Месопотамии с самых древних времен выращивали культурные растения в садах и на полях; добавочную растительную пищу они, возможно, получали и из дикорастущих растений. Между садом и полем существовало глубокое различие — в садах сажали черенки, побеги и некоторые семена растений, которые требовали, как правило, особой заботы во время роста. Они давали луковицы, клубни или корни, урожаи которых можно было распределять на весь год для того, чтобы обеспечить необходимое и устойчивое снабжение. Культурные травы, растущие в поле, требовали интенсивной сезонной работы и известного рода техники. Они давали урожай, как правило, только раз в году и в таком количестве, которое требовало организации работников, хранения и какого-то вида финансирования. Сад как источник пищи гораздо старше, чем поле; его растения давали продукты, которые можно было использовать без приготовления на огне: их сушили, солили или вымачивали. Плуг и соха так же характерны для поля, как палка-копалка для сада; более того, мотыга гораздо эффективнее в саду, чем в поле. Обработку полей можно легко расширять, а сады требуют устойчивой постоянной рабочей силы, количество которой и определяет их возможные размеры. Все это оказывало глубокое влияние на социальную структуру общины, плотность и распределение населения на обрабатываемой территории и на разделение труда. Если бы мы знали соотношение между площадями, занятыми полями и садами в Месопотамии, то получили бы лучшее представление об экономической и социальной структуре, чем то, которое дают нам многие сотни документов. Мы знаем, что обрабатывали как поля, так и сады, что продукция садов была дополнением к культурным злакам и сезаму, выращиваемых на полях, но не знаем, какое было соотношение между ними. Из всех видов сада только пальмовые рощи играли важную роль в экономике Месопотамии. Финиковая пальма была единственным важным фруктовым деревом в этом регионе. Культивация финиковой пальмы,

по-видимому, началась на восточных берегах Индийского океана и распространилась на запад, к Персидскому заливу, Средиземному морю и долине Нила²⁵ Неприхотливость финиковой пальмы, растущей как на соленой, так и на щелочной почве Южной Месопотамии, большие урожаи, питательная ценность плодов и возможность их долгого хранения, возможность получать многочисленные побочные продукты (листья, волокно, древесина) — все это придавало дереву исключительное значение. Финиковая пальма требует малых затрат рабочей силы, однако опытности при посадке, уходе, искусственном опылении, а также специальной обработки плодов. Все эти знания — результат методического экспериментирования многих поколений. Ни одному другому дереву не уделяли такого внимания: финиковая пальма занимает в Месопотамии такое же положение, какое оливковое дерево в бассейне Средиземного моря.

Менее эффектными, но не менее впечатляющими оказались усилия первых «ученых», окультуривавших и выведших многочисленные и разнообразные растения, которые заполняли сады Месопотамии. Представители семейства лилейных (среди них лук и лук-порей), зонтичных (кориандр и сладкий укроп), семейство крестоцветных (различные виды капусты, горчица и редис), для которых характерны сильный запах и острый вкус, привлекли внимание древнего человека и стимулировали культивацию этих растений. Древним агрономам и их многолетним трудам Месопотамия обязана бобовыми культурами, богатыми белком, накапливавшимся в их семенах (чечевица и горох), которые использовались разнообразными способами. Если бы ассирологи могли определить более точно природу садовых растений, так часто упоминавшихся в шумерских текстах, мы могли бы с помощью ботаников и других специалистов проследить историю их культивирования и пути распространения далеко за пределами данного региона.

В полях Месопотамии мы видим тоже немало выдающихся сельскохозяйственных достижений. Помимо злаков, культивировали лен и сезам. Специальные термины, отличающиеся от тех, которые применяли при возделывании зерновых, возникли вместе с культурой сезама. Выведение сезама было лишь одним из путей в поисках необходимых жиров, по которым шел древний человек. Жиры были найдены в некоторых сортах репы, особенно рапса, в семенах льна и конопли. В конце концов были найдены и другие свойства этих растений, такие, как возможность использовать волокно льна и, вероятно, конопли.

Культивирование злаков показывает, что внимание, уделяемое растениям, повышает их урожай, а кроме того, можно улавливать выгодные случаи эндемизма (появление форм, ограниченных данной местностью) или спонтанные мутации. Происходит процесс селекции: менее продуктивные или медленно созревающие растения автоматически вытесняются более совершенными. Плодотворным источником изменений, часто сильно влияющим на развитие культурных злаков, был также перенос семян на новые почвы или в новые климатические условия. Так, предполагают, что субтропи-

ческий лен с большими цветами, многочисленными отростками и маслоносными семенами на низких стеблях переродился в более холодном климате в растение с немногочисленными семенами, но длинным, лишенным отростков стеблем, дающим волокно большого экономического значения. Сорняки, сопутствующие определенным травам, могут вытеснить их в подобных обстоятельствах, так же как овес и рожь заменили ячмень и пшеницу, когда последние были перенесены человеком в другой климат и на иную почву. Важным шагом в культивировании ячменя независимо от того, по каким причинам он был сделан, было укрепление стебля, на котором держится колос и который позволяет человеку срезать растение целиком, для того чтобы получить зерно. Сбор урожая становится процессом, требующим эффективных методов, но обеспечивающим высокую отдачу. Когда был «механизирован» и посев, выращивание ячменя и таких ранних зерновых, как эммер и пшеница-двузернянка, привело к далеко идущим изменениям в плотности населения и в характере сезонных работ. Ключом к механизации посева был плуг, орудие большой сложности (появившееся в результате долгого и трудного развития), которое нужно было приспособлять к характеру почвы и к ее состоянию в пахотный сезон.

Месопотамский плуг был высочайшим достижением техники. Его тащили волю, а приспособление для сеяния выбрасывало семена в борозду; единственная параллель к этому сеющему аппарату была на Дальнем Востоке²⁶

Месопотамские земледельцы не вывозили навоз на свои поля, хотя есть сведения, позволяющие думать, что для повышения плодородия почвы использовался мусор из разрушенных селений²⁷ Эта практика хорошо известна по всему Ближнему Востоку и продолжает наносить разрушения древним городищам.

Мы не будем здесь разбирать запутанную историю распространения зерновых внутри треугольника, образованного горами Абиссинии, Загром и Тавром. Все же кое-что следует сказать о технологических последствиях культивации ячменя и пшеницы. Так как ячмень может расти на неплодородной и щелочной почве, то в Месопотамии его предпочитали пшенице; Египет стал землей пшеницы, а между этими двумя странами сеяли те зерновые, которые лучше всего соответствовали местным условиям. Когда ячмень собирали, его приходилось молотить, веять, промывать и сушить, прежде чем его можно было надежно отправить в зернохранилища, как это было в старовавилонский период, или ссыпать в кучи, покрытые матами, как это делалось в нововавилонское время²⁸ Для еды зерно очищали от шелухи опаливанием («поджаренное зерно»), вымачивали или дробили пестиками, превращая в грубую крупу. Из такой крупы варили кашицеобразные блюда, или из нее можно было выпекать нечто вроде хлеба. Зерно просеивали, толкли или мололи на ручных зернотерках, так как никаких вращающихся мельниц не было вплоть до эллинистического периода. Из ячменной муки готовили плоские хлебные ле-

пешки, которые надо было есть сразу. Пшеничная мука требовала дрожжей или закваски, которую добывали из растений или путем ферментации. Тесто пекли в подовой печи, и хлеб получался лучше, чем из ячменной муки.

Процесс ферментации, применявшийся при приготовлении и сохранении растительных продуктов, использовали и при переработке ячменя, которому давали прорасти. Из образовавшегося солода получали алкогольный напиток, который, по-видимому, составлял существенную часть ежедневного рациона. Технология производства пива в Месопотамии была сложной, и многочисленные названия входящих в него ингредиентов, различных сортов пива и побочных продуктов его производства, прослеживаются даже во второй половине II тысячелетия до н. э.²⁹ Примером редкого нововведения в месопотамской пищевой технологии оказывается упоминание в нововавилонских текстах пива (или, точнее, алкогольного напитка), изготовленного из фиников, — напитка, не упоминавшегося до этого времени. Что касается других операций — приготовления блюд из зерновых или способов ведения сельского хозяйства, — то на протяжении всего отраженного в документах периода никаких существенных изменений не происходило. Не окультуривалось и не ввозилось никаких новых растений, не появлялось никаких новых способов обработки земли или сбора урожая. Месопотамская сельскохозяйственная технология, по-видимому, застыла. (Это заявление, возможно, придется пересмотреть, когда, наконец, будут установлены точные значения ряда трудных технических терминов.) Однако с точки зрения экономики сделки, зарегистрированные в документах, связанных с сельским хозяйством или с его продукцией, резко различаются, если сравнить документы древнего периода с документами позднего (разрыв в два тысячелетия).

Отношение человека к животным значительно меняется от цивилизации к цивилизации. Стремление иметь под рукой запасы свежего мяса не всегда было основной причиной для того, чтобы держать при доме животных. Некоторых животных разводят в утилитарных целях, других держат для показа; некоторые становятся просто домашними баловнями; других приручают, чтобы использовать для охоты или в бою. Мангусты и хамелеоны жили с хозяевами в доме; других животных разводили, чтобы использовать в пищу, как, например, буйволов, оленей или овец, которые следовали за кочевыми народами, пребывая с ними в более или менее сложном виде симбиоза.

Успех одомашнивания не обеспечен, пока животные не начнут плодиться в неволе. Как только одомашнивание достигло этой стадии, начинается процесс дегенерации животных — результат новых привычек питания, особого внимания, инбридинга и изменившихся жизненных условий. Эндемические изменения помогают или противодействуют природе животного, его способности адаптироваться к изменившимся условиям жизни, к месту, отведенному для него в соответствии с представлениями той группы

людей, с которыми животному приходится жить. Коров приучили, например, давать молоко не только когда оно нужно их телятам, но на протяжении всего года; также и куры стали тем, что египтяне называли «птицами, рожающими ежедневно».

Из Месопотамии до нас дошли сведения об экспериментах по одомашниванию, о которых мы знаем и по египетским источникам. Было время, когда у овец была не шерсть, а только пушок. Распространенный художественный мотив — корова, облизывающая своего теленка, который встречается по всему этому региону, возвращает нас назад, ко времени одомашнивания скота, когда в момент доения было необходимо держать теленка возле матери; точно так же циклоп в «Одиссее» (IX, 245) подкладывал при доении ягненка каждой овце.

При рассмотрении животных, одомашненных на древнем Ближнем Востоке или попавших туда из других регионов, мы должны различать животных, имеющих непосредственное экономическое значение, и тех, продукты которых требуют специальной обработки, чтобы быть полезными человеку. Такие домашние животные, как ослы (вероятно, попавшие в Месопотамию с запада), собаки, гуси, утки и свиньи (происхождение которых неясно), не стимулировали технологического процесса и не нуждались в развитии специальных приемов, для того чтобы быть полезными человеку. Что касается коз, овец и молочного скота, то все они требуют специального ухода. Их нужно кормить, поить и охранять. Они дают мясо, которое нужно готовить и хранить (высушенным или посоленным), шкуры, которые необходимо дубить, обеспечивают регулярное пополнение молодняка. Козы, овцы и коровы дают молоко, из которого можно сбить масло или сделать сыр. Здесь нужно также упомянуть шерсть, получаемую от коз и овец, и то, что это сырье тоже требует специальной технологии обработки: стрижки, прядения, ткачества и окраски. Была разработана упряжь, для того чтобы скот можно было использовать как тягловую силу — тащить плуги, повозки и т. д. Когда появилась лошадь, произошли лишь второстепенные изменения; увеличение скорости движения на лошади потребовало более легкого экипажа, а ее анатомия — другой упряжи.

Конечно, рыбная ловля, охота, установка капканов требовали особой технологии, которая часто способствовала появлению новых орудий и приспособлений, характеризующих мастерство их создателей; однако от всего этого остался только список шумерских и аккадских слов, обозначающих сети, ловушки и тому подобные вещи, которые не очень-то много нам говорят.

Технический инвентарь, относящийся к домашним животным, не показывает на протяжении всего исторического периода большого их распространения в Месопотамии и в окружающих районах, как это было с домашними растениями. Конечно, происходило некоторое расширение этого инвентаря, заметно участие использование верблюдов (возможно, его действительно в это время одомашнили), но все это не оказало значительного влияния

на Месопотамию³⁰ Разведение павлинов и кур распространилось на запад — сирийцы даже называли кур «аккадской птицей». Общая картина не указывает на более эффективные методы использования этих животных и продуктов, которые можно было получить от них. Нет никаких оснований полагать, что усовершенствовались повозки и колесницы или что улучшились методы ткачества или дубления кож. В поздние периоды ослы так же тащат свои грузы; уток и гусей так же откармливают тестом; овцы и другой скот кочуют с зимних пастбищ на летние; лошади и быки так же влекут быструю колесницу и неуклюжую повозку; только свиньи почти исчезли.

Для того чтобы охарактеризовать уровень развития месопотамской технологии, связанной с переработкой продуктов животноводства, мне бы хотелось сказать здесь несколько слов о двух важных ремеслах — о дублении и ткачестве.

Случайно вышло так, что мы лучше информированы о дублении в Месопотамии, чем обо многих других ремеслах. Два ритуальных текста подробно описывают, как в одном случае шкура черного быка должна быть приготовлена для того, чтобы покрыть ею священные литавры, а в другом — как нужно дубить шкуру козленка. Оба текста перечисляют множество жидких составов — одних из жиров, масел и муки, других — содержащих все виды растительных веществ; упоминаются также растворы, в которые входят привезенные из Малой Азии квасцы. Шкура, после того как ее пропитали этими жидкостями, натерли жирами и маслами, считалась достаточно продубленной. Любого из упомянутых методов (применения квасцов, жиров, дубильной кислоты) было бы достаточно для того, чтобы получить желаемые результаты. Шкуры можно обрабатывать жирами, предпочтительно растительными (как это показано в Илиаде XVII, 389 и сл.), или солью и квасцами, которые препятствуют распаду и делают кожу прочной, или применяя растворы растительных веществ (таких, как дубовая кора или дубильные орешки, некоторые корни и листья), ведя обработку вяжущими веществами. Короче говоря, месопотамская технология не учитывала эффективности каждого отдельного процесса для сохранения животных шкур, а использовала их все, не различая еще, какие методы более пригодны для конкретных материалов и целей.

Возможно, устаревшие приемы применялись только для ритуальных целей, но не использовались профессионалами-ремесленниками. Если это предположение правильно, то наше наблюдение только переносится на более древний период.

Хотя мы располагаем множеством технических терминов, обозначающих различные части месопотамского ткацкого станка, типы ткацких станков и изделия ткачей, все же мы почти ничего не знаем о самом станке — был ли он горизонтальным или вертикальным, как его изготовляли и как на нем работали. Для оценки месопотамской технологии ткачества при отсутствии точной информации приходится основываться на догадках и полагаться на

аналогии и контрасты, получаемые благодаря нашей информации о ткачестве в Египте. Прежде всего бросается в глаза контраст: египетские ткачи использовали растительные волокна, ткачи из Месопотамии — шерсть животных. Египтяне не признавали шерсть.

В то время как растительное волокно, будучи увлажненным, загибается всегда в одном направлении и поэтому его легко ткать, животное волокно лишено этой особенности и поэтому требует затраты большего труда и более тяжелой катушки веретена, для того чтобы получить нить из мотка пряжи. По-видимому, прядение шерсти развивалось как подражание прядению нитей из растительного материала.

Разработанная египтянами техника тканья льна возникла, несомненно, под влиянием плетения циновки. Льняное волокно шло только на изготовление платья. Никакие технические усовершенствования не применялись, не использовались и возможности, предоставляемые тонкой и ровной структурой льняного волокна и его прочностью при натяжении. Не использовались даже относительно простые технические приспособления, удобно располагающие нити основы для облегчения прохода челнока.

Месопотамское ткачество развивалось в иных условиях. Тонкий и пушистый волос, вырванный или вычесанный у овцы, проще всего сбить с помощью палок в плоскую «циновку», а затем, используя влагу и пресс, получить из него гибкий водостойчивый теплый материал. Такое шерстяное изделие называется фетром. Я склонен думать, что начальной ступенью месопотамского шерстяного ткачества было производство фетра, так же как производство тростниковых циновки было исходным пунктом тканья льна в Египте. В Месопотамии ткач не интересовался структурой той ткани, которую он ткал. Он отделявал, ворсовал, выравнивал поверхность, для того чтобы сгладить любую видимую структуру и придать изделию гладкую фетрообразную поверхность. Вместо того чтобы использовать в основе и утке различные цвета, он предпочитал украшать законченный продукт аппликациями, петлями и бахромой. Так как законченный кусок материала использовался как одежда в том самом виде, в каком он выходил из станка, без разрезания или сшивания, то для украшения ткани можно было добавить многоцветные декоративные полосы.

Жители Месопотамии, по-видимому, сами понимали, что технически их текстильная продукция была ниже уровня продукции запада. Ассирийские цари в своих сообщениях о трофеях, захваченных в непрерывных войнах с западными соседями, часто наряду с упоминаниями серебра, золота и других драгоценных предметов называют также и многоцветные одежды, которые они высоко ценили. Во II тысячелетии до н. э. в областях от Евфрата до границ Египта разработали текстильную технологию, превосходившую технологию и Египта и Месопотамии, особенно в применении ярко окрашенных волокон и других средств украшения, основанных, вероятно, на примитивном ткачестве, дававшем узкие полосы.

Знаменитое финикийское производство пурпура возникло, по-видимому, на основе многовековой традиции. Из-за скудности письменных данных об этих достижениях можно только догадываться по сохранившимся египетским и месопотамским описаниям. Однако ткацкое искусство не было единственной областью техники, в которой запад был далеко впереди; в этой связи следует назвать также ювелирное искусство, металлургию и изделия из стекла.

Весь древний Ближний Восток никогда, видимо, не продвинулся дальше одночелночного ткацкого станка, появление которого в Египте и Месопотамии вышло, как мы старались здесь показать, из совершенно различных технических источников. Только китайская многочелночная техника (которая позволяла ткать рисунчатые ткани), распространившаяся в последние века I тысячелетия до н. э. от Индии до Средиземноморья, вытеснила архаические методы первых великих цивилизаций.

Для того чтобы закончить эту несколько схематическую картину развития месопотамской техники, следует включить и такие темы, как строительство домов, лодок и колесниц, изготовление мебели. Я могу только указать, что такое сложное изделие, как, например, лодка, много может сказать о технических стремлениях ее строителей. В проектировании лодки и в ее конструкции скрыта вечная борьба между творческим стремлением и характеристиками наличного материала, который нужно обработать и преобразовать; лодка свидетельствует о достижениях конструктора, что не менее важно для нашего понимания прошлого, чем барельеф на камне или статуя. Часто лодка может дать даже более существенные сведения об умственном кругозоре ее строителей, позволяет заглянуть в их внутренний мир и увидеть конфликт между изобретательством и традициями.

В своих непрерывных поисках идеального материала человек очень давно обратился к минералам, может быть даже раньше, чем к пластической глине, которую так легко обрабатывать. Широкое разнообразие камней, их прочность и привлекательность, их краски и строение всегда возбуждали любопытство человека. Некоторым камням можно сравнительно легко придать нужную форму и отполировать их; одни прозрачны и мягки, другие очень тверды, но твердый камень дает острый край при искусной обработке. Есть еще и другие камни — медные самородки, например, которые можно расплющить молотком и, вытягивая, придать им требуемую форму. Мы снова пропустим перечисление многочисленных способов использования камня, доставшихся в наследство обитателю Месопотамии. Сохранилось великое множество обработанных, полированных бус, каменных ваз и других каменных изделий (гирь, ламп, пряслиц) и прежде всего цилиндрических печатей, сделанных из камня и украшенных вырезанным рисунком.

Усовершенствование подовой печи позволило плавить некоторые «камни» (лат. *metallum* — «камень») и сделало возможным придавать им нужную форму путем отливки. Печь, в которую плавильщик ставит свой тигель, печь для обжига горшков и печь,

в которой пекли пшеничный хлеб, появились в результате «революции», перехода от использования огня для приготовления пищи к использованию его для технических целей. Применение огня сделало возможным не только металлургию, но и обжиг глины и ее постоянную окраску, т. е. производство глазури, а это в конце концов привело к получению стекла. Во всех этих случаях материалы минерального происхождения преобразуются с помощью огня.

В нашу цель не входит рассуждать здесь о внутреннем развитии металлургии, применяемой технике и используемых металлах и сплавах. Достаточно сказать, что человек в Месопотамии пользовался подовой печью, хотя там в подобных печах пшеничного хлеба не пекли, ячменные же лепешки печи не требовали. Медь, бронза, серебро и золото обрабатывались месопотамскими кузнецами, которые работали с помощью какого-то вида мехов и, возможно, пользовались углем, чтобы получать требуемую температуру. Металлические изделия древнейшего периода были выполнены технически превосходно, но едва ли выделялись на общем уровне древнего Ближнего Востока. В противоположность Египту большая часть металлических изделий, созданных в Месопотамии в течение II и I тысячелетий до н. э., утеряна. Все же есть несколько случайно сохранившихся вещей и, кроме того, в письменных источниках нередко встречаются упоминания о такого рода работах, информация, которую, между прочим, еще предстоит собрать и изучить систематически.

Применение железа в Месопотамии представляет значительный интерес. Оно не сразу появилось на древнем Ближнем Востоке, но распространилось по всему региону где-то на исходе II тысячелетия до н. э. Древним металлургам удалось превратить красивые зеленые и голубые минералы в новый материал, который, когда его выливали горячим, мог принять почти любую форму. Они пытались снова и снова применить эту технику и к красно окрашенным минералам. Хотя железную руду можно восстанавливать при более низкой температуре, чем медную, получаемый продукт не удавалось использовать так, как это делали с медью и бронзой — его невозможно было отлить. Это можно делать лишь при высокой температуре — способ, который впервые был применен европейскими металлургами в XIV в. Раскаленному железу можно относительно легко придать нужную форму молотом. Его можно превратить в род стали, если повторно нагревать (чтобы вызвать науглероживание), а потом закалять в холодной воде. Момент, который следует подчеркнуть, заключается в том, что в то время как холодная ковка меди и других металлов была хорошо известна на древнем Ближнем Востоке, ковку раскаленного металла применили значительно позже. Похоже, что «пробка» в техническом мышлении вызвала отставание, а ее удаление привело к распространению применения железа.

Переход от меди и бронзы к железу был постепенным, и следы древнейшего применения железа почти исчезли. Это было изме-

нением технологии, а не «революцией» с непосредственными военными, экономическими или социальными последствиями, как это часто предполагалось. На древнем Ближнем Востоке, с одной стороны, железо было новинкой, которую не следовало в определенных ситуациях допускать; с другой — металлом, известным с древности, металлом, который мог падать с небес и поэтому считался наделенным магическими свойствами. С появлением железа произошли некоторые изменения в торговых маршрутах, по которым ввозили руду и металлы в Месопотамию, а также в положении кузнецов, так как работа с железом требовала от них гораздо более высокой технической квалификации. Желание сохранить приемы своего ремесла в секрете приводило к уединению, а это, в свою очередь, порождало недобрую славу о кузнецах.

Увлечение жителей Месопотамии разноцветными и драгоценными камнями вызвало, по-видимому, весьма сложные изменения, связанные снова — как это было с цветными рудами (малахитом и красным железняком) — с техникой обработки минералов огнем. Все еще совершенно неясно, что было толчком, вызвавшим производство стекла.

Нехватка привозных драгоценных камней привела к изготовлению искусственных камней, к украшению дешевых местных камней, с тем чтобы увеличить таким образом их привлекательность. В Египте негодные кусочки и осколки излюбленной там ляпис-лазури разбивали, растирали в пудру, прессовали и придавали форму бус, применяя в качестве скрепляющего состава какое-то низкоплавкое щелочное вещество. В Месопотамии кусочки кварца окрашивались минеральными голубыми и зелеными красителями, которые при нагревании превращались в стеклообразную красочную глазурь с ярким и постоянным блеском. При такой технике использовали образующие глазурь кремневые соединения (например, кварцевые камешки) и стеатит, который в силу множества причин был очень популярен. Стеатит достаточно мягок, чтобы использовать его для резьбы, обладает хорошей и ровной структурой и, кроме того, твердеет при нагревании. Другим камнем, который также при обработке нагревали, был сердолик. Его можно обесцвечивать с помощью щелочных веществ, накладываемых на него, и окрашивать красными минеральными красителями — техника, которая практиковалась от Индии до Египта с давних времен.

Несомненно, химики IV и III тысячелетий до н. э. экспериментировали с такими химикалиями, как известь, сода, силикаты (кварцевый песок), сочетая их с минеральными веществами ярких окрасок, чтобы получить глазурь, стеклянные смеси и стекла различного состава, прочные и быстро приходящие в негодность, мутные и прозрачные, такие, которым предстояло служить покрытием на «сердечниках», и такие, которые формовали подобно отливкам металлических предметов, и, наконец, обработанные особым способом, подходящим к природе этого удивительного пластичного материала — стекла.

Я не могу здесь заниматься историей древней глазури и стекла на Ближнем Востоке, рассказывать, как они появились и совершенствовались в постоянном обмене идеями и техникой, распространяясь из Месопотамии через Сирию в Египет и снова назад. Много технических знаний и умения было затрачено на поиски тех искусственных камней, с помощью которых человеку удавалось имитировать природу и которыми по праву гордился месопотамский химик. С точки зрения технологии было бы интересно проследить ход этого развития, случайное или сознательное распространение технических приемов с их поисками и ошибками, плодотворными начинаниями и тупиками. Встают новые вопросы: когда, где и с какой целью глазурь отделили от ее «сердечника» и превратили в новый исходный материал, когда и где была разработана техника обработки этого нового материала, дававшая возможность лучше использовать его технические и эстетические возможности? Ответов на эти вопросы еще нет. Они будут получены только тогда, когда существующие стеклянные предметы будут подвергнуты анализу и соотнесены с клинописными текстами, в которых месопотамские ремесленники изложили свои методы для потомков. Эти тексты уникальны в клинописной литературе: только парфюмеры³¹ и изготовители стекла³² ценили свою работу настолько высоко, что стремились сохранить в письменном виде традиции ремесла.

Последний вопрос, связанный с технологией обработки материалов минерального происхождения, который следует упомянуть, относится к глине, гибкому, прочному и почти универсальному «пластику». Из трех основных видов глиняных изделий в Месопотамии — глиняной посуды, глиняных табличек и кирпичей обжиг был необходим только для первых. Таблички и кирпичи высушивались на солнце и лишь иногда обжигались в печи. С точки зрения сравнительной технологии глиняные таблички, как ни важны они для нашего познания Месопотамии, представляют собой нечто нетипичное, а изделия месопотамских горшечников, иногда удивительно привлекательные и совершенные, достойны лишь краткого упоминания. Это не означает, что искусство горшечников не требовало большой технической изощренности при выборе глины и ее смесей, при работе на гончарном круге и с другими необходимыми инструментами, при орнаментации горшка, при строительстве печи (доступ воздуха, температуры), при самом обжиге, украшении и полировке законченного изделия. Все это — достойные темы для технологического исследования, в результате которого, вероятно, удастся получить ясное представление о техническом образовании древнего ремесленника³³.

Однако сейчас более важно рассмотреть процесс производства и применения кирпича. Кирпичная стена, которая лежит в основе большей части сакральной архитектуры этой цивилизации, — столь же характерное для Месопотамии средство художественной выразительности, как и та комбинация стен и колонн, с помощью которой греческий строитель достигал своих целей. Эта кирпич-

ная стена развилась из глинобитной (*murus terreus*) и так и не смогла преодолеть свойственные этому типу строений недостатки. От глинобитных стен кирпичная унаследовала ограниченность своих размеров, вернее говоря, зависимость высоты от толщины, которая для стен из утоптанной земли определяется законами притяжения и качеством работы (прочностью фундамента и способом трамбовки). Хотя наружный уклон мог бы увеличить высоту, к нему редко прибегали, так как трудно было рассчитывать, что в этом случае вся конструкция хорошо просохнет насквозь. Использование предварительно высушенных стандартных блоков — кирпичей — оказалось очень удачным: стены становились легче, и поэтому их можно было строить выше. Кирпич повысил и прочность стен, потому что точки и линии, особо напряженные, можно было укреплять дополнительно. Однако эти преимущества не использовались полностью из-за некоторых технических предубеждений месопотамских строителей.

Единственная техническая возможность преодолеть барьер, унаследованный от технологии строительства глинобитных стен, — применение известкового раствора в сочетании с обожженным кирпичом; но хотя раствор уже был известен, его не применяли, как не применяли и обожженный кирпич. Месопотамский архитектор, широко используя кирпич, всегда покрывал его толстым слоем глиняной обмазки по всей стене. Он не понимал, что применение другого типа раствора, скрепляющего кирпич, позволило бы ему увеличить высоту стен и при этом не делать их столь толстыми, что грозило их долговечности. В конце концов под западным влиянием стали использовать известковый раствор в сочетании с обожженным кирпичом, а технология строительства арок и сводов, зародившаяся в каменной архитектуре, была перенесена в архитектуру кирпичных зданий. Размер комнат, до сих пор ограниченный длиной балок перекрытий, который прежде увеличивали только с помощью колонн, теперь мог быть больше. Появилась новая техника, основанная на взаимосвязи веса и опор, напряжения и контрнатяжения, структуры и наполнителя. Тяжелые, обмазанные грязью, чересчур ярко окрашенные стены и массивные нагромождения храмовых башен были заменены за период несколько больше одного тысячелетия сверкающими стенами, покрытыми глазурованными кирпичами, образующими сложные рисунки, с изящными башнями и грациозными сводами. Но уже до этого строители месопотамских храмов и дворцов добились некоторых успехов в проектировании, расположении и строительстве. Эти архитекторы и строители создали монументальные произведения искусства, во многих отношениях превзойдя создателей скульптур и барельефов. Как ни связаны были строители традициями своего ремесла и ограничениями, навязанными им несовершенной технологией, они стремились все же нарушить монотонность бесконечных стен, покрытых грязевой обмазкой. В храмовых постройках они украшали эти стены ритмически распределенными ступенчатыми нишами и контрфорсами. Я не знаю функционального

происхождения этих ниш и не могу сказать, почему такое украшение отличало лишь храмы. Для украшения обмазки кирпичных стен часто применялась особая техника. Белая и цветная штукатурка использовалась для узоров, которые вскоре стали делать в Вавилонии более долговечными, применяя своеобразную мозаику, состоящую из глиняных конусов, вдавленных в грязевое покрытие так, что видны были только их окрашенные шляпки. Настенные росписи известны с очень древнего периода (Тепе Гавра); в светских зданиях их позже заменили глазурованными кирпичами (в Ассирии и во дворце Навуходоносора II в Вавилоне) и каменными плитами с вырезанными на них рельефами. Это делалось в Ассирии, где имелся соответствующий камень и где ортостаты, помещенные у подножия кирпичных стен, использовались либо структурно, либо в целях престижа. Странную и явно импортированную технику мы встречаем в храме средневавилонского Урука — такая совершенно невавилонская черта, как имитация каменных рельефов, выполненная из оттиснутых в формах кирпичей. Храм был построен царем касситской династии Караиндашем (начало XIV в. до н. э.). Такая же техника, но еще более подчеркнутая полихромной глазурью, встречается на хорошо известных воротах Иштар в Вавилоне, воздвигнутых Навуходоносором, и на стенах Ахеменидского дворца в Сузах. На примере Ассирии видно, что светские здания, особенно дворцы, всегда восприимчивы к иноземным влияниям.

Помимо ниш в кирпичных стенах и сооружения террас, как бы возносящих над повседневностью все здание или значительную его часть³⁴, месопотамские архитектурные комплексы, принадлежащие богам и царям, отличаются также характерной планировкой. Заметна явная тенденция к хорошо продуманному расположению комнат, коридоров и дворов, из которых состоит месопотамский храм³⁵. Иногда большие и наиболее знаменитые святилища кажутся лишенными «великого замысла», что, вероятно, объясняется стихийным разрастанием построек в течение веков строительной деятельности. В меньших святилищах, однако, гармоническое расположение достигалось чаще.

Башни с контрфорсами подчеркивают вход, который ведет в один или несколько обширных вымощенных дворов, не давая, однако, возможности заглядывать из одного помещения в другое, будь это двор, коридор или само святилище. Алтарь и источник в главном дворе выполняли функции, о которых мы можем только догадываться. Сложная конфигурация стен подчеркивает важность самой целлы. Здесь вновь одна или более предцелл отделяют изображение бога от внешнего мира. На небольшом возвышении находилось тщательно скрытое изображение, установленное в нише; ему торжественно прислуживали жрецы, совершающие богослужение.

Мы не будем детально обсуждать многочисленные отклонения от общего расположения помещений месопотамского храма, но два варианта рассмотреть можно. Первый вариант — это сим-

метричное расположение, при котором изображение бога видно со двора в широкой, но неглубокой целле, а второй — асимметричное, при котором допущенный в целлу мог увидеть божество, помещенное в глубине длинной и узкой комнаты, лишь повернувшись на девяносто градусов. Асимметричное расположение, по-видимому, предпочитали в Ассирии, а симметричное — в Вавилонии.

С III династии Ура башня стала существенной частью месопотамского храма. Эти странные многоэтажные сооружения из утоптанной земли, облицованные кирпичом и покрытые цветной штукатуркой (позже — изразцами), вокруг которых шла крутая наружная лестница, поднимающаяся высоко над побеленными храмами, были специфически месопотамским явлением. О них говорится в Ветхом завете, в котором нет упоминаний о пирамидах. На юге эти внушительные строения помещали за специальные ограды и снабжали монументальными лестницами. В Ассирии храмовая башня помещалась возле святилища; иногда святилище распространялось, захватывая саму башню, так что ниша с изображением божества помещалась в основании башни храма, которая, по-видимому, наружных лестниц не имела.

Цель и функция этих зиккуратов, как их называли жители Месопотамии, еще не известны, хотя в литературных и исторических текстах часто упоминаются их названия и сообщаются о них кое-какие сведения. Геродоту (I, 182) рассказали, что жрица Бела проводила ночь на вершине башни храма, ожидая сошествия божества; это сообщение нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть на основе клинописных материалов, хотя история похожа на типичную выдумку проводников, придуманную для заезжих иноземцев³⁶.

Храмовая башня отличала в Месопотамии святилище от дворца. Планировка храмов и дворцов удивительно похожа. Более того, она хорошо иллюстрирует то, что уже говорилось выше о храме как обиталище божества. Самой важной частью дворца был тронный зал, где царь с подобающими церемониями принимал послов и приносящих дары вассалов. Он соответствовал целле храма, где восседало божество. Трон даже ставили, по-видимому, на то место, где находилось возвышение в целле. Во дворце Навуходоносора в Вавилоне трон был обращен ко входу; в ассирийских дворцах входящие посетители должны были сделать поворот на девяносто градусов, чтобы увидеть царя, восседающего на троне в конце длинной комнаты. Почти такое же значение, как тронный зал, имел двор перед ним, связанный с залом монументальными воротами, подобными тем, что вели в целлу храма. Значительную часть дворца занимали жилые помещения, существовал также просторный зал, возможно используемый для тех роскошных пиров, о которых сообщалось в исторических и религиозных текстах³⁷. Возле возвышения, на котором сидел ассирийский царь, располагается ряд небольших комнат, одна из которых была предназначена для ритуальных омовений и очищения царя.

Следует отметить еще одну весьма характерную черту ассирийского дворца — настенные украшения, представляющие царя любимцем богов, всегда побеждающим воином и удачливым охотником. Часто встречаются сцены битв, подношения даров и дани, избивения побежденных, цель которых — произвести впечатление на тех, кто приходил поклониться царю. Эти изображения, первоначально на крашеных стенах, а позднее на неглубоко врезанных и раскрашенных ортостатах, украшали тронный зал, входы и другие важные части дворца. Рельефы появляются со времени Тукульти-Нинурты I и существуют примерно лет пятьсот — с XIII до VII в. до н. э. Включение ландшафта и других подробностей в качестве фона изображаемого действия и большее внимание, уделяемое анекдотическим происшествиям, — тенденция художественного развития рельефов, которая подчеркнута надписями, добавленными в ряде случаев. Изображения животных показывают вполне реалистический подход, но в сценах битв отмечаем все увеличивающееся количество стереотипных фигур, часто расставленных таким образом, чтобы проиллюстрировать рассказ. Сами по себе эти фигуры весьма схематичны, и у них ограниченное число жестов и положений. Композиция некоторых рельефов более удачна: когда-нибудь мы сможем различать их по стилю, а не сводить рассказ о них главным образом к перечислению деталей и мотивов.

Нам совершенно неизвестны художники, создавшие эти рельефы, стелы, скульптуры, отлитые из бронзы и драгоценных металлов статуи царей и другие произведения искусства. Немногие упоминания резчика печатей и каменщика, которые мы могли установить, почти все поступают из лексических текстов. Ссылки на их деятельность ограничиваются заявлениями в царских надписях, что царь потребовал, чтобы воздвигли стелу с его собственным изображением на ней или с изображением определенных божеств; заказал колоссов, которые украшали и охраняли входы во дворцы и храмы; или обеспечил ценные жертвоприношения по обету, дары храму, божественные символы и массу предметов, о которых мы не знаем ничего, кроме того, для чего они были предназначены и из чего изготовлены. Ссылки на художников и их работу встречаются редко даже в письмах; в царской корреспонденции Саргонидов упоминаются статуи царя и его семьи, которые должны были быть изготовлены, говорится о перевозке тяжелых статуй быков с человеческими лицами, о золоте и драгоценных камнях, которые нужно выдать ремесленникам; некоторые сведения о произведениях искусства и их создании (размер, техника изготовления, сплавы и даже описания самих памятников) встречаются в царских надписях. Личность исполнителя, однако, остается для нас недостижимой.

Из сохранившихся месопотамских произведений искусства, кроме рельефов и цилиндрических печатей, лишь очень немногие отвечают нашим эстетическим требованиям и действительно представляют интерес не только как антикварные вещи или предметы,

позволяющие исследовать древнюю технологию. Оценивая работы, которыми мы сейчас восхищаемся, нужно понимать, что мраморное лицо шумерской богини, столь удивительное сейчас в своей меланхолии, возможно, выглядело гораздо менее достойно, когда на нас пялились натуралистически сделанные глаза; голова одного из царей (аккадский период), выполненная из бронзы, наделенная чертами несомненной элегантности и силы, возможно, выглядела совершенно иначе, когда она венчала статую. Все же спокойное достоинство и величественная сосредоточенность нескольких хорошо известных статуй Гудеа из Лагаша (примерно 2130 г. до н. э.) показывают, насколько сдержаннее стала экспрессивность, характеризовавшая шумерскую скульптуру предшествующих периодов. Из всего этого вавилонское искусство сохранило только внешние, формальные черты. Поздние стелы и статуи, а особенно все те рельефы, которые не стремились изображать реальность, отражают только скуку крайнего традиционализма. Но множество монстров, изображаемых месопотамскими художниками с потрясающей убедительностью, показывают этих мастеров с их лучшей стороны, свободными от условностей, которые тиранически управляли изображением богов, царей и их деятельности.

В пределах чрезвычайно мелких размеров поверхности цилиндрической печати и ограничений стиля, навязанных ее функцией, месопотамские художники часто проявляли незаурядный талант. Они оживляли их целым миром изображений: божеств, сидящих на троне, чудовищ, животных, изображаемых геральдически или с чарующим реализмом, сражающихся героев, а также орнаментами или изображением предметов, сделанных только для того, чтобы заполнить пустые места в продолговатых оттисках цилиндрической печати. Изображаемые предметы неоднократно меняются: также изменяется и стиль изображения, переходя от геометрически подчеркнутых абстракций к мелочному реализму, от переполненных рисунками поверхностей к красоте умно оставленных свободных пространств; также меняется техника резьбы, использование и содержание надписей. Эти изменения характерны для определенных периодов и районов и превращают печати в чувствительный барометр, регистрирующий иноземные влияния, и особый почерк отдельных художников и школ, ни одной из которых так и не удалось пробить тяжелую броню традиционализма, прочно укоренившегося и пренебрежавшего артистическому самовыражению в других областях месопотамского искусства.

Так, не будь у нас небольшого количества сохранившихся среднеассирийских печатей и их оттисков можно было бы не заметить яркую живость и привлекательную близость искусства этого периода, который его памятники едва ли отражают полностью. Этот вдохновенный порыв и порожденная им великолепная техника продолжали жить в изображениях борющихся и умирающих животных, встречающихся на настенных рельефах новоассирийских дворцов. Они также заставляют вспомнить гораздо более отдален-

ное древнеаккадское искусство, которое оказало свое влияние на вавилонскую художественную традицию в изображении людей. Безжизненно изысканная условность искусства Вавилонии характерна и для Ассирии, которая следовала по пути, проложенному ее «южной сестрой». Изобразительные искусства показывают тот же самый конфликт между творчеством и традиционализмом, который характеризует месопотамскую художественную литературу. Существование двух художественных традиций в Ассирии — одной, изображавшей людей под сильным влиянием южных прототипов, а другой, которая в изображении животных проявляла совершенно иное отношение к реальности, — иллюстрирует тот же вечный конфликт в Ассирии.

Хотя эта книга никак не претендует на то, чтобы всеобъемлюще и полно отобразить месопотамскую цивилизацию, я считаю, что в конце обязан признать наиболее значительные упущения.

Я допустил несправедливость, рассматривая языки Месопотамии, шумерский и аккадский, просто как орудия, а не как выражение этой цивилизации, которое позволяет непосредственно подойти к ней. Но это можно оправдать тем, что противоположный подход не только переполнил бы книгу филологическими рассуждениями, но дал бы столь же искаженную картину, как, например, изложения, которые пользуются только археологическими и иконографическими данными.

Более серьезным является искажение, вызванное тем, что при характеристике месопотамского законодательства я ограничился рассмотрением руководств, а не углублялся в источники первичной информации, предлагаемой теми табличками, которые освещают действительную юридическую практику. Своей близостью к событиям и разнообразием, отражающим различные периоды, районы и темы, эти таблички многое добавили бы к координатам нашего «портрета». Основная трудность, присущая всем клинописным источникам, — расхождение данных, основанных на традиции руководств, с многообразными и изменчивыми сведениями, почерпнутыми из других материалов, — заставила меня при изложении месопотамской юриспруденции обратиться к руководствам как к ближайшему убежищу от чрезмерного обилия детальной информации. Если бы я стал следовать моим личным склонностям и сконцентрировал все внимание на юридической практике, я бы уничтожил и без того сомнительную корреляцию между главами этой книги.

Рассматривая месопотамскую религию, я не скрывал полемической направленности этой главы и умышленно отказался от благожелательного, сентиментального и покровительственного интереса, с которым ее обычно рассматривают. Я не стремился «выгодной подачей» подборку параллелей к Ветхому и Новому завету. Основной целью был отказ от понимания, свойственного западному человеку, хотя я вполне сознаю, что эта цель довольно утопична и работать в этом направлении может только поколение ученых-ассириологов, свободных от эмоционального и рас-

считанного на рекламу интереса к религиям древнего Ближнего Востока.

По тем же причинам я не полностью использовал тексты, чтобы изложить различные месопотамские концепции божественности, начиная от великих богов неба и кончая падшими богами, демонами и злыми духами.

Было бы желательно посвятить специальный раздел месопотамской концепции смерти, не столько потому, что наши собственные религиозные и социальные системы придают ей сознательно или бессознательно такое значение, но потому, что смерти придавали подозрительно малое значение в Месопотамии. Однако монографическое исследование будет, видимо, лучшим путем для анализа и изучения этих противоречивых концепций. Тем более что археологии предстоит, возможно, сказать свое слово относительно обрядов погребения.

Если степень абстрагирования и перенесение материала в моей попытке согласовать некоторые общественные системы, существовавшие в Месопотамии в конкретный период в том или ином районе, покажется чрезмерной, то потому, что такие построения нельзя еще подкрепить достаточным и неоспоримым материалом текстов. Все же, хотя месопотамская цивилизация прошла в своем развитии несколько разобщенных фаз и видоизменений — и как бы ни уточнялось это заявление, — предварительное членение, так, как оно сделано в моем воспроизведении, кажется мне оправданным.

Возможно, требуется также объяснение моего общего подхода к исследованию месопотамской цивилизации. Даже рискуя, что меня обвинят в новом виде панвавилонизма, я поместил Месопотамию в центре картины. Термины, определяющие ее соседей, такие, как «цивилизации-спутники», «варварский Запад», подчеркивают этот подход, который является столь же оправданным, как и подход, при котором сведения о Месопотамии используются только как контрастирующий фон для других исследований или для иллюстрации различных теорий, относящихся к религиозному, этическому или экономическому развитию. У меня было твердое намерение — возможно и неразумное — поддержать выдвинутую более тридцати лет назад Б. Ландсбергером теорию *Eigenbegrifflichkeit*, которая нашла очень мало сторонников.

В одном смысле я заканчиваю эту книгу с острым чувством неудовлетворенности. Можно выбрать много участков во взаимопереплетенных сферах месопотамской цивилизации, для которых сохранилась доступная для исследования информация, рассказывающая о специфических научных и технических достижениях, об искусных социальных адаптациях и о четко выраженных художественных направлениях. Этот материал обычно охватывает только ограниченный район или период, позволяя бросить случайный взгляд на, возможно, уникальную ситуацию, значение которой для общей картины вполне можно сравнить со скоплением неправильных пятен и коротких линий, блуждающих из ниоткуда и в ни-

куда, внезапно исчезающих и оставляющих «белые» пятна на карте, координатами которой являются пространство и время.

Однако выбор этих тем определялся бы чисто субъективным подходом и обязательно должен был бы закончиться изложением, сравнимым с истолкованием чернильных пятен, как это делают в психологических тестах, где только творческие ассоциации зрителя придают этим пятнам значение и выразительность, воссоздавая картину, существующую только в уме зрителя. Кроме того, пойдя этим путем, я бы написал книгу гораздо бóльшую.

Глава I

Материалы и литературу, касающиеся «деревни», см.: *Braidwood R. J., Howe B. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan*. Chicago, 1960, с. 1 и сл.; о хронологии см. там же, с. 147 и сл.; список литературы см. там же, с. XIII и сл.

² Об истории и типологии культурных растений и одомашненных животных (палеоботаника и палеозоология) см.: *Weissmann H. von. Ursprungsherde und ihre Abhängigkeit von der Klimageschichte*. — *Erdkunde*. 11, 1957, с. 81—94, 175—193; *Dyson R. H. Archaeology and the Domestication of Animals in the Old World*. — *American Anthropologist*. 55, 1953, с. 661—673; *Hançar F. Zur Frage der Herdentier-Domestikation*. — *Saeculum*. 10, 1959, с. 27—37; *Brentjes B. Wildtier und Haustier im Alten Orient*. — *Lebendiges Altertum*. 11. B., 1962; *он же. Die Haustierwerdung im Orient*. Wittenberg, 1965; *Herre W. The Science and History of Domestic Animals*. — *Science in Archaeology*. Ed. D. Brothwell, E. Higgs, G. Clark. N. Y., 1963, с. 235—249; *Helbaeck H. Paleoethnobotany*. — Там же, с. 117—185; *Zeuner F. E. A History of Domesticated Animals*. L., 1963; *Nagel W. Frühe Tierwelt in Südwestasien*. — *ZA*. 55, 1962, с. 169—222; *Berger R., Protsch R. The Domestication of Plants and Animals in Europe and the Near East*. — *Orientalia*. N. s. 42, 1973, с. 214—227.

³ См.: *Oppenheim A. Leo. Seafaring Merchants of Ur*. — *JAOS*. 74, 1954, с. 16 и сл., и противоположную точку зрения: *Jacobsen T.* — *Iraq*. 22, 1960, с. 184, примеч. 18; *Falkenstein A.* — *ZA*. 55, 1963, с. 252 и сл.; 56, 1964, с. 66 и сл. О том, что египтяне знали о существовании связи между Красным морем и Персидским заливом, см.: *Otto E. Ägypten*. Stuttgart, 1953, с. 186.

Более подробно о ранних контактах Южной Месопотамии с областями, прилегающими к Персидскому заливу, см.: *Bibby G. Looking for Dilmun*. N. Y., 1969; *Mallowan M. E. L. The Mechanics of Ancient Trade in Western Asia: Reflections on the Location of Magan and Meluhha*. — *Iran*. 3, 1965, с. 1—7; *During Caspers E. C. L. Further Evidence for Cultural Relations Between India, Beluchistan, Iran and Mesopotamia in Early Dynastic Times*. — *JNES*. 24, 1965, с. 53—56; *она же. Some Motifs as Evidence for Maritime Contact Between Sumer and the Indus Valley*. *Persica*. 5, 1970—1971, с. 107—118; *она же. New Archaeological Evidence for Maritime Trade in the Persian Gulf During the Late Protoliterate Period*. — *East and West*. 21, 1971, с. 21—44; *Gelb I. L. Makkan and Meluhha in Early Mesopotamian Sources*. — *RA*. 64, 1970, с. 1—8; *Tosi M. Dilmun*. — *Antiquity*. 45, № 177, 1971, с. 21—25.

⁴ Здесь в термин «кочевник» (*nomad*) мы вкладываем неопределенный, условный смысл, как принято у филологов, занимающихся древним Ближним Востоком. См.: *Kupper J.-R. Les nomades en Mésopotamie au temps des rois de Mari*. P., 1957; *он же. Le rôle des nomades dans l'histoire de la Mésopotamie ancienne*. — *JESHO*. 2, 1959, с. 114—127; *Klengel H. Halbnomaden am mittleren Euphrat*. — *Das Altertum*. 5, 1959, с. 195—205; *он же. Zu einigen Problemen des altvorderasiatischen Nomadentums*. — *ArOr*. 30, 1962, с. 585—596; см. также: *Bernhardt K.-H. Nomadentum und Ackerbaukultur in der frühstaatlichen Zeit Israels*. — *Das Verhältnis von Bodenbauern und Viehzüchtern in historischer Sicht*. B., 1968, с. 31—40; *Klengel H. Halbnomadischer Bodenbau im Königreich von Mari*. — Там же, с. 75—82; *он же. Zwischen Zelt und Palast*. Leipzig — Vienna, 1972. См. также серию статей: *Rowton M. B. Autonomy and Nomadism in Western Asia*. — *Orientalia*. N. s. 42, 1973, с. 247—258; *Urban Autonomy in a Nomadic Environment*. — *JNES*. 32, 1973, с. 201—215; *Enclosed Nomadism*. — *JESHO*. 17, 1974, с. 1—30.

⁵ О различных названиях Месопотамии и их аккадских соответствиях см.: *Finkelstein J. J. Mesopotamia*. — *JNES*. 21, 1962, с. 73—92.

⁶ Об ирригации в Месопотамии см.: *Tonides M. G.* The Régime of the Rivers Euphrates and Tigris. L., 1937; *Neumann H.* Die physisch-geographischen Grundlagen der künstlichen Bewässerung des Iran und Iraq. — Wissenschaftliche Veröffentlichungen des Deutschen Instituts für Landeskunde. N. F. 12, 1953; *Adams R. McC.* Developmental Stages in Ancient Mesopotamia. — Irrigation Civilizations, a Comparative Study. Ed. J. H. Stewart (Social Science Monographs, Social Science Section I). Wash. I., 1955, с. 6—18.

⁷ Карты см.: *Jacobsen T.* The Waters of Ur. — Iraq. 22, 1960, табл. 28; *Adams R. McC.* Survey of Ancient Water Courses and Settlements in Central Iraq. — Sumer, 14, 1958, с. 101—103.

⁸ О проблеме засоления почвы см.: *Jacobsen T., Adams R. McC.* Progressive Changes in Soil Salinity and Sedimentation Contributed to the Breakup of Past Civilizations. — Science. 128, № 3334, 1958, с. 1251—1258.

⁹ О тектонической проблеме см.: *Lees G. M., Falcon N. L.* The Geographical History of the Mediterranean Plains. — Geographical Journal. 118, 1952, с. 24—39, и последующую дискуссию там же. См. также: *Mitchell R. C.* Instability of the Mesopotamian Plains. — Bulletin de la Société de Géographie d'Égypte. 31, 1958, с. 127—140.

¹⁰ Самые последние сведения см.: *Westphal-Hellbusch Sigrid, Westphal Heinz.* Die Ma'dan. Kultur und Geschichte der Marschenbewohner im Süd-Iraq. B., 1962; *Thesiger W.* The Marsh Arabs. L., 1964.

¹¹ Поскольку семена сезама (*Sesamum indicum*) начисто отсутствуют в месопотамской почве, невозможно установить, к какому именно масличному растению относится аккадское наименование *šamaššammu*. О связанных с этим проблемах см.: *Kraus F. R.* Sesam im Alten Mesopotamien. — JAOS. 88, 1968, с. 112—119.

¹² Это относится к откорму оленей. См. также: *Brentjes B.* Cervinae (Hirsch als Haustier, Hirschformen des Nahen Orients, Hirschhaltung des Alten Orients, Hirsch und Religion). — Mitteilungen Anthrop. Gesellschaft Wien. 92, 1962, с. 34—46; *Gaillard C.* Les tâtonnements des égyptiens de l'ancien empire à la recherche des animaux à domestiquer. — Revue d'ethnographie et de sociologie. 3, 1912, с. 329—348.

¹³ См.: *Dyson R. H., Jr.* A Note on Queen Shub-Ad's «Onagers». — Iraq. 22, 1960, с. 102—104; *Brentjes B.* Onager und Esel im Alten Orient. — In Memoriam Eckhard Unger: Beiträge zur Geschichte. Kultur und Religion des Alten Orients. Ed. M. Lurker. Baden-Baden, 1971, с. 131—145.

¹⁴ Вопросы, связанные с изучением распространения домашних птиц, не привлекали достаточного внимания; между тем они могут оказаться важными для подтверждения контактов между Месопотамией и Востоком (Индией). В этом отношении показательно распространение в более позднюю эпоху индюка и павлина. См.: *Sethe K.* Die älteste Erwähnung des Haushuhns in einem ägyptischen Text. — F. C. Andreas Festschrift. Lpz., 1916, с. 109—116 (сведения относятся к району, лежащему к востоку от Ливана). Шумерское описание петуха («краснобородого») см.: *Falkenstein A.* — ZA. 55, 1962, с. 253.

¹⁵ В Нузи существовала «улица птицеловов»; см.: *Salonen A.* Vögel und Vogelfang im Alten Mesopotamien. Helsinki, 1973, с. 27. В текстах нововавилонского периода время от времени упоминаются откормленные утки.

¹⁶ Тема царской охоты заслуживает особого изучения по литературным и иконографическим источникам. См., в частности: *Dostal W.* Über Jagdbrauchtum in Vorderasien. — Paedeuma. 8, 1962, с. 85—97; *Alexander R. L.* The Royal Hunt. — Archaeology. 16, 1963, с. 243—250; *Grayson A. K.* New Evidence on an Assyrian Hunting Practice. — Essays on the Ancient Semitic World. Ed. J. W. Wevers and D. B. Redford. Toronto, 1970, с. 3—5; *Helck W.* Jagd und Wild im alten Vorderasien. Hamburg — Berlin, 1968.

¹⁷ О слоне см.: *Wace A. J. B.* Obsidian and Ivory. — Bulletin of the Faculty of Arts. Farouk I University. Cairo, 1943, с. 8; *Koldewey R.* — MDOG. 38, 1908, с. 19; *Güterbock H. G.* — ZA. 42, 1934, с. 29; *Barnett R. D.* A Catalogue of the Nimrud Ivories with Other Examples of Ancient Near Eastern Ivories in the British Museum. L., 1957, с. 164, примеч. 3; *Brentjes B.* Der Elefant im Alten Orient. — Klio. 39, 1961, с. 8—30; *он же.* Der syrische Elefant als Südform des Mammuts? — Säugetierkundliche Mitteilungen. 17, 1969, с. 211—214; *Krebs W.* Zur Rolle des Elefanten in der Antike. — Forschungen und Fortschritte. 41, 1967, с. 85—87; *Schmökel H.* Bemerkungen zur Grossfauna Altmesopotamiens. — Jahrbuch für Kleinasiathe Forschung. 2,

1965, с. 433—443. О страусе см.: *Laufer B.* Ostrich Egg-shell Cups of Mesopotamia and the Ostrich in Ancient and Modern Times (Field Museum of Natural History Department of Anthropology, leaflet 23). Chicago, 1926.

¹⁸ Кроме текста, переведенного Э. Эбелингом, см.: AfO. 16, 1952, с. 68; СТ. 2 с. 56; YOS. 7, с. 19, а также примеч. 91 к гл. V.

¹⁹ О сложной истории этих животных см.: *Brentjes B.* Das Kamel im Alt-Orient. — Klio. 38, 1960, с. 23—52; *Schauenburg K.* Die Kameliden im Altertum. Bonner Jahrbücher. 155—156, 1956—1966, с. 59—94; *он же.* Neue antike Kameliden. — Там же, 162, 1962, с. 98—106; *Bulliet R.* Le chameau et la roue au Moyen Orient. — Annales: Economies, sociétés, civilisations. 24, 1969, с. 1092—1103.

²⁰ Это письмо № 10 из Телль-Амарны, написанное Бурнабуриашем.

²¹ См.: *Falkenstein A.* Archaische Keilschrifttexte aus Uruk. V., 1936; *Burrows E.* Archaic Texts. — UET. 2; *Deimel A.* Die Inschriften von Fara. — WVDOG. 40, 43, 45; *Langdon S.* The Herbert Weld Collection in the Ashmolean Museum Pictographic Inscriptions from Jemdet Nasr. — OECT. 7; *Biggs R. D.* Inscriptions from Tell Abu Šalabikh. — OIP. 99, Chicago and London, 1974. Обзор связанных с этим проблем см.: *Sollberger E.* (ed.). Aspects du contact suméro-akkadien. — Geneva. N. s. 18, 1960, с. 241—314 (авторы статей: P. Amiet, D. O. Edzard, A. Falkenstein, I. J. Gelb, S. N. Kramer, F. R. Kraus); см. также: *Kraus F. R.* Sumerer und Akkader: Ein Problem der altmesopotamischen Geschichte. Amsterdam, 1970; *Cooper J. S.* Sumerian and Akkadian in Sumer and Akkad. — Orientalia. N. s. 42, 1973, с. 239—246.

²² В последние годы исследованием двуязычных текстов занимался Дж. С. Коупер; опубликована только часть его материалов, касающаяся Богазкёйя. См.: *Cooper J. S.* Bilinguals from Boghazköi, I and II. — ZA. 61, 1971, с. 1—22; 62, 1972, с. 62—81. Многоязычные тексты происходят из Богазкёйя; см. *Laroche E.* Un hymne trilingue à Iškur-Adad. — RA. 58, 1964, с. 69—78. См. также «Послание Лудингир-ра к своей матери» — шумерский литературный памятник, снабженный в Богазкёйе аккадским и хеттским переводами: *Civil M.* The "Message of Lú-dingir-ra to His Mother" and a Group of Akkado-Hittite „Proverbs“ — JNES. 23, 1964, I—II. О фрагменте, найденном в Угарите, см.: *Nougayrol J.* — Ugaritica. Vol. 5. P., 1968, с. 310—319; *Laroche E.* — Там же. с. 773, примеч. 2.

²³ См.: *Kraus F. R.* Provinzen des neusumerischen Reiches von Ur. — ZA. 51, 1955, с. 45—75.

²⁴ Интересное исключение см.: *Dhorme P.* Les tablettes babyloniennes de Neirab. — RA. 25, 1928, с. 53—82, с двадцатью семью текстами из Сирии, от Навуходоносора II до Дария I.

²⁵ См.: *Finkelstein J. J.* Assyrian Contracts from Sultantepe. — AnSt. 7, 1957, с. 137—145; о современных текстах из Телль-Биллы см.: *он же.* — JCS. 7, 1953, с. 137—141, 169—176. Тексты из Калаха см.: *Wiseman D. J.* — Iraq. 12, 1950, с. 184—200; 15, 1953, с. 135—160; *Wiseman D. J.* and *Kinnier Wilson J. V.* — Iraq. 13, 1951, с. 102—122; *Parker Barbara.* — Iraq. 16, 1954, с. 29—58; 19, 1957, с. 125—38; 23, 1960, с. 15—67; *Saggs H. W. F.* — Iraq. 17, 1955, с. 21—50, 126—154; 18, 1956, с. 40—56; 20, 1958, с. 182—212; 21, 1959, с. 158—179; 25, 1963, с. 70—80; 27, 1965, с. 17—32; 28, 1966, с. 177—191; 36, 1974, с. 199—221; *Kinnier Wilson J. V.* The Nimrud Wine Lists: A Study of Men and Administration at the Assyrian Capital in the Eighth Century B. C. L., 1972; *Postgate J. N.* Taxation and Conscription in the Assyrian Empire. Rome, 1974; *он же.* The Governor's Palace Archive. L., 1973.

²⁶ О проблеме амореев см.: *Gelb I. J.* The Early History of the West Semitic Peoples. — JCS. 15, 1961, с. 27—47; *Soden W. von.* — WZKM. 56, 1960, с. 186 и сл.; *Buccellati G.* The Amorites of the Ur III Period. Naples, 1966; *Haldar A.* Who Were the Amorites? Leiden, 1971. Литература, посвященная загадочным «Набир», недавно обогатилась исследованием Р. Боргера: *Borger R.* Das Problem der 'apiru (Набир). — Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins. 74. 1958. с. 121—132. Очень удобный обзор литературы о касситах см.: *Jaritz K.* Die Kulturreste der Kassiten. — Anthropos. 55, 1960, с. 17—84.

²⁷ См. библиографию: *Koortman J. J.* — JEOL. 15, 1957, с. 125—132, и резюме: *Mazar B.* The Aramean Empire and Its Relations with Israel. — The Biblical Archaeologist. 25/4, 1962, с. 98—120.

²⁸ См.: *Sollberger E.* Graeco-Babyloniaca. — Iraq. 24, 1962, с. 63—72, с дискуссией о всей известной совокупности данных, главным образом о лексических текстах и некоторых заклинаниях. См. также: *Oelsner J.* Zur Bedeutung der «Graeco-

Babyloniaca» für die Überlieferung des Sumerischen und Akkadischen. — MIO. 17, 1972, с. 356—364.

²⁹ Печать была опубликована: Collection De Clercq: Catalogue méthodique et raisonné (P., 1888, vol. 1, pl. 9, № 83) и свидетельствует о том, что ее владелец был переводчиком с родного на иностранный язык (eme. bal), в данном случае на мелуххский. См. также: *Soden W. von. Dolmetscher.* — Reallexikon für Antike und Christentum. Vol. 2, 1958, с. 138—140; *Gelb I. J. The Word for Dragoman in the Ancient Near East.* — Glossa (A Journal of Linguistics). 2, 1968, с. 127—128.

³⁰ См.: *Le Breton L. The Early Periods at Susa, Mesopotamian Relations.* — Iraq. 19, 1957, с. 79—124; *Meyer R. Die Bedeutung Elams in der Geschichte des alten Orients.* — Saeculum. 9, 1959, с. 198—220; *Labat R. Elam (1600—1200 B. C.).* — The Cambridge Ancient History (revised ed.). 1975, II / pt. 2, Chap. 29; *Hinz W. Das Reich Elam.* Stuttgart, 1964; *Amiet P. Elam.* Auvers-sur-Oise, 1966.

³¹ См.: *Gelb I. J. New Light on Hurrians and Subarians.* — Studi orientalistichi in onore di Giorgio Levi Della Vida. Vol. I. Rome, 1956, с. 378—392.

³² См.: *Barnett R. D. Ancient Oriental Influences on Archaic Greece in the Aegean and the Near East.* — Studies Presented to Hettie Goldman. Locust Valley, N. Y., 1956, с. 212—238; *Dundabin T. J. The Greeks and Their Eastern Neighbours: Studies to the Relations Between Greece and the Countries of the Near East in the Eighth and Seventh Centuries B. C. L.*, 1957; *Helck W. Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr.* — Ägyptische Abhandlungen. 5, Wiesbaden, 1962 (2nd ed. 1971); *Kantor Helene J. The Aegean and the Orient in the Second Millennium B. C.* Bloomington, Ind., 1947; *Labat R. Le rayonnement de la langue et de l'écriture akkadiennes au deuxième millénaire avant notre ère.* — Syria. 39, 1962, с. 1—27; *Nougayrol J. L'influence babylonienne à Ugarit d'après les textes en cunéiformes classiques.* — Там же, с. 28—35; *Borger R. Ausstrahlungen des Zweistromlandes.* — JEOL. 18, 1965, с. 317—330.

³³ См.: *Virolleaud C.* — JA. 238, 1950, с. 481—482; *Dussaud R.* — Syria. 27, 1950, с. 376; *Cross Frank Moore, Jr., Lambdin Th. O. A Ugaritic Abecedar and the Origins of the Proto-Canaanite Alphabet.* — BASOR. 160, 1960, с. 21—26.

Глава II

На лбу у такого раба должно было быть клеймо со словами: «Беглый — хватай его!» (Ai II, IV, 13).

² М. текст VAT 8722, опубликованный в AfO (13, 1939—1941, табл. 7), касающийся продажи рабыни: «рожденная свободной, родной язык — ассирийский».

³ См. *Dandamayev M. A. The Economic and Legal Character of the Slaves' Peculium in the Neo-Babylonian and Achaemenid Periods.* — Gesellschaftsklassen im Alten Zweistromland und in den angrenzenden Gebieten. Ed. D. O. Edzard. XVIIIe Rencontre Assyriologique Internationale. Bayerische Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse, Abhandlungen. N. F. 75, München, 1972, с. 35—39.

⁴ О фамилиях см.: *Ungnad A. Babylonische Familiennamen.* — Analecta Orientalia. 12, 1935, с. 319—326; *он же. Das Haus Egibi.* — AfO. 14, 1941—1944, с. 57—64.

⁵ Ассирийским торговцам в Малой Азии разрешалось иметь жену в Анатолии в дополнение к основной в Ашшуре, см.: *Lewy J.* — HUCA. 27, 1956, с. 3—10.

⁶ О подобном типе усыновления см.: *Koschaker P. Fratriarchat, Hausgemeinschaft und Mutterrecht in Keilschriftrechten.* — ZA. 41, 1933, с. 1—89.

⁷ О связанных с этим проблемах см.: *Liverani M. Il fuoruscitismo in Siria nella tarda età del bronzo.* — Rivista Storica Italiana. 77, 1965, с. 315—336, а также: *Renger J. Flucht als soziales Problem in der altbabylonischen Gesellschaft.* — Gesellschaftsklassen im Alten Zweistromland. , с. 167—182.

⁸ Проблема чужеземцев в социальном контексте Месопотамии уделялось мало внимания. Чужеземцев либо называли в соответствии с их положением и занятиями (*amurrû, sutû, hattû, gutû, marḥašû, ḥāpiru, ḥumaja*), либо именовала их пренебрежительно терминами, подчеркивая, что они чужаки (*ahû, nakru*), беженцы (*munnarbu, minnabtu* — см. примеч. 7), военнопленные или переселенцы (*nasihu, ālanû*). Из работ последних лет см.: *Limet H. L'étranger dans la société sumérienne.* — Gesellschaftsklassen im Alten Zweistromland. с. 123—138.

⁹ См.: MRS. 9, с. 159; RS. 18, 115, с. 22.

¹⁰ О культовых объединениях в Угарите (*mrzh* по-угаритски) см.: *Eissfeldt O.* Kultvereine in Ugarit. — *Ugaritica*. Vol. 6. P., 1969, с. 187—195; *Miller P. D. Jr.* — *The Claremont Ras Shamra Tablets*. Ed. L. R. Fisher. Rome, 1971, с. 37—48. См. также: *Schuler E. von.* Hethitische Kultbräuche in dem Brief eines ugaritischen Gesandten. — *Revue Hittite et Asiatique*. Fasc. 72, 1963, с. 43—46.

¹¹ О роли купцов см.: *Leemans W. F.* *The Old-Babylonian Merchant, His Business and His Social Position*. Leiden, 1950. Эта работа ограничена определенными временными и пространственными рамками. Роль и деятельность купцов в древних цивилизациях Ближнего Востока объективно еще далеко не изучены. До сих пор существуют диаметрально противоположные и предвзятые мнения по этому вопросу, восходящие еще к ветхозаветной традиции, ее преломлению в марксистском духе и реакциям на то и другое. Достаточно сопоставить хотя бы две статьи: *Speiser E. A.* *The Word SHIR in Genesis and Early Hebrew Movements and Albright W. F.* *Some Remarks on the Meaning of the Word SHR in Genesis*. — *BASOR*. 164, 1961, с. 23—28. См. также: *Saggs W. F.* — *Iraq*. 22, 1960, с. 202 и сл. Нижеследующие работы посвящены торговцам и их деятельности в самой Месопотамии и прилегающих к ней областях: *Curtis J. B., Hallo W. W.* *Money and Merchants in Ur III*. — *HUCA*. 30, 1959, с. 103—139; *Leemans W. F.* *Foreign Trade in Old Babylonian Period as Revealed by Texts from Southern Babylonia*. Leiden, 1960; *он же.* *Old Babylonian Letters and Economic History. A Review Article with a Digression on Foreign Trade*. — *JESHO*. 11, 1968, с. 171—226; *Oppenheim A. L.* *Trade in the Ancient Near East* (доклад был подготовлен для V Международного конгресса по экономической истории. Л., 10—14 августа 1970); *Dandamayev M. A.* *Die Rolle des tamkärüm in Babylonien im 2. und 1. Jahrtausend v. u. Z.* — *Beiträge zur sozialen Struktur des alten Vorderasiens*. Ed. H. Klengel. Berlin, 1971, с. 69—78; *Nakata I.* *Mesopotamian Merchants and Their Ethos*. — *ANES*. 3/2, 1971, с. 90—101; *Adams R. McC.* *Anthropological Perspectives on Ancient Trade*. — *Current Anthropology*. 15, 1974, с. 239—258. Литературу о сухопутной и морской торговле см. ниже, примеч. 22 к этой главе.

¹² О «государственном капитализме» см. важное исследование: *Schneider Anna.* *Die Anfänge der Kulturwirtschaft: Die sumerische Tempelstadt*. Essen a. d. Ruhr, 1920, и итоговую работу: *Falkenstein A.* *La cité-temple sumérienne*. — *Journal of World History*. I, 1953/54, с. 784—814; *Kraus F. R.* *Le rôle des temples depuis la troisième dynastie d'Ur jusqu'à la première dynastie de Babylone*. — Там же, с. 522—536.

¹³ Об этом «банковском доме» см.: *Cardascia G.* *Les archives des Murasu, une famille d'hommes d'affaires babyloniens à l'époque perse (455—403 av. J.-C.)*. P., 1951. Здесь следует упомянуть еще одну работу: *Bogaert R.* *Les origines antiques de la banque de dépôt: Une mise au point accompagnée d'une esquisse des opérations de banque en Mésopotamie*. Leiden, 1966, а также предостережение, высказанное в моем обзоре в *JESHO* (12, 1969, с. 198—199).

¹⁴ Все опубликованные тексты из числа найденных в Ниппуре рассматривались и обсуждались в работе: *Torczyner H.* *Altbabylonische Tempelrechnungen aus Nippur*. Vienna, 1913, однако большое количество неопубликованных текстов хранится в Археологическом музее Стамбула и в музее Пенсильванского университета. Для того чтобы оценить важность этого материала, необходимо полное повторное исследование всех архивов, которое осуществляется в настоящее время Дж. А. Бринкманом. Он собирает тексты в единый обширный корпус и изучает с точки зрения их исторической и социально-экономической важности. Небольшая группа сходных текстов из Ура опубликована Герни (O. R. Gurney) в серии UET (Vol. 7).

¹⁵ См. CAD под *istatirru*. Некоторые тексты даже упоминают об изображении слона, которое выбивалось на монетах Селевкидов. Ср. СТ. 49, 105, с. 1 и сл.; 106, с. 1 и сл.

¹⁶ См. CAD под *ze'pu*.

¹⁷ Письмо опубликовано: *Nougayrol J.* — *MRS*. 6, с. 19; 15, 11, с. 23.

¹⁸ Отметим также замечания, направленные против Тира и Сидона, в Кн. Исаяи XXIII, 3 (в Кн. Наума III, 16 фраза относительно купцов, которых «стало более, нежели звезд на небе», направлена против Ассирии); ср. также упоминания о «мадиамских купцах» и исмаильянах в Кн. Бытия XXXVII, 25 и 28 и т. д.; там упоминается и о ханаанейцах, но в другом контексте, связанном с мелочной и розничной торговлей. См. также оскорбительное упоминание об

Ишби-Ирре как о торговце специями *nuluhha*; ср.: Edzard D. O. Die «zweite Zwischenzeit» Babylonien. Wiesbaden, 1957, примеч. 275 (Falkenstein A. — ZA. 49, 1950, 61—18). Ранние упоминания в шумерских текстах об уличных продавцах съестного рассматривались мною в докладе о торговле на древнем Ближнем Востоке (см. примеч. 11 к этой главе). Я цитировал там отрывки о торговцах жареным ячменем (*lu. še. sa. sa*), на которых смотрели с пренебрежением, и о пивоваре, который доставлял пиво крестьянам, занятым на уборке урожая. В ранних династических списках говорится о торговцах солью и щелочью (заменителем мыла); ср.: MSL. 12, 19, с. 179 и сл. Аналогичная практика отмечается и в текстах I тысячелетия до н. э. — существовали разносчики соли, специй, хвороста, называемые *ša tabtišu, ša gaššātešu* и т. д. См. также: Landsberger B. Akkadisch-hebräische Wortgleichungen. — Festschrift zum 80. Geburtstag von Walter Baumgartner. Leiden, 1907, с. 179, примеч. 1.

¹⁹ Кроме Кюль-тепе такие таблички найдены в Алишаре (см.: Gelb I. J. Inscriptions from Alishar and Vicinity. Chicago, 1935, с дискуссией на с. 7 и сл.) и в Богазкёйе (Otten H. Die altassyrischen Texte aus Bogazköy. — MDOG. 89, 1957, с. 68—80). Помимо Малой Азии тексты найдены также в Гасуре (Нузи) (см.: Meek T. J. Old Akkadian, Sumerian and Cappadocian Texts from Nuzi. — HSS. 10. Cambridge, Mass., 1935, № 223—227) и в Телль-эд-Дейре (см. IM 46309; Leemans W. F. Foreign Trade in the Old Babylonian Period. Leiden, 1960, с. 101). Отметим также: Gelb I. J. — JNES. 1, 1942, с. 219—226; Gelb I. J., Sollberger E. — JNES. 16, 1957, с. 163—175.

²⁰ Термин *mandattu*, который в этом смысле употребляется только в аккадских текстах из Угарита (см. CAD под *mandattu*, знач. 3), мог относиться к капиталу, который был доверен купцу (в самой Месопотамии этому соответствует *ḥarrānu*). О проблемах торговли в Угарите и двух ее основных видах — морской и сухопутной — см. следующие работы: Rainey A. F. Business Agents at Ugarit. — IEJ. 13, 1964, с. 313—324; Sasson J. M. A. Sketch of North Syrian Economic Relations in the Middle Bronze Age. — JESHO. 9, 1966, с. 161—181; он же. Canaanite Maritime Involvement in the Second Millennium B. C. — JAOS. 86, 1966, с. 126—138; Fensham F. C. Shipwreck in Ugarit and Ancient Near Eastern Law Codes. — Oriens Antiquus. 6, 1967, с. 221—224; Barnett R. D. Ezekiel and Tyre. — Eretz Israel. 9, 1969, с. 6—13; Helck R. W. Ein Indiz früher Kauffahrten syrischer Kaufleute. — UF. 2, 1970, с. 35—37; Astour M. C. Ma'hadu, the Harbour of Ugarit. — JESHO. 13, 1970, с. 113—127; он же. The Merchant Class of Ugarit. — Gesellschaftsklassen im Alten Zweistromland. с. 11—26; Kestemont G. Le commerce phénicien et l'expansion assyrienne du IXe—VIIIe siècle. — Oriens Antiquus. 11, 1972, с. 137—144.

²¹ О купцах, убитых на дорогах, согласно хеттским текстам, см.: Goetze A. Kleinasien. München, 1957, с. 114 и сл.; Hoffner H. A., Jr. A Hittite Text in Epic Style about Merchants. — JCS. 22, 1968, с. 34—45; о случае бойкота по политическим причинам см.: Sommer F. Die *Aḥḥijawā* Urkunden. München, 1932, с. 325—327.

²² Возрастающая роль Ассирии в торговле тканями отражена в тексте средне-вавилонского периода из Дур-Куригальзу, на который обратил мое внимание профессор Джон А. Бринкман. Там говорится о приготовлениях к предполагаемому приезду в Вавилонию ассирийских купцов, которые должны забрать товар — ткани и перепродать их жителям своей империи, как поступали в свое время купцы древней Ассирии, торговавшие «аккадской» одеждой. Данные о сухопутной торговле в I тысячелетии до н. э. собраны в моей статье — Oppenheim A. Leo. Essay on Overland Trade in the First Millennium B. C. — JCS. 21, 1969, с. 236—254.

²³ См.: Gadd C. J. — Iraq. 16, 1954, с. 179.

²⁴ О более ранних (и сомнительных) торговых связях между Египтом и Месопотамией см.: Edzard D. O. Die Beziehungen Babylonien und Ägyptens in der mittelbabylonischen Zeit und der Gold. — JESHO. 3, 1960, с. 38—55; Leemans W. F. The Trade Relations of Babylon and the Question of Relations with Egypt in the Old Babylonian Period. — Там же, с. 21—37.

²⁵ См.: Borger R. Die Inschriften Asarhaddons, Königs von Assyrien. Graz, 1956, с. 25 и сл.

²⁶ См.: Unger E. Babylon, die heilige Stadt. B. und Lpz., 1931, с. 290. Из опубликованных табличек, хранящихся в архиве храма Шамаша в Сиппаре, мы можем узнать имя царского купца (он носил благородное аккадское имя Sin-ahiddin) и имя его отца — I-ni-da-a-a' (82-7-14, 1357 и 1694) или In-nu-da-i-na' (82-7-

14, 83). Все тексты относятся к торговле ячменем; два первых называют ячмень *ša harrān PN*. По-видимому, это значит, что его ввозили из-за границы.

²⁷ Эти люди получали содержание натурой (см.: *Gelb I. J. The Ancient Mesopotamian Ration System*. — JNES. 24, 1965, с. 240—243). Остаются спорным, располагали ли они дополнительными средствами к существованию (земельными наделами и т. д.). В связи с этим см.: *Gelb I. J. — Gesellschaftsklassen im Alten Zweistromland*. . . , с. 41—52; *Diakonoff I. M.* — Там же, с. 81—92.

²⁸ См.: *Limet H.* — Actes de la XVIIe Rencontre Assyriologique Internationale. Éd. A. Finet. Ham-sur-Heure, 1970, с. 68; *Wilhelm G.* Eine neusumerische Urkunde zur Beopferung verstorbener Könige. — JCS. 24, 1972, с. 83. Поразительный пример традиционализма мы видим в тех отрывках нововавилонских текстов, где говорится о почитании, которым было окружено изображение Саргона Аккадского (см.: *Strassmaier Cug.* 256 : 9 и *Samb.* 150 4).

²⁹ На тему *melammu* см. частично устаревшее изложение А. Л. Оппенгейма (*Oppenheim A. Leo.* Akkadian *pul(u)h(tu)* and *melammu*. — JAOS. 63, 1943, с. 31—34), а также: *Cassin Elena.* La splendeur divine: Introduction à l'étude de la mentalité mésopotamienne. P., 1968.

³⁰ См.: *Oppenheim A. Leo.* The Golden Garments of the Gods. — JNES. 8, 1949.

³¹ См.: *Falkenstein A.* — Journal of World History. I, 1953—1954, с. 796 и сл.; *Jacobsen T.* — JNES. 12, 1953, с. 179, примеч. 41, и ZA. 52, 1957, с. 107, примеч. 32.

³² См.: *Thureau-Dangin F.* — Syria. 12, 1931, с. 254, примеч. 1; *Ginsberg H. L.*, *Maisler B.* — JPOS. 14, 1934, с. 250 и сл.; *Güterbock H. G.* — ZA. 44, 1938, с. 82 и сл.; *Brandenstein W. von.* — AfO. 13, 1939—1941, с. 58; ZDMG. 91, 1937, с. 572, примеч. 1.

³³ О надписи на игральных костях YOS 9 73, см.: *Weidner E. F.* — AfO. 13, 1939—1941, с. 308.

³⁴ См.: *Labat R.* Le sort des substituts royaux en Assyrie au temps des sargonides. — RA. 40, 1945, с. 123—142; *Soden W. von.* Beiträge zum Verständnis der neuassyrischen Briefe über die Ersatzkönigsriten. — Christian Festschrift. Vienna, 1956, с. 100—107; *Lambert W. G.* A Part of the Ritual for the Substitute King. — AfO. 18, 1957—1958, с. 109—112; *Kümmel H. M.* Ersatzrituale für den hethitischen König. — Studien zu den Bogazköy-Texten. Heft 3. Wiesbaden, 1967. Небесные предзнаменования иногда гласят: «Будет в Вавилонии царь, и будет он править сто дней» (см., например: *Thompson R. C.* The Reports of the Magicians and Astrologers of Nineveh and Babylon in the British Museum. 2 vols. L., 1900, № 269).

³⁵ О некоторых из многочисленных ассирийских царских ритуалов см.: *Müller K. F.* Das assyrische Ritual. Teil I, Texte zum assyrischen Königsritual. Lpz., 1937 (=MVAG 41/3); *Frankena R.* Takultu de sacrale maaltijd in het assyrische ritueel. Leiden, 1954; *он же.* — BiOr. 18, 1961, с. 199—207.

³⁶ См. примеч. 4 к гл. III о *rab ummāni*.

³⁷ TCL 17 76.

³⁸ См.: *Oppenheim A. Leo.* The City of Assur in 714 B. C. — JNES. 19, 1960, с. 133—147. Об Идрими см.: *Liverani M.* Partire sul carro, per il deserto. — Annali dell'Istituto Orientale di Napoli. 32 (n. s. 22), 1972, с. 403—415.

³⁹ Это ссылка на запутанную проблему ранних упоминаний о ритуале *hieros gamos*. См.: *Falkenstein A.*, *Soden W. von.* Sumerische und akkadische Hymnen und Gebete. Zürich, Stuttgart, 1953, с. 90 и сл., № 18; *Kramer S. N.* The Sumerian Sacred Marriage Texts. — Proceedings of the American Philosophical Society. 107, 1963, с. 485—527; *он же.* The Sacred Marriage Rite: Aspects of Faith, Myth, and Ritual in Ancient Sumer. Bloomington, 1969.

⁴⁰ Регулирование цен появляется в законах (Кодекс Хаммурапи, законы из Эшнунны, законы хеттов), в исторических надписях — Шамши-Адад I, Син-кашид и Ашшурбанапал (*Pierikorn.* — AS № 5, с. 30 и сл.), на поздней стеле (BBSt. № 37), в письме нововавилонского периода (Iraq. 21, 1959, с. 162, № 52) и в молитве Ашшурбанапала (LKA 31; см.: *Weidner E. F.* — AfO. 13, 1939—1941, с. 210 и сл.). Отметим также хеттские инструкции надзирателю над рынком в KUB 29 39 (сообщение Х. Г. Гютербока). О ценах см.: *LBAT* 1487, col. iii'; *Sachs A.* A Classification of the Babylonian Astronomical Tablets of the Seleucid Period. — JCS. 2, 1948, с. 286; см. также: *Meissner B.* Warenpreise in Babylonien. B., 1936; *Dubberstein W. H.* Comparative Prices in Later Babylonia (625—400). — American Journal of Semitic Languages and Literatures. 56, 1938, с. 21—72. О прощении долгов по цар-

скому эдикту см.: *Kraus F. R.* Ein Edikt des Königs Ammi-Šaduqa von Babylon. Leiden, 1958; он же. — *BiOr.* 16, 1959, с. 96—97.

⁴¹ См. отрывки в кн.: *Edzard D. O.* Zwischenzeit, с. 31 и сл., в которых говорится о людях MAR. TU, упоминаемых в царских надписях Саргона II и других ново-ассирийских царей, где речь идет о нецивилизованных племенах. Похожие замечания о кочевниках встречаются в «Наставлениях царю Мерикару» (см.: *Wilson J. A.* — ANET², с. 416 : 93 и сл.).

⁴² Наиболее достоверные примеры исходят из Ветхого завета и хеттских летописей (см.: *Donner H.* Art und Herkunft des Amtes der Königinmutter im Alten Testament. — *J. Friedrich Festschrift*, с. 104—145). Вполне возможно, что в данном случае мы имеем дело с «западным» обычаем при дворе ассирийского царя.

⁴³ Упоминание о царице Стратонике в надписи Антиоха Сотера (280—262/1 гг. до н. э.), одной из позднейших исторических клинописных надписей, и датировка еще намного более поздней астрономической таблички АСТ 194_c (см.: *Neugebauer O.* — АСТ 1, 23, под Зкс по царю Аршаку и его жене, царице Пириустане (68/67 г. до н. э., см.: АСТ 1, 182), нетипичны и отражают чуждые для Месопотамии обычаи. Еще одно датированное упоминание об Аршаке и его матери см.: *BRM.* 2 53 : 28. О Семирамиде см.: *Goossens H.* La reine Sémiramis. De l'histoire à la légende (Mededeelingen. — *Ex Oriente Lux.* № 13. Leiden, 1947); *Eilers W.* Semiramis: Entstehung und Nachhall einer altorientalischen Sage. Wien, 1971.

⁴⁴ О связанных с этим проблемах см.: *Kraus F. R.* Le rôle des temples depuis la troisième dynastie d'Ur jusqu'à la première dynastie de Babylone. — *Journal of World History.* 1, 1953—1954, с. 518—545; *Gelb I. J.* On the Alleged Temple and State Economies in Ancient Mesopotamia. — *Studi in onore di Edoardo Volterra.* Vol. 6. Milan, 1971, с. 137—154; *Postgate J. N.* The Role of the Temple in the Mesopotamian Secular Community. — *Man, Settlement and Urbanism.* Ed. P. J. Ucko, R. Tringham, G. M. Dimbleby. L., 1972, с. 811—825.

⁴⁵ См.: *Oppenheim A. Leo.* A Fiscal Practice in the Ancient Near East. — *JNES.* 6, 1947, с. 116—120.

⁴⁶ См.: *Harris Rivkah.* Old Babylonian Temple Loans. — *JCS.* 14, 1960, с. 126—137.

См. YOS 6 154; о документах, относящихся к особым обстоятельствам, см. также: *Oppenheim A. Leo.* Siege Documents from Nippur. — *Iraq.* 17, 1955, с. 71 и сл.

⁴⁸ BA 6/1, с. 136 v 4 и сл.

⁴⁹ VAB 4, с. 263 и сл. (Nabonidus, № 7).

⁵⁰ Ср.: *Westerman W. L.* Concerning Urbanism and Anti-Urbanism in Antiquity. — *Bulletin of the Faculty of Arts.* 5. Farouk I University. Cairo, 1949, с. 81—96.

⁵¹ О рехавитах в Ветхом завете см.: *Jeremia W. R.* Handbuch zum Alten Testament I/12. Tübingen, 1958, с. 207 и сл.; *Ben-gavriel M. Y.* Das nomadische Ideal in der Bibel. — *Stimmen der Zeit.* 88/171, 1962—1963, с. 253—263.

⁵² См.: *Oppenheim A. Leo.* *JNES.* 19, 1960, с. 146 и сл.

⁵³ См.: *TCL.* 16, 64 (перевод Х. Г. Гютербока). *ZL.* 42, 1934, с. 28 и сл.

⁵⁴ О народном собрании в Месопотамии и о скудных сведениях по этому вопросу см.: *Oppenheim A. Leo.* — *Orientalia.* N. s. 5, 1936, с. 224—228; *Jacobson T.* Primitive Democracy in Ancient Mesopotamia. — *JNES.* 2, 1943, с. 159—172; *Evans G.* Ancient Mesopotamian Assemblies. — *JAOS.* 78, 1958, с. 1—11; *Addendum.* — Там же, с. 114—115; *Szlechter E.* Les assemblées en Mésopotamie ancienne. — *Liber Memorialis Georges de Lagarde.* Louvain, P., 1970, с. 3—21.

Изучая западные области, можно найти указания на то, что социальная структура города заметно отличалась от социальной структуры собственно Месопотамии. Согласно цилиндру Синаххериба (OIP. 2, с. 31 и сл., ii 73 и iii 8), жители Экрона в Палестине подразделялись на два или даже на три класса: военачальники (*Sak-luakke*), благородные (*rubē*) и престонародье (*nišē* или *mārē āli*). Даже тексты I тысячелетия до н. э. из Ашшура свидетельствуют о подобных различиях (ср. *ABL.* 1238; см. также *ABL.* 815). В связи с этим см.: *Wilson J. A.* The Assembly of a Phoenician City. — *JNES.* 4, 1945, с. 245; *Reviv H.* On Urban Representative Institutions and Self-government in Syria-Palestine in the Second Half of the Second Millennium B. C. — *JESHO.* 12, 1969, с. 283—297.

⁵⁵ Эта группа людей называлась по-разному: *ālum*, *puhrum*, *šibūtum*. Их взаимоотношения еще нуждаются в уточнении.

⁵⁶ См.: *Postgate J. N.* — *AfO.* 24, 1973, с. 77.

⁵⁷ SIL.DAGAL LÚ MES Ì-si-in-na^{ki}. — BE. 6/1, 105 10.

⁵⁸ Ср. отрывок из надписи Утухенгали (RA. 9, 1912, с. 111 и сл.; ii. 14—15) kaskal.kalam.ma.ke.ú.gid.da bi. in.mú — «высокая трава росла на дорогах страны», и параллельно: gú.má.[gid.da.i7.da.ba.ú.gid.da.ba.an.mú ha.r. ra. an.gi.s.gi.gir. ra.ba.gar.ra.ba.ú.a.nir.ba.an.mú — «на ее берегах, по которым тянули на веревках лодки, росла высокая трава; на ее дорогах, предназначенных для колесниц, росла». См.: *Falkenstein A. Fluch über Akkade.* — ZA. 57, 1956, с. 64, стк. 275—276, а также его замечания на с. 122. Аналогичное место о развалинах храма, поросших травой, см. YOS 1 45 (особенно кол. i; стк. 39—42), а также надпись на стеле Тутанхамона (*Gardiner A. The Egypt of the Pharaohs.* Oxford, 1961, с. 236 и сл.).

⁵⁹ См.: *Falkenstein A.* — ZA. 50, 1952, с. 64, 80 и сл.; *Edzard D. O. Zwischenzeit*, примеч. 250 и 492.

⁶⁰ О проблемах, связанных со статусом и функциями таких людей, см.: *Gelb I. J. From Freedom to Slavery.* — *Gesellschaftsklassen im Alten Zweistromland.* с. 81—92 (особенно с. 87). О древневавилонском периоде см. недавнее исследование о людях, именовавшихся *muškēnu*: *Soden W. von. muškēnum* und die Mawāli des frühen Islam. — ZA. 56, 1964, с. 133—141; *Wohl H. Towards a Definition of muškēnum.* — ANES. 1/1, 1968, с. 5—10; *Keinast B. Zu muškēnum = maulā.* — *Gesellschaftsklassen im Alten Zweistromland.*, с. 99—103. О хеттских источниках см.: *Güterbock H. G. Bemerkungen zu den Ausdrücken ellum, wardum und asūrum* in hethitischen Texten. — Там же, с. 93—97.

⁶¹ См.: *Edzard D. O. Zwischenzeit*, с. 80 и сл.

⁶² Ср.: *Mendelsohn I. Samuel's Denunciation of Kingship in the Light of the Akkadian Documents from Ugarit.* — BASOR. 143, 1956, с. 17—22; *Astour M. C. The Amarna Age Forerunners of Biblical Anti-Royalism.* — For Max Weinreich on His Seventieth Birthday. The Hague, 1964, с. 6—17.

⁶³ Ср.: *Leemans W. F. Kidinnu, un symbole de droit divin babylonien.* — Van Oven Festschrift, с. 39—61.

⁶⁴ ABL 878:9 и сл.

⁶⁵ См.: *Thureau-Dangin F. Rituels accadiens.* P., 1921, с. 144.

⁶⁶ См.: *Borger R. Esarh.*, с. 42, i 43.

⁶⁷ См. надпись Салманасара III из Калаха, опубликованную: *Layard 76* и сл., iii 1 и 8.

⁶⁸ Кирпич, обнаруженный в Сузах (MDP. 28, с. 5, № 3) и в свое время находившийся, по-видимому, в основании стелы, содержит упоминание о надписи, которая выставлялась на базарной площади и сообщала о «справедливых ценах».

⁶⁹ Streck Asb. 75 ix 49 и параллельные места.

⁷⁰ Термин *bīt mahīrim* в старовавилонский период означал магазин или лавку (главным образом в текстах из Сиппара и даже в более ранних; см.: *Falkenstein A. Gerichtsurkunden.* 2, с. 110). См. также CAD под *mahīru* в *bīt mahīri*. Несмотря на утверждения археологов, в Месопотамии не подтверждается наличие параллелей арабскому *suq* «рынок»; в нововавилонских текстах встречается только *suqu* «улица», об этимологической связи между этими двумя словами см.: *Landsberger B. Hebräische Wortforschung.* — Festschrift zum 80. Geburtstag von Walter Baumgartner. Leiden, 1967, с. 184 и сл.

⁷¹ Здесь дана ссылка на надпись: RA. 7, 1910, pl. 5 и сл. (см.: *Soden W. von. Orientalia.* N. s. 22, 1953, с. 257), и на завоевание Каркемиша Суппилулиумасом I. О крепости в Мари см.: *Dossin G. Adaššum et kirhūm dans les textes de Mari.* — RA. 66, 1972, с. 111—130. Хеттское название крепости см.: *Goetze A.* — BASOR. 79, 1940, с. 33.

⁷² Из Ветхого завета мы знаем, что цари настаивали на своем участии в использовании храмов. Пророки это требование энергично (и успешно) отвергали.

⁷³ По поводу арамейских надписей, в которых упоминаются такие ассирийские и вавилонские боги, как Ашшур, Бел, Шеруа, Набу, Нергал, Наная и Нанси, см.: *Andrae W., Jensen P. Aramäische Inschriften aus Assur und Hatra aus der Partherzeit.* — MDOG. 60, 1920, с. 1—51; *Caquot A.* — Syria. 29, 1952, с. 89—118, а также (passim): Syria. 30, 31 и 32; *Ingholt H. Parthian Sculptures from Hatra.* — Memoirs of the Connecticut Academy of Arts and Sciences. 12, 1954.

⁷⁴ См.: *Baqir Taha.* Tell Harmal, a Preliminary Report. — Sumer. 11, 1946, с. 22—30 (с картой).

⁷⁵ См.: *Schmidt J.* Strassen in altorientalischen Wohngebieten. Eine Studie zur Geschichte des Städtebaues in Mesopotamien und Syrien. — Baghdader Mitteilungen. 3, 1964, с. 125—147. О планировке жилых кварталов см. также: *Parrot A.* Temple d'Ishtar. P., 1956, табл. IX; *Wein E. J., Opifcius R.* 7000 Jahre Byblos. Nürnberg, 1963, план D.

⁷⁶ См.: *Burney C. A.* Urartian Fortresses and Towns in the Van Region. — AnSt. 7, 1957, с. 37—53. См. также: *Loom M. N. van.* Urartian Art, Its Distinctive Traits in the Light of New Excavations. Istanbul, 1966, с. 59.

⁷⁷ См.: *Stanislawski D.* The Origin and Spread of the Grid-Pattern Town. — The Geographical Review. 36, 1946, с. 103—120.

⁷⁸ См.: *Lukenbill D. D.* — OIP. 2, с. 152 и сл.; о пограничных стелах из Египта (амарнского периода): *Daressy G.* — RT. 15, 1893, с. 50—62.

⁷⁹ См.: *Bossert H. T.* — Altanatolien. B., 1942, № 115: 2—4; относительно Египта: *Engelbach R.* — Annales du service des Antiquités. 31, с. 129—131 и табл. 3; *Krenker D.* — Forschungen und Fortschritte. 12, 1936, с. 29—30.

⁸⁰ Замечательное воспроизведение см.: *Strommenger Eva.* Fünf Jahrtausende Mesopotamien. München, 1962, табл. 236 (с другой подписью).

⁸¹ Отсутствие упоминаний о нищих в клинописных текстах — факт весьма примечательный; термин *pisnuqu* — чисто литературный, редкий и не означает просто «нищий».

⁸² О проститутках, высывающихся из окон, см.: *Zimmern H.* Die babylonische Göttin im Fenster. — OLZ. 31, 1928, с. 1—3; *Herbig R.* Aphrodite Parakuptusa. — OLZ. 30, 1927, с. 917—922.

⁸³ См.: *Oppenheim A. Leo.* A New Prayer to the "Gods of the Night" — Analecta Biblica. 12, 1959, с. 282—301, особенно с. 289 и сл.

Глава III

По историографии Аккада см.: *Olmstead A. T. E.* Assyrian Historiography. Columbia, Missouri, 1916; *Finkelstein J. J.* Mesopotamian Historiography. — Proceedings of the American Philosophical Society. 107, 1963, с. 461—472; *Krecher J., Müller H.-P.* Vergangenheitsinteresse in Mesopotamien und Israel. — Saeculum. 26, 1975, с. 13—44. По масштабу и подаче материала непревзойденной остается работа: *Kammenhuber Anneliese.* Die hethitische Geschichtsschreibung. — Saeculum. 9, 1958, с. 136—155. Когда будет закончена и снабжена указателем работа: Einleitung in die assyrischen Königsinschriften. Handbuch der Orientalistik, I. Abteilung, Ergänzungsband. V, 1. Abschnitt. Leiden, Köln, 1961 — (1. Teil: *Borger R.* Das zweite Jahrtausend vor Chr. 1964; 2. Teil: *Schramm W.* 934—722 v. Chr. 1973), она сможет представить большой интерес для историка.

² О «дневниковых» текстах см.: *Sachs A. J.* A Classification of Babylonian Astronomical Tablets of the Seleucid Period. — JCS. 2, 1948, с. 271—290, особенно с. 285 и сл., а также: *Sachs A. J., Pinches T. G., Strassmaier J. N.* Late Babylonian Astronomical and Related Texts. Providence, 1955, с. xii и сл.

³ Шумерский «царский список» см.: *Jacobsen T.* The Sumerian King List. Chicago, 1939; *Finkelstein J. J.* The Antediluvian Kings. A University of California Tablet. — JCS. 17, 1963, с. 39—51; *Hallo W. W.* Beginning and End of the Sumerian King List in the Nippur Recension. — Там же, с. 52—57; *Nissen H. J.* Eine neue Version der Sumerischen Königsliste. — ZA. 57, 1965, с. 1—5; поздние «царские списки» см.: *Sachs A. J., Wiseman D. J.* A Babylonian King List of the Hellenistic Period. — Iraq. 16, 1954, с. 202—241; о табличке из Варки см.: *Van Dijk J.* — UVB. 18, 1962, с. 53—60, табл. 28а. См. также: *Finkelstein J. J.* The Genealogy of the Hammurapi Dynasty. — JCS. 20, 1966, с. 95—118; *Malamat A.* King Lists of the Old Babylonian Period and Biblical Genealogies. — JAOS. 88, 1968, с. 163—173; *Röllig W.* Zur Typologie und Entstehung der babylonischen und assyrischen Königslisten. — Festschrift Wolfram Freiherr von Soden zum 19. VI. 1968 gewidmet von Schülern und Mitarbeitern (=AOAT. 1). Neukirchen-Vluyn, 1969, с. 265—277.

⁴ Кроме цари упоминался *imṭānu* — вероятно, его главный секретарь или глава канцелярии, а не визирь в том понимании, которое встречается в египетских текстах.

⁵ До сих пор не изучены и даже не систематизированы старовавилонские и более ранние датировочные списки, хотя Шнайдер (*Schneider N.* Die Zeitbestim-

мungen der Wirtschaftsurkunden von Ur III. Rome, 1939) и Унгнад (*Ungnad A.* Datalisten. — RLA. 2, 1933, с. 131—194) дают их удобный перечень для практических целей. О Мэри см. примеч. 6 к гл. III; о Султантепе см.: *Gurney O. R.* The Sultantepe Tablets: the Eponym Lists. — AnSt. 3, 1953, с. 15—21.

⁶ Наиболее полный обзор всех известных типов эпонимов дает А. Унгнад (*Ungnad A.* — RLA. 2, с. 412—457), он дополнен в работе: *Falkner Margarete.* Die Eponymen der spätassyrischen Zeit. — AfO. 17, 1954, с. 100—120; ср. также: *Weidner E. F.* — AfO. 16, 1952, с. 213—215. Об одном из древних ассирийских списков см.: *Balkan K.* — Studies in Honour of Benno Landsberger on His 75th Birthday (=AS. 16, 1965), с. 166; *Jankowska N. B.* A System of Rotation of Eponyms of the Commercial Associations at Kaniš. — ArOr. 35, 1967, с. 524—548; *Larsen M. T.* The Old Assyrian City-State and Its Colonies. Copenhagen, 1976, с. 360 и сл. О Мэри см.: *Dossin G.* Les noms d'années et d'éponymes dans les «Archives de Mari». — Studia Mariana. Leiden, 1950, с. 51—61.

⁷ Надпись этого царя (см.: ANET², с. 317), который правил с 280 по 262/61 г. до н. э. — см. также: YOS. I, 52 (244 г. до н. э.), — была последней исторической надписью в традиционном стиле; более поздние надписи, которые найдены в Уруке, датируются 152 г. до н. э. См.: *Falkenstein A.* Topographie von Uruk. Iprz., 1941, с. 9, 34. Надпись, приписываемая Киру (538—530 гг. до н. э.), совершенно не типична и по содержанию, и по стилю. См.: *Eilers W.* Der Keilschrifttext des Kyros-Zylinders. — Festgabe deutscher Iranisten zur 2500 Jahrfeier Irans. Stuttgart. 1974, с. 155—166, с фотографией; *Walker C. B. F.* A Recently Identified Fragment of the Cyrus Cylinder. — Iran. 10, 1972, с. 185—189; *Berger P.-R.* Der Kyros-Zylinder mit dem Zusatzfragment BIN II Nr. 32 und akkadischen Personennamen im Danielbuch. — ZA. 64, 1975, с. 192—234.

⁸ О связанной с этим литературной проблеме предварительно см.: *Mowinkel S.* Die vorderasiatischen Königs- und Fürsteninschriften. Eine stilistische Studie. — Eucharisterion H. Gunkel. Göttingen, 1923, с. 278—322; *Baumgartner W.* Zur Form der assyrischen Königsinschriften. — OLZ. 27, 1924, с. 313—317. Хотя большая часть предметов с надписями ныне утрачена, историческую информацию, содержащуюся в этих надписях, сохранили для нас месопотамские писцы, которые интересовались историей. До нас дошло значительное число табличек II и I тысячелетий до н. э. с копиями (часто палеографически точными) отдельных надписей или целых групп надписей, объединенных именем правителя. Воспроизводимые надписи сопровождаются сведениями о самом предмете и даже о том, где именно располагалась на нем надпись. О ранних текстах такого рода см.: *Kraus F. R.* Altbabylonische Quellensammlungen zur altesopotamischen Geschichte. — AfO. 20, 1963, с. 153—155; *Edzard D. O.* Neue Inschriften zur Geschichte von Ur III unter Süsuen. — AfO. 19, 1959—1960, с. 1—32. На одной табличке I тысячелетия до н. э. мы даже находим упоминание об обстоятельствах, при которых писец обнаружил среди развалин дворца Нарам-Суэна надпись Шаркалишарри (см.: *Clay A. T.* An Ancient Antiquary. — Museum Journal. 3, 1912, с. 23—25).

⁹ См.: *Wiseman D. J.* — Iraq. 14, 1957, с. 24—44.

¹⁰ См.: VAB. 4, № 8, с. 271 и сл. — ANET², с. 308—311.

¹¹ См.: *Unger E.* Babylon, die heilige Stadt. B., 1931, с. 282—294 и табл. 52—56.

¹² См.: *Castellino G. R.* Two Sulgi Hymns. Rome, 1972; *Hallo W. W.* Royal Hymns and Mesopotamian Unity. — JCS. 17, 1963, с. 112—118; *Klein J.* Sulgi D, A Neo-Sumerian Royal Hymn (Ph. D. diss., University of Pennsylvania, 1968). Ann Arbor, Michigan, 1969; *Reisman D. D.* Two Neo-Sumerian Royal Hymns (Ph. D. diss., University of Pennsylvania, 1969). Ann Arbor, Michigan, 1970; *Römer W. H. Ph.* Sumerische «Königshymnen» der Isin-Zeit. Leiden, 1965; *Sjöberg A. W.* Hymns to Meslamtaea, Lugalgirra and Nanna-Suen in Honour of King Ibbisuen (Ibbisin) of Ur. — Orientalia Suecana. 19—20, 1972, с. 140—178.

¹³ См. YOS. 9, № 35; *Watelin L. C.* Excavations at Kish. P., 1930, III, табл. 12.

¹⁴ Надпись Шагараки-Шуриаша дословно процитирована Набонидом (CT 34, iii 44—63).

¹⁵ О тексте ср.: *Sollberger E.* The Tummal Inscription. — JCS. 16, 1962, с. 40—47. См. также: *Rowton M. B.* The Cambridge Ancient History. Chronology. 3rd ed., Cambridge, 1970, vol. I, pt. 1, ch. 6, с. 31 и сл.

¹⁶ Об этом выражении см.: *Gordon E. I.* Mesilim and Mesannipadda — Are They Identical? — BASOR. 132, 1953, с. 27—30. О хрониках и тому подобных свидетель-

ствах см.: *Güterbock H. G.* — ZA. 42, 1934, с. 22—24; о предсказаниях: *Nougayrol J.* Note sur la place des «présages historiques» dans l'extispicine babylonienne. — Ecole pratique des Hautes Etudes. Annuaire. 1944—1945, с. 5—41; *Goetze A.* Historical Allusions in Old Babylonian Omen Texts. — JCS. 1, 1947, с. 253—265; *Reiner Erica.* New Light on Some Historical Omens. — Anatolian Studies Presented to Hans Gustav Güterbock on the Occasion of His 65th Birthday. Istanbul, 1974, с. 257—264; *Hunger H.* Ein «neues» historisches Omen. — RA. 66, 1972, с. 180—181. О более поздних правителях, упоминаемых в текстах предсказаний, см.: *Weidner E. F.* — AfO. 14, 1941—1944, с. 176. См. также статью Финкельштейна (примеч. 1 к этой главе).

¹⁷ См.: *Güterbock H. G.* Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern bis 1200. — ZA. 42, 1934, с. 1—91; 44, 1938, с. 45—149; о *sār tamhari* см.: *он же.* — ZA. 42, 1934, с. 86 и сл. Отметим также: *Nougayrol J.* Un chef-d'oeuvre inédit de la littérature babylonienne. — RA. 45, 1951, с. 169—183; *Lambert W. G.* A New Fragment of the King of Battle. — AfO. 20, 1963, с. 161—162. См. также: *Sjöberg Å. W.* Ein Selbstpreis des Königs Hammurabi von Babylon. — ZA. 54, 1961, с. 51—70.

¹⁸ См.: *Gurney O.* The Cuthean Legend of Naram-Sin. — AnSt. 5, 1955, с. 93—113; 6, 1956, с. 163 и сл.; *Finkelstein J. J.* The So-called "Old Babylonian Kutha Legend". — JCS. 11, 1957, с. 83—88.

¹⁹ Перевод см.: *Ebeling E.* Bruchstücke eines politischen Propagandagedichtes aus einer assyrischen Kanzlei. — MAOG. 12/3, 1938; о добавленных фрагментах см.: *Lambert W. G.* — AfO. 18, 1957, с. 38—51.

²⁰ См.: *Güterbock H. G.* — ZA. 42, 1934, 79 и сл.; новое изд.: *Borger R.* — BiOr. 28, 1971, с. 3—24.

²¹ Понимание этого текста базируется на переводе Б. Ландсбергера (*Landsberger B.* — ZA. 37, 1927, с. 88 и сл.); английский перевод см. ANET², с. 312 и сл.

²² См.: *Gadd C. J.* The Kingdom of Nabu-na'id in Arabia. — Akten des Vierundzwanzigsten Internationalen Orientalisten-Kongresses München. Wiesbaden, 1959, с. 132—134; *он же.* The Harran Inscriptions of Nabonidus. — AnSt. 8, 1958, с. 35—92; *Soden W. von.* Eine babylonische Volksüberlieferung von Nabonid in den Daniel Erzählungen. — ZATW. N. F. 12, 1935, с. 81—89; о текстах Кумрана см.: *Milik J. T.* Prière de Nabonide et autres écrits d'un Cycle de Daniel. — Revue Biblique. 62, 1956, с. 407—415, и более позднюю работу: *Meyer R.* Das Gebet des Nabonid. — Sächsische Akademie der Wissenschaften. Sitzungsberichte, Phil.-hist. Kl. 107/3. В., 1962.

²³ О провинциях империи см. примеч. 23 к гл. I.

²⁴ В ранних текстах это имя по большей части пишется фонетически: *Ba-bil-la*; см.: *Gelb J. J.* The Name of Babylon. — Journal of the Institute of Asian Studies. 1, 1955, с. 25—28.

²⁵ Об этом важном периоде см.: *Edzard D. O.* Die «zweite Zwischenzeit» Babyloniens. Wiesbaden, 1957.

²⁶ О правлении Хаммурапи см.: *Schmökel H.* Hammurabi von Babylon, die Errichtung eines Reiches. — Janus Bücher. Berichte zur Weltgeschichte 11. München, 1958. Для изучения истории данного периода до сих пор не были как следует использованы письменные свидетельства о правлении этого царя, имеющиеся в достаточном количестве.

²⁷ Это письмо ABL 255. Об упоминаниях Хаммурапи в позднейших документах см. также: *Kinnier Wilson J. V.* — Iraq. 18, 1956, табл. 24, г. 12, и текст селевкидской эпохи из Сиппара (BM 56148). Отметим также *tēqīt enē ša^m Hammurapi latku* — «целебную мазь для глаз (времен) Хаммурапи, опробованное (лечение)» (BAM 159, iv 22').

²⁸ Это издание — *Driver G. R., Miles J. C.* The Babylonian Laws. Vol. 2. Oxford, 1955. На сегодняшний день найдено более 36 табличек с отрывками из этого текста, относящихся к различным периодам — от древнеавилонского до нововавилонского. Обзор этого материала см.: *Borger R.* Babylonisch-assyrische Lesestücke. Heft 2. Rome, 1963, с. 2—4. Более поздний обзор новых текстов см.: *Nougayrol J.* — RA. 60, 1966, с. 90 (K. 10884=CH XXIVr94 — XXVr15); *Finkelstein J. J.* A Late Old Babylonian Copy of the Laws of Hammurapi. — JCS. 21, 1969, с. 36—48; *Sollberger E.* A New Fragment of the Code of Hammurapi. — ZA. 56, 1964, с. 130—132. См. также: *Finkelstein J. J.* The Hammurapi Law Tablet BE XXXI22. — RA. 63, 1969, с. 11—27.

²⁹ См.: *Finkelstein J. J.* Ammišaduqa's Edict and the Babylonian Law Codes. — JCS. 15, 1961, с. 91—104.

³⁰ До сих пор не проведено адекватное и систематическое исследование этих интересных документов, их значения для истории законов и учреждений в Месопотамии; нет пока и работ, определяющих их вклад в наши знания о религии, искусстве и языке. На ближайшее время придется удовлетвориться книгой Штайнметцера (*Steinmetzer F. X.* Die babylonischen Kudurru als Urkundenform. Paderborn, 1922).

³¹ События первой части этого периода теперь основательно изучены Джоном Бринкманом (см.: *Brinkman J. A.* The Political History of Post-Kassite Babylonia 1158—722 B. C. Rome, 1968). О событиях его завершающей части см.: *Dietrich M.* Die Aramäer Südbabyloniens in der Sargonidenzeit (700—648) (=AOAT 7. 1970). Материал, который проливает свет на Халдею этого периода, содержится в основном в найденных в Ниневии ассирийских царских надписях и царской корреспонденции, касающейся политической и военной ситуации в самой Южной Вавлонии и вокруг нее.

³² Об этих поздних узурпаторах см.: *Poebel A.* The Duration of the Reign of Smerdis, the Magian, and the Reigns of Nabuchadnezzar III and Nabuchadnezzar IV. — AJSL. 56, 1939, с. 121—145; *Parker R. A., Dubberstein W. H.* Babylonian Chronology 626 B. C. — A. D. 75. Providence, 1956, с. 10 и сл.

³³ Хронологию этого периода см.: *Balkan K.* Observations on the Chronological Problems of the Kārum Kaniš. Ankara, 1955, с. 41—101; *Lewy J.* — *Orientalia*. N. s. 26, 1957, с. 12—36.

³⁴ О проблеме местонахождения Шубат-Энлиля ср.: *Kupper J.-R.* Les nomades en Mésopotamie au temps des rois de Mari. P., 1957, с. 7 и сл.

³⁵ Об этом периоде см.: *Hallo W. W.* From Qarqar to Carchemish: Assyria and Israel in the Light of New Discoveries. — *The Biblical Archaeologist*. 23, 1960, с. 34—61.

³⁶ Той же политики придерживались и цари III династии Ура, как это показывают надписи Шу-Суэна, публикуемые М. Сивилом (см.: *Civil M.* Sū-Sin's Historical Inscriptions: Collection B. — JCS. 21, 1969, с. 24—38). Об этих «перемещенных» народах см.: *Schiffer S.* Keilinschriftliche Spuren der in der zweiten Hälfte des 8. Jahrhunderts von den Assyrern nach Mesopotamien deportierten Samarier. — *OLZ*. Beiheft 1, 1907; *Ebeling E.* Aus dem Leben der jüdischen Exulanten in Babylonien. B., 1914; *Segal J. B.* An Aramaic Ostrakon from Nimrud. Iraq. 19, 1957, с. 139—145.

³⁷ О проблеме конца династии Саргонидов см.: *Borger R.* Mesopotamien in den Jahren 629—621 v. Chr. — *WZKM*. 55, 1959, с. 62—76.

Глава IV

См.: *Andrae W.* Das Gotteshaus und die Urformen des Bauens im Alten Orient. B., 1930; *Lenzen H. J.* Mesopotamische Tempelanlagen von der Frühzeit bis zum zweiten Jahrtausend. — *ZA*. 51, 1955, с. 1—36; *Heinrich E.* Bauwerke in der altsumerischen Bildkunst. Wiesbaden, 1957.

² См. примеч. 29 к гл. II.

О мифологии в Месопотамии см. дискуссию: *Kramer S. N.* (ed.). *Mythology of Sumer and Akkad.* — *Mythologies of the Ancient World*. Garden City, N. Y. 1961.

⁴ О новогоднем ритуале см.: *Thureau-Dangin F.* Rituels accadiens. P., 1921, с. 127 и сл.; английский пер. см. ANET², с. 331 и сл. Этот важный текст до сих пор не исследован должным образом. См. также: *Berger P.-R.* Das Neujahrsfest nach den Königsinschriften des ausgehenden babylonischen Reiches. — *Actes de la XVIIe Rencontre Assyriologique Internationale*. Ed. A. Finet. Ham-sur-Heure, 1970, с. 155—159.

⁵ По поводу этих текстов см.: *Thureau-Dangin F.* Rituels accadiens, с. 11 и сл.; ANET², с. 336 и сл.

⁶ () птицах см. CT 40 49; CT 415; STT 341; KAR 125. См. также: *Lambert W. G.* — *AnSt*. 20, 1970, с. 111—117. Связь между некоторыми божествами месопотамского пантеона и животными пока еще не исследована. Некоторые животные, реальные или мифические, сопровождают божество, другие так или иначе его представляют.

⁷ По поводу текста CT 24 50 см.: *Jeremias A.* Handbuch der altorientalischen Geisteskultur. Lpz., 1913.

⁸ См.: *Spycket Agnès*. Les statues de culte dans les textes mésopotamiens dès origines à la 1re dynastie de Babylone (=Cahiers de la Revue Biblique. 9). P., 1968.

⁹ *Clerq C.* Les théories relatives au culte des images chez les auteurs grecs du 2e siècle avant J.-C. P., 1915; *Geffcken J.* Der Bilderstreit des heidnischen Altertums. — Archiv für Religionswissenschaft. 19, 1919, с. 286—315; *Eising H.* Die Weisheitslehrer und die Götterbilder. — Biblica. 40, 1959, с. 393—408.

¹⁰ См. примеч. 10 к гл. III. Отметим также очевидную *fraus pia* (благочестивую ложь), к которой прибегли в тексте BBSt. 36, где сообщается (кол. iii, 20 и сл.), что глиняный диск с характерными чертами и атрибутами бога Шамаша был «найден» на западном берегу Евфрата — как раз в то время, когда царь согласился на восстановление забытого культа этого бога.

¹¹ См.: *Blackman A. M.* The Rite of Opening the Mouth in Ancient Egypt and Babylonia. — Journal of Archaeology. 10, 1924, с. 47—59; *Smith S.* The Babylonian Ritual for the Consecration and Induction of a Divine Statue. — JRAS. 1925, с. 37—60; *Otto E.* Das ägyptische Mundöffnungsritual. Wiesbaden, 1960.

¹² О весовых стандартах, находившихся в ведении царя и храмов, см.: *Edzard D. O.* Die «zweite Zwischenzeit» Babylonien. Wiesbaden, 1957, с. 81, примеч. 398; ср. «волоса с головы его весили двести сиклей по весу царскому» (2-я Кн. Царств. XIV, 26).

¹³ См.: Les sacrifices quotidiens du temple d'Anu. — *Thureau-Dangin F.* Rituels accadiens, с. 74—86.

¹⁴ См.: *Vaux R. de.* Ancient Israel, Its Life and Institutions. N. Y., Toronto and London, 1961, с. 469. Очевидно, что этот институт возник в послепленный период. См. также: *Herrmann W.* Götterspeise und Göttertrank in Ugarit und Israel. — ZATW. 72, 1960, с. 205—216; *Notscher F.* Sakrale Mahlzeiten vor Qumran. — Lex Tua Veritas (Festschrift für Hubert Junker). Ed. H. Gross, F. Meissner. Trier, 1961, с. 145—174.

¹⁵ Это текст GCCI I 405, но см. также ABL 187 rev. 4, где Ашшурбанпал назван наследником престола.

¹⁶ См. *passim*: *Rost P.* Die Keilschrifttexte Tiglath-Pileasers III. Lpz., 1893.

¹⁷ О пребенде в старовавилонский период см.: *Cocquerillat Denise.* Les prébendes patrimoniales dans les temples à l'époque de la 1re dynastie de Babylone. — Revue Internationale des Droits de l'Antiquité. Third Series. 2, 1955, с. 39—106.

¹⁸ Сходная практика существовала и в Египте. См.: *Kees H.* Ägypten (Kulturgeschichte des alten Orients. 1. Abschnitt). München, 1933, с. 248 (о распределении пожертвований в храме Собка в Эль-Лахуне).

¹⁹ См., например: *Vincent A.* Les rites du balancement (Tenouphah) et du prélèvement (Teroumah) dans le Sacrifice de Communion de l'Ancien Testament. — Mélanges Dussaud. Vol. 1, с. 267—272.

²⁰ Свидетельства, относящиеся к западной практике жертвоприношений, в клинописных текстах из Алаха см.: *Wiseman D. J.* The Alalakh Tablets. L., 1953, 126 15 («пламя поглотит ягнят и птиц») и 19.

²¹ Упоминания, собранные с CAD под *damu*, ясно показывают, что кровь не играла особой роли в месопотамских культах и даже в магии. В Ветхом завете многократно упоминается ритуальное использование крови (окропление и помазание кровью как средство очищения). Хорошо известно, что на мифологическом уровне кровь имеет очень важное значение.

²² Свидетельство о том, что предсказатель помещался за занавесом, см.: ZA. 51, 1955, 170 : 25. В письме новоассирийского периода (ABL. 1094 : 9) упоминается о том, что занавес задерживался, когда с изображения божества снимали драгоценные украшения.

²³ См.: *Thureau-Dangin F.* Rituels accadiens, с. 89 и сл.

²⁴ См.: *Kantorowicz E.* Oriens Augusti — lever du roi. — Dumbarton Oaks Papers. 17, 1963, с. 119—177, особенно с. 162 и сл.; *Hermann A.* Zu den altorientalischen Grundlagen des byzantinischen Zeremoniell. — Jahrbuch für Antike und Christentum. 7, 1964, с. 117 и сл.

²⁵ Соответствующий текст опубликован: *Pinches T. G.* The Chariot of the Sun at Sippar in Babylonia. — Journal of the Transactions of the Victoria Institute. 60, 1928, с. 132—133.

²⁶ Превосходный, но далеко не полный обзор этих имен см.: *Stamm J. J.* Die akkadische Namengebung. Lpz., 1939. Специальные исследования о наборе имен,

бытовавшем в определенный период, см.: *Biggs R. D. Semitic Names in the Fara Period.* — *Orientalia*. N. s. 36, 1967, с. 55—66; *Limet H. L'anthroponymie sumérienne dans les documents de la 3e dynastie d'Ur*. P., 1968; *Saporetti C. Onomastica medio-assira*. Vols. 1—2. Rome, 1970. Анализ имен определенного типа и происхождения см.: *Oppenheim A. Leo. Die akkadischen Personenamen der Kassitenzeit.* — *Anthropos*. 31, 1936, с. 470—488.

²⁷ Книга Талквиста (*Tallqvist K. Akkadische Götterepitheta*. Helsinki, 1938) знакомит нас с обилием формальных эпитетов, использовавшихся в религиозной литературе. Однако эта книга — скорее сборник материалов, чем шаг к их пониманию.

²⁸ Оанн научил людей искусству письма и рисования, а также разным ремеслам; он научил их селиться в городах и строить храмы. См.: *Schnabel P. Berossos und die babylonisch-hellenistische Literatur*. Lpz., 1923, с. 253. Этимологию имени «Оанн» см.: *Lambert W. G.* — *JCS*. 16, 1962, с. 74; *Hallo W. W.* — *JAOS*. 83, 1963, с. 176, примеч. 79.

²⁹ В текстах II тысячелетия, происходящих из отдаленных областей, Шамаш и Адад встречаются вместе. На стеле RA 7 153 ii 9 и сл. есть упоминание о жертве, принесенной этим двум богам царем Эшшунны (?) в Аррафе. Оба бога упоминаются в формулах проклятия царя Аннубанини и еще одного царя — Луллуба. См.: *Sollberger E., Kupper J.-R. Inscriptions royales sumériennes et akkadiennes*. P., 1971, с. 168, III G1 и III G2. О древнеавилонском происхождении текстов *tamītu*, где Шамаш и Адад фигурируют как оракулы, см.: *Lambert W. G.* — *Bibliotheca Orientalis*. 23, 1966, с. 164.

³⁰ Об этом материале ср. переводы, приводимые в книгах: *Witzel M. Tammuzliturgien und Verwandtes*. Rome, 1935; *Frank C. Kultlieder aus dem Ischtar-Tamuz Kreis*. Lpz., 1939; недавнюю попытку свести эти данные воедино см.: *Jacobson T. Toward the Image of Tammuz.* — *History of Religion*. 1, 1961, с. 189—213; *Gurney O. R. Tammuz Reconsidered: Some Recent Developments.* — *JSS*. 7, 1962, с. 147—160.

³¹ Перечень этих символов (без определения их культовых и религиозных функций) см.: *Frank C. Bilder und Symbole babylonisch-assyrischer Götter*. Lpz., 1906; *Douglas Van Buren Elizabeth. Symbols of the Gods in Mesopotamian Art*. Rome, 1945; *Seidl Ursula. Die babylonischen Kudurru-Reliefs.* — *Baghdader Mitteilungen*. 4, 1968, с. 7—220.

³² См. также: *Soden W. von. Die Schutzgenien Lamassu und Schedu in der babylonisch-assyrischen Literatur.* — *Baghdader Mitteilungen*. 3, 1964, с. 148—156.

³³ См.: *Cohen M. Genou, famille, force dans le domaine chamito-sémitique.* — *Mémorial Henri Basset*. P., 1928, с. 203.

³⁴ О *šimtu* ср.: *Furlani G. Sul concetto del destino nella religione babilonese e assira.* — *Aegyptus*. 9, 1928, с. 205—239.

³⁵ Основной материал по этому вопросу см.: *Zimmern H. Šimat, Šīma, Tyche, Manū.* — *Islamica*. 2, 1926—1927, с. 574—584; *Langdon S. The Semitic Goddess of Fate, Fortuna, Tyche.* — *JRAS*. 1930, с. 21—29; *Baudissin W. W. Alttestamentliches hajjim in der Bedeutung von Glück.* — *Festschrift Sachau*, с. 143—161. О хеттских и иранских материалах см.: *Friedrich J.* — *ZA*. 37, 1927, с. 189—190; *Herzfeld E. Zo-roaster and His World*. Vol. 1. Princeton, 1947, с. 177.

³⁶ Это поэтическое произведение, названное по его первой строчке, *Lugal.e u4 me.lám.bi nir.gál*, существует в ранней шумерской и в более поздней двуязычной версии.

³⁷ *Cumont F. La double fortune des sémites.* — *Etudes Syriennes*. P., 1917, с. 263—276; *Gagé J. La théologie de la victoire impériale.* — *Revue Historique*. 171—172, 1933, с. 1—43.

³⁸ Превосходный обзор см. в сборнике статей: *La divination en Mésopotamie ancienne et dans les régions voisines.* — XIVe Rencontre Assyriologique Internationale. P., 1966; внимания заслуживает в первую очередь: *Falkenstein A. «Wahrsagung» in der sumerischen Überlieferung* (с. 45—68). См. также: *Nougayrol J. La divination*. Ed. A. Caquot, M. Leibovici. Vol. 1. P., 1968, с. 25—81.

³⁹ Эламский перевод текста астрологического предсказания см.: *Scheil V. Déchiffrement d'un document anzanite relatif aux présages.* — *RA*. 13, 1917, с. 29—59; о хеттских предсказаниях см.: *Goetze A. Kleinasien*², с. 148—151; *Riemschneider K. K. Babylonische Geburtsomina in hethitischer Übersetzung* (=Studien zu den

Boğazköy-Texten. Heft 9). Wiesbaden, 1970; *он же*. Die akkadischen und hethitischen Omentexte aus Boğazköy (в рукописи).

⁴⁰ О связанных с этим проблемах см.: *Boissier A.* Mantique babylonienne et Mantique hittite. P., 1935; *Nougayrol J.* Les rapports des haruspices étrusque et assyro-babylonienne, et le foie d'argile de *Falerii veteres*. — CRAIB. 1955, с. 509—517.

⁴¹ См. последнее по времени исследование этой категории текстов: *Biggs R. D.* A propos des textes de libanomancie. — RA. 63, 1969, с. 73—74.

⁴² См. CAD под *isqu*.

⁴³ См.: *Nougayrol J.* — OLZ. 51, 1956, с. 41 (со ссылкой на LKA 137 и 138).

⁴⁴ Об этом обычае см.: *Goetze A.* Kleinasien², с. 150.

⁴⁵ Предсказаниями такого рода занимались старухи; толкование снов в Месопотамии тоже было первоначально чисто женским делом. См.: *Oppenheim A. Leo.* The Interpretation of Dreams in the Ancient Near East. Philadelphia, 1956, с. 221 и сл.

⁴⁶ В дополнение к ассирийским «наблюдателям птиц», настолько важным лицам при дворе, что они должны были приносить клятву на верность царю вместе с другими предсказателями и секретарями (ABL 33), один текст (ADD. 851) называет их в числе предсказателей, доставленных в качестве пленников в Ниневию из Египта.

⁴⁷ См. EA 35.

⁴⁸ Подтверждение этому в старовавилонском тексте сохранилось, по-видимому, в BE 6/1 118, где сообщается, что *tupšarru* дал предсказателю шесть птиц. О тексте из Алалаха см.: *Wiseman D. J.* The Alalakh Tablets. № 355; хеттский LU. MUSEN. DÜ был связан, вероятно, с похожей практикой предсказаний; его функции можно сравнить с ролью древнеримского пуллара (предсказателя, наблюдавшего за поведением священных цыплят), который сопровождал войско — примерно так же, как *bārū* в Месопотамии (ARM 2 22 23—26, AKA 551 iii 20, KAR 428 г. 3 и т. д.).

⁴⁹ См. отрывки, цитируемые в статье: *Reiner Erica.* Fortune-Telling in Mesopotamia. — JNES. 19, 1960, с. 28 и сл.

⁵⁰ См.: *Nougayrol J.* Divination et vie quotidienne au début du deuxième millénaire av. J.-C. — Acta Orientalia Neerlandica. Proceedings of the Congress of the Dutch Oriental Society Held in Leiden on the Occasion of Its 50th Anniversary, 8th—9th May 1970. Ed. P. W. Pestman. Leiden, 1971, с. 28—36.

⁵¹ Такая формулировка, как «правая половина относится ко мне, левая половина — к врагу» (CT 20 44 59) — *pars familiaris* в противоположность *pars hostilis*, — встречается в месопотамских гаданиях очень редко. В этой связи см. также сложный текст об астрологических и других предсказаниях, рассмотренный Виролло (*Virolleaud C.* — *Babyloniaca*. 4, 1910, с. 109—113) и вторично изданный с моими комментариями: *A Babylonian Diviner's Manual*. — JNES. 33, 1974, с. 197—220.

⁵² Пять старовавилонских табличек (YOS 10 57, 58 и 62, а также CT 3 2 и сл., 5 4 и сл.) повторяют один и тот же текст с некоторыми различиями. О текстах из Богазкёй см. KUB 34 5 и KUB 37 198. О гадании на масле в тексте из Ашшура см. KAR 151 г. 31 и сл. Эти последние изданы Петтинато (*Pettinato G.* Die Ölwahrsagung bei den Babyloniern. Vol. 2. Rome, 1966), который использовал также неизвестную ранее старовавилонскую табличку (IM. 2967).

⁵³ Это тексты PBS 1/2 № 99 и UCP 9 367—377.

⁵⁴ См., например: *Nougayrol J.* — RA. 38, 1941, с. 87. О несколько ином способе установлении связи с божеством мы узнаем из текста, BBR. № 98—99: 7—9, в котором говорится, что предсказатель шептал сообщение в уши жертвенному животному перед тем, как его убивали.

⁵⁵ Об использовании таких моделей см. предположение, высказанное А. Лео Оппенгеймом (JNES. 13, 1954, с. 143 и сл.); об условиях, в которых должен был действовать предсказатель в Мари, см.: *Finet A.* La place du devin dans la société de Mari. — La divination en Mésopotamie ancienne, с. 87—93.

⁵⁶ См.: *Landsberger B., Tadmor H.* Fragments of Clay Liver Models from Hazor. — IEJ. 14, 1964, с. 201—218. О моделях печени, найденных на Западе, см.: *Gadd C. J.* Ideals of Divine Rule in the Ancient East. L., 1948, с. 92. Модели печени и легких дошли до нас также из Угарита (с угаритскими надписями) — см.: *Virolleaud C.* — CRAIB. 1962, с. 93; *Schaeffer C. F.-A.* — AfO. 20, 1963, с. 215 (ил. 34)

и 210 (ил. 29); *Dietrich M., Loretz O.* Beschriftete Lungen- und Lebermodelle aus Ugarit. — *Ugaritica*. Vol. 6, P., 1969, с. 165—179. Литературу о таких моделях (в том числе из Алаха и Мегиддо) см.: *Nougayrol J.* — *La divination en Mésopotamie ancienne*, с. 8. Древневавилонские модели легких опубликованы, например, в YOS 10 4 и 5, модели кишечника — YOS 10 65; см. также: *Goetze A.* — *JCS*. 11, 1957, с. 97 и сл. О рисунках внутренностей на табличках с предсказаниями см.: *Nougayrol J.* — *RA*. 68, 1974, с. 61 и сл.

⁵⁷ Гепатоскопия в Мэри практиковалась совершенно по-другому, чем в собственнo Вавилонии. Это подтверждают три «доклада» из Мэри об эктиспии, опубликованные Нугеролем: *Nougayrol J. Rapports paléo-babyloniens d'haruspices.* — *JCS*. 21, 1969, с. 219—235, особенно с. 226—232 (тексты L, M и N); см. также письма: ARM 4 54 и 5 65. Следует подчеркнуть два существенных момента, которые прояснились благодаря этому материалу (подобные свидетельства будут, безусловно, умножены в дальнейшем): во-первых, между местными предсказателями и их собратьями из Вавилонии существовал антагонизм (текст M); во-вторых, вопрос предсказателю формулировался только в расчете на ответ «да — нет» (текст N, стк. г. 6'—11'), что говорит об отсутствии специальных формулировок, включающих условие и следствие. Я склонен предположить, что в Мэри гепатоскопия находилась, если можно так сказать, на уровне фольклора, тогда как в Вавилонии предсказание уже приобрело научный характер: там мы имеем дело с четкими, конкретными выводами, основанными на определенных исходных данных. В Мэри к гепатоскопии, по-видимому, прибегали только с целью получить одобрение или запрет со стороны божества. Это подтверждает письмо, опубликованное в «*Compte-rendu de la Seconde Rencontre Assyriologique Internationale*» (P., 1951, с. 66 и сл.), анализ которого содержится в моей статье «*Divination and Celestial Observation in the Last Assyrian Empire*» (*Centaurus*. 14, 1969, с. 132, примеч. 47). Вполне возможно, что у хеттов прорицание тоже носило «фольклорный» характер, прежде чем одержал верх научный подход, привнесенный туда из Вавилонии. В пользу этой теории говорит факт существования хеттской терминологии для обозначения различных внутренностей и их особенностей (см.: *Laroche E.* *Sur le vocabulaire de l'haruspicine.* — *RA*. 64, 1970, с. 127—139).

⁵⁸ См.: YOS 1 45; *Böhl F. M. T.* *Die Tochter des Königs Nabonid.* — *Symbolae Koschaker.* Weimar, 1939, с. 151—178. По этому поводу см.: *Lods A.* *Le rôle des oracles dans la nomination des rois, des prêtres chez les Israélites, les Egyptiens et les Grecs.* — *Mélanges Maspéro.* 1, с. 91—100.

⁵⁹ См.: *Knudtson J. A.* *Assyrische Gebete an den Sonnengott für Staat und königliches Haus.* 2 vols. Lpz., 1893; *Klauber E. G.* *Politisch-religiöse Texte aus der Sargonidenzeit.* Lpz., 1913; *Aro J.* *Remarks on the Practice of Extispicy in the Time of Esarhaddon and Assurbanipal.* — *La divination en Mésopotamie ancienne*, с. 109—117. В похожей ситуации возникли тексты *tamitu*, более древние, но менее известные, так как этих текстов сохранилось очень мало; см.: *Lambert W. G.* *The tamitu Texts.* Там же, с. 119—123.

⁶⁰ Попытку анатомической идентификации этих названий см.: *Hussey, Mary I.* *Anatomical Nomenclature in an Akkadian Omen Text.* — *JCS*. 2, 1948, с. 21—32; *Goetze A.* — YOS 10, табл. 126; *Moran W. L.* *Some Akkadian Names of the Stomachs of Ruminants.* — *JCS*. 24, 1969, 178—182; *Biggs R. D.* *Qutnu, mašraḫu and Related Terms in Babylonian Extispicy.* — *RA*. 63, 1969, с. 159—167.

⁶¹ *Nougayrol J.* *Le foie d'orientation*, BM 50494. — *RA*. 62, 1968, с. 31—50.

⁶² Об исторических предзнаменованиях см. примеч. 16 к гл. III.

⁶³ Об одном специфическом типе эктиспии см.: *Nougayrol J.* *Présages médicaux de l'haruspicine babylonienne.* — *Semitica*. 6, 1956, с. 5—14. Следует также отметить необычное сочетание эктиспии и толкования снов в двух текстах средневавилонского периода — см. соответственно: *Lutz H. F.* — *JAOS*. 38, 1918, с. 77—96 и *Scheil V.* — *RA* 14, 1917, с. 146, 149 и сл. Похожий случай, когда небесные предзнаменования являются во сне (YOS I 39 и RT 19 101 и сл.), рассмотрен в моей работе (см.: *Oppenheim A. Leo.* *The Interpretation of Dreams in the Ancient Near East.* Philadelphia, 1956. 205)

⁶⁴ Полное новейшее издание всех имеющихся фрагментов этой большой и довольно хорошо сохранившейся серии см.: *Leichty E. V.* *The Omen Series šumma izbu* (=Texts from Cuneiform Sources. 4). Locust Valley, N. Y., 1970. См. также: *Riemschneider K. K.* *Babylonische Geburtsomina in hethitischer Übersetzung.*

- ⁶⁵ См.: *Reiner Erica*. — JNES. 19, 1960, с. 28.
- ⁶⁶ См.: *Thureau-Dangin F.* *Rituels accadiens*, с. 34 : 16; 36 г. 3 и сл.; 38 г. 14 и сл.; 145 : 451 и сл.; также отметим тексты в СТ 40 35—40.
- ⁶⁷ См.: *Meissner B.* *Omina zur Erkenntnis der Eingeweide des Opfertieres*. — AfO. 9, 1933, с. 118—122. Старовавилонские тексты подобного типа см. YOS 10 47—49.
- ⁶⁸ См.: *Reiner Erica*. — JNES. 19, 1960, с. 25 и сл.
- ⁶⁹ Можно сослаться только на устаревшее и неполное издание этой серии; см.: *Nötscher F.* — *Orientalia*. 31, с. 39—42, 51—54. См. также: *Weisberg D. B.* *An Old Babylonian Forerunner to šumma ālu*. — HUCA. 40—41, 1969—1970, с. 83—104.
- ⁷⁰ См.: *Oppenheim A. Leo*. — AfO. 18, 1957—1958, с. 77, addendum.
- ⁷¹ См.: *Oppenheim A. Leo*. *The Interpretation of Dreams in the Ancient Near East*. Philadelphia, 1956, с. 195; *Gordon E. I.* — *BiOr*. 17, 1960, с. 129, примеч. 57. По поводу недавно опубликованного тома писем Мэри (ARM. 10, Paris, 1967) см.: *Moran W. L.* *New Evidence from Mari on the History of Prophecy*. — *Biblica*. 50, 1969, с. 15—56, и упоминаемую в этой статье литературу (с. 15 и 56).
- ⁷² Об этой книге толкований сновидений см. выше, примеч. 71.
- ⁷³ См.: *Kraus F. R.* *Texte zur babylonischen Physiognomik*. В., 1939; *он же*. *Weitere Texte zur babylonischen Physiognomik*. — *Orientalia*. N. s. 16, 1947, с. 172—206. Текст из Богазкёйя (аккадский и хеттский) см.: *Weidner E. F.* — AfO. 15. 1945—1951, с. 102.
- ⁷⁴ См.: *Labat R.* *Traité akkadien de diagnostics et pronostics médicaux*. P., 1951; *Kinnier Wilson J. V.* *Two Medical Texts from Nimrud*. — Iraq. 18, 1956, с. 130—146; *он же*. *The Nimrud Catalogue of Medical and Physiognomical Omina*. — Iraq. 24, 1962, с. 52—62.
- ⁷⁵ См.: *Labat R.* *Traité akkadien*, с. xlix; *он же*. *Une nouvelle tablette de pronostics médicaux*. — Syria. 33, 1956, с. 119—130. Подобный старовавилонский текст см. TLB 2 21.
- ⁷⁶ См. PBS 2/2 104. О редких типах предзнаменований см.: *Weidner E. F.* *Ein Losbuch in Keilschrift aus der Seleukidenzeit*. — Syria. 33, 1956, с. 175—183; *Nougayrol J.* *Aleuromancie babylonienne*. — *Orientalia*. N. s. 32, 1963, с. 381—386.
- ⁷⁷ Новейшее издание см.: *Lambert W. G.* *Babylonian Wisdom Literature*. Oxford, 1960, с. 110—115 и табл. 31—32. Для датировки документа существенно то, что его начало появляется в каталоге предзнаменований серии *šumma ālu* (см. выше, примеч. 69); KAR 407, правая колонка, строка 21 фигурирует в качестве первой строки одной из табличек (53) этой серии. См. также СТ 40 9 Sm 772:16. Критический анализ содержания см.: *Diakonoff I. M.* *A Babylonian Political Pamphlet from about 700 B. C.* — *Studies in Honour of Benno Landsberger on His 75th Birthday* (=AS. 16, 1965), с. 343—350.
- ⁷⁸ См.: *Kraus F. R.* *Ein Sittenkanon in Omenform*. — ZA. 43, 1936, с. 77—113, и сходные тексты СТ 51 147 и STT 324.
- ⁷⁹ Старовавилонский текст см.: ZA. 43, 1936, с. 309—310; текст из Мэри: *Dossin G.* — Syria. 22, 1939, с. 101; *он же*. *Compte-rendu de la Seconde Rencontre Assyriologique Internationale*. P., 1951, с. 46—48; текст из Катны: *Virolleaud C.* — *Antiquity*. 3, 1929, с. 312—317; текст из Сузы: *Scheil V* *Un fragment susien du livre Enuma Anu (ilu) Ellil*. RA. 14, 1917, с. 139—142 (=MDP 18 258); аккадский материал из Богазкёйя: *Laroche E.* — RHA. 62, 1958, с. 24. См. также: *Weidner E. F.* — AfO. 14, 1941—1944, с. 173—174. Хеттский перевод начала серии, сохранившегося в KUB 34 12 (согласно сообщению Гютербока), показывает, что необычное шумерское предисловие к тексту (сохранившееся в библиотеке Ашшурбанапала вместе с добавленным аккадским переводом) восходит к старовавилонскому оригиналу. Однако трудно допустить, что начало каталога, опубликованного Крамером и Халло (*Kramer S. N.* — RA. 55, 1961, 172 : 49 и сл.; *Hallo W. W.* — JAOS. 83, 1963, с. 176) — u₄.an.né: i-nu AN ú⁴EN. LÍL, — относится к астрологической серии.
- ⁸⁰ См. примеч. 23 к гл. VI.
- ⁸¹ В тексте, опубликованном Лейчманом (*Lacheman E. R.* *An Omen Text from Nuzi*. — RA. 34, 1937, с. 1—8), говорится о землетрясениях, так же как и в табличках из Богазкёйя (KUB 37 163 и 164). Средневавилонский текст с метеорологическими предзнаменованиями см.: PBS 2/2 123. Обе темы включены в астрологические серии из библиотеки Ашшурбанапала (см. ниже, примеч. 82).
- ⁸² См.: *Weidner E. F.* *Die astrologische Serie Enûma Anu Enlil*. AfO. 14, 1941—1944, с. 172—195, 308—318; AfO. 17, 1954—1956, с. 71—89; AfO. 22, 1968—

1969, с. 65—75. Обзор астрологического материала у хеттов см.: *Laroche E.* — RHA. 59, 1956, с. 94—96.

⁸³ О гороскопах в Вавилонии см.: *Sachs A. J.* Babylonian Horoscopes. — JCS. 6, 1952, с. 49—75. Примитивный тип предсказания основывался на дате рождения ребенка. Имеются соответствующие тексты из Богазкёйя на хеттском (*Laroche E.* — RHA. 62, 1958, с. 28) и на аккадском языках (там же). О традиционных текстах см.: *Meissner B.* Über Genethliologie bei den Babyloniern. — Klio. 19, 1925, с. 432—434 (со ссылкой на *Virolleaud C.* — *Babyloniaca*. I, 1906, с. 187, 192 и сл., и TCL 6 14). О продолжении традиции ср. замечание Страбона: «Но некоторые из них (местных философов. — *Примеч. пер.*), которых другие не признают, не считают себя предсказателями по звездам» (*Strabo* 16, I 6, цит. по: *Cramer F. H.* Astrology in Roman Law and Politics. Philadelphia, 1954, с. 5, примеч. 20).

⁸⁴ См.: *Caplice R. I.* The Akkadian *namburbi* Texts: An Introduction. Los Angeles, 1974.

⁸⁵ См.: *Gurney O.* The Cuthean Legend of Naram-Sin. — AnSt. 5, 1955, с. 103:80 и сл.

⁸⁶ Д-р О. Шёберг сообщил мне, что хорошо известное шумерское сочинение, названное «Проклятие Аккаду», говорит о том же: о презрении Нарам-Суэна к предсказаниям и об ужасных последствиях этого презрения для его столицы Аккада. О родственной проблеме см.: *Soden W. von.* Religiöse Unsicherheit, Säkularisierungstendenzen und Aberglaube zur Zeit der Sargoniden. — *Analecta Biblica*. 12, 1959, с. 356—367.

⁸⁷ См. ABL 46 г. 8 и сл.

⁸⁸ См.: *Tadmor H.* — Eretz Israel. 5, 1958, с. 150—163.

Глава V

Об иероглифических системах письма из Библа см.: *Dunand M.* Biblia gram-mata. Beyrouth, 1945; о редкой системе из Урарту см.: *Goetze A.* Kleinasien². München, 1957, с. 194, примеч. 1. Обо всех других системах соседних цивилизаций ср.: *Gelb I. J.* A Study of Writing². Chicago, 1963, по указателю. О надписях на глине, сделанных загадочными знаками, см.: *Eilers W.* — *Analecta Orientalia*. 12, 1935. О редких примерах искусственно архаизированных надписей см.: *Meissner B.* Ein assyrisches Lehrbuch der Paläographie. — AfO. 4, 1927, с. 71—73; *Landsberger B.* — MSL. 3, с. 10. Родственный текст имеется в до сих пор еще не опубликованном фрагменте из Калаха.

² См.: *Oppenheim A. Leo.* On an Operational Device in Mesopotamian Bureaucracy. — JNES. 18, 1959, с. 121—128. Этот текст происходит из Нузи и относится к началу второй половины II тысячелетия до н. э. К еще более ранним источникам принадлежат сходные приспособления для учета — глиняные жетоны, заключенные в шарообразный глиняный футляр, — которые были найдены в таких местах, как Чога Миш (см.: *Delougaz P. P., Kantor Helene J.* — Fifth International Congress of Iranian Art and Archaeology, с. 27), Сузы (*Amiet P.* Il y a 5000 ans, les Elamites inventaient l'écriture. — *Archaeologia*. 12, September—October 1966, с. 20 и сл.; *он же.* Elam. Auvers-sur-Oise, 1966, с. 66, 70) и Варка (XXI. Vorläufiger Bericht. Uruk-Warka. B., 1965, с. 31 и сл.). Эти находки обычно связываются с глиняными табличками, на которых записаны только цифры; см.: *Delougaz P. P., Kantor Helene J.* Chogha Mish (=OIC. 23). Chicago, 1976, ch. 5. Следует отметить, что текст из Нузи, возможно, не настолько уникален, как я предполагал в момент его публикации, — М. Сивил сообщил мне, что ему известны упоминания о похожей практике в шумерских текстах. См. также: *Eissfeld O.* Der Beutel des Lebendigen. B., 1960. Отметим, что описание коммерческой деятельности в Тире у Иезекииля, гл. XXVII, по-видимому, не упоминает записывания расчетов, называя ряд технических терминов.

³ См.: *Oppenheim A. Leo.* Mesopotamian Mythology II. — *Orientalia*. N. s. 17, 1948, с. 44.

⁴ См.: *Koep Leo.* Das himmlische Buch in Antike und Christentum. Bonn, 1952.

⁵ О шумерских судебниках см.: *Steele F. R.* The Code of Lipit-Ishtar. — AJA. 52, 1948, с. 425—450; *Finkelstein J. J.* The Laws of Ur-Nammu. — JCS. 22, 1968—1969, с. 66—82; *Civil M.* New Sumerian Law Fragments. — *Studies in Honour of*

Benno Landsberger on His 75th Birthday (=AS. 16, 1965), с. 1—12; *Gurney O. R., Kramer S. N.* Two Fragments of Sumerian Laws. — Там же, с. 13—19.

⁶ Кроме кодекса Хаммурапи (см. примеч. 28 к гл. III) см.: *Goetze A.* The Laws of Eshnunna. New Haven, 1956; *Yaron R.* The Laws of Eshnunna. Jerusalem, 1969. О среднеассирийском периоде см.: *Driver G. R., Weidner E. F.* Das Alter der mittlassyrischen Gesetztexte (mit 4 Tafeln). — AFO. 12, 1937, с. 46—54 (обе последние работы есть во французском переводе — см.: *Cardascia G.* Les lois assyriennes. P., 1969). О нововавилонской кодификации законов см.: *Driver G. R., Miles J. C.* The Babylonian Laws. Oxford, 1955, с. 324—347; *Szlechter E.* Les lois néo-babyloniennes. — Revue Internationale des Droits de l'Antiquité. 3e série. Vol. 18, 1971, с. 43—107; vol. 19, 1972, с. 43—126; *Petshow H.* Das neubabylonische Gesetzesfragment. — Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Röm. Abt. 76, 1959, с. 37—96. То, что Драйвер и Майлс в своей книге называют законами (см.: *The Assyrian Laws*, с. 1—3, 376—379), на деле суть правила, определяющие функции и обязанности царского чиновника в каруме Каниша; см.: *Larsen M. T.* The Old Assyrian City-State and Its Colonies. Copenhagen, 1976, с. 283 и сл.

⁷ См.: *Friedrich J.* Die hethitischen Gesetze. Leiden, 1959, и добавочные материалы в: AFO. 21, 1966, с. 1—12. Новый английский перевод см.: *Goetze A.* ANET², с. 188—196.

⁸ О египетских сборниках законов см.: *Helck H. W.* Zur Verwaltung des mittleren und neuen Reiches. Leiden, Köln, 1958, с. 30; *Edgerton W. E.* — JNES. 6, 1947, с. 154, примеч. 5.

⁹ Ср.: *Junker H.* Die Götterlehre von Memphis. B., 1940; *Ericksen W., Scott S.* Fragment of memphitische Theologie in demotischer Schrift. Wiesbaden, 1954.

¹⁰ Относительно «Книг войн Яхве» см.: Числа XXI, 14.

¹¹ В разряд погребальных надписей включается группа небольших конусообразных предметов, призывающих благословить того, кто приведет в порядок могильный памятник; см.: *Szlechter E.* Inscription funéraire babylonienne conservée au Musée Fitzwilliam à Cambridge. — CRAIB. 1965, с. 429—440. Из погребений в Сузах происходят немногочисленные глиняные таблички с записью коротких аккадских молитв, произносимых от имени усопшего. Эти материалы опубликованы Эбелингом; см.: *Ebeling E.* Tod und Leben. Vol. I. B., Lpz., 1931, с. 19—22.

¹² Ср.: *Gadd C. J.* — AnSt. 8, 1958, с. 46—57.

¹³ См.: *Edwards I. E. S.* Oracular Amuletic Decrees in the Late New Kingdom. L., 1960.

¹⁴ О текстах проклятий см.: *Posener G.* Princes et pays d'Asie et de Nubie. Brussels, 1940.

¹⁵ См.: *Zimmern H.* — BBR. 25 iii 5.

¹⁶ Об алфавите подобного типа см. примеч. 33 к гл. I.

¹⁷ См.: *Diakonoff I. M.* The Origin of the Old Persian Writing System and the Ancient Epigraphic and Annalistic Traditions. — W. B. Henning Memorial Volume. L., 1968, с. 98—124. Об эламской системе клинописного письма см.: *Cameron G. G.* Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948, ch. IX.

¹⁸ Лишь в редких случаях наблюдается использование фонетических указателей в комбинации со значком PI (читаемым как *wa-, wi-, wu-*), условное разделение начальных групп, которые трудно воспроизвести в существующей системе письма, и весьма ограниченное использование удвоения для различения звонких и глухих согласных.

¹⁹ О библиотечных ярлыках см.: *Craig J. A.* — AAT, табл. 1; KAV 130. О таких же ярлыках из Богазкёйя см.: *Güterbock H. G.* — MDOG. 72. 1933. с. 38. Отметим также MRS 9, с. 2, примеч. 3. О колофонах см. их первое систематизированное издание: *Hunger H.* Babylonische und assyrische Kolophone (= AOAT 2). Neukirchen-Vluyn. 1968; добавочные материалы см.: *Borger R.* — WO. 5. 1970, с. 165—171.

²⁰ Ср. ссылку на Ф. Р. Крауса в статье Э. Лароша (*Laroche E.* — ArOr. 17/2, 1949, с. 14, примеч. 2). Более поздние публикации каталогов см.: *Lambert W. G.* — JCS. 11, 1957, с. 11 и сл.; *ou же.* A Catalogue of Texts and Authors. — JCS. 16, 1962, с. 59—77; о шумерских текстах подобного типа см.: *Kramer S. N.* New Literary Catalogue from Ur. — RA. 55, 1961, с. 169—176; *Bernhardt I., Kramer S. N.* Götterhymnen und Kult-Gesänge der Sumerer auf zwei Keilschrift-Katalogen in der Hilprecht Sammlung. — WZJ. 6, 1956—1957, с. 389—395. См. также: *Hallo W.* — JAOS.

83, 1963, с. 167—187. КATALOGИ из БОГАЗКЕЙЯ см.: *Laroche E.* — *ArOr.* 17/2, 1949, с. 14—23. КATALOGИ, в которых содержатся начала «серий», здесь не упоминаются.

²¹ Об арамейских приписках см. каталог Ваттиони (*Vattioni F.* — *Augustinianum.* 10, 1970. с. 493—532). Дополнительные материалы см.: *Millard A.* Some Aramaic Epigraphs. — *Iraq.* 34, 1967, с. 134—137 (в основном надписи из Нимруда); *Jakob-Rost Liane, Freydanck H.* Spätbabylonische Rechtsurkunden aus Babylon mit aramäischen Beischriften. — *Forschungen und Berichte.* 14, 1972, с. 7—35 (вавилонские надписи).

²² О таких штампах см.: *Schroeder O.* Gesetzte assyrische Ziegelstempel. — *ZA.* 34, 1922, с. 157—161.

²³ См. MDP 23, № 242; 24, № 373.

²⁴ См.: *Wiseman D. J.* Assyrian Writing-Boards. — *Iraq.* 17, 1955, с. 3—13.

²⁵ Арамейский клинописный текст на глине (TCL 6 58) см.: *Gordon C. H.* The Aramaic Incantation in Cuneiform. — *AfO.* 12, 1937—1939, с. 105—117; *Landsberger B.* — Там же, с. 247—257. Ссылку на арамейский документ (*kaniku annitu Armītu*) см.: *Saggs H. W. F.* — *Iraq.* 17, 1955, с. 130. № 13 : 3.

²⁶ О шумерских школах см. примеч. 19 к гл. VI.

²⁷ Отрывок в ABL 334 звучит так: «Царь, господин мой, пусть прочтет. таблички, и я помешу в нее (в библиотеку) все, что приятно царю; все, что неприятно царю, я удалю из нее; таблички, о которых я сказал, заслуживают того, чтобы храниться вечно». Ясно, что в отрывке идет речь о библиотеке Ашшурбанашалы. Забота царя о содержимом его библиотеки иллюстрируется в знаменитом письме СТ 22 1, в котором царь велит своим агентам искать таблички определенного рода.

²⁸ Ср.: *Weidner E. F.* Die Bibliothek Tiglatpilesers I. — *AfO.* 16, 1952, с. 197—215. За последнее время не появилось никаких исследований о месопотамских библиотеках. См.: *Milkau F.* Geschichte der Bibliotheken im Alten Orient. Lpz., 1935; *Schawe J.* Der alte Vorderorient. — *Handbuch der Bibliothekswissenschaft.* Ed. F. Milkau, G. Leyh. Vol. 3, 1955, с. 1—50; *Weitemeyer M.* Archive and Library Technique in Ancient Mesopotamia. — *Libri.* 6, 1956, с. 217—238.

²⁹ Они опубликованы в основном в серии MSL. 13 vols. Rome, 1937 — , а также в *AfO.* 18, 1957, с. 81—86, 328—341; *JAOS.* 88, 1968, с. 133—147.

³⁰ Серия опубликована в MSL. 4, 1956, с. 1—44. Специфические лингвистические черты *emesal* — шумерского диалекта — еще не изучены (см.: *Falkenstein A.* Das Sumerische. — *Handbuch der Orientalistik.* Leiden, 1959, с. 18). О египетско-аккадском списке слов см.: *Smith S., Gadd C. J.* A Cuneiform Vocabulary of Egyptian Words. — *JEA.* 11, 1925, с. 230—239, и указание Олбрайта (*Albright W. F.* — *JEA.* 12, 1926, с. 186—190); о касситско-аккадском списке слов см.: *Balkan K.* Kassitenstudien. Die Sprache der Kassiten. — *AOS.* 37, 1954, с. 3—11. Отметим также: *Frank C.* Fremdsprachliche Glossen in assyrischen Listen und Vokabularen. — *MAOG.* 4, 1928—1929, с. 36—45. Здесь мы не упомянули о переводе шумеро-аккадских списков слов на чужие языки.

³¹ Опубликован с переводом и комментарием Б. Ландсбергером (см.: *Landsberger B.* — *MSL.* Vol. 1).

³² Ни перевода, ни подробного исследования этой важной серии пока нет, поскольку сохранились только тексты из Ашшура (см.: *Köcher F.* Keilschrifttexte zur assyrisch-babylonischen Pflanzenkunde. B., 1955) и из библиотеки Ашшурбанашалы. Нововавилонский фрагмент комментария СТ 41 45 (BM 76487) к тексту № 28 (по упомянутому выше изданию Кёхера) представляет собой, по-видимому, единственное доказательство того, что эта серия была известна на юге.

³³ Серии называются соответственно *abnu šikinšu* и *šammu šikinšu* и укладываются в рамки традиции, как показывают их фрагменты из Ашшура, Ниневии и Султантепе.

³⁴ См.: *Soden W. von.* Leistung und Grenze sumerischer und babylonischer Wissenschaft. — *Welt als Geschichte.* 2, 1936, с. 411—464, 509—557; *он же.* Zweisprachigkeit in der geistigen Kultur Babyloniers. — *Österreichische Akademie der Wissenschaften. Sitzungsberichte. Phil.-hist. Klasse.* 235/1. Vienna, 1960; *Labat R.* Le bilinguisme en Mésopotamie ancienne. — *GLECS.* 8, 1957, с. 5—7. Мое несколько видоизмененное толкование назначения этих списков см.: *Man and Nature in Mesopotamian Civilization.* — *Dictionary of Scientific Biography.* Vol. 15. N. Y., 1977.

³⁵ См.: *Luckenbill D. D.* The Annals of Sennacherib. Chicago, 1924, с. 43 и сл.

³⁶ См.: *Oppenheim A. Leo. Mesopotamian Mythology I. — Orientalia. N. s. 16, 1947, с. 228 и сл.*

³⁷ См. BBSt. 6.

³⁸ См.: *Oppenheim A. Leo. A New Prayer to the "Gods of the Night" — Analecta Biblica. 12, 1959, с. 190 и сл.*

³⁹ См.: *Goetze A., Levy S. Fragment of the Gilgamesh Epic from Megiddo. — Atiqot. 2, 1959, с. 121—128.*

⁴⁰ См.: *Nougayrol J. — Ugaritica. Vol. 5. P., 1968, с. 300—304, № 167 (о фрагменте, либо являющемся частью рассказа о Всемирном потопе, либо принадлежащем к его прототипу — согласно версии этого эпоса из Ниневии).*

⁴¹ См.: *Garelli P. (ed.). Gilgamesh et sa légende. — VIIe Rencontre Assyriologique Internationale. P., 1960, с прекрасной библиографией (с. 7—27). Ламберт опубликовал три новых фрагмента из библиотеки Ашшурбанапала (см.: *Lambert W. G. — Там же, с. 53—55*); о новом фрагменте из Ашшура см.: *Frankena R. — Там же, с. 113—122*; о нескольких нововавилонских фрагментах см.: *Wiseman D. J. — Там же, с. 123—135*. О шумерском цикле легенд о Гильгамеше см.: *Kramer S. N. — Там же, с. 59—81*. Тексты из Султантепе были опубликованы — см.: *Gurney O. R. — JCS. 8, 1954, с. 87—95*. См. также: *Millard A. R. Gilgamesh X: a New Fragment. — Iraq. 26, 1964, с. 99—105*; *Wiseman D. J. A Gilgamesh Epic Fragment from Nipur. — Iraq. 37, 1975, с. 157—163*.*

⁴² Об изображениях Гильгамеша и Энкиду на печатях см.: *Amiet P. Le problème de la représentation de Gilgamesh dans l'art. — Gilgamesh et sa légende. Ed. P. Garelli. P., 1960, с. 169—173*; *Offner Graciane. L'épopée de Gilgamesh a-t-elle été fixée dans l'art? — Там же, с. 175—181*.

⁴³ В своем собрании отрывков и анекдотов греческий философ Элиан (ок. 170—235 гг. н. э.) упоминает о некоем Гильгамеше. Но его рассказ сильно отличается от эпоса о Гильгамеше.

⁴⁴ Двенадцатая табличка воспроизводит шумерскую TuM NF 3 № 14 и соответствующие дубликаты.

⁴⁵ На эту тему см.: *Castellino G. Urnammu, Three Religious Texts. — ZA. 52, 1957, с. 1—57*; «Эпос о Гильгамеше» (табл. VII, колонка iv) и, наконец, поздний текст, опубликованный фон Зоденом (*Soden W. von. Die Unterweltsvision eines assyrischen Kronprinzen. — ZA. 43, 1936, с. 1—31*).

⁴⁶ В ранней версии упоминается еще одно преступление против морали — осуществление права первой ночи (о нем говорится в строках 32—33 пенсильванского фрагмента, колонка iv). В версии из Ниневии или в более раннем тексте, на котором она основана, упомянутый мотив уже не фигурирует, — возможно, потому, что он содержал адресованное царю обвинение в превышении власти, а может быть, просто потому, что чужеземный обычай, о котором идет речь, стал к этому времени непонятным.

⁴⁷ Восхваление городской жизни, с одной стороны, любовь к охоте и тесная связь с дикими животными — с другой, отражают ту особую культурную ситуацию, в которой оказались правители амореев до того, как их владычество распространилось на крупные города Месопотамии: их родным домом была пока еще пустыня, и они могли только мечтать о роскоши далеких городов.

⁴⁸ Сначала Гильгамеш не выдержал испытания, когда от него требовалось не спать шесть суток; затем он выкупался в одежде в источнике молодости, вместо того чтобы испить его чудотворной воды, о свойствах которой ему намекали; и, наконец, вместо него растением жизни завладела змея, которая вернула себе молодость.

⁴⁹ Опубликован еще один текст (CT 46 43), который предлагает местный, во многом новый вариант теории происхождения богов; см.: *Lambert W. G., Walcot P. A New Babylonian Theogony and Hesiod. — Kadmos. 4, 1965, с. 64—72*.

⁵⁰ Ср.: *Jacobsen T. The Battle between Marduk and Tiamat. — JAOS. 88, 1968, с. 104—108*.

⁵¹ См.: *Luckenbill D. D. The Annals of Sennacherib. Chicago, 1924, с. 139 и сл.*, хотя этот текст нуждается в новом издании и в лучшем переводе.

⁵² На эту тему см.: *Soden W. von. Gibt es ein Zeugnis dafür, daß die Babylonier an die Wiederaufstehung Marduks geglaubt haben? — ZA. 51, 1955, с. 130—166*; *он же* ZA. 52, 1957, с. 224—234.

⁵³ За последнее время были открыты многочисленные новые текстовые материалы, что дало возможность подготовить новое издание этого памятника. См.: *Lambert W. G., Millard A. R. Atrahasis: The Babylonian Story of the Flood.* Oxford, 1969. См. также список работ, посвященных его толкованию: *Borger R. Handbuch der Keilschriftliteratur.* Vol. 2. B., 1975, с. 157 и сл.

⁵⁴ См.: *Freydank H. Die Tierfabel im Etana-Mythus.* Ein Deutungsver-such. — MIO. 17, 1971, с. 1—13.

⁵⁵ О мудрости Адапы и семи мудрецах см.: *Reiner Erica. The Etiological Myth of the «Seven Sages».* — *Orientalia.* N. s. 30, 1961, с. 1—11. Предположение, высказанное на с. 7 и сл. относительно мудрого визиря Ахикара, подтвердилось благодаря тексту, найденному в Уруке и опубликованному Ван Дейком (*Van Dijk J. J. A.* — *UVB.* 18, 1962, с. 44—52).

⁵⁶ Последнее по времени издание: *Cagni L. L'eropea di Erra* (= *Studi Semitici.* 34). Rome, 1969.

⁵⁷ Самый большой из этих текстов — «Плач о разрушении Ура» — опубликован С. Н. Крамером (Чикаго, 1940). См. «Плач о разрушении Шумера и Ура» в переводе того же автора: *Pritchard J. B. (ed.).* — *ANET*³ Supplement, с. 611—619.

⁵⁸ Стихи, которые приходят во сне, — это, по-видимому, общее место, если судить по колофону 733 г. до н. э. (см.: *Hunger H. Babylonische und assyrische Kolophone,* № 290).

⁵⁹ О чтении Anzu, предложенном Б. Ландсбергером, см.: *WZKM.* 57, 1961, с. 1—21.

⁶⁰ В дополнение к тексту EA 357 из Амарны см. текст из Султантепе: *Gurney O. The Myth of Nergal and Ereshkigal.* — *AnSt.* 10, 1960, с. 105—131.

⁶¹ К двум сохранившимся копиям из Ашшура и из библиотеки Ашшурбанапала сейчас прибавился более ранний и несколько отличающийся от них ассирийский фрагмент LKA 62 г. 10 и сл., опубликованный Эбелингом (*Ebeling E.* — *Orientalia.* N. s. 18, 1949, с. 36—37).

⁶² Об этих трудных текстах см. примеч. 30 к гл. IV.

⁶³ Об этом тексте см. издание В. фон Зодена, цит. в примеч. 45 к гл. V, а также новое толкование, предложенное этим автором в «Welt des Orients» (7, 1974, с. 237 и сл.).

⁶⁴ См., например, гимны в немецком переводе: *Falkenstein A. Sumerische und akkadische Hymnen und Gebete.* Zürich—Leipzig, 1953, с. 85—114.

⁶⁵ Об этих текстах см.: *Meier G. Die assyrische Beschwörungssammlung Maqlû.* Graz, 1937; *Reiner Erica. Šurpu. A Collection of Sumerian and Akkadian Incantations.* Graz, 1958. См. также: *Knudsen E. E. A Version of the Seventh Tablet of Šurpu, from Nimrud.* — *Iraq.* 19, 1957, с. 50—55; *Lambert W. G. An Incantation of the Maqlû Type.* — *AfO.* 18, 1958, с. 288—299.

⁶⁶ См. статью, цит. в примеч. 38 к гл. V

⁶⁷ Об этом и многих других цитируемых ниже текстах см.: *Lambert W. G. Babylonian Wisdom Literature.* Oxford, 1960.

⁶⁸ Пониманием этого литературного произведения ассириология обязана Б. Ландсбергеру: *Landsberger B. Die babylonische Theodizee.* — *ZA.* 43, 1936, с. 32—76 (английск. перевод см.: *Lambert W. G. Babylonian Wisdom Literature,* с. 70—89).

⁶⁹ Известны и другие примеры этого литературного приема, доказывающие, что произведение предназначалось именно для читателя, а не для слушателя. См. гимн Вавилону, опубликованный Пинчесом (*Pinches T. G. Texts in the Babylonian Wegde-writing.* L., 1882, с. 15—16, № 4), и гимн Мардуку, опубликованный Крейгом (*Craig J. A. Assyrian and Babylonian Religious Texts.* Vol. 1. Lpz., 1895, с. 29—31), а также более мелкие тексты в отрывках. Редкий пример двойного акростиха см.: *Sweet R. F. G. A Pair of Double Acrostics in Akkadian.* — *Orientalia.* N. s. 38, 1969, с. 459—460.

⁷⁰ Оценку этого текста историком литературы см.: *Hofer-Heilsberg A. Ein Keilschrifttext, der älteste Mimus der Weltliteratur und seine Auswirkung.* Theater der Welt. 3—4, 1937, с. 1—16.

⁷¹ Ср.: *Gurney O. R. The Tale of the Poor Man of Nippur.* — *AnSt.* 6, 1956, с. 154—164; *Julow V. The Source of a Hungarian Popular Classic and Its Roots in Antiquity.* Acta Classica Univ. Scient. Debreciniensis. 6, 1970, с. 75—84; *Gurney*

O. R. The Tale of the Poor Man of Nippur and Its Folktales Parallels. — AnSt. 22, 1972, с. 149—158.

⁷² О коротком шумерском произведении, которое по содержанию и тону можно сравнить со «Сказкой о ниппурском бедняке», см.: *Falkenstein A.* — Indogermanische Forschungen. 60, 1952, с. 114—120, ссылка на TCL 16, 80 1—19.

⁷³ Публикация соответствующих текстов с привлечением литературных аналогий готовится М. Сивилом.

⁷⁴ По поводу собрания шумерских пословиц я должен отослать читателя к многочисленным работам Э. И. Гордона, который уже давно занимается этим сложнейшим материалом. См., в частности, последнюю по времени превосходную публикацию: *Gordon E. I.* A New Look at the Wisdom of Sumer and Akkad. — Bibliotheca Orientalis. 17, 1960, с. 122—151.

⁷⁵ Обзор почти всех опубликованных на сегодняшний день материалов см.: *Oppenheim A. Leo.* Catalogue of the Cuneiform Tablets of the Wilberforce Eames Collection in the New York Public Library. New Haven, 1948, с. 215—224. Продолжение этой библиографии см.: *Jones Tom B., Snyder John W.* Sumerian Economic Texts from the Third Ur Dynasty. Minneapolis, 1961, с. 347—352.

⁷⁶ Типичный для Месопотамии эпистолярный стиль см.: *Schroeder O.* Ein mündlich zu bestellender altbabylonischer Brief. — OLZ. 1918, с. 5—6; *Kraus F. R.* Briefschreibübungen im altbabylonischen Schulunterricht. — JEOL. 16, 1959—1962, с. 16—19. Стилистические и литературные исследования, посвященные месопотамской эпистографии, весьма редки (см.: *Salonen E.* Die Gruss- und Höflichkeitsformeln in babylonisch-assyrischen Briefen. Helsinki, 1967). См. также: *Friedrich J.* Die Briefadresse in Ras Shamra. — AfO. 10, 1935—1936, с. 80—81.

⁷⁷ См.: *Falkenstein A.* Ibbisin-Ishbi'erra. — ZA. 49, 1949, с. 59—79. Более поздний пример политического письма см.: *Weidner E. F.* — AfO. 10, 1935—1936, с. 2—9; *Landsberger B.* — Там же, с. 140—144. Литературный прием, основанный на использовании формы политического письма, см. в тексте STT 40—42, опубликованном Герни (*Gurney O. R.* A Letter of Gilgamesh. — AnSt. 7, 1957, с. 127—136). Несколько ироническое описание «первого» политического письма см.: *Kramer S. N.* Enmerkar and the Lord of Aratta. Philadelphia, 1952, стк. 504—526.

⁷⁸ Прекрасное введение к этому своду писем см.: *Waterman L.* Royal Correspondence of the Assyrian Empire. Vol. 4. Ann Arbor, 1936, с. 9—13. Письма ученых людей на ассирийском диалекте переизданы в книге: *Parpola S.* Letters from Assyrian Scholars to the Kings Esarhaddon and Assurbanipal (=AOAT, 5/1). Neukirchen-Vluyn, 1970. Следует отметить, что не опубликованное до сего дня собрание Рюнджика в Британском музее содержит более двух тысяч писем этого типа.

⁷⁹ См.: *Thompson R. C.* The Reports of the Magicians and Astrologers. 2 vols. L., 1900 (эта книга требует переиздания). См. уникальное упоминание об астрологических вопросах, касающихся частного лица, в нововавилонском письме UET 4 168.

⁸⁰ См.: *Falkenstein A.* Ein sumerischer «Gottesbrief». — ZA. 44, 1938, с. 1—25; *он же.* Ein sumerischer Brief an den Mondgott. — Analecta Biblica. 12, 1959, с. 69—77; *Kraus F. R.* — JCS. 3, 1951, с. 78, примеч. 40; *Gadd C. J.* Divine Rule, с. 27 и примеч. 3; ср. UET 4 171 (см.: *Soden W. von.* JAOS. 71, 1951, с. 267) и его дубликат KAR 373; YOS 2 141 (см.: *Stamm J. J.* Namengebung, с. 54). См. также ARM 1 № 3 (*Dossin G.* — Syria. 19, 1938, с. 126; 20, 1939, с. 100 и сл.). Прекрасный обзор всех текстов см.: *Borger R.* Gottesbrief. — RIA. 3, 1957—1971, с. 575—576; *Kraus F. R.* Ein altbabylonischer Privatbrief an eine Gottheit. — RA. 65, 1971, с. 27—36. Поздние египетские письма богам см.: *Hughes G. R.* — JNES. 17, 1958, с. 3 и сл.

⁸¹ См.: *Oppenheim A. Leo.* The City of Assur in 714 B. C. — JNES. 19, 1960, с. 133—147; отметим также письмо (*šipirtu*) Ашшурбанапала CT 35 44—45 (*Bauer Th.* Das Inschriftenwerk Assurbanipals. Vol. 2. Lpz., 1933, с. 83), которое, однако, принадлежит к другой литературной категории.

⁸² См.: *Kramer S. N.* — ANET², с. 382, с библиографией. В своде писем, изданных Али (*Ali F. A.* Sumerian Letters: Two Collections from the Old Babylonian Schools (Ph. D. Diss.). University of Pennsylvania, 1964), также имеются «деловые письма». См. письма такого типа: *Gadd C. J., Kramer S. N.* — UET. 6/2, 1966, № 173—183, и предисловие к этой работе (с. 3 и сл.).

⁸³ Хорошее введение к месопотамскому законодательству см.: *San Nicolò M.* Beiträge zur Rechtsgeschichte im Bereiche der keilschriftlichen Rechtsquellen. Oslo, 1931; *Koschaker P.* Keilschriftrecht. — ZDMG. 89, 1935, с. 1—39; *Cardascia*

G. Splendeur et misère de l'assyriologie juridique. — Annales Universitatis Saravensis. 3, 1954, с. 159—162.

⁸⁴ Об этих текстах см.: *Holt I. L.* — AJSL. 22, 1910—11, с. 209 и сл.

⁸⁵ Объяснение некоторых свойств юридических текстов из Суз (MDP 18, 22—24 и 28), отражающих официальные высказывания, см.: *Oppenheim A. Leo.* Der Eid in den Rechtsurkunden aus Susa. — WZKM. 43, 1936, с. 242—262.

⁸⁶ См.: *Petschow H.* Die neubabylonische Zwiesgesprächurkunde und Genesis 23. — JCS. 19, 1965, с. 103—120.

⁸⁷ См.: *San Nicolò M.* Der neubabylonische Lehrvertrag in rechtsvergleichender Betrachtung. — Bayerische Akademie der Wissenschaften. Sitzungsberichte. Phil.-hist. Klasse. 3, 1950; отметим также соответствующие тексты из Нузи: JEN 572 (ткацкое ремесло) и HSS 19 59 (кузнечное ремесло).

⁸⁸ AASOR. 16, № 56.

⁸⁹ См.: *Oppenheim A. Leo.* «Siege Documents» from Nippur. — Iraq. 17, 1955, с. 69—89.

⁹⁰ Важность этого документа была впервые отмечена Фейгином (см.: *Feigin S.* — Hâtequfah. 32/33, 1947, с. 746—765). См. также: *Jacobsen T.* An Ancient Mesopotamian Trial for Homicide. — Analecta Biblica. 12, 1959, с. 130—150 (на основе недавно найденных дубликатов); *Szlechter E.* La peine capitale en droit babylonien. — Festschrift Emilio Betti. Vol. 4, 1962, с. 147—148.

⁹¹ Цитируемые примеры взяты из: ZA. 43, 1936, с. 315—316; ARM 6 43; *Wiseman D. J.* Alalakh. № 17; *Weidner E. F.* — AfO. 17, 1954—1956, с. 1—9. См. также: *Kohler J., Ungnad A.* Assyrische Rechtsurkunden. Lpz., 1913, № 659 и 660. О политических тяжбах см.: AASOR. 16, № 1—14; *Speiser E. A.* The People of Nuzi vs. Mayor Kushshiharbe. — Там же, с. 59—75. См. также: *Bolla Sybille von.* — ArOr. 12, 1930, с. 113—120; *Leemans W. F.* Some Aspects of Theft and Robbery in Old Babylonian Documents. — RSO. 32, 1957, с. 661—666; *Ebeling E.* Kriminalfälle aus Uruk. — AfO. 16, 1952, с. 67—69. О краже сообщается и в новоассирийском письме из Калы (ND 2703); см.: *Saggs H. W. F.* — Iraq. 27, 1965, с. 28 и сл., № 81.

⁹² См. MDP 11, № 83. См. также: *Hinz W.* Elams Vertrag mit Narām-Sîn von Akkade. — ZA. 58, 1967, с. 66—96.

⁹³ См.: *Wiseman D. J.* Alalakh, № 2.

⁹⁴ См.: *Weidner E. F.* Der Staatsvertrag Aššurnirâris VI. von Assyrien mit Marti'ilu von Bit-Agusi. — AfO. 8, 1932—1933, с. 17—34.

⁹⁵ См.: *Fitzmyer J. A.* The Aramaic Inscriptions of Sefire I and II. — JAOS. 81, 1961, с. 178—222.

⁹⁶ См.: *Oppenheim A. Leo.* The Eyes of the Lord. — JAOS. 88, 1968, с. 173—180.

⁹⁷ См.: *Winckler H.* Sammlung von Keilschrifttexten. Vol. 2. Lpz., 1894, № 1.

⁹⁸ См.: *Schuler E. von.* Hethitische Dienstanweisungen für höhere Hof- und Staatsbeamte. Graz, 1957; *Laroche E.* — RHA. 59, 1956, с. 88—90.

⁹⁹ См.: *Weidner E. F.* Hof- und Harems-Erlässe assyrischer Könige aus dem 2. Jahrtausend v. Chr. AfO. 17, 1954—1956, с. 257—293.

¹⁰⁰ См. HSS 15, № 1.

¹⁰¹ См. книгу Крауса, цитированную в примеч. 51 к гл. II. См. также: *Finkelstein J. J.* Some New *misharum* Material and Its Implications. — Studies Landsberger, с. 233—246; *он же.* The Edict of Ammišaduqa: A New Text. RA. 63, 1969, с. 45—64, 189—190; *Kraus F. R.* Ein Edikt des Königs Samsu-iluna von Babylon. — Studies Landsberger, с. 225—231.

¹⁰² См.: *Ellis Maria de J.* *Šimdatu* in the Old Babylonian Sources. — JCS. 24, 1972, с. 74—82.

¹⁰³ См. книгу, цит. в примеч. 30 к гл. III.

¹⁰⁴ О числе стел с законами Хаммурапи, доставленных в Сузы, см.: *Nougayrol J.* Les fragments en pierre du Code Hammurabien. — JA. 245, 1957, с. 339—366; 246, 1958, с. 143—155.

Глава VI

Об отпечатках тканей на металлических предметах см.: *Morgan J. de.* La préhistoire orientale. Vol. 3. P., 1927, с. 59—61.

² Есть несколько исключений, о которых стоит упомянуть. Это, во-первых, где речь идет о том, как обвязывают копей (они имеются и на аккадском,

и на хеттском языке); см.: *Kammenhuber Anneliese*. Hippologia Hethitica. Wiesbaden, 1961. Во-вторых, есть аккадские тексты с инструкциями по изготовлению духов и благовоний, а также материалов, напоминающих стекло. В-третьих, известен один шумерский фармакологический текст. Существует, наконец, шумерское сочинение, известное как *Georgica*, хотя оно представляет собой скорее инструкцию для управляющего крупным зерновым хозяйством, где используется подневольный труд, чем «справочник» фермера. В тексте даются подробные указания о количестве семян, ширине борозды, размерах сельскохозяйственных орудий и т. д. — все это должно гарантировать успех земледельцу. При этом не уделяется никакого внимания состоянию почвы, которую фермер обрабатывает, и ничего не говорится о сельскохозяйственных возможностях района в целом. Обсуждаются только самые выгодные экономические методы, с упором на максимальное использование рабочей силы.

³ Большинство медицинских текстов из библиотеки Ашшурбанапала было опубликовано Р. Томпсоном; см.: *Thompson R. C. Assyrian Medical Texts*. L., 1923; см. также: *Ebeling E. Keilschrifttafeln medizinischen Inhalts*. — *Archiv für Geschichte der Medizin*. 13, 1921, с. 1—42, 129—144; 14, 1922, с. 26—78. Тексты из Ашшурра рассеяны по старым публикациям (KAR и LKA) и сейчас готовятся к печати Ф. Кёхером; см.: *Köcher F. Die babylonisch-assyrische Medizin*. В., 1963 — (на сегодняшний день вышло четыре тома).

⁴ См. примеч. 32 к гл. V.

⁵ См.: *Labat R. A propos de la chirurgie babylonienne*. — *JA*. 242, 1954, с. 207—218.

⁶ См.: *Oppenheim A. Leo. A Caesarian Section in the Second Millennium B. C.* — *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*. 15, 1960, с. 292—294.

⁷ См.: *Soden W. von. Die Hebamme in Babylonien und Assyrien*. — *AfO*. 18, 1957—1958, с. 191—221.

⁸ См.: *Oppenheim A. Leo. On the Observation of the Pulse in Mesopotamia*. — *Orientalia*. N. s. 31, 1962, с. 27—33.

⁹ Об этих двух типах медиков см.: *Ritter Edith K. Magical Expert (=Āšipu) and Physician (=Asû): Notes on Two Complementary Professions in Babylonian Medicine*. — *Studies in Honour of Benno Landsberger on His 75th Birthday (=AS*. 16, 1965), с. 299—321.

¹⁰ Доказательств существования зубной хирургии нет; также нигде не упоминается о хитроумных механических приспособлениях для того, чтобы можно было пользоваться искусственными зубами (об аналогичных способах на Западе см.: *Clawson D. Phoenician Dental Art*. — *Berytus*. 1, 1934, с. 23—28). Ссылки на уход за зубами см.: *Townend B. R. An Assyrian Dental Diagnosis*. — *Iraq*. 5, 1938, с. 82—84.

¹¹ Некоторые рецепты именовались *niširti šarrūti* («царская тайна»); см., например, текст 50 г. 23 у Кёхера, а также ссылки в АНВ. 796 под *niširtu* 4с.

¹² Первую публикацию этого важного текста см.: *Legrain L. Nippur Old Drug-store*. — *University Museum Bulletin*. 8, 1940, с. 25—27; см. также: *American Journal of Pharmacy*. 1947, с. 421—428. Сейчас имеется более солидная публикация: *Civil M. Prescriptions médicales sumériennes*. — *RA*. 54, 1960, с. 57—72. Новейший шумерский материал, подготовленный тем же автором, см.: *RA*. 55, 1961, с. 91—94. О медицинских текстах из Бogaзкёйя на шумерском языке см. KUB 4 19 и 30; KUB 37 10.

¹³ См.: *Lambert W. G. The Gula Hymn of Bullutsa-rabi*. — *Orientalia*. N. s. 36, 1967, с. 120—121.

¹⁴ См.: *Harper Memorial Volume* 1, с. 393. Предсказатели из Исины упоминаются также в древневавилонском письме (TCL 18 155).

¹⁵ См.: *Zimmern H. Der Schenkenliebeszauber*. — *ZA*. 32, 1919, с. 164—184. Характерный признак урбанизации — покупка хлеба в лавке — выразительно иллюстрируется в древневавилонском письме VAS 16 50 (см.: *Kraus P.* — *MVAG*. 36/1, 1932, с. 48 и сл.), возможно из Сиппара; его автор сетует на то, что у него нет наемника, который смолот бы ячмень, и что поэтому им приходится есть покупной хлеб. Аналогичную ситуацию находим у Плиния (*Natural History*. XVIII, 107); в этом отрывке говорится, что пекари появились в Риме после того, как жители перестали выпекать для себя хлеб.

¹⁶ О женщине-враче см. старовавилонский текст TCL 10 107 27; о глазном враче — нововавилонский текст VAS 6 242 : 8 и 17; отметим определение ветерина-

ра как AZU.GUD.ḪI.A в TCL 1 132 7 (старовавилонский) вместо литературного *muna'išu*.

¹⁷ См. KAR 213 и CAD под *agašgū*. О взаимоотношениях между писцом и врачом в Египте см.: *Junker H. Die Stele des Hofarztes ' Irj. — ZÄS. 63, 1928, с. 53—70.*

¹⁸ Гимн, содержащий самовосхваления Шульги (теперь опубликован в UET 6/1, с. 81), говорит о том, что этот царь владеет искусством предсказания (maš.šū.gid.gid dadag.ga me.en. стк. 9), а табличка KAR 384, г. 45 упоминает священную науку Шульги (*niširti^m Šulgi*). Отметим eš.bar.kin, о котором см.: *Goetze A. The Chronology of Sulgi Again. — Iraq. 22, 1960, с. 151—152, и maš в Gu-dea Cyl. A 12 16 и сл.; 13 17, 20 : 5.*

¹⁹ О шумерских текстах é.dub.ba см.: *Kramer S. N. Schooldays, a Sumerian Composition Relating to the Education of a Scribe. — JAOS. 69, 1949, с. 199—215; Falkenstein A. Die babylonische Schule. Saeculum. 4, 1954, с. 125—137.* О двуязычном материале см.: *Gadd C. J. Fragments of Assyrian Scholastic Literature. — Bulletin of Oriental and African Studies. 20, 1957, с. 255—265; LKA 65, PBS 5 132; и группу так называемых экзаменационных текстов (термин Б. Ландсбергера). Два текста из этой группы опубликованы Шебергом; см.: *Sjöberg A. W. In Praise of the Scribal Art. — JCS. 24, 1972, с. 126—131; Der Examentext A. — ZA. 64, 1975, с. 137—176.* О женщинах-писцах см.: *Landsberger B. Materialien zum sumerischen Lexikon. Vol. 9. Rome, 1967, с. 148.**

²⁰ См.: *Dräffkorn Kilmer Anne. Two New Lists of Key Numbers for Mathematical Operations. — Orientalia. N. s. 29, 1960, с. 273—308.*

²¹ Следует отметить, что в Месопотамии мало интересовались календарем и связанными с ним проблемами. Примитивный способ прибавления месяцев, который был позже усовершенствован, применялся в Вавилонии уже в начале II тысячелетия до н. э. В исконной ассирийской календарной системе такая практика, по-видимому, отсутствовала — упоминаний о ней нигде нет; там лунные месяцы не приводились в соответствие с границами солнечного года (то же мы видим в мусульманском календаре).

²² Об этой серии см.: *Weidner E. F. Handbuch der babylonischen Astronomie. Vol. 1. Lpz., 1915, с. 35—41, 141 и сл.* О призме из слоновой кости, содержащей часть этой серии (измерение времени по длине тени), см.: *ZA. 2, 1887, с. 335—337.* См. также: *Langdon S. Babylonian Menologies and the Semitic Calendars. L., 1935, с. 55.*

²³ О важном значении текстов с предсказаниями, в которых упоминаются наблюдения за планетой Венерой при старовавилонском царе Амми-цадуке, см.: *Langdon S., Fotheringham J. K. The Venus Tablets of Ammizaduga. L., 1928; Van der Waerden B. L. The Venus Tablets of Ammizaduqa. — JEOL. 10, 1945—1948, с. 414—424.* Оценку этого рода текстов см.: *Neugebauer O. — JAOS. 61, 1941, с. 59.* Новое издание см.: *Reiner Erica., Pingree D. — Bibliotheca Mesopotamica. 2/1. Malibu, 1975.*

²⁴ О самых ранних астрологических текстах см. примеч. 39 и 79 к гл. IV

²⁵ О пальме см. литературу в книге И. Валлерт (*Wallert Ingrid. Die Palmen im Alten Ägypten. B., 1962*).

²⁶ См.: *Leser P. Westöstliche Landwirtschaft. — Festschrift B. W. Schmidt. Wien, 1928, с. 416—484; ou же. Entstehung und Verbreitung des Pfluges. Münster, 1931.*

²⁷ Об использовании щебня и обломков в качестве удобрения см. CAD под *eperu* — значение 6 («неопознанное вещество»).

²⁸ Термин *karū* использовался в поздней Вавилонии для обозначения такой кучи. Ср.: *Weidner E. F. — Mélanges Dussaud. Vol. I, с. 924, примеч. 5.*

²⁹ См.: *Hartman L. F., Oppenheim A. Leo. On Beer and Brewing Techniques in Ancient Mesopotamia. — JAOS. Supplement 10, Baltimore, 1950; Civil M. A Hymn to the Beer Goddess and a Drinking Song. — Studies Presented to A. Leo Oppenheim. Chicago, 1964, с. 67—89.*

³⁰ Об одомашнивании верблюда см. CAD под *gammalu, ibilu*. См. также: *Brentjes B. Das Kamel im Alten Orient. — Klio. 39, 1960, с. 23—52.*

³¹ См.: *Ebeling E. Parfümrezepte und kultische Texte aus Assur. Rome, 1950.* О новоассирийском фрагменте из Калаха см.: *Iraq. 13, 1956, с. 112, ND 400.*

³² Об обширном материале в кинописных текстах, связанном с производством стекла и материалов, напоминающих стекло, см.: *Oppenheim A. Leo et al. Glass and*

Glassmaking in Ancient Mesopotamia. Corning, N. Y., 1970. См. также: *Oppenheim A. Leo*. Mesopotamia in the Early History of Alchemy. — RA. 60, 1966, с. 29—45.

³³ См.: *Kelso J. L.* The Ceramic Vocabulary of the Old Testament. — American Schools of Oriental Research. Supplementary Studies. 5—6. New Haven, Conn., 1948. Необходимо изучение аналогичных текстологических и археологических материалов из Месопотамии.

³⁴ Однако имеются указания, что царские дворцы не должны были стоять на более высоких террасах, чем храмы. Ашшурбанапал (см.: *Streck M.* Assurbanipal. Vol. 2. Lpz., 1916, с. 86x78—80) упоминает, что не стал делать дворец наследного принца чересчур высоким из страха, как бы это здание не соперничало с храмами.

³⁵ О более ранних периодах см.: *Lenzen H. J.* Mesopotamische Tempelanlagen von der Frühzeit bis zum zweiten Jahrtausend. — ZA. 51, 1955, с. 1—36.

³⁶ О теориях относительно этих башен см.: *Busink Th. A.* L'origine et l'évolution de la ziggurat babylonienne. — JEOL. 21, 1969—1970, с. 91—142; *Heinrich E.* Von der Entstehung der Zikurrate. — Vorderasiatische Archäologie. Studien und Aufsätze, Anton Moortgat zum fünfundsechzigsten Geburtstag gewidmet. B., 1964, с. 113—125; *Lenzen H. J.* Gedanken über die Entstehung der Zikurrat. — Iranica Antiqua. 6, 1966, с. 25—33.

³⁷ Описание такого банкета см.: *Müller K. F.* Das assyrische Ritual. Lpz., 1937, с. 58—89. Здесь стоит вспомнить о важном ритуале ассирийских царей, называемом *tākultu*, во время которого царь принимал у себя богов и богинь официального пантеона и обращался к ним с торжественными тостами, прося благословения себе и всему царству. См. примеч. 35 к гл. II.

Задача настоящего словаря — облегчить чтение книги. Он не претендует на то, чтобы материал в нем был исчерпывающим.

Ахемениды. С середины VI в. и до 331 г. до н. э. в Иране правила династия Ахеменидов. При Кире II, в 539 г. до н. э. отвоевавшем Вавилон у Набонида, они создали империю, простирающуюся до Анатолии и Сирии. Его сын Камбиз II покорил Кипр и Египет, а Дарий I (522—486 гг. до н. э.) расширил империю (на востоке — включив в нее Индию, а на западе — Ливию), воевал с греками и скифами, жившими вдоль побережья Черного моря.

Адаб (холм Бисмайа). Находился на полпути между Лагашем и Ниппуром. Э. Дж. Бенкс в 1903—1904 гг. недолго и не совсем успешно проводил на месте древнего города раскопки. Были обнаружены таблички, относящиеся к до-саргоновскому и нововавилонскому периодам, многие из которых не опубликованы до сих пор. Упоминание в «царских списках», источниках аккадского периода и периода III династии Ура, царя из Адаба как одного из древнейших правителей доказывает, что город постепенно терял свое значение, хотя Хаммурапи и говорит о нем еще во вступлении к кодексу своих законов. См.: *Banks E. J. Bismaya or the Lost City of Adab. N. Y. — L., 1912.*

Аккад (Агаде) — город в Северной Вавилонии, который основал Саргон (2316—2261 гг. до н. э.). Оттуда он управлял своей империей. До сих пор его местонахождение не установлено, хотя тексты, датируемые VI в. до н. э., еще упоминают этот город и рассказывают о разрушенных зданиях. Лингвистическое различие юга и севера, отразившееся в терминах «Шумер» и «Аккад», приобрело при царях III династии Ура и политическое значение. Начиная с этого времени термин «Аккад» стал обозначать по принципу «часть вместо целого» всю Вавилонию.

Аккадский язык — это тесно связанные между собой семитские диалекты, которые также называют ассирийскими и вавилонскими языками (ассири-вавилонским). Слово произошло от прилагательного *akkadu*, что означает «язык города Аккада». Термин вошел в употребление при обозначениях семитских версий шумерских текстов, начиная со старовавилонского периода.

Алалах (Тель-Атшана) — город в Антиохийской долине в Турции. В 1936—1949 гг. сэр Леонард Вулли проводил там раскопки. Город подарил миру собрание письменных источников, которое занимает среди находок Сирии и Палестины место, уступающее только Угариту (см. Угарит, Катна, Нейраб, Хапор). Если исключить публикацию Сиднеем Смитом надписи на статуе Идрими (см. ниже), то основная часть договоров, а также юридических и административных документов опубликована Д. Дж. Уайзманом (*The Alalakh Tablets. L., 1953*, с дополнениями того же автора в *JCS. 8, 1954, с. 1—30; JCS 12, 1958, с. 214—229*). Кроме аккадского материала, восходящего к двум пластам, разделенным примерно тремя столетиями, в Алалахе было найдено еще письмо и текст с гаданиями, написанные по-хеттски. Среди аккадского материала, не связанного с экономикой, имеются списки слов, фрагменты астрологических предсказаний, двуязычные заклинания и другие сочинения, а также лишенная надписей модель печени.

Алеппо — важный центр Северной Сирии на пути между Оронтом и долиной Евфрата. Здесь еще не проводилось археологических работ. Из хеттских, египетских и ассирийских источников мы знаем, что Алеппо подвергался нападениям со стороны империй II тысячелетия до н. э. Город упоминается также в угаритских и алалахских текстах.

Алишар — холм юго-восточной Богазкёйя, где в 1927—1932 гг. во время раскопок, производимых Чикагским восточным институтом, были найдены «каппадокийские таблички». Пятьдесят три опубликованных текста (*Gelb. J. Inscriptions from Alişar and Vicinity*. — ОИР. 27, 1935) относятся к несколько более позднему времени, чем группа текстов из Каниша (Кюль-тепе). По содержанию они сходны.

Амарнский период — название периода египетской истории, взятое от современного наименования места на Ниле в двухстах километрах южнее Каира, где находилась столица Египта при Аменхотепе IV (1361—1347 гг. до н. э.), носившем также имя Эхнатона. В ассириологии этот термин употребляется для обозначения времени правления упомянутого фараона и его предшественника Аменхотепа III (1398—1361 гг. до н. э.), времени, когда найденные в Амарне клинописные таблички пролили свет на историю Вавилонии, Ассирии, Хеттского и Митаннийского царств, Сирии, Палестины и Кипра. Ныне разбросанный по различным странам архив, состоящий более чем из трехсот писем (а также немногочисленных литературных и языковых текстов), содержит письма Каданман-Эллиля I (ок. 1385 г. до н. э.) и Бурипа-Буриаша II вавилонского (1363—1335 гг. до н. э.), Ашшур-убаллата I ассирийского (1365—1330 гг. до н. э.), Тушратты митаннийского и Суниллиумаса хеттского (ок. 1380—1340 гг. до н. э.). В архиве имеется также много документов, исходящих от царских наместников, чиновников и местных правителей Сирии, Палестины и Кипра, а также копии писем, посланных царем Египта.

Амореи — название племен, заимствованное из Библии. Как правило, этот термин относят к одной или нескольким этническим группам, говорящим на семитских языках (но не на аккадском) и обитающим как в самой Месопотамии, так и к западу от нее. Аккадское слово *amurrū* (по-шумерски *mar. tu*) в течение II тысячелетия до н. э. означало не только этническую группу, но и язык; этот термин был также географическим и политическим понятием, определяющим область Верхней Сирии.

Арбела — город, называемый теперь Эрбиль (ранее — Урбилум, Арбилум, Арбаил[у]); находится севернее Верхнего Заба и известен с III династии Ура вплоть до царствования Ашшурбанапала. Его политическое значение трудно оценить из-за недостатка источников, но как культовый центр Ассирии он уступал только самому Ашшуру. Современный город расположен поверх древнего, и никакие раскопки там не производились.

Аррапха — город (совр. Киркук); упоминается в источниках начиная от Хаммурани и до Набонида; расположен восточнее Тигра, на реке Радане, с Адад-нерари II (911—891 гг. до н. э.) входил в состав Ассирийской империи. В его окрестностях находится холм (Йорган-тепе), откуда происходят так называемые «нузийские таблички» (по имени раскопанного там города Нузи). Основная находка в несколько тысяч табличек была сделана экспедицией Эдварда Киеры и описана в научной литературе почти полностью (Э. Киерой, Р. Г. Пфэйфером, Э. А. Шнейзером, Э. Лейхманом). Все эти документы относятся к середине II тысячелетия до н. э. и бросают свет на интересную гибридную цивилизацию. Под этим культурным слоем найдены таблички, которые упоминают город Гасур.

Аршакидов династия. Парфянские цари аршакидской династии захватили Месопотамию при царе Митридате I (ок. 171—139 гг. до н. э.) и управляли ею более трех столетий (примерно до 224 г. н. э.) из своей столицы Ктесифона, расположенного недалеко от современного Багдада.

Асархаддон — царь Ассирии (680—669 гг. до н. э.). После остающегося до сих пор таинственным убийства Синаххерба Асархаддон воевал за царскую власть со своими братьями и захватил ее после недолгой гражданской войны. Главный военный поход Асархаддона был направлен против Египта, который в годы его царствования впервые попал под власть Ассирии. Обилие документов позволяет историку не только набросать очерки политической истории времени Асархаддона, но и получить представление о личности этого царя.

Ашшур — древняя столица Ассирии на отвесном западном берегу Тигра, расположенная почти в сорока милях южнее Верхнего Заба. Город тщательно раскапывался Немецким обществом востоковедов (*Deutsche Orient-Gesellschaft*) с 1903 по 1914 г. Археологический и эпиграфический материал был издан в ряде внушительных томов. Хороший обзор различных сторон городской жизни сделан Э. Унгером в RLA I (с. 170—195). Хотя Ашшур-нацир-апал II (883—859 гг. до

н. э.) и перенес столицу в Калах, Ашшур до самого своего падения оставался городом, которому ассирийские цари уделяли большое внимание.

Ашшурбанапал — последний великий царь Ассирии. Его правление (668—627 гг. до н. э.) было отмечено войной, которую он вел против своего брата Шамаш-шум-укина, назначенного отцом царем Вавилонии, и удивительным отсутствием каких-либо источников за последние десять лет его царствования. Таким образом, этот период стал «белым пятном» для историков. Междоусобная война закончилась поражением Вавилона. Другие кампании тоже доказали военное превосходство Ассирии на всем пространстве от Фив до Суз. Они были последними успехами после почти пятисотлетнего наступления Ассирии на ее соседей. Приводимые даты основаны на упоминаниях Ашшурбанапала в надписи матери царя Набонида.

Бахрейн см. Дильмун.

Богазкёй см. Хаттусас.

Борсиппа — важный древний город южнее Вавилона, упоминаемый начиная со II династии Ура (в надписи сказано, что он находился близ Вавилона) вплоть до селевкидского и даже арабского периодов. Хотя вряд ли на месте этого поселения, отмеченного внушительными развалинами храмовой башни, когда-либо производились научные раскопки, все же здесь было найдено множество табличек юридического содержания и некоторое количество литературных и астрономических текстов. Они относятся в основном к поздним периодам, начиная с халдейской династии. О планировке города см. статью Э. Унгера в RLA I (с. 402—429). Борсиппа, как правило, находилась в политической зависимости от Вавилона и являлась одним из немногих крупных городов Нижней Месопотамии, который никогда не был резиденцией какой-либо политической власти.

Вавилон — столица Вавилонии; имел долгую и сложную историю, о которой сообщает множество письменных источников и археологических памятников, добытых главным образом Немецким обществом востоковедов. Р. Кольдевей работал здесь с 1899 по 1917 г. Среди документов, относящихся собственно к Вавилону, надо выделить длинное систематическое описание города, несколько карт, нарисованных на глиняных табличках, гимн в честь города и знаменитое описание, сделанное Геродотом на греческом (ср.: *Ravn O. E. Herodotus' Description of Babylon*. Copenhagen, 1942). Попытка разобраться в обширном материале сделана в книге Э. Унгера (*Babylon, die heilige Stadt*. B., 1931) и в статье того же автора (RLA I, с. 330—369).

Вавилонская первая династия Хаммурапи.

Варка см. Урук.

Вологезия — город неподалеку от Вавилона, основанный парфянами в I в. н. э. См. ст. Х. Трейдлера в Энциклопедии Паули — Виссова.

Восточнолувийские памятники. В Малой Азии, в основном к югу от реки Галиса, на западе к стороне Евфрата и на юге, к реке Оронт и Средиземному морю, были найдены многочисленные рассеянные объекты — стелы и камни, испещренные иероглифическими знаками. Они встречаются на протяжении примерно тысячелетия (с 1800 г. до н. э.); язык этих надписей назвали восточнолувийским. Часто высказывается предположение, что «иероглифический хеттский» находится в родстве с лувийским юго-запада Малой Азии, сохранившимся на клинописных глиняных табличках.

Гасур — название древнего аккадского поселения или крепости, оказавшихся под более поздним городом Нузи. Найденные здесь тексты были опубликованы Т. Дж. Миком в HSS 10. В этом же месте были обнаружены немногочисленные староассирийские таблички («каппадокийские»), принадлежащие к весьма редким образцам такого рода, происходящим не из Малой Азии (см. Каниш).

Гиксосы. В современном научном значении это название (впервые введенное Манефоном в его «Египетской истории» в III в. до н. э.) относится к народу или группе народов, активно участвовавших в непрерывном ряде миграций, завоеваний и культурных заимствований, которые происходили в первой половине II тысячелетия до н. э. в Нижнем Египте, Палестине и Сирии. Этот процесс оказал сильное влияние на политическое и культурное развитие всего региона. В него оказались втянутыми различные этнические и лингвистические группы, проникавшие сюда из окружающих областей. От гиксосов дошло гораздо больше археологических, чем письменных памятников, и в силу этого они были и остаются объектом

многочисленных дискуссий (см.: *Alt A. Die Herkunft der Hyksos in neuer Sicht. Lpz., 1954*).

Д а м а с к — город в одном из оазисов Сирии, постоянно упоминаемый в египетских документах и в переписке из Амарны с XVI в. до н. э. Большая часть нашей информации, относящейся к этому городу, восходит к Ветхому завету и поэтому связана со взаимоотношениями Дамаска и еврейских царств в военное и мирное время. За арамеями, завоевавшими город в последнюю четверть II тысячелетия до н. э., последовали Давид и ассирийцы, пришедшие в VIII в. до н. э. В конце концов Дамаск стал столицей Набатеяского царства (85 г. до н. э.). В течение всей истории города внешняя торговля играла большую роль в его жизни.

Д е р — город, расположенный за Тигром в сторону Элама (см.: *Smith S. — JEA. 18, 1932, 28*). Хотя о нем имеются упоминания начиная с древнеаккадского и вплоть до селевкидского периода, Дер имел некоторое политическое значение, как столица области (ее называли Ямутбал), лишь недолгое время — в начале раннего старовавилонского периода. Так как холм, у подножия которого лежал город, еще не раскопан, нельзя ничего сказать ни об его истории, ни о пантеоне, который, судя по литературным источникам, отличался своеобразием.

Д ж е м д е т - Н а с р — холм, расположенный в пятнадцати милях северо-восточнее Киша. Там в 1925—1926 гг. обнаружены весьма архаические надписи и характерная (по форме и орнаменту) керамика, а также необычные тонкие кирпичи. Находки хорошо вписываются в последовательную схему развития ранней месопотамской керамики и занимают место после слоя Варка IV.

Д и л ь м у н (**Б а х р е й н**). Лежащие недалеко от Аравийского побережья, в восточной части Персидского залива, острова, играющие в течение всей истории Месопотамии роль торгового центра, где морские пути, проходившие по заливу, перекрещивались с теми, которые вели на Восток. Свидетельства о подобной роли Дильмуна встречаются с досаргоновского времени вплоть до нововавилонского периода, хотя здесь есть длительные, имеющие существенное значение перерывы. С Востока в Месопотамию через Дильмун доставляли растения, камни, металлы и животных. Вопрос, в какой связи стояло название этого острова с Маганом и Мелуххой, все еще не выяснен. См. Маган и Мелухха.

Д р е х е м см. Ур и III династия Ура.

Д у р - К у р и г а л ь з у — город, упоминаемый в современных ему ниппурских источниках. Развалины Акаркуфа к западу от Багдада указывают местоположение храмовой баши города, основанного, вероятно, касситским царем Куригальзу II (1333—1312 гг. до н. э.). Найденные при раскопках таблички опубликованы (*Gurney O. R. — Iraq. 11, 1949, с. 131—149*). О фрагментах большой статуи с надписью на трудном и искусственном шумерском языке того периода см.: *Kramer S. N. — Sumer 4, 1948, с. 1—28*, а также перевод Крамера в издании Дж. Б. Пritchарда (ANET², с. 57—59).

Д у р - Ш а р р у к и н (**Х о р с а б а д**) — столица Ассирии, основанная Саргоном II (721—705 гг. до н. э.) в двенадцати милях к северо-востоку от Ниневии на месте другого города на холме. Этот холм непрерывно раскапывался с 1842 г. Город построен в конце царствования Саргона и, видимо, оставался местопребыванием правителя более столетия после основания. В результате раскопок установлен план города и его цитадели, найдено много памятников и несколько табличек, обнаружен список ассирийских царей.

З е н д ж и р л и см. Сам'ал.

И д р и м и — царь Алалаха (третья четверть II тысячелетия до н. э.). Он оставил начертанный на статуе уникальный документ, в котором содержится рассказ о его молодости, о том, как Идрими добился царской власти, и, наконец, о его военных и политических успехах.

И с и н — древний город. После падения империи III династии Ура цари I династии Исина правили этим городом, лежащим в центральной части Нижней Месопотамии, более двухсот лет (2017—1794 гг. до н. э.). Во время правления узурпатора «бедуинского происхождения» Ишби-Эрры (2017—1985 гг. до н. э.) и его непосредственных преемников власть Исина быстро распространилась в направлении Ниппура, Дильмуна, Элама, Ура и Дера, так что цари Исина вполне обоснованно могли претендовать на то, чтобы их, как некогда царей Ура, считали ведущей силой своего региона. После Ишме-Дагана (1953—1935 гг. до н. э.) и Липит-Иштара (1934—1924 гг. до н. э.), имена которых тесно связаны с созданием

нового законодательства, обусловленного социальными проблемами, вставшими перед государством, сфера влияния Исина постоянно уменьшалась под давлением наступающих царей Ларсы. Правитель Ларсы Рим-Син завоевал Исин на двадцать девятом году своего правления, за два года до того, как Хаммурапи занял трон в Вавилоне.

К а л а х — столица Ассирии, расположена на восточном берегу Тигра, в двадцати милях южнее Мосула и древней Ниневии. Основана Ашшур-нацир-апалом II в 883 г. до н. э. Более ста лет назад Калах привлек внимание первых археологов (О. Лейарда, Г. Рассама, В. Лофтуса). Современное название поселения — Нимруд. Работы там были завершены Британской школой археологии в 1949 г. и дали значительные результаты. Подробный разбор см.: *Mallowan M. L. Twenty-Five Years of Mesopotamian Discovery. L., 1956, с. 45—78.*

К а н и ш (Кюль-тепе). Если не считать небольшого числа табличек, найденных в Алишаре и неподалеку — в Богзакёйе (см. также Гасур), то окажется, что все таблички, написанные ассирийскими купцами в начале II тысячелетия до н. э., найдены у холма Кюль-тепе, расположенного неподалеку от Кайсери, южнее Галиса. Город Каниш, лежащий у подножия этого холма, дал более шестнадцати тысяч табличек, из которых примерно две тысячи были опубликованы между 1882 и 1963 гг. В основном тексты, добытые Турецким историческим обществом с 1948 г., остались неопубликованными, за исключением нескольких. Все они еще недоступны ученому миру. Путь к пониманию этих трудных текстов и филологическому и историческому истолкованию, следующему за расшифровкой и определением, был проложен Бенно Ландсбергером и Юлиусом Леви.

К а п п а д о к и й с к и е т е к с т ы см. Каниш.

К а р к е м и ш — город на Верхнем Евфрате (области, четко выходящей за пределы месопотамской цивилизации). Его история известна на хеттских (приходящих из Хаттуса и Угарита), а также ассирийских и вавилонских исторических документов. Как и с Дамаском и Пальмирой (*Tadmur*), роль Каркемиша в международной торговле все еще до конца не выяснена; она связывала Месопотамию со Средиземноморским побережьем в период господства хеттов в городе и после него, во время последовавшего завоевания города Саргоном II (717 г. до н. э.).

К а с с и т ы — правители с иноземными именами; завладели царской властью в Вавилонии примерно за полтысячелетия до 1157 г. до н. э. Обстоятельства их прихода к власти скрыты во мгле «Темного периода». Когда тьма рассеивается, на Ближнем Востоке вновь возникает как политическая сила Вавилония — на этот раз уже под властью касситов. Однако стабильность ее организации и военная мощь в течение многих столетий уже далеко не постоянны. Восемь последних царей «касситской» династии имели аккадские имена. Вклад, внесенный этим чуждым элементом в цивилизацию Месопотамии, предстоит еще изучить.

К а т н а — поселение на полпути между Дамаском и Алеппо, где было найдено небольшое число клинописных табличек (несколько инвентарных описей и список предзнаменований), датируемых серединой II тысячелетия до н. э. Город упоминается в переписке из Амарны, в текстах из Богзакёйи и, возможно, в табличках из Мари (см.: *Dossin G. Iamhad et Quatanum. — RA 36, 1939, с. 46—54.*)

К и р к у к см. Арпахха.

К и ш — древний город. До включения его в находящееся неподалеку и расширявшееся в то время Вавилонское царство (это произошло в правление третьего царя I Вавилонской династии) Киш, видимо, после падения III династии Ура не играл заметной роли. Нельзя сколько-нибудь достоверно определить его значение и в аккадский период. В тот период владение Кишем давало возможность царям Нижней Месопотамии называть себя «царями Киша», что истолковывалось как «Царь (всего) света» — титул, который с тех пор носили все цари Месопотамии и окружающих земель, претендовавшие на гегемонию в регионе.

К т е с и ф о н см. династия Аршакидов.

К у т и и (г у т и и) — жители гор Загра; населяли, вероятно, район, расположенный недалеко от современного Луристана. У этого народа был свой язык. Вторжение кутиев в Нижнюю Месопотамию стало причиной гибели остатков империи Саргона Аккадского. Считается, что цари кутиев правили Аккадом около ста лет. Имена этих царей и несколько слов, сохранившихся в лингвистических текстах, — все, что мы знаем о языке кутиев. Невозможно определить влияние этого

народа на месопотамскую цивилизацию. См. материалы, относящиеся к кутиям и к их возможной идентификации с курдами: *Speiser E. A. Mesopotamian Origins. The Basic Population of the Near East. Philadelphia, 1930, с. 96—119*; см. также: *Hallo W W Gutium. — RLA. Vol. 3, 1957—1971, с. 708—720.*

К у ю н д ж и к см. Ниневия.

К ю л ь - т е п е см. Каниш.

Л а г а ш (Телло) — древний город в Нижней Месопотамии, известный благодаря своему знаменитому правителю Гудеа. Лагаш погребен под целым комплексом холмов в Телло и вокруг него. Нижние культурные слои датируются периодами Убаид и Урук, а название города впервые упоминается даже в додинастических текстах. Немногочисленные документальные свидетельства о Лагаше встречаются в период вплоть до правления преемника Хаммурапи Самсу-илуны. Арамейский правитель Ададнадин-аххе в III в. до н. э. построил дворец на руинах города, причем на кирпичах было начертано его имя по-гречески и по-арамейски (см.: *Parrot A. Tello. P., 1948*).

Л а р с а — южноавилонский город. Примерно в начале правления династии Исина (см. выше) здесь власть принял правитель иностранного происхождения — Напланум (2025—2005 гг. до н. э.). После победы над Уром при его четвертом преемнике — Гунгунуме — Ларса приобрела большое политическое значение. Ларса перехватила коммерческие связи Ура, простиравшиеся до самого Дильмуна. В последующий период политические амбиции правителей Ларсы были направлены главным образом на соперничество и борьбу с Исином за обладание Ниппуром. После того как новые узурпаторы пришли с востока, из-за Тигра, а сыновья шейха области Ямутбала, носившего эламское имя, получили власть в Ларсе, Исин был покорен. В Ларсе начался короткий период расцвета, связанный с длительным правлением ее последнего царя Рим-Сина (1822—1763 гг. до н. э.). Завоевание Ларсы царем Хаммурапи положило конец периоду существования городов-государств в Нижней Месопотамии.

Л у л л у б е и (л у л л у) — горный, как и кутии, народ. На них, однако, не распространялась та ненависть, которую последние снискали себе после вторжения на равнину. Надпись и изображение Иштар, найденные на скале, показывают, что луллубеи поддерживали контакты с Месопотамией уже в раннеаккадский период (см.: *Speiser E. A. Mesopotamian Origins. Philadelphia, 1930, с. 88—96*).

М а г а н и М е л л у х а. Хотя оба названия встречаются в месопотамских географических перечнях обычно рядом, все же, когда требовалось обозначить происхождение каких-либо лиц или предметов, писцы тщательно разграничивали эти две области. Я склонен утверждать, что существовало определенное различие в употреблении этих топонимов во II и в I тысячелетиях до н. э. Во II тысячелетии они определяли крайние восточные пределы известного мира, т. е. Восточную Аравию и Индию. В I тысячелетии эти названия встречаются только в литературных текстах; они относятся к Эфиопии и, возможно, к области, лежащей за ней. Лишь немногие ученые настаивают, что в ранних свидетельствах тоже имеются в виду африканские страны, которые, по их предположению, налаживали контакты с Месопотамией через Индийский океан.

М а л ь г и у м — город и прилегающая к нему область на восточном берегу Тигра, южнее устья реки Диялы, расцвет приходится на старовавилонский период. Мальгиум вел войны с царством Исина (при царе Гунгунуме) и вошел в большое (направленное против Хаммурапи) объединение лежащих за Тигром государств. Он встречается в названиях годов царствования этого правителя (с 30-го по 39-й). В конце старовавилонского периода упоминания о Мальгиуме исчезают.

М а н н е и — группа племенных образований кочующих народов. В I тысячелетии до н. э. они стали наступать с востока на Урарту и Ассирию. Трудно определить их отношение к местным племенам и ираноязычным народам (см.: *Girshman R. — Bibliotheca Orientalis. 15, 1958, с. 257—261; Дьяконов И. М. История Мидии. М.—Л., 1956*).

М а р и. Таблички, обнаруженные в Телль-Харири, месте, где Евфрат вступает в пределы современного Ирака и некогда находился Мари, представляют особенности клинописных текстов, происходящих из города, лежащего на периферии страны. Среди большого числа административных писем и документов (предположительно около двадцати тысяч) выделяются наиболее интересные: царский риту-

ал, несколько двуязычных и литературных текстов (еще не опубликованных) и таблички, написанные по-хурритски. Большинство текстов относится к короткому периоду, начинающемуся правлением завоевавшего Мари Яхдун-Лима из Ханы и заканчивающемуся гибелью ассирийского государства Шамши-Адада I, происшедшей при его сыне Ишме-Дагане I. Этот период включает также недолгую реставрацию при сыне Яхдун-Лима Зимри-Лиме. Издание текстов, в основном писем и административных документов, а также юридических, было начато в 1946 г. в Париже в серии под названием «Царский архив Мари» (*Archives royales de Mari*). С 1950 г. в параллельной серии печатаются транслитерация и перевод этих документов Ж. Доссеном, Ш. Ф. Жаном, Ж. Р. Куппером, Ж. Боттеро, Ж. Буайе, М. Биро и М. Бэрком. Опубликовано уже десять томов, содержащих более тысячи трехсот текстов. Значительное число надписей на статуях и административных текстов иллюстрирует предшествующую историю государства вплоть до досаргоновского периода. Значение текстов из Мари не столько в том, что они хотя и довольно поверхностно, но позволяют все же представить исторический фон описанных в Ветхом завете событий, сколько в том освещении, которое они дают столкновению двух культур — месопотамской «варварской западной». См.: *Noth M. Mari und Israel. Tübingen, 1953.*

М е л у х х а см. Маган.

М е с о п о т а м и я. В данной книге этот термин имеет два значения. Во-первых, он применяется к цивилизации, возникшей между Тигром и Евфратом и в области, к ним примыкавшей, в IV тысячелетии до н. э., независимо от языковой и этнической принадлежности ее создателей или места их происхождения. Иначе говоря, я считаю создателями этой цивилизации не только шумеров и аккадцев, но также и тех, кто внес свой вклад до или после них. Во-вторых, этот термин имеет чисто географическое значение, определяя более или менее строго область, ограниченную двумя реками, от устья и до того места, где, выше Багдада, реки сближаются друг с другом (так называемая Нижняя Месопотамия). Кроме того, в понятие входит и территория севернее этого пункта, вдоль рек и между ними (Верхняя Месопотамия), а также полоса предгорья на левом берегу Среднего Тигра (собственно Ассирия).

М и т а н н и — государство, власть которого с XVI до середины XIV в. до н. э. распространялась на значительную часть Верхней Месопотамии и Северной Сирии. Государство возникло в «Темный период». С того времени сферам его влияния стали угрожать хетты, наступление которых в сторону Евфрата и на Северную Сирию началось снова в Новое царство, причем в том же направлении двигались и египтяне. В середине XIV в. до н. э. царство Митанни рухнуло, но ассирийцам, после того как они освободились от митаннийского господства, потребовалось более двух столетий, чтобы завоевать те области, над которыми последние властвовали столь долгое время. В Митанни и в государствах, подчинившихся ему, был, видимо, распространен хурритский язык, однако личные имена правящего класса были, бесспорно, индоевропейскими. Местонахождение столицы — города Вашшуккани — еще не установлено.

М у р с и л и с II — царь хеттов (1339—1306 гг. до н. э.), отец Муваталли-сражавшегося с Рамсесом II в знаменитой битве при Кадеше.

М у с а с и р — столица Урарту и центр почтения бога Халда. Завоевание Мусасира Саргоном II описано в обширном документе (TCL. III). Весьма интересный ассирийский рельеф свидетельствует о специфических чертах этого города (см.: *Thureau-Dangin F. Une relation de la huitième campagne de Sargon. P., 1912.*)

Н а б а т е и — одна из нескольких гибридных цивилизаций, созданная выходцами с Аравийского полуострова в конце II тысячелетия до н. э. на краю сирийско-аравийской пустыни, в области, простирающейся от Нижнего Евфрата до южного побережья Мертвого моря, и существовавшая с конца II и значительную часть I тысячелетия до н. э. Набатеи, обитающие в Эдоме и Моаве, упоминаются в надписях в течение трех-четырёх столетий. Их столицей считается Петра. Набатеи получили международное политическое значение после того, как Александр Великий освободил их от персидской власти, и пользовались влиянием вплоть до аннексии их царства Траяном. Для набатеев характерно смешение местных (пантеон) и иноземных элементов (арамейский и греческий языки и письменность). Они занимались сельским хозяйством, основанным на искусном использовании скуд-

ных запасов воды, вели оживленную торговлю с другими странами; их караваны связывали Персидский залив и Красное море со Средиземным.

Набонид — последний царь Вавилонии (556—539 гг. до н. э.), уроженец Харрана, узурпировавший власть в Вавилонии, воспользовавшись, вероятно, трудностями, вызванными кратковременным правлением неудачливых преемников Навуходоносора. Правление Набонида ознаменовалось серией беспрецедентных поступков. Нам известны лишь немногие, притом сведения эти весьма туманны. Мы знаем о его длительном пребывании вне Вавилона, в Теме (Аравия), о совместном правлении вместе с сыном Валтасаром, о предпочтении, оказываемом Набонидом богу Луны, почитавшемуся на его родине в Харране, и о других поступках, намеки на которые мы встречаем в современных ему клинописных текстах. Трагическая судьба последнего вавилонского царя привлекла к нему внимание классиков (Геродота, Ксенофонта и Иосифа Флавия), а идущее вразрез с традициями поведение снискало ему известное всему Ближнему Востоку прозвище «сумасшедший царь Вавилона».

Навуходоносор II — царь Вавилонии (605—562 гг. до н. э.), наследовавший своему отцу Набопаласару. Последний — основатель халдейской династии; он добился освобождения страны из-под власти Ассирии. При Набопаласаре к Вавилону стала переходить как в военном, так и в политическом отношении роль Ассирии, но только при Навуходоносоре II, после победы над фараоном Нехо II при Каркемише в 605 г. до н. э., страна достигла апогея своего могущества на древнем Ближнем Востоке. Навуходоносор II расширил вавилонское господство на Запад, завоевал Иерусалим и Тир (597 и 586 гг. до н. э.) и вел войны против Египта. Надписи и обилие юридических и административных текстов, датированных годами правления Навуходоносора II, не дают все же ясного представления ни о его личности, ни о социальной и экономической базе этого явно благополучного периода.

Неираб. В 1926—1927 гг. два французских священника, Каррьер и Барруа, раскопали холм неподалеку от Алеппо, под которым обнаружили небольшой город ассирийского и нововавилонского периодов, называвшийся Нириби. Найденные ранее две арамейские стелы упоминают это название и имена двух шумерских богов, связанных с культом Луны. Тексты были опубликованы Dhorme E. (*Les tablettes babyloniennes de Neirab*. — RA. 25, 1928, с. 53—82).

Ниневия — древний ассирийский город. Когда Синаххериб в VIII в. до н. э. сделал Нину столицей своей империи, Ниневия уже имела более чем двухтысячелетнюю историю, подтверждаемую археологическими и эпиграфическими (Нарам-Суэн, Шамци-Адад I) свидетельствами. В большей степени значение города было связано с культом Иштар Ниневийской, которая была так знаменита, что о ней знали даже в Египте. Политическое могущество Ниневии оказалось кратковременным: в 612 г. до н. э. ее захватили мидяне. О размерах и богатстве этого города, о его внезапной гибели неоднократно говорится в Ветхом завете. Обширные городские руины с их длинными стенами и двумя большими холмами, Куянджиком и Неби Юнусом, рано привлекли внимание археологов, усилия которых были вознаграждены находкой рельефов и клинописных документов.

Нинпур — город (по-шумерски Нибру) в Центральной Вавилонии. Он играл особую роль в истории Месопотамии вплоть до середины II тысячелетия до н. э. Подобно Синнару, Нинпур никогда не был средоточием политической власти, хотя бог города Элиль и знаменитый храм Экур оказали немаловажное влияние на месопотамские религиозные институты, что ставит их в особое положение по сравнению с другими городскими и местными культами. С раннего шумерского периода Нинпур был также центром духовной жизни. Многие из того, что мы знаем о литературе Шумера, связано с находками из Нинпура. Раскопки нескольких американских институтов, начатые в 1889 г., продолжаютя. В результате налицо административные, юридические, литературные и исторические тексты, которые относятся почти ко всем периодам истории города, вплоть до парфянского. Таблички, найденные на протяжении прошлого столетия, в большинстве своем доступны для изучения, но из обнаруженных за последние четырнадцать лет опубликованы лишь немногие.

Нузи см. Аррапха.

Парфия — иранское племя, обитавшее в области Каспийского моря. В се-

редине III в. до н. э. под предводительством своего вождя Аршака (см. династия Аршакидов) оно восстало против Селевкидов. Парфяне завоевали Иран, а затем и Месопотамию.

Персеполис — царская резиденция на юго-западе Ирана, основанная Дарием I (522—486 гг. до н. э.) и разрушенная Александром Великим (330 г. до н. э.). Развалины Персеполя привлекали к себе европейских путешественников с начала XVII в. (Пьетро делла Валле).

Персидский период в Месопотамии начался со вторжения Кира в Вавилон (539 г. до н. э.) и длился до прихода Александра Великого. Датированные временем персидских правителей таблички были найдены в Сиппаре, Вавилоне, Борсиппе, Ниппуре, Уре, Уруке и в других многочисленных мелких поселениях. Весьма ограниченное число иноязычных слов свидетельствует о пребывании здесь завоевателей. Они связаны главным образом с названиями представителей власти (см.: *Eilers W. Die iranischen Beamtennamen in der keilschriftlichen Überlieferung*. Lpz., 1940). Если не считать приписываемого Киру традиционного глиняного цилиндра, то мы располагаем лишь такими надписями, где аккадская версия соседствует с древнеперсидской, а иногда с эламской. Об этих текстах см.: *Kent R. G. Old Persian Grammar, Texts, Lexicon*. New Haven, 1950; *Rössler O. Untersuchungen über akkadische Fassung der Achämenideninschriften*. B., 1938.

Приморская страна (Приморье) — дословный перевод аккадского названия болотистой области, примыкавшей к верхней части Персидского залива и рекам, впадающим в него. Царские списки упоминают десять или одиннадцать царей династии URU. KU^{ki}, носящих или аккадские, или весьма искусственные шумерские имена и называющих себя в немногочисленных надписях «царями Приморской страны»; по-видимому, они были современниками ранних касситских правителей на севере. Хотя мы ничего не знаем о длительности существования этого эфемерного политического образования, однако имеется достаточно вавилонских источников конца II и первой половины I тысячелетия до н. э. («царские списки» относят недолговечную II династию Приморья к XI в. до н. э.), чтобы утверждать, что в то время Приморьем называли южную провинцию Вавилонского царства и она продолжала существовать, активно участвуя в борьбе против ассирийского господства. Исследование Р. П. Догерти (*The Sealand of Ancient Arabia*. New Haven, 1932) в значительной степени устарело.

Птолемии эллинистическая династия; правила с 305 до 31 г. до н. э., начиная с полководца Александра Великого Птолея I Сотера и вплоть до Птолея XIV Филопатора и Клеопатры. Их правление относится к периоду расцвета эллинистической цивилизации и к последним фазам цивилизации Египта.

Сам'ал (Зенджирли) — поселение в горах Тавра, входившее в небольшое царство, где арамеи, покорившие племена, говорившие по-лувийски, построили в X в. до н. э. хорошо спланированный город. Через одно или два столетия этот город вошел в сферу влияния ассирийцев и в конце концов стал частью Ассирийско-империи. Город расканывался немецкой экспедицией.

Саргон Аккадский могущественный царь конца III тысячелетия до н. э. «Шумерский царский список» отводит ему пятьдесят шесть лет. Его правление оставило глубокий отпечаток как на истории Месопотамии, так и на литературе и политических концепциях этой страны. Согласно большинству (в основном вторичных) доступных нам источников, под власть Саргона и его внука Нарам-Суэна попала весьма обширная территория, но их завоевания были значительно преувеличены множеством легенд, связанных впоследствии с этими двумя знаменитыми полководцами. Рождение Саргона, приход его к власти, длительное, насыщенное событиями царствование долго еще помнили в Месопотамии и Малой Азии. Стремление Саргона овладеть территорией от Нижнего моря с его островами до Верхнего, т. е. от Дильмуна до Кипра, определило цели и политику многих месопотамских завоевателей, правивших после него.

Саргон II — царь Ассирии (721—705 гг. до н. э.); пришел к власти после недолгого правления своего брата Салманасара V и был вынужден вести напряженную войну за восстановление империи отца (Тиглатпаласара III). Через десять лет, которые Саргон провел в войнах против своих врагов на западе (Сирия и Малая Азия) и на севере (Урарту), он повернул войска против Вавилонии, заставил

ее правителя Мардук-апла-иддина II бежать в Элам и в 709 г. до н. э. сделался царем Вавилона. Саргон II был убит во время незначительной стычки в Иране, и основанный им возле Ниневии новый город Дур-Шаррукин (Хорсабад) так и остался недостроенным.

Саргониды — удобное обозначение последних ассирийских царей, начиная от Саргона II (721—705 гг. до н. э.) до окончательной гибели Ассирийской империи. Многочисленные надписи, дипломатическая и дворцовая переписка, а также оставленные ими памятники сделали четырех из них (Саргона II, Синаххериба, Асархаддона и Ашшурбанапала) наиболее известными царями во всей истории Месопотамии.

Сасаниды — иранская династия (224—651), сменившая династию Аршакидов и более трехсот лет правившая простиравшейся от Сирии до Северо-Западной Индии империей. На западной границе Сасаниды удачно воевали с римлянами и долгое время, несмотря на возникшие в отношениях с восточными соседями трудности, успешно осуществляли культурные связи Востока и Запада, сохраняя достижения как иранской, так и месопотамской культур.

Селевкиды (селевкидский период). Почти ничего не известно о любопытной гибридной цивилизации, выросшей, видимо, из местной месопотамской культуры в результате смешения ее с привнесёнными элементами сирийской (или арамейской) культуры и наложившимися на нее элементами греческой в годы, когда страна была под властью Селевка I Никатора (убит в 281 г. до н. э.), управлявшего из построенной им новой столицы, названной в его честь Селевкия, огромными пространствами Ближнего Востока. Относящиеся к тому времени клинописные источники весьма немногочисленны. Если не считать некоторого количества текстов, копирующих памятники традиционной литературы (предсказания, аккадские литературные памятники и двуязычные тексты), мы располагаем только небольшим числом юридических документов (главным образом из Урука), несколькими юридическими надписями (среди них два «царских списка»), а также математическими и астрономическими табличками. В Месопотамии не сохранилось текстов на папирусе и подобных ему непрочных письменных материалах, которых так много дошло от современной Селевкидам греко-египетской цивилизации.

Селевкия — город, основанный на западном берегу Тигра, ниже современного Багдада. Селевкия Месопотамская (один из нескольких ближневосточных городов, носивших это имя) была построена в 312 г. до н. э. Селевком I Никатором. Город был разрушен в 164 г. н. э., просуществовав, таким образом, в качестве политического и культурного центра крупного государства около пятисот лет.

Сидон — порт на финикийском побережье в двадцати пяти милях севернее Тира. Сидон упоминается в амарнской переписке, а также в Ветхом завете и египетских источниках. Город был разрушен в 677 г. до н. э. в результате войн с Ассирией, начавшихся после смерти Саргона II.

Синаххериб — царь Ассирии (704—681 гг. до н. э.), наследник империи созданной его отцом Саргоном II. Правление Синаххериба было омрачено множеством трудных войн, изобиловавших победами и поражениями и направленными против Вавилонии и ее главного союзника — Элама. Войны закончились разрушением Вавилона в 689 г. до н. э. Весьма возможно, что убийство Синаххериба одним или, может быть, несколькими сыновьями было как-то связано с борьбой царя с Вавилонией. В основе этого конфликта, вероятно, лежат политические и экономические причины. Однако не вызывает сомнений также наличие внутренних и духовных противоречий в ассирийском правящем классе. Поход на Запад, столкнувший Синаххериба с иудейским царем Езекией, о чем рассказано в Ветхом завете, был лишь незначительной карательной экспедицией с целью обеспечить уплату иудеями дани.

Сиппар — самый северный из городов Нижней Месопотамии. В нем сохранилось больше текстов, относящихся к старо- и нововавилонским периодам, чем в каком-либо ином поселении Месопотамии, не говоря уж о важности найденных там табличек литературного содержания. Первоначально Сиппар был, видимо, торговым центром, удаленным от населенных областей южной и центральной Нижней Месопотамии, где под покровительством бога Шамаша строили дома представители кочевых и полукочевых племен. Мир и связанная с мирной жизнью

торговля значили для этого торгового города больше, чем надежды на усиление политического могущества. Мы знаем несколько имен сиппарских «царей», правивших небольшие сроки в предшествующие Хаммурапи годы; однако с установлением династии этого царя Сиппар, бесспорно, становится неотъемлемой частью империи и разделяет ее судьбу до самого конца. В нововавилонский (халдейский) период Сиппар упоминается в многочисленных административных и юридических текстах. Лишь небольшая часть их опубликована.

С у л т а н т е п е — см. Харраи.

С у з ы — столица Элама; расположенная на Месопотамской равнине у реки Улай. Место, где находилось поселение Шушан, было заселено в течение более пяти тысячелетий. Раскопки холма производятся уж более столетия. В этом административном центре Элама найдены все известные исторические и литературные эламские надписи, а также множество древнеаккадских и шумерских текстов, датированных поздним старовавилонским периодом и последующими за ним веками. Немногочисленные тексты с предзнаменованиями и литературные, а также списки слов и учебные таблички показывают, что в этот период в Сузах изучался аккадский язык. Среди раскопанных памятников прежде всего выделяется Кодекс Хаммурапи, две, а может быть, даже три копии которого вместе с многочисленными камнями были некогда привезены в столицу победоносными эламскими царями в качестве трофеев.

Т е м а (с о в р. Т е й м а) — древнее поселение на северо-западе Аравийского полуострова. В этом месте перекрещивались караванные пути, которые вели с запада и юга к верхней части Персидского залива и из Дамаска к Медине. Тема упоминается в Ветхом завете и в ассирийских царских надписях (Тиглатпаласар III) как торговый центр, лежащий на караванном пути, а также в поздних административных документах. В одной из надписей Набонид упоминает, что Тема наравне с другими аравийскими городами лежит на караванных путях. Набонид по неизвестным причинам прожил там несколько лет.

«Т е м н ы й п е р и о д». Термин впервые был введен Б. Ландсбергером в его статьях «Ассирийские царские списки» и «Темный период» (JCS. 8, 1954, с. 31—45, 47—73, 106—133). Он подчеркивает поразительное отсутствие в Вавилонии источников, начиная с последних царей династии Хаммурапи и до середины касситской династии. В Ассирии же этот период пришелся на конец династии, основанной Шамши-Ададом I, и продолжался до Ашшур-убаллита I. В обеих странах, однако, списки царей перебарывают через эту пропасть тонкую и непрочную нить. Многие проблемы хронологии Месопотамии тесно связаны с величиной отрезка времени, отводимого «Темному периоду». Существуют различные точки зрения, «краткие» и «долгие» хронологии, а также и промежуточные решения. В основе любого из них лежат только случайные свидетельства. Дискуссия не прекратится, пока не будут обнаружены новые документы и синхронизмы, которые позволят установить на основе немногочисленных имеющихся в наличии фактов надежную временную последовательность.

Т и р — островной город на финикийском побережье. В течение своей истории был тесно связан с лежащим к северу от него родственным Сидоном. Стратегическая выгодность островного положения Тира — только Александру Великому удалось осадить и победить его в 332 г. до н. э. — увеличивала его политическое значение. Влияние Тира распространилось и на остров Кипр, и на материк. Впервые Тир соприкоснулся с наступавшей на Средиземноморье Ассирией при Ашшур-нацир-апале II, которому город, как известно, уплатил дань в 876 г. до н. э.

У г а р и т — город-государство у побережья Средиземного моря. Под холмом (Рас-Шамра) скрыты остатки многих цивилизаций. В этой книге меня непосредственно интересуют лишь те, которые как материал для письма использовали глину. Известное количество табличек заполнено знаками, не имеющими прямой связи с месопотамской системой письма. Их языком был семитский диалект, родство которого с остальными языками этой группы пока не изучено. Остальные таблички, найденные в Угарите, содержат аккадские тексты, а также списки, где встречаются переводы на угаритский язык шумерских, аккадских и хурритских слов. Найдены также юридические, эпистолярные, литературные тексты и документы на хеттском языке.

У р. Между Эреду и нынешним руслом Евфрата расположен холм, под кото-

рым покоится «Ур халдеев». Систематическое исследование этого холма началось в 1922 г. под руководством сэра Леонарда Вулли; наиболее эффективным результатом раскопок была находка знаменитых царских могил. Кроме того, обнаружены исторические надписи, юридические и административные документы, литературные и учебные тексты от архаических времен (лишь немного более поздних, чем эпоха Джемдет-Наср) и вплоть до персидского и селевкидского периодов. Как это было и с городом Урук, история Ура охватывает всю известную нам историю Месопотамии.

История Ура основана царем Ур-Намму вскоре после освобождения страны от нашествия кутиев; высшей точки развития достигла при его сыне Шульги, которому наследовали недолго правившие Амар-Суэн и Шу-Суэн. Последним царем династии был Ибби-Суэн, которого увели в плен в Элам. Строительные надписи, царские гимны и большое количество административных документов не дают возможности нарисовать исчерпывающую картину истории и политической организации этого государства. Точно так же нельзя составить адекватное представление об экономической структуре империи только на основании имен правителей и должностных лиц, управляющих учреждениями, в ведении которых находились стада (в Пузриш-Дагане, ныне Дрехем), предметы первой необходимости и роскоши (главным образом в Умме, ныне Джохе), или чиновников, связанных со столицей (таблички из Ура) и прочими административными центрами.

Урарту — значительное государство, расположенное у озера Ван. Его расцвет длился примерно с 900 до 600 г. до н. э. Ассирийские цари с Ашшур-бел-кала (1074—1057 гг. до н. э.) до Саргона II (714 г. до н. э.) или воевали с самим Урарту, или боролись с его влиянием в Северной Сирии, которое одно время распространилось вплоть до Алеппо. Многочисленные клинописные надписи на урартском языке встречаются на скалах, различных предметах и глиняных табличках. Двухязычный текст (урартско-ассирийский), остатки храмов, городских стен, различные каменные и металлические предметы подтверждают значение урартской цивилизации.

Урук — город Южной Вавилонии (шумерский Unug, библейский Эрец, современная арабская Варка); развивался параллельно всей истории Месопотамии с древнейшего и вплоть до последнего ее периода. Древнейшие шумерские документы, опубликованные и интерпретированные А. Фалькенштейном, относятся к началу, а большое собрание юридических и учебных табличек селевкидского периода — к концу истории Месопотамии. В городе, развалины которого производят большое впечатление как своими размерами, так и обилием храмов, правила прославленные цари древнейшего времени — Энмеркар, Гильгамеш и Думузи, а также оставившие значительный след в истории Лугальзагеси и Утухенгаль. Немецкие экспедиции работали в Уруке до первой мировой войны, но опубликованных документов мало.

Чагар-Базар — поселение в Северо-Восточной Сирии, в долине верхнего Хабру, раскопывавшееся Британской школой археологии с 1934 по 1937 г. Найденные таблички административного характера (см.: *Gadd C. J. Iraq*, 7, 1940, с. 22—61) датируются правлением Шамши-Адада I ассирийского.

Халдейская династия — последняя местная династия, основанная Набопаласаром (626—605 гг. до н. э.), продолженная его знаменитым сыном Навуходоносором II (605—562 гг. до н. э.) и завершившаяся недолгими царствованиями сына Навуходоносора Амел-Мардука (562—560 гг. до н. э.), его зятя Нериглиссара (560—556 гг. до н. э.) и сына последнего Лабаш-Мардука (556 г. до н. э.). Эта династия была свидетелем падения Ассирийской империи, нашествия мидян и подвига Вавилонии, часто называемой в это время Халдеей. Как ведущая военная сила Ближнего Востока, Халдея лишь ненадолго заменила Ассирию. Царские надписи, хроники, большое количество частных, судебных и административных документов и писем (из Сиппара, Ниппура, Вавилона, Урука и Ура) достаточно освещают этот период, который во многих отношениях явился вершиной вавилонского благосостояния и военной силы. В династию принято включать и узурпатора Набонида (556—539 гг. до н. э.).

Хаммурапи династия (I Вавилонская династия). Местные историки называют ее Вавилонской династией; насчитывает одиннадцать царей, правила три столетия (1894—1595 гг. до н. э.), причем все цари, за исключением самого первого, принадлежали к одной семье и сын неизменно наследовал отцу. При

втором царе этой династии столица была перенесена в селение Бабили; цари последовательно расширяли территорию и усиливали свое политическое могущество, пока, наконец, при шестом царе, Хаммурапи (1792—1750 гг. до н. э.), оно не достигло апогея. Затем сфера влияния вавилонских царей непрерывно уменьшалась как под влиянием внешних, так, несомненно, и внутренних причин. Весь период имел решающее значение для художественного, литературного и интеллектуального развития Месопотамии. Позднейшие литературные тексты многократно упоминают имя Хаммурапи как представителя славной древней эпохи месопотамской истории.

Х а р р а н — город на севере Верхней Месопотамии, впервые упомянутый в хеттских документах из Богазкёй, а затем в Ветхом завете и ассирийских царских надписях. В последней трети II тысячелетия до н. э. Харран был завоеван ассирийцами, продвигавшимися на запад, и, став (при Саргоне II) неотъемлемой частью Ассирии, не уступал по значению соперничающим с ним древним ассирийским городам, лежащим в центре страны. Важнейшее божество Харрана — бог Луны, храм которому был выстроен при вавилонском царе Набониде. Из Султантепе, большого холма на равнине Харрана, извлечено значительное собрание литературных текстов, опубликованных О. Р. Гэрнеем и Дж. Дж. Финкельштейном. О найденной там важной стеле см.: *Gadd C. J. The Harran Inscriptions of Nabonidus. — Anatolian Studies. 8, 1958, c. 35—92.*

Х а т р а — арамейское царство в пустыне Верхней Месопотамии, безусловно игравшее важную роль в караванной торговле. Возможно, Хатра находилась под властью парфян; она многократно и успешно защищалась от нападений римлян (Траян), но в конце своей истории стала жертвой растущего могущества сасанидских правителей (Шапур I). На местности видна стена, окружавшая город, и развалины большого дворца.

Х а т т у с а с — столица Хеттской империи; была расположена на укрепленных отрогах гор в восточной части Центральной Анатолии (неподалеку от современной деревни Богазкёй) немного севернее центра круга, образуемого петлей реки Галис. Хаттусас упоминается со времени ассирийских колоний и вплоть до исчезновения Хеттского царства в XIII в. до н. э.

Х а т т у с и л и с III — царь хеттов (начало XIII в. до н. э.), прославившийся своим договором с египетским царем Рамсесом II и перепиской с ним и с касситскими царями Вавилонии Кадашман-Тургу и Кадашман-Эллилем II. Известно, что он отстроил заново Хаттусас, а его правление ознаменовалось миром и процветанием; автор уникального литературного произведения — автобиографии.

Х а ц о р — древний большой город на холме на равнине Хуле севернее Галилейского озера; упоминается в текстах из Мэри, в амарнской переписке и один раз в литературном тексте, рассказывавшем о знамении во сне. О важных результатах производимых в Хацоре современных раскопок см.: *Yadin Y de Rothschild James A. Expedition at Hazor. Jerusalem, 1958, 1960.*

Х о р с а б а д см. Дур-Шаррукип.

Э к б а т а н ы летняя резиденция ахеменидских и парфянских правителей Ирана у подножия горы Эльвенд (совр. Хамадан).

Э и м е р к а р мифический правитель (но-шумерски — en) Урука, герой нескольких шумерских эпических поэм, среди которых лучше всего сохранилась переведенная С. Н. Крамером «Энмеркар и правитель Аратты» * Имя Энмеркар встречается также в шумерском царском списке.

Э р е д у (Э р и д у) — древний город. Шумерский список царей приписывает Эреду древнейшую династию Месопотамии. Эти сведения до известной степени подтверждаются раскопками, которые тоже дали важные свидетельства древности этого поселения (Абу Шахрейн, расположенный в семи милях юго-западной Ура). Некогда город находился на берегу моря или внутреннего озера. Главным богом был Энки, соответствовавший у аккадцев богу воды Эа. Упоминания об Эреду встречаются на протяжении всей истории Месопотамии в экономических, административных, исторических и литературных текстах.

Э ш н у н н а (Т е л л ь - А с м а р) — столица области Варум, расположенной

* Имеется русский перевод поэмы в «Хрестоматии по истории Древнего Востока» (М., 1963, с. 268—276). — *Примеч. пер.*

в плодородном районе между Тигром и горами; процветала в старовавилонский период и в предшествующую эпоху. После падения III династии Ура цари Эшнунны распространяли свое политическое могущество и усиливали экспансию до тех пор, пока царство Исина, а затем Хаммурапи не положили предел их стремлениям. Тем не менее Эшнунна упоминается, хотя и весьма редко, и в позднейшие периоды, причем не только в литературных текстах. Основная масса табличек, раскопанных Чикагским институтом в Телль-Асмаре, еще не опубликована. В другом поселении, Телль-Хармал (древнее название — Шадуппум), были найдены две таблички, содержащие законы Эшнунны (см.: *Goetze A. The Laws of Eshnunna. — AASOR. 31, 1951—1952*).

Я м у т б а л см. Дер.

- AASOR — Annual of the American Schools of Oriental Research
 ABL — *Harper R. H.* Assyrian and Babylonian Letters
 AIO — Archiv für Orientforschung
 AJSL — American Journal of Semitic Languages and Literatures
 ANET² — *Pritchard J. B.*, ed. Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament. 2nd ed.
 AnSt — Anatolian Studies
 AOS — American Oriental Series
 ARM — Archives royales de Mari (=TCL 22—)
 ArOr — Archiv Orientalni
 AS — Assyriological Studies (Chicago)
 BA — Beiträge zur Assyriologie und semitischen Sprachwissenschaft
 BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research
 BBR — *Zimmern H.* Beiträge zur Kenntnis der babylonischen Religion
 BBSt — *King L. W.* Babylonian Boundary Stones
 BE — Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania, Series A: Cuneiform Texts
 BiOr — Bibliotheca Orientalis
 BRM — Babylonian Records in the Library of J. Pierpont Morgan
 BWL — *Lambert W. G.* Babylonian Wisdom Literature
 CAD — The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago
 CRAIB — Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes-rendus
 CT — Cuneiform Texts from Babylonian Tablets
 EA — *Knudtzon J. A.* Die El-Amarna-Tafeln (=VAB. 2)
 GCCI — *Dougherty R. P.* Goucher College Cuneiform Inscriptions
 HSS — Harvard Semitic Series
 JA — Journal asiatique
 JAOS — Journal of the American Oriental Society
 JCS — Journal of Cuneiform Studies
 JEA — Journal of Egyptian Archaeology
 JEOL — Jaarbericht van het Vooraziatisch-Egyptisch Genootschap «Ex Oriente Lux»
 JESHO — Journal of Economic and Social History of the Orient
 JNES — Journal of Near Eastern Studies
 JPOS — Journal of the Palestine Oriental Society
 JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society
 JSS — Journal of Semitic Studies
 KAR — Keilschrifttexte aus Assur religiösen Inhalts
 KAV — Keilschrifttexte aus Assur verschiedenen Inhalts
 KUB — Keilschrifturkunden aus Boghazköi
 LBAT — Late Babylonian Astronomical and Related Texts, copied by T. G. Pinches and J. N. Strassmaier, prepared for publication by A. J. Sachs, with the cooperation of J. Schaumberger
 LKA — *Ebeling E.* Literarische Keilschrifttexte aus Assur
 MAOG — Mitteilungen der Altorientalischen Gesellschaft
 MDOG — Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft
 MRS — Mission de Ras Shamra
 MSL — Materialien zum sumerischen Lexikon
 MVAG — Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft

- OECT — Oxford Editions of Cuneiform Texts
 OIP — Oriental Institute Publications
 OLZ — Orientalistische Literaturzeitung
 Or — Orientalia
 PBS — Publications of the Babylonian Section, University Museum, University of Pennsylvania
 PSBA — Proceedings of the Society of Biblical Archaeology
 RA — Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale
 RHA — Revue hittite et asiatique
 RLA — Reallexikon der Assyriologie
 RS — полевые номера табличек, найденных при раскопках Рас-Шамры
 RSO — Rivista degli studi orientali
 RT — Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes
 Strassmaier Camb. — *Strassmaier J. N.* Inschriften von Cambyses, König von Babylon (529—521 v. Chr.).
 Strassmaier Cyr. — *Strassmaier J. N.* Inschriften von Cyrus, König von Babylon (538—529 v. Chr.).
 Streck Asb. — *Streck M.* Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige bis zum Untergang Nineveh's (= VAB. 7)
 STT — *Gurnéy O. R., Finkelstein J. J.* The Sultantepe Tablets
 TCL — Textes cunéiformes du Louvre
 UET — Ur Excavations. Texts
 UYB — Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Uruk-Warka (Berlin, 1930 f.)
 VAB — Vorderasiatische Bibliothek
 VAS — Vorderasiatische Bibliothek
 VAS — Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Königlichen Museen zu Berlin
 WVD OG — Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft
 WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes
 YOS — Yale Oriental Series, Babylonian Texts
 ZA — Zeitschrift für Assyriologie
 ZÄS — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde
 ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft

Первое русское издание книги А. Лео Оппенхейма «Древняя Месопотамия» сразу же нашло многочисленных читателей и полностью разошлось в течение нескольких дней. Автор работал над этим фундаментальным трудом двадцать лет. В книге даны как полная картина современного состояния ассириологии с учетом разнообразных источников и результатов многолетних исследований, так и синтез взглядов самого Оппенхейма на почти трехтысячелетнюю культуру вавилонян и ассирийцев. В своей работе он не претендует на всеобъемлющее отображение месопотамской цивилизации, а стремится из бесчисленного количества фактов выделить и осмыслить наиболее характерные, избегая при этом филологических экскурсов и деталей. Автор проводит четкое различие между достоверными фактами и предположениями, которые могут быть пересмотрены в результате дальнейших исследований.

А. Лео Оппенхейм родился в 1904 г. в Австрии. Там же в 1936 г. вышла в свет его первая книга, посвященная вавилонскому наемному праву. Но уже в следующем году, когда страна оказалась под властью нацистов, ему удалось с большим трудом эмигрировать в США. Долгое время он не мог найти там признания и в течение десяти лет не имел постоянной работы. Его большой труд «Материальная культура нововавилонского периода», представленный для публикации в Американское философское общество, был отклонен и так и остался в рукописи (с течением времени текст частично устарел в результате быстрого развития науки, и Оппенхейм не успел его переработать). Лишь в 1947 г. его зачислили в штат Восточного института Чикагского университета для работы над энциклопедическим словарем аккадского (т. е. ассиро-вавилонского) языка. При активном участии А. Лео Оппенхейма было опубликовано двенадцать томов из намеченных двадцати одного (к настоящему времени в свет вышло пятнадцать томов; предполагается опубликовать ряд дополнительных томов). Смерть застала Оппенхейма 21 июля 1974 г. во время работы над очередным томом этого словаря.

А. Лео Оппенхейм, один из крупнейших в мире ассириологов, принадлежал к поколению титанов ассириологии, которым были доступны клинописные тексты всех периодов и самых разнообразных жанров. Вряд ли вообще кто-либо из ученых прочитал столько клинописных текстов, как Оппенхейм. С одинаковым интересом он относился к литературным произведениям, историческим хроникам, религиозным текстам, законодательным памятникам, частнопрововым и хозяйственным документам, математическим и астрономическим записям, медицинским и химическим рецептам и т. д. Он всегда помнил, что за каждой строкой клинописной таблички когда-то стоял живой человек, и стремился проникнуть в его мирозерцание.

Со времени своего возникновения ассириология — это преимущественно филологическая дисциплина, занятая публикацией текстов и их интерпретацией, выяснением юридических формул или хронологической последовательности бытий. Оппенхейм — один из все еще немногих западных ученых, которые

тересуются социальной историей и установлением причинных связей исторических событий. Он был первоклассным филологом, но считал себя специалистом по культурной антропологии. Другими словами, он стремился понять историю, науку и культуру древних обществ, исходя из текстов, написанных на мертвых языках. А. Лео Оппенхейм призывал к сотрудничеству ассириологов с представителями различных общественных дисциплин и способствовал превращению ассириологии из узкофилологической в полноценную историческую науку.

По мнению Оппенхейма, современный человек не в состоянии адекватно понять концепцию и духовные масштабы ассиро-вавилонской религии. Хотя с таким взглядом трудно согласиться, он был вполне прав, когда негативно относился к многочисленным работам западных ассириологов, ищущих в древней месопотамской религии первобытную мудрость, увлекательные легенды, космологию, полную скрытого смысла. Он также справедливо отмечал, что политеистические религии значительно отличались своими духовными масштабами от узости и однобокости более поздних мировых религий, в основе которых лежит прямое божественное откровение. Чтобы попытаться проникнуть в духовный мир древнего человека, современному исследователю, естественно, необходимо отказаться от привычных и традиционных представлений и постараться взглянуть на идеологию древних их собственными глазами, не говоря об отказе от рассчитанного на рекламный интерес подхода к давно погибшим цивилизациям. К изучению ассиро-вавилонской религии А. Лео Оппенхейм отнесся с научных позиций, отказавшись от эмоционального подхода к ней модных на Западе теорий. Он впервые высказал предположение, что жители древней Месопотамии находились «в чрезвычайно умеренном религиозном климате» и влияние религии на них оказалось довольно незначительным, поскольку она не требовала от верующих ни физических ограничений, ни выполнения изнурительных культовых обязанностей.

А. Лео Оппенхейм писал, что неожиданные находки могут изменить наши представления и опровергнуть установившиеся мнения. Вскоре после выхода английского издания «Древней Месопотамии» последовала сенсационная находка. В 1975 итальянская археологическая экспедиция под руководством Паоло Матти при раскопках древнего города Эбла, расположенного в Северной Сирии под огромным холмом Мардих площадью пятьдесят шесть гектаров (в семидесяти километрах от современного города Аленпо), обнаружила царский архив из многих тысяч клинописных табличек, часть которых оказалась на ранее неизвестном семитском языке, получившем условное название *эблаит*. Эта находка убедительно показала: несмотря на огромные достижения ассириологии в изучении древних цивилизаций, в наших знаниях имеется еще много белых пятен. До того как был обнаружен этот архив, ученые даже не подозревали о существовании на территории современной Сирии между 2400—2250 гг. до н. э. крупного государства. В течение последних десяти лет на Западе, а отчасти и в нашей стране было опубликовано так много работ по эблаитским текстам, что здесь невозможно дать их краткое резюме.

В 1987 г. американская археологическая экспедиция под руководством Харви Вейсса (снова в Сирии) сделала еще одно сенсационное открытие, обнаружив 1100 клинописных текстов XVIII в. до н. э. Сохранилась также ценная дипломатическая переписка, включая письма царей друг к другу, касающиеся возвращения на родину провалившихся шпионов в обмен на золото. За последние полвека эта находка — одна из самых значительных.

Если не считать двух указанных архивов, книга А. Лео Оппенхейма не нуждается в каких-либо существенных дополнениях. (Подробнее см. первое издание на русском языке: *Оппенгейм А. Лео. Древняя Месопотамия*. М., 1979.) Для второго издания текст перевода заново сверен и в значительной части переработан. В основу переработки положено пересмотренное и дополненное профессором Чикагского университета Эрикой Рейнер английское издание книги, вышедшее в свет в 1977 г. со значительно пополненной библиографией и примечаниями. В данном издании опущены лишь краткие «библиографические заметки», которые частично повторяют материал, данный в примечаниях, и списки царей Аккада, Вавилонии и Ассирии, поскольку в известной книге Э. Бикермана «Хронология древнего мира» (М., 1975) приведены подробные хронологические таблицы, составленные с учетом новейшей литературы по этому вопросу (в настоящее время редакция предусматривет новое, пересмотренное издание указанной книги). Отличающиеся в нескольких случаях датировки А. Лео Оппенхейма были изменены в соответствии с таблицами в книге Э. Бикермана. Кроме того, в русском издании дается несколько упрощенная система транскрипции аккадских имен и терминов.

Первое русское издание «Древней Месопотамии» было благожелательно встречено не только советскими ассириологами и широким кругом читателей, но также профессором Эрикой Рейнер и другими учениками покойного А. Лео Оппенхейма. Пользуясь случаем, хочется выразить горячую признательность всем, кто проявил глубокий интерес к русскому переводу книги.

М. А. Дандамаев.

- Абиешу 118
 Августин 5
 Агум 115
 Адад 80, 105, 155—156, 168
 Адад-Наддин-аххе 302
 Адад-нерари I 133
 Адад-нерари II 118, 298
 Адад-нерари III, 83
 Адапа 200, 209, 211, 291
 Александр Македонский 39, 303, 305, 307
 Альфред Великий 5
 Амар-Суэн 308
 Амель-Мардук 308
 Аменхотеп III 298
 Аменхотеп IV 38, 110, 298
 Амигида 130
 Амми-цадука 48, 178, 227, 295
 Амурру 156
 Анзу 213
 Антиох I Сотер 114, 116, 276
 Ану 153—154, 156, 199, 205, 211, 213
 Апу 210
 Арикденили 118, 133
 Аристотель 100, 112
 Артаксеркс I 99
 Аршак 274, 304
 Аршакиды 12, 115, 298, 301, 304, 306
 Асархаддон 75, 97, 118, 135, 162, 180, 201, 221, 225—226, 298, 306
 Асклепий 244
 Атрахасис 210
 Афродита 160, 163
 Ахемениды 39, 56, 152, 298
 Ахикар 282
 Ашшур 79—80, 130, 134, 146, 155, 221, 277
 Ашшурбанал 13, 15—16, 41, 96, 102, 119, 135, 141, 193—194, 201, 213, 221, 226—227, 244, 282, 291, 292—294, 298—299; библиотека Ашшурбаналы (царская библиотека в Ниневии): 13—14, 176—178, 193—194, 202—203, 210—213, 217, 237, 242, 246, 286, 289, 291, 294
 Ашшур-бел-кала 306
 Ашшур-нацир-апал I 212
 Ашшур-нацир-апал II 117, 134, 160, 298, 301, 307
 Ашшур-нерари V 225—226
 Ашшур-убаллит I 131, 298, 307
 Баба 155
 Барруа А. 304
 Бел 97, 150, 261, 277
 Бенкс Э. Дж. 297
 Беросс 155
 Бикерман Э. 315
 Биро М. 306
 Ботеро Ж. 303
 Бринкман Дж. А. 273
 Буайе Ж. 303
 Бурна-Буриаш II 126, 271, 298
 Берк М. 303
 Валле Пьетро делла 305
 Валлерт И. 295
 Валтасар 69, 150, 304
 Вейс Х. 314
 Вергилий 72, 203
 Вулли Л. 297, 307
 Гермес 160
 Герни О. Р. 292, 309
 Геродот 18, 59, 107, 115, 237—238, 262, 299, 304
 Гесиод 160
 Гильгамеш 203—206, 208—209, 211, 290, 308; «Эрос о Гильгамеше»: 10, 15, 140, 202—205, 209, 211, 290
 Гипподам 109
 Гиппократ 235
 Гомер 15, 203
 Гор 99
 Гораполлон 235
 Гордон Э. 292
 Гудеа 264
 Гула 156, 244
 Гунгунум 302
 Гютербок Х. Б. 275, 286
 Давид 122, 300
 Даган 156
 Дарий I 271, 298
 Догерти Р. П. 305
 Доссен Ж. 301
 Думузи (Таммуз) 155, 308
 Жан III. 303
 Зевс 162
 Зимри-Лим 220, 303
 Зоден В. фон 291
 Зу 15, 209, 213

- Ибби-Суэн 120, 220, 308
 Идрими 5, 81, 122, 297, 300
 Иезекия 129, 306
 Иисус Сирах 238
 Илушум 115
 Имхотеп 244
 Индра 101
 Иннин 156, 162, 214
 Ишби-Эрра 220, 300
 Ишме-Даган 96, 131, 300, 303
 Иштар 41, 153—154, 156, 162—163, 180,
 199, 205, 207, 209, 213—214, 246,
 261, 302; Иштар арамейская: 156;
 Иштар арбельская: 53, 175; Иштар
 ниневийская: 304
 Ишум 212
- Кабти-илани-Мардук 212
 Кадашман-Тургу 309
 Кадашман-Эллиль I 227, 298
 Кадашман-Эллиль II 309
 Камбиз II 298
 Кампанелла 108
 Караиндаш 261
 Каррьер Б. 304
 Киаксар 135
 Киера Э. 298
 Кир Великий 52, 121—122, 130, 305
 Клеопатра 305
 Кольдевей Р. 299
 Крамер С. Н. 291—292, 300, 309
 Ксенофонт 304
 Ку-Баба 120
 Купер Дж. С. 271
 Куппер Ж. Р. 303
 Куригальзу II 300
 Кутир-Наххунте 120
- Лабаши-Мардук 308
 Ламашту 159
 Ландсбергер, Б. 194, 267, 280, 291, 295,
 301, 307
 Леви Ю. 301
 Лейард О. Г. 301
 Лейхман Э. 298
 Липит-Иштар 300
 Лофтус В. 301, 307
 Лугальбанда 213
 Лугальзагеси 40, 123, 308
 Лютер М. 5
- Мама 155, 210
 Маная 161
 Манефон 299
 Мансур 107
 Мардук 79, 99, 106, 124, 132, 154, 156,
 184, 200—201, 209—210, 212, 216,
 242
 Мардук-апла-иддин II 5, 130, 150, 305
 Мардук-закир-шуми I 225
 Мати'илу 225—226
- Маттие II. 314
 Мерикар 276
 Месанепад 116
 Мик Т. Дж. 299
 Митридат I 298
 Муваталлис 303
 Мурашу 68
 Мурсилис I 121, 126
 Мурсилис II 303
- Набонасар 114, 127
 Набонид 69, 75, 81, 86, 117, 119, 121—
 122, 130, 147, 169, 185, 279, 298, 304,
 308—309
 Набопаласар 49, 119, 127, 129—130, 135,
 304, 308
 Набу 150, 153—154, 183, 192, 277
 Навуходносор I 121, 127, 201, 213
 Навуходносор III 49, 59, 75, 80—81,
 106, 117, 121—122, 130, 192, 225,
 261—262, 271, 304, 308
- Наная 277
 Нанна 155
 Нанси 277
 Наплану 302
 Наполеон 5, 7
 Нарам-Суэн 42, 79, 120, 123, 179, 225,
 287, 304—305
 Нергал 155, 209, 213, 277
 Нериглисар 75, 213
 Нехо II 304
 Нимрод 38
 Нингирсу 213
 Ниурта 154, 160, 213, 222
 Нисаба 192
 Ной 208, 210
- Оанн 155, 283
 Одиссей 160
 Оппенхейм А. Л. 275, 284, 313—315
- Папсуккал 153
 Пинчес Т. Г. 291
 Пириустана 276
 Платон 108
 Плиний 294
 Притчард Дж. Б. 300
 Птолеми 51, 304
 Птолемей I Сотер 304
 Птолемей XIV Филопатер 304
 Пфейфер Р. 298
- Райнер Э. 315
 Рамсес II 225, 303, 309
 Рассам Г. 301
 Рим-син 125, 301—302
 Руса 81
- Салманасар I 118, 133
 Салманасар III 80, 133—134, 277
 Салманасар IV 221
 Салманасар V 305
 Самсу-илуна 81, 119, 125, 302

- Самуил 96, 122
Саргон Аккадский (Саргон Великий, Саргон Старший) 42, 77—78, 81, 99, 115, 120, 122—123, 141, 162, 219, 275, 301, 305
Саргон II 75, 96, 118, 134—135, 150, 201, 221, 226, 276, 301—303, 305
306, 308—309
Саргониды 5, 83, 246, 263, 281, 306
Сасаниды 39, 107, 306
Селевк I Никатор 306
Селевкиды 10, 12, 39, 51—52, 70, 114, 163, 171, 224, 304, 306
Семирамида 83, 276
Сенусерт III 110
Сивил М. 281, 292
Сидури 208
Син 86, 121, 155, 246
Синаххериб 70, 75, 111, 118, 129, 135, 147, 180, 201, 221, 276, 298, 304, 306
Син-кашид 275
Син-мубаллит 124, 130
Смит С. 295, 300
Соломон 133
Софокл 228
Страбон 287
Стратоника 276
Сумуабум 115
Суппилулиумас 131, 275, 298
Су'эн 155
- Талквист К. 283
Таммуз (см. также Думузи) 155, 214
Ташмету 150, 155
Тешуп 156
Тиамат 147, 200—201, 209
Тиглатпаласар I 118, 133—134, 194, 212
Тиглатпаласар II 133
Тиглатпаласар III 114, 129, 134, 305, 307
Траян 303, 309
Тукульти-Нинурта I 120—121, 132, 134, 212, 263
Тукульти-Нинурта II 134
Тутанхамон 277
Тушратта 298
- Уайзман Д. 25, 297
Унгер Э. 298—299
Ур-Намму 118, 308
Уршанаби 204
Утнапиштим 208
Уту 155
Утухенгаль 123, 277, 308
- Фелькенштейн А. 308
Фемистокл 112
- Финкельштейн Дж. 309
Флавий Иосиф 304
- Халд 303
Хаммурапи 30, 46, 48, 50, 52, 78, 81, 118—119, 122, 124—127, 129, 131, 163, 220, 228, 233, 245—246, 280, 297, 299, 301—302, 308, 309; Кодекс Хаммурапи: 61, 191, 224, 232, 275, 309
Хануну (Ганон) 76
Хаттусилис III 162, 225, 309
Хумбаба 206
- Царпаниту 150, 155
Циклон 253
- Шагаракти-Шуриаш 277
Шамаш 146, 155, 168, 172—173, 204, 211, 214, 246, 282, 306
Шамаш-шум-укин 135, 227, 299
Шампольон Ф. 7
Шамши-Адад I 48, 124, 131, 275, 303—305, 307—308
Шамши Адад V 83, 222, 225
Шапур I 309
Шаркалишарри 279
Шаушка 156
Шеруа 277
Шёберг О. 287
Шпейзер Э. 298
Шульги 120, 295, 308
Шумалия 156
Шуриаш 156
Шу-Суэн 95, 281, 308
Шутрук-Наххунте 212
- Эа 154, 156, 209—210, 212—213, 243, 309
Эаннатур 162, 225
Эбелинг Э. 271
Элиан 290
Эллиль (Эпиль) 154
Энки 154, 309
Энкиду 205—207, 290
Эплиль (Эллиль) 154, 304
Энмеркар 29, 205, 308—309
Эрешкигаль 155, 209, 213
Эриба-Мардук 129
Эрра 212; «Эпос об Эрре»: 15, 121, 186, 203, 211—212
Эрра-имитти 115, 120
Этана 211; «Сказание об Этане»: 15, 209
Эхнатон 220, 298
- Ясмах-Адду 220
Яхали 80
Яхдун-Лим 303

Предварительные замечания	3
<i>Введение</i>	
Ассириология. Как работают ассириологи	7
<i>Глава I</i>	
Становление Месопотамии	26
<i>Глава II</i>	
«Построим себе город и башню»	60
<i>Глава III</i>	
«Владычество переходит от народа к народу»	114
<i>Глава IV</i>	
«Близок бог, но трудно его познать»	136
<i>Глава V</i>	
«На обожженных кирпичах»	181
<i>Глава VI</i>	
«В мире много сил великих, но сильнее человека нет в природе ничего»	229
Эпилог	266
Примечания	269
Словарь имен, географических назван терминов	297
Список основных сокращений	311
<i>М. А. Дандамаев. Послесловие</i>	313
Указатель имен	316

Научное издание

А. Оппенгейм

**ДРЕВНЯЯ
МЕСОПОТАМИЯ**

Портрет погибшей цивилизации

2-е издание,
исправленное и дополненное

Редактор *Э. О. Секар*
Младший редактор *М. С. Грикурова*
Художник *В. В. Локиил*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректоры *П. С. Шил* и *Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 16274

Сдано в набор 23.11.88. Подписано к печати 15.12.89. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20. Усл. кр.-отт. 20,13. Уч.-изд. л. 24,49. Тираж 30 000 экз. Изд. № 6642. Зак. № 1037 Цена 2 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва, Цветной бульвар, 21

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

